

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В. М. ДЖОРДАН

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ,
ФРАНЦИЯ
И
ГЕРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА
В 1918~1939 гг.

ОТЗ - ГОСПОЛИТИОБДТ - 1945

ДЖОРДАН

В. М. ДЖОРДАН

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ,
ФРАНЦИЯ
И
ГЕРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА
В 1918 – 1939 Г.Г.

АНАЛИЗ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ В ЖИЗНЬ
ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Вступительная статья
доктора исторических наук **Б. Е. ШТЕЙНА**

Перевод с английского
под редакцией профессора И. С. ЗВАВИЧА

Русский перевод книги «Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг.» В. М. Джордана сверен по английскому изданию W. M. Jordan, «Great Britain, France, and the German Problem 1918—1939». London—New York—Toronto, 1943.

Указатель имён дан в конце книги.

Составитель указателя имён *Г. И. Трайнина*

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга В. М. Джордана была выпущена в Англии в 1943 г. Она появилась, как сообщает сам автор, в результате многолетнего труда по изучению постановки проблемы безопасности Франции на Парижской мирной конференции 1919 г. Когда эта тема исследования была автором закончена разработкой (а это было в начале 1940 г.), он получил официальное предложение заняться изучением англо-французских отношений в связи с германской проблемой в период между двумя войнами. Соединив обе указанные темы в одно исследование, Джордан и написал настоящую книгу.

Перевод этой книги на русский язык является, вне всякого сомнения, чрезвычайно своевременным. Советские учёные сейчас приступают к углублённому научному исследованию истории возникновения второй мировой войны, потрясшей весь мир и повлекшей за собой огромное количество человеческих и материальных жертв. Всё, что до сих пор было написано по этому вопросу, не оставляет сомнений в той значительной роли, которую играли англо-французские отношения в период между двумя войнами именно с точки зрения происхождения второй мировой войны. Ни один исследователь истории международных отношений 1918—1939 гг. не может пройти мимо того факта, что англо-французские противоречия по ряду вопросов на разных этапах своего развития сыграли огромную роль в деле помощи германскому империализму, подготовлявшему систематически и планомерно, после поражения в первой мировой войне, реванш, который Германия надеялась получить, развязав вторую мировую войну.

Совокупность англо-французских отношений между двумя войнами отнюдь, конечно, не адекватна одной германской проблеме. Более того, было бы абсолютно неправильно сводить к ней всю сложность англо-французских отношений этого периода. Однако тут же следует заметить, что именно германская проблема в англо-французских отношениях играла огромную и едва ли не решающую роль. Вот почему исследование В. М. Джорданом англо-французских отношений, особенно в той их части,

которая касается германской проблемы, является чрезвычайно важным и нужным.

Можно не соглашаться с той восторженной оценкой книги В. М. Джордана, которую даёт в своём введении к этому труду профессор Ч. К. Вебстер. Однако в одной части этой оценки профессор Вебстер несомненно прав, а именно, что выводы автора «прочно основаны на фактах и подтверждаются внимательным изучением многих документов».

Сам автор строго уточняет границы своей темы. Он пишет, что его труд не рассчитан на то, чтобы «дать полную описательную историю» всей проблемы англо-французских отношений. «Все те стороны англо-французских отношений, — добавляет он, — которые не имеют непосредственной связи с проблемой Германии, исключены из этого труда в интересах сокращения».

После такого заявления вряд ли можно было бы упрекать автора в том, что он не коснулся целого ряда важных проблем в истории англо-французских противоречий. Если тем не менее мы останавливаемся на этом вопросе, то только потому, что сознательное исключение автором других (кроме германской) проблем англо-французских отношений ведёт к неполноте исследования роли самой германской проблемы в этих отношениях и часто приводит к неверным выводам. Мы это постараемся доказать ниже. Здесь ограничимся лишь констатацией, что в работе В. М. Джордана совершенно не затронуты такие проблемы, как ближневосточная, с одной стороны, и «русская» — с другой. Между тем хорошо известно, что в истории англо-французских отношений, в особенности в период 1918—1925 гг., германская, русская и ближневосточная проблемы были теми тремя картами, которые поочерёдно разыгрывались обоими партнёрами. Известно также, что английские уступки Франции в одной из этих проблем систематически компенсировались французскими уступками Англии в остальных проблемах. Отсюда совершенно очевидно на важность параллельного и комплексного изучения всех трёх аспектов англо-французских отношений между двумя войнами.

Необходимо отметить, что этот недостаток исследования Джордана является не единственным. Стоит обратиться к перечню глав его труда, чтобы заметить и другое упущение. Вся работа Джордана делится на главы, посвящённые отдельным аспектам германской проблемы в англо-французских отношениях. Первые три главы посвящены анализу англо-французских отношений в период создания Версальского договора. Остальные четырнадцать глав касаются изменений в политике и общественном мнении (как Англии, так и Франции) в период между 1920 и 1930 г., т. е. в первое десятилетие после вступления в силу Версальского договора. В этих четырнадцати главах рассматри-

ваются такие конкретные проблемы, как репарационный вопрос, разоружение Германии, территориальные вопросы и т. д. Однако все эти вопросы исследуются только за указанный период времени. Правда, упоминания о тех или иных фактах англо-французских отношений, имевших место в промежуток между 1930 и 1939 г., встречаются на отдельных страницах книги Джордана. Но эти указания отрывочны, случайны и не сопровождаются сколько-нибудь углублённым анализом. Можно, таким образом, утверждать, что исследовательская работа Джордана о роли германской проблемы в англо-французских отношениях в основном кончается на 1930 г. Этот вывод не может быть изменён вследствие того, что на самых последних страницах своей работы Джордан делает некоторую попытку периодизации англо-французских отношений между двумя войнами, причём конечным этапом этой периодизации является начало второй мировой войны. Об этой периодизации мы будем говорить ниже, но уже сейчас заметим, что она случайна и вызывает ряд возражений.

То обстоятельство, что Джордан в своём исследовании англо-французских отношений остановился на 1930 г., естественно, лишает всю картину необходимой полноты. Достаточно сказать, что такая важная, с точки зрения истории происхождения второй мировой войны, проблема, как вопрос о проведении так называемой «политики невмешательства», — причём именно применительно к германской проблеме — оказалась вне поля исследования нашего автора.

Что же даёт Джордан в своём труде в тех рамках, которые были установлены выше?

К числу несомненных достоинств работы Джордана относится насыщенность его исследования документальными данными и ссылками на первоисточники, предоставленные в его распоряжение. Это придаёт всей работе исключительно ценный характер и делает её особо значительной как для практического политика, так и для учёного, изучающего соответствующую эпоху. Главная заслуга Джордана, однако, заключается не в этом. Дело не только в том, что Джордан цитирует ряд документальных данных, сколько в том, что, подвергая их анализу, он приходит в основном к правильным выводам. Это утверждение легко проверить на тех заключениях, к которым приходит Джордан по отдельным проблемам англо-французских отношений.

Начнём с исследования Джорданом англо-французских расхождений в вопросе о репарациях. Правда, в начале своей работы Джордан делает попытку объяснить англо-французские противоречия (и не только в вопросе о репарациях) при помощи политико-психологических аргументов. Так, он пишет, что «главное расхождение (между английской и французской

политикой) заключалось в том, что один политический курс основывался на соглашении (Англия), а другой полагал в основу европейского мира принуждение (Франция)» (стр. 6).

В другом месте он приводит эту же формулировку в несколько ином виде, подчёркивая, что «в ходе войны выявились две точки зрения. Одна из них имела в виду примирение с Германией, очищенной от немецкого самодержавия, в рамках общемировой лиги. Другая точка зрения пыталась найти гарантии мира в том, чтобы была обеспечена невозможность возрождения германской мощи» (стр. 14).

Опытный и много знающий исследователь, каким является, несомненно, Джордан, не может не видеть того, что, наклеивая английской и французской внешней политике этикетки «соглашение» и «принуждение», он, собственно говоря, ничего не объясняет, ибо остаётся непонятым и требующим расшифровки основной вопрос, а именно, почему английская внешняя политика ставила курс на «соглашение», а французская внешняя политика — на «принуждение». Все дальнейшие попытки Джордана объяснить это расхождение при помощи ссылок на «духовный антагонизм» между английской и французской политикой ничего не прибавляют к уже сказанному. Впрочем, Джордан и не углубляет этих попыток психологического анализа и очень быстро переходит к единственно правильному методу, который даёт ему в руки подлинный ключ для изучения и объяснения англо-французских противоречий в области не только репарационного вопроса, но и всей германской проблемы в целом.

Джордан даёт правильное объяснение основного противоречия, которое возникло между Англией и Францией в вопросе о репарациях уже во время Парижской конференции и продолжалось вплоть до 1924 г., т. е. до принятия плана Дауэса.

Он очень тщательно и обильно приводит высказывания и свидетельства отдельных лиц относительно позиции Англии на второй день после окончания первой мировой войны в вопросе об экономическом восстановлении Европы. Именно здесь мы находим ключ, вскрывающий позицию Англии в репарационном вопросе.

Джордан приводит заявление бывшего министра финансов Англии Мак-Кенна, который подчёркивал, что «экономическое восстановление Европы должно быть сейчас нашей первой заботой. Если мы будем пренебрегать им, вся наша внешняя торговля сократится и придёт в упадок» (стр. 53—54).

В книге цитируются заявления английских делегатов на конференции лейбористской и французской социалистической партий в мае 1922 г. о том, что «финансисты и безработные в Англии сходятся в одном и единственном вопросе: и те и другие хотят быстрого и полного восстановления английской торговли.

Мирная внешняя политика английского правительства преследует ту же цель, ибо экономическое восстановление Европы является вопросом жизни или смерти для английского народа» (стр. 65).

Наконец, подытоживая и формулируя свои собственные суждения об английской политике в вопросе об экономическом восстановлении Европы и, в частности, в репарационном вопросе, Джордан пишет: «Англия стремилась покончить с застоём в европейской торговле, *способствуя финансовому и экономическому восстановлению Германии. Это стремление определило позицию Англии в вопросе о репарациях* (курсив наш. — Б. Ш.). Англия считала также неприемлемыми всякие действия, грозившие нарушением германской промышленной системы. Таким образом, сохранение за Германией промышленного треугольника Верхней Силезии являлось более предпочтительным, чем частичная или полная передача этого района Польше» (стр. 61).

Эта формулировка английской позиции в период 1920—1924 гг. в вопросе о восстановлении Германии как рынка сбыта английских товаров и как экономического партнёра Великобритании является, несомненно, правильной. По этому вопросу Джордан, правда, не всё говорит (и об этом мы скажем ниже), но то, что он говорит, соответствует действительности.

Джордан не только касается позиции Англии. С известной объективностью он подходит и к позиции Франции в репарационном вопросе. Правда, в этом случае он начинает с общих утверждений, не объясняющих сущности проблемы. Так, вновь повторяя и подчёркивая, что «главным бременем войны для Великобритании была потеря заграничных рынков, что привело к безработице», и что «возрождение торговли стало основным принципом британской политики в Европе», Джордан формулирует обвинительный акт против Франции, утверждая, что путь к возрождению народного хозяйства Европы был «преграждён столкновением британских и французских планов, ибо экономическое возрождение зависело от прекращения военной лихорадки, которая угрожала стать вечной из-за *склонности* (курсив наш. — Б. Ш.) Франции к применению санкций» (стр. 143).

Второй пункт обвинительного акта, который формулирует Джордан, заключается в утверждении, что «Пуанкаре, несмотря на его заверения в обратном, стремился замедлить, а не ускорить экономическое восстановление Германии, будучи убеждён, что оно опасно для его собственной страны» (стр. 165).

Сказать только это, значило бы ничего не объяснить. Джордан, однако, на этом не останавливается. Он приводит французский тезис, цитируя письмо Пуанкаре к Сент-Олеру. Этим он предоставляет слово самим французам и притом политическому деятелю

телю Франции, который более резко, чем кто бы то ни было другой, мог изложить позицию Франции в репарационном вопросе.

В этом письме Пуанкаре писал: «На заявление англичан, что Германии следует дать возможность снова стать на ноги, средний француз возражает так: нет никаких оснований к этому, ибо Германия наверняка использует свои укрепившиеся силы только для того, чтобы вновь стать военной и экономической угрозой для всех остальных стран мира... Англия не думает о будущем; она не считается с поистине ужасной опасностью, которая грозит не только Франции и Бельгии, но также Англии и всей Европе. Это — экономическая гегемония, которая обнаружится внезапно и которая даст Германии всё то, что она рассчитывала получить от войны в случае, если бы она её выиграла. Не рискуя нашей независимостью, мы не можем разделять взгляды английского правительства» (стр. 165).

Приведённая цитата из письма Пуанкаре является точной и острой характеристикой французской позиции в репарационном (и не только в репарационном) вопросе. То обстоятельство, что Джордан привёл именно эту цитату, делает честь его объективности. Но на этом цитировании объективность Джордана кончается. Он воздерживается от изложения своей собственной точки зрения и не говорит, какой же тезис в репарационном вопросе оказался более правильным под углом зрения дальнейшего развития германской агрессии.

Больше того, изложение Джорданом истории рурской оккупации и позиции Англии в этом сложном вопросе иногда просто уклоняется, мягко говоря, от истины.

Вот как рисует Джордан итоги рурской оккупации и обстановку, которая привела к принятию плана Дауэса.

Он пишет: «Борьба истощила Францию лишь немногим менее, чем Германию. Это обстоятельство и обеспечило Европе то, что теперь может быть названо периодом перемирия. В 1924 г. неудача связала Францию и Германию общими интересами в результате попытки найти выход из затруднений, к которым привёл их взаимный антагонизм. Валютный крах, угроза политического разложения и французское давление на германскую экономику вынудили Германию согласиться на уплату репараций, от которой она ранее отказалась бы. Франция, находившаяся, по всей видимости, в зените своей силы, *обнаружила* (курсив наш. — Б. Ш.) свою собственную финансовую слабость. Оккупация Рура хотя и предоставила ей некоторые кратковременные выгоды, должна была в скором времени оказаться, если только её не подвергнуть изменениям, длительным и новым источником затруднений для французского казначейства. Состояние французских финансов, подорванных ещё до окку-

пации, *внушало теперь опасения* (курсив наш. — Б. Ш.). Стране угрожали серьёзные трудности, если только она не сумеет обратиться к помощи иностранных займов. Франция не могла больше пренебрегать мнением финансового мира. Это обстоятельство сделало возможным разработку плана Дауэса при сотрудничестве американцев. Принятие этого плана имело своим результатом устранение проблемы репараций с политической арены 1924—1929 гг.» (стр. 68—69).

К приведённой цитате следует прибавить ещё одну: «Британское правительство (после вступления французов в Рур в январе 1923 г.), покончив с охватившим его вначале настроением *беспомощности* (курсив наш. — Б. Ш.), в котором оно само признавалось, стремилось вмешаться во франко-германскую борьбу в качестве посредника» (стр. 140).

Такова рисуемая Джорданом картина захвата Рура в 1923 г., а равно позиция Франции и Англии в этот период. Картина, как мы сказали выше, нарисована неверно. Она создаёт извращённое представление. Читатель видит мирные усилия внешней политики Великобритании, которая стремится во что бы то ни стало смягчить бремя германских репараций, добиться восстановления народного хозяйства Германии и этим самым разрешить чрезвычайно острую для Англии в тот период проблему её собственного народного хозяйства. У читателя создаётся впечатление, что все эти усилия наталкивались на систематическое сопротивление Франции, которая, по словам Джордана, боялась возрождения германской экономической мощи, а параллельно с ней и военной мощи и которая вследствие этого срывала все миротворческие усилия английской внешней политики. Ввиду того что позиция Франции в изложении Джордана не подвергается какой-либо детализации и объяснению, общая обстановка изображена им неправильно.

Дело было, конечно, не в «военной лихорадке», которой страдала Франция, и не в том, что внешняя политика Великобритании была «миротворческой» по отношению к Германии, тогда как внешняя политика Франции была «агрессивной». Дело было также не в том, что Англия желала мира, а Франция желала войны.

Дело было в различных внешнеполитических концепциях, которые в свою очередь опирались на различные интересы английского и французского капитала.

Следует иметь в виду, что именно рурский конфликт способствовал проявлению тех скрытых противоречий, которые создались между французским и английским капиталом в результате первой мировой войны. Одна из основных причин этой войны — борьба германского и английского капитала —

уступила по заключении мира место борьбе между английским и французским капиталом.

К моменту окончания первой мировой войны политика Англии в отношении Германии вполне совпадала с политикой Франции. Англия полностью поддерживала французскую точку зрения, ибо эта точка зрения помогала ей уничтожить Германию как экономического конкурента. В то время как Франция получила в результате победы лотарингскую руду, Англия сокрушила могущество Германии как колониальной и морской державы. Она забрала большую часть германского военного и торгового флота, получила большинство германских колоний, вытеснила Германию из Турции, а германские товары из своих колоний.

Добившись этого результата, английские правящие круги увидели, что хозяйственный разгром Германии имеет для них кроме лицевой ещё и оборотную сторону. Эта оборотная сторона заключалась в уничтожении покупательной силы Германии в отношении английских товаров. Именно эта проблема встала главным образом перед английским финансовым капиталом, заинтересованным в английской промышленности и внешней торговле. Послевоенный кризис привёл к тому, что огромная часть английского денежного капитала не находила себе применения. Производительность английской промышленности сильно пала, равно как и оборот английской внешней торговли, причём в этом падении значительную роль сыграло исчезновение Германии как покупателя английских товаров. На английском финансовом рынке появился избыток свободных денежных капиталов, искавших себе применения. Банковский процент упал, и это наносило огромные потери английскому финансовому капиталу. Именно вследствие этих обстоятельств в финансовых кругах Англии и родилась мысль о полном уничтожении германских репараций, ибо в таком разрешении вопроса эти круги видели прежде всего возрождение покупательной способности Германии, а следовательно, возрождение английской внешней торговли и народного хозяйства.

Английскому финансовому капиталу репарационные платежи Германии были абсолютно ненужны (ни в денежной, ни в товарной форме). Вот почему он с такой лёгкостью настаивал на длительном моратории для Германии и даже считал возможным предоставление Германии большого международного займа, в котором он готов был играть руководящую роль (эта идея, как известно, в 1924 г. была осуществлена в виде плана Дауэса и займов, с ним связанных). Эти планы моратория и займа английские финансисты связывали неизменно с оздоровлением германских финансов и контролем над германским бюджетом.

Получая в свои руки контроль над германским бюджетом

и германскими финансами, английский финансовый капитал преследовал одновременно две цели: сам по себе этот контроль, отдавая в его руки эмиссионный институт страны, сулил значительные выгоды. Но гораздо более важной была другая цель: стабилизируя марку на желательном ему уровне, английский финансовый капитал возвращал ей покупательную способность в отношении английских товаров и таким образом возрождал английскую внешнюю торговлю.

Таковы были *скрытые пружины* той политики, которую проводила Англия в репарационном вопросе начиная с 1920 по 1924 г., и *корни* той политики, которую Джордан характеризует как политику «примирения с Германией».

Было бы, однако, неверно и научно неправильно рассматривать репарационную проблему и позицию Англии в этой проблеме с точки зрения только экономических интересов финансового капитала, о которых мы говорили выше.

Дело было, конечно, не только в том, чтобы поднять покупательную способность Германии, заставить её поглощать английские товары и этим самым возродить английскую внешнюю торговлю. Речь шла не только о Германии как о покупательнице английских товаров, но и о *Германии как о противовесе планам французской гегемонии в Европе*. Вот почему нельзя, как это делает Джордан, отделять проблему репараций от проблемы безопасности. Правда, Джордан понимает взаимозависимость этих обеих проблем. Он даже намекает (хотя и весьма слабо) на эту взаимозависимость, отмечая, что «англо-французские отношения, связанные с репарациями и военными долгами, были до некоторой степени аналогичны отношениям обеих стран в вопросах безопасности» (стр. 151).

Однако дальше этого намёка Джордан не идёт. Более того, в изложении истории англо-французских разногласий в области проблемы безопасности (и в частности так называемого разоружения) Джордан наряду с весьма интересными и правильными высказываниями и цитированием новых, неопубликованных документов рисует картину, которая весьма далека от действительности.

Подводя итоги главе об англо-французских расхождениях в вопросе разоружения, Джордан пишет: «Пристальное изучение переговоров о разоружении показывает, что контраст, который многие обнаруживали между британским и французским тезисами о разоружении, был неверно понят. Считали, что британцы настаивали, будто разоружение само по себе приведёт к безопасности, а французы — что безопасность должна предшествовать разоружению. Это расхождение во взглядах между двумя странами прикрывало по существу различие более серьёз-

ного характера. Подлинное расхождение между Францией и Великобританией касалось скорее вопроса о том, будет ли мир в Европе попрежнему покоиться на господстве силы... *Это превосходство (Франции), освящённое Версальским договором, Великобритания стремилась заменить сообществом относительно разоружённых государств, и мир в этом сообществе мог быть обеспечен взаимным доверием каждого в отношении намерений всех остальных* (курсив наш. — Б. Ш.)» (стр. 213).

Очень правильно Джордан избежал вульгаризации, в которую попадали многие исследователи проблемы англо-французских отношений в вопросе о безопасности и разоружении. Дело было, конечно, не в том, что чему должно предшествовать: разоружение безопасности или безопасность разоружению. Самые тезисы эти говорили о противоречиях, по отношению к которым они играли роль условных значков. Джордан пытается вскрыть самое существо противоречий между двумя странами в этой области. Вряд ли, однако, нужно говорить о том, что формула этих противоречий, приведённая в только что цитированном отрывке, является более чем неудовлетворительной. Идеал британской политики, который Джордан рисует в виде сообщества государств, питающих «взаимное доверие друг к другу», — был, конечно, весьма мало похожим на действительность и на подлинные устремления английской внешней политики.

Джордан с разных сторон подходит к описанию мотивов, коими руководствовалась внешняя политика Англии в этот период. Он выражается весьма цветисто, прибегает к свидетельству ряда политических деятелей и всё же нигде не называет вещи своими именами. Так, в одном месте Джордан цитирует заявление Остина Чемберлена: «Мы вели все наши величайшие войны, для того чтобы помешать какой-нибудь крупной военной державе господствовать в Европе и в то же самое время господствовать на побережье Ла-Манша и в портах Нидерландов» (стр. 238).

Если это относилось к Германии до её поражения в первой мировой войне, то с 1918 г. эта тенденция английской политики имела в виду и Францию. Однако автор, приводя это высказывание, и не пытается вскрыть его содержание.

В другом месте Джордан от себя замечает, что Великобритания имела особые и общие интересы содействовать удовлетворению требований Франции об обеспечении безопасности. «Её особые интересы совпадали с интересами Франции: помешать Германии когда-либо захватить контроль над портами Ла-Манша и над портами Северного моря. Общие её интересы заключались в том, чтобы способствовать развитию духа примирения, *оказывая сдерживающее влияние на Францию* (курсив наш. — Б. Ш.)» (стр. 248).

В цитированном замечании уже имеется более откровенный намёк на подлинную задачу английской политики после первой мировой войны — ограничить влияние Франции, — но это только намёк, не подвергающийся в дальнейшем уточнению и раскрытию.

Франция после первой мировой войны стремится обеспечить свою безопасность. Окончание войны застаёт её без всяких гарантий против возможного возрождения германской агрессии, что являлось постоянным кошмаром французской внешней политики. Договоры 28 июня 1919 г. (подписанные одновременно с Версальским договором) между Францией, с одной стороны, США и Великобританией — с другой, в силу не вступили. Таким образом, к 1920 г. Франция кроме Версальского договора не имела никаких гарантий своей безопасности. Что касается самого Версальского договора, то он также не представлял этих гарантий на случай, если бы Германия нарушила даже его территориальные статьи. Франция решительно боролась против экономического возрождения Германии, причём репарации были в её руках оружием этой борьбы. Однако именно в этом пункте она встречала упорное сопротивление Великобритании, репарационная политика которой исходила из необходимости поднятия германской экономики с целью возрождения покупательной способности Германии, что привело бы к оживлению английской внешней торговли.

В области политической, по словам Джордана, концепция безопасности, проводившаяся Францией, встречала сочувствие в английских политических кругах. Джордан даже пытается сослаться на общность английских и французских интересов. Он утверждает, со слов лорда Керзона, что восточная граница Франции была «в известном смысле внешней границей самой Великобритании» и что после первой мировой войны это стало «почти аксиомой английской политики» (стр. 237).

Если под аксиомами внешней политики Англии следует иметь в виду публичные заявления английских государственных деятелей, то утверждение Джордана можно считать правильным. Более того, в этом же контексте мы можем напомнить заявление Болдуина, сделанное им в 1936 г. и гласившее: «Восточная граница Великобритании находится на Рейне». Однако всякий понимает, что от деклараций до их применения на практике дистанция огромного размера. *Никогда на практике после первой мировой войны и до самого почти кануна второй мировой войны английская внешняя политика не рассматривала восточную границу Франции как границу самой Великобритании.*

Казалось бы, что «общность интересов в вопросах безопасности» должна была привести к каким-то реальным мероприятиям, к какому-то соглашению между Англией и Францией. Между тем на деле, как известно, такого соглашения никогда не было.

достигнуто. В 1922 г. во время конференции в Каннах Ллойд Джордж предложил Бриану начать переговоры о заключении договора о безопасности, или гарантийного договора. Эти переговоры ни к чему не привели. В 1924 г. в результате переговоров между Макдональдом и Эррио был подписан так называемый Женевский протокол, который исходил не из концепции безопасности Франции, а из общей проблемы безопасности. Однако кабинет Болдуина — Остина Чемберлена, сменивший кабинет Макдональда, отказался ратифицировать Женевский протокол, в результате чего он не вступил в действие.

Локарнский договор 1925 г., как выражается, между прочим, сам Джордан, был заключён против «неизвестного агрессора». Другими словами, Локарнский договор предусматривал не только гарантию (кстати, весьма относительную) безопасности Франции против Германии, но и безопасности Германии против Франции. Локарнский договор был, бесспорно, триумфом английской политики, поскольку он создавал для Англии позицию арбитра между Францией и Германией. Но одновременно, возвышая Германию, ставя её на одну доску с Францией, Локарнский договор, несомненно, ухудшал перспективы французской безопасности. И не случайно, конечно, такой германский политик, как Штревеман, в этой особенности Локарнского договора видел его положительную сторону для Германии.

Какова же была английская внешняя политика в вопросе о проблеме безопасности Франции?

Казалось бы, что единственным нормальным путём обеспечения безопасности Франции (а также и Великобритании, поскольку последняя, по словам Джордана, считала восточную границу Франции своею собственной границей) было бы заключение англо-французской военной конвенции (или договора о взаимопомощи), в силу которой Великобритания обязалась бы в случае германской агрессии против Франции прийти на помощь последней своими вооружёнными силами.

Посмотрим, что по этому поводу пишет Джордан, а он пишет весьма пространно, доказывая что военная конвенция между Англией и Францией была совершенно невозможна. Почему?

Оказывается, что «большинству англичан военная конвенция с Францией, которая в конечном счёте являлась *необходимым условием* (и это пишет Джордан) эффективного участия Англии в обороне французской территории, казалась просто немислимой» (стр. 249). Почему же военная конвенция между Англией и Францией казалась англичанам столь «немислимой»?

В качестве одного из доказательств Джордан цитирует меморандум лорда Керзона французскому правительству от 1 февраля 1922 г. В этом меморандуме лорд Керзон, касаясь вопроса

о военной конвенции, писал: «Это может вызвать впечатление и почти наверняка приведёт к требованию, что каждая страна должна содержать определённое количество вооружённых сил, которые могут быть использованы для особых целей. Это будет более конкретным обязательством, чем то, которое, с английской точки зрения, было бы разумно и безопасно взять на себя; определение такого военного обязательства будет тогда принадлежать не кабинетам или парламентам, а генеральным штабам» (стр. 249).

Возражения лорда Керзона против военной конвенции только отчасти приоткрывают завесу над этим основным принципом британской внешней политики. Завеса приоткрывается гораздо больше, когда на следующей странице Джордан цитирует Гладстона, утверждавшего, что *«Англия должна полностью сохранить за собой возможность определять свои обязательства перед различными государствами в зависимости от обстоятельств и по мере того, как они возникнут»* (курсив наш. — Б. Ш.)» (стр. 250).

Вот истинная формула внешней политики Великобритании того времени. Свобода действий, отсутствие заранее зафиксированных обязательств, возможность свободного принятия решений «в зависимости от обстоятельств и по мере того, как они возникнут», — именно *этими аксиомами* руководствовалась внешняя политика Великобритании, упорно отказываясь от заключения военной конвенции с Францией. Именно поэтому локарнская формула была «истинно английской», поскольку она давала Англии свободу определять свою позицию лишь в момент самого конфликта. Всего этого Джордан не говорит. И мы вынуждены дополнять его выводы.

Английская внешняя политика в вопросе о безопасности отнюдь не исчерпывалась отрицательным отношением к идее англо-французской военной конвенции. Она шла гораздо дальше. Стремление Германии освободиться от военных статей Версальского договора, систематические нарушения ею обязательств, принятых по Версальскому договору, не только не вызывали со стороны руководителей английской внешней политики какого-либо противодействия, но, наоборот, всячески поощрялись. Характерным в этом контексте является замечание, которым обмолвился Джордан и которое относится уже к более позднему периоду, а именно к 1932 г. Германская делегация на конференции по разоружению, как известно, потребовала отмены всех военных ограничений Версальского договора и установления полного равенства военных режимов победителей и побеждённых. По этому поводу Джордан замечает, что «требование немцев было поддержано английской печатью *всех направлений*, начиная

с газеты «Таймс», потребовавшей «своевременного исправления несправедливости», и кончая журналом «Нью Стейтсмен», провозгласившим необходимость «безоговорочного признания принципа равенства статуса» (стр. 189).

Это всё, что говорит Джордан относительно позиции Великобритании в столь важном вопросе, как освобождение Германии от военных ограничений Версальского договора.

Отказ от заключения англо-французской военной конвенции, снисходительное отношение к нарушению Германией военных обязательств Версальского мира, Локарнский договор, который поставил Германию на равную ногу с Францией в вопросах гарантии безопасности, позиция Великобритании по отношению к требованиям Германии на конференции по разоружению — всё это звенья одной политической цепи, которую представляла собой политика Великобритании после первой мировой войны. Эта политика преследовала задачу ограничить стремление Франции к гегемонии, причём этим попыткам Франции английская внешняя политика противопоставляла Германию. Именно в этом заключалась основная тенденция внешней политики Англии.

Вот почему теперь делается понятным, что невозможно исследовать репарационную проблему (как это делает Джордан) отдельно от изучения других проблем. Только понимая общую целеустремлённость английской внешней политики, можно ясно представить себе позицию Англии в репарационном вопросе.

Именно в этом контексте становится понятной та острая борьба, которая имела место между Англией и Францией накануне рурской оккупации и во время оккупации, когда речь шла о том, какая из двух концепций, французская или английская, одержит верх. Эту борьбу Джордан в своей книге тщательно причёсывает и всячески смягчает.

Выше мы показали действительную позицию Англии в репарационном вопросе. Позиция Франции исходила из прямо противоположных мотивов.

Как смотрели в 1922 г. на проблему репараций руководители народного хозяйства и внешней политики Франции?

Чрезвычайно характерным является заявление бывшего французского министра восстановления и одного из крупных промышленников, Лушера, который за несколько дней до захвата Рурского бассейна сказал: «Если придётся *выбирать между отказом от репараций и хозяйственным разгромом Германии, мы выберем второе* (курсив наш. — Б. Ш.)». Перед Францией и её политиками кошмарным видением вставала Германия, выплатившая репарации, избавившаяся вследствие обесценения марки от внутреннего долга, обладающая неразрушенной промышленностью и 60 миллионами трудоспособного населения.

Какими методами можно было бороться против этой перспективы? Весьма любопытным является секретный доклад председателя финансовой комиссии французского парламента и одного из деятелей руководящего органа французской металлургической промышленности (Комите де Форж), Дариака, который был послан Пуанкаре в Рейнскую и Рурскую области в 1922 г. для изучения положения на месте. В своём отчётном докладе Дариак писал: «Тяжёлая индустрия Рурской области, находящаяся целиком в руках нескольких человек, сыграет решающую роль в тех событиях, которые должны в будущем разыгаться в Германии. В этом плане хозяйственная роль Стиннеса, Тиссена, Круппа, Ганнеля, Клекнера, Функе, Маннесмана и ещё трёх или четырёх лиц подобна роли Карнеджи, Рокфеллера, Гарримана, Вандербильда и Гольда в Америке; кроме того, они развивают политическую деятельность, незнакомую даже американским миллиардерам... И если, в самом деле, бумажная марка обесценивается изо дня в день, то средства производства, принадлежащие Стиннесу, Тиссену, Круппу и их соратникам, остаются и сохраняют свою золотую ценность. *Это и есть то, что имеет действительное значение и ценность для нашей страны* (курсив наш. — Б. Ш.)».

Дариак намечает линию французской репарационной политики в следующих выражениях: «Мы не можем требовать от Германии платежа колоссальнейших сумм в продолжение 35 лет и в то же время опасаться, что её промышленность разовьётся до такой степени, которая позволила бы ей нести платежи по принятым на себя обязательствам. До тех пор пока Гарантийная комиссия (имеется в виду Репарационная комиссия. — Б. Ш.) ограничивается контролем германских финансов, ей придётся периодически, не имея возможности что-либо в этом изменить, констатировать лишь ряд валютных катастроф. Но в тот день, когда комиссия перейдёт к контролю над германским промышленным производством (курсив наш. — Б. Ш.), перед нами откроется возможность пользоваться всеми выгодами его процветания. С момента, когда мы обеспечим себе контроль над частью немецкого капитала, мы будем заинтересованы сами в том, чтобы он стал наиболее доходным, так как платежи поставками натурой являются основой всякой системы платежей».

Франция разными путями добивалась осуществления этой линии репарационной политики. Одна из групп французской промышленности пыталась добиться этого непосредственного контроля над германской промышленностью с помощью создания «франко-германской общности интересов». Договор между Лущером и Ратенау в 1921 г. (так называемое Висбаденское соглашение), договор между Люберсаком и магнатом германской

промышленности Стиннесом в 1922 г. представляли собой попытки полюбовного соглашения между французской и германской промышленностью. Накануне захвата Рура имели место весьма крупные переговоры между представителями французского и германского промышленного капитала. Французы предлагали создать грандиозный угле-металлургический комбинат, в котором Франции принадлежало бы 60% акций, а немцам 40%. Именно на этом дележе прибылей переговоры сорвались. Тогда в кругах французского промышленного капитала победила другая группа, во главе которой стоял известный Пино, требовавшая «прямых действий».

Совершенно очевидно, насколько серьёзно и глубоко раскодилась английская и французская политика накануне захвата Рура. Англичане были не на шутку встревожены грандиозными планами французского капитала. Представление об этом расхождении может дать последняя (перед захватом Рура) репарационная конференция в Париже в начале января 1923 г. Именно на этой конференции Ллойд Джордж предложил совершенно новый план решения репарационного вопроса. Этот план заключал в себе сокращение репарационных обязательств Германии по сравнению с так называемым лондонским планом 5 мая 1921 г. приблизительно наполовину, полное прекращение наличных платежей в течение четырёх лет и установление чрезвычайно незначительных платежей в течение следующих четырёх лет.

План Ллойд Джорджа представлял величайшую опасность для всей французской внешней политики по отношению к Германии. Именно на это Пуанкаре ответил прямым захватом Рурского бассейна.

Нарисованная нами картина весьма резко отличается от спокойного и сглаженного изложения Джордана.

Джордан не только сглаживает англо-французские противоречия (и притом не случайного, а весьма принципиального свойства), но и умалчивает о поведении Англии во время рурской оккупации. Лишь в одном месте, уже цитированном нами, он замечает, что состояние французских финансов, подорванных ещё до оккупации, внушало теперь серьёзные опасения. Но он ни словом не упоминает при этом, какую же роль сыграли в этом ухудшении французских финансов английские банки. Между тем английские (и американские) банки своими биржевыми операциями (выбрасыванием франков на рынок) не только способствовали наступившему во время рурской оккупации краху франка, но и в значительной мере вызвали эту финансовую катастрофу. Именно в результате этих биржевых махинаций французское правительство оказалось не в силах собственными средствами предотвратить катастрофу и принуждено было обратиться за

срочной валютной помощью к финансовым учреждениям Сити и Уоллстрита. Помощь была оказана, но под условием согласия Пуанкаре на создание специальной комиссии по пересмотру всей репарационной проблемы. Эта комиссия (или вернее две комиссии — Дауэса и Мак-Кенна) была образована, и результатом её работ явился план Дауэса.

В самом начале нашей статьи мы говорили о том, что из поля зрения Джордана совершенно выпали англо-французские разногласия, не связанные непосредственно с германской проблемой. Джордан пишет, что он сознательно исключил эти проблемы из своего труда «в интересах сокращения». Но мы уже указывали, что эти разногласия (по ближневосточным делам и по вопросу о Советской России) непосредственно отражались на состоянии разногласий по германскому вопросу. Вот почему изъятие их из исследования отнюдь не вносит ясности в изучаемую автором проблему.

Столкновения между Великобританией и Францией во время обсуждения Севрского договора 1920 г. сводились к огромным противоречиям по вопросу о нефти на Ближнем Востоке. Только конвенция в Сан-Ремо от 24 апреля 1920 г., поделившая ближневосточную нефть между Англией и Францией (в пропорции 75% Англии и 25% Франции), сделала вообще возможным подписание Севрского договора. Следует отметить, что эта французская уступка Англии по нефтяному вопросу *была компенсирована в германском вопросе* и поддержка Англией французских требований по отношению к Германии на конференции в Спа в июле 1920 г. была *английской ценой* за получение 75% малоазиатской нефти. Это один из примеров, которые подкрепляют наше утверждение о том, что разногласия между Англией и Францией в других, не германских проблемах были теснейшим образом связаны с состоянием вопроса о Германии во взаимоотношениях между Англией и Францией.

Расхождения по нефтяному вопросу были далеко не единственными. Немедленно после подписания Севрского договора начинаются крупнейшие англо-французские разногласия по вопросу о Турции. В то время как Англия становится хранителем Севрского договора, французская внешняя политика на протяжении одного только 1921 г. дважды взрывает этот Севрский договор при помощи двух соглашений с кемалистской Турцией.

Параллельно с этими разногласиями развиваются крупные противоречия по вопросу о разделе турецкого наследства. Во время первой мировой войны между Англией и Францией было достигнуто соглашение Сайкс—Пико (1916 г.) о разделе Малой Азии. Однако сейчас же после окончания войны это соглашение

взрывается со стороны Англии. Несмотря на то что по соглашению Сайкс—Пико Сирия должна была сделаться французским мандатом, восстание, возглавлявшееся английским ставленником эмиром Фейсалом, провозгласившим себя королём Сирии, поставило под угрозу осуществление этого соглашения. Когда Фейсал изгоняется французами из Сирии, Англия провозглашает его королём созданного ею королевства Ирак.

Мы привели только небольшое количество примеров разногласий между Францией и Англией по ближневосточному вопросу, разногласий, которые систематически влияли на германскую проблему. В действительности их было гораздо больше.

Точно так же Джорданом обходится молчанием и проблема расхождений между английской и французской внешней политикой по вопросу о Советской России.

Ограниченные размеры нашей статьи не позволяют подробно остановиться на этих разногласиях. Между тем следует иметь в виду, что именно разногласия по «русскому вопросу» в гораздо большей степени, чем даже разногласия на Ближнем Востоке, влияли на развитие германской проблемы во взаимоотношениях между Францией и Англией.

Достаточно бросить беглый взгляд хотя бы на перечень этих разногласий, чтобы убедиться в правильности сказанного.

Уже накануне Парижской мирной конференции между Ллойд Джорджем и Клемансо происходит дуэль по «русскому вопросу». Ллойд Джордж предлагает пригласить представителей советского правительства на Парижскую мирную конференцию. Клемансо категорически отвергает этот план. Ллойд Джордж, изменяя своё первоначальное предложение, разрабатывает (совместно с президентом Вильсоном) план созыва конференции на Принцевых островах. Под давлением Ллойд Джорджа и Вильсона Клемансо соглашается на эту конференцию, а затем при помощи Керзона срывает её.

16 января 1920 г. на заседании Верховного совета союзников Ллойд Джордж, преодолевая сопротивление французов, проводит резолюцию о снятии блокады с Советской России и возобновлении торговли «с русским народом, минуя советское правительство». В том же 1920 г. Ллойд Джордж начинает переговоры с советским правительством о заключении полуполитического, полуторгового соглашения, которое подписывается 16 марта 1921 г. Франция решительно возражает против подобного рода соглашений (до получения согласия от советского правительства на признание царских долгов и до возврата национализированной собственности иностранцев). Когда соглашение между Англией и Советской Россией было подписано, Бриан обратился к Ллойд Джорджу с нотой протеста, указав

на то, что англо-советское соглашение позволяет советскому правительству вывозить в Англию товары, производимые на фабриках, принадлежавших французским гражданам до Октябрьской революции, и свободно продавать эти товары на английском рынке. На протест Бриана Ллойд Джордж отвечает проницательской нотой, в которой заверяет французское правительство в том, что французские граждане смогут в этом вопросе пользоваться в Англии полной защитой английского суда, так же как и английские граждане. Ответ граничил с прямым издевательством, поскольку английский суд при наличии соглашения от 16 марта 1921 г. был совершенно бессилён помочь как английским, так и французским гражданам в этом вопросе.

В период советско-польской войны 1920 г. линии французской и английской политики по отношению к Советской России весьма ощутительно расходятся. В частности, не предупредив Англию, Франция в августе 1920 г. признаёт «правительство» Врангеля де факто.

Ещё до этого имеют место разногласия между Англией и Францией по вопросу о переговорах с балтийскими государствами. В то время как Ллойд Джордж не только не возражает против мирных договоров между прибалтийскими республиками и Советской Россией, но в известной мере даже поощряет эти республики, французская дипломатия осуществляет резкий нажим на страны Прибалтики, препятствуя им в деле заключения подобных договоров и предупреждая, что в случае, если они пойдут на договоры с советским правительством, Франция оставит их без защиты.

Накануне Генуэзской конференции англо-французские разногласия по вопросу о линии поведения по отношению к Советской России принимают особенно резкий характер. Согласие на приглашение Советской России в Геную на равных правах с прочими участниками, данное Брианом Ллойд Джорджу на заседании Верховного совета в Каннах, было аннулировано Пуанкаре после падения кабинета Бриана. Чрезвычайно интересно именно то обстоятельство, что Бриан договорился с Ллойд Джорджем не только по вопросу о линии поведения в отношении Советской России, но и по германскому вопросу. Как известно, Бриан согласился на то, чтобы в повестку Генуэзской конференции был включён вопрос об известной ревизии Версальского договора. Когда Пуанкаре аннулировал обещания Бриана, переговоры между ним и Ллойд Джорджем во время их встречи в Булони (конец февраля 1922 г.) касались одновременно как русского, так и германского вопроса. В результате этих переговоров Ллойд Джордж вынужден был уступить по германскому вопросу, согласившись на то, что Версальский

договор не будет подвергнут не только какой бы то ни было ревизии, но даже и простому обсуждению на Генуэзской конференции. Взамен этой уступки Ллойд Джордж добился от Пуанкаре согласия на участие Франции в обсуждении «русской проблемы».

Приведённые примеры англо-французских разногласий по «русскому вопросу», непосредственно влиявших на состояние германской проблемы в англо-французских взаимоотношениях, можно было бы умножить. Несомненно и то, что каждая из сторон руководствовалась в этом вопросе интересами своей собственной внешней политики, отнюдь не выражая особых симпатий к Советскому государству. Нет сомнений в том, что в «русском вопросе» Ллойд Джордж оказался более реальным и дальновидным политиком, нежели французские государственные деятели. Сказанного достаточно, для того чтобы видеть, насколько метод Джордана является непригодным для изучения поставленной им проблемы.

Попутно с основной темой своего исследования Джордан в нескольких местах упоминает о польской проблеме, в особенности в период Парижской мирной конференции. Эти упоминания являются отрывочными, но в достаточной мере интересными. В одном месте Джордан приводит заявление Ллойда Джорджа, сделанное в декабре 1921 г. и касавшееся позиции Англии по польскому вопросу. Эта позиция и в частности нежелание Англии давать гарантии восточной границы Германии (с Польшей) достаточно известны. Новым является приведённое Джорданом заявление Бальфура по польскому вопросу. Бальфур, как известно, был тем государственным деятелем Англии, который накануне открытия Парижской мирной конференции на заседании Верховного совета союзников в октябре 1918 г. решительно выступил против плана, изложенного министром иностранных дел Франции Пишоном, требовавшим «восстановления Польши в границах 1772 г.» Приводя очень любопытные высказывания Бальфура, Джордан замечает, что «с точки зрения Бальфура интересам Европы больше всего соответствовало бы, если бы Польша, пользуясь широкой степенью автономии, оставалась составной частью Российской державы, потому что только таким образом Россия оставалась бы европейской державой и была бы в состоянии оказывать непосредственное давление на Германию» (стр. 275).

Оставляя в стороне вызывающее улыбку утверждение относительно того, что Россия перестаёт быть европейской державой, если Польша ей не принадлежит, можно пожалеть о том, что Джордан в связи с исследуемой им германской проблемой не уделил польскому вопросу достаточного внимания.

Переходим к последнему вопросу. Мы говорили выше, что Джордан доводит своё исследование до 1930 г. и что дальше этого периода он не идёт. Он ограничивается лишь схематической периодизацией англо-французских отношений, разбивая их на четыре периода. Эти периоды он излагает в виде следующей схемы:

- Первый период — до Локарно (1920—1925 гг.).
- Второй » — с подписания Локарнского договора до денонсации этого договора Германией (октябрь 1925 г. — март 1936 г.).
- Третий » — с нарушения Локарно до 17 марта 1939 г. (речь Чемберлена).
- Четвёртый » — с речи Чемберлена по начало второй мировой войны.

Наметив эту периодизацию, Джордан ограничивается лишь весьма краткими характеристиками, даваемыми каждому из намеченных им периодов. Нет нужды говорить, что эти характеристики являются и суммарными и в значительной степени неверными. Нельзя, например, принять на веру заявление Джордана о том, что в последний из намеченных им периодов, начавшийся по его схеме с марта 1939 г., английская политика исходила уже из убеждения, что «Великобритания не может с безразличием следить за продолжающейся ликвидацией малых государств Восточной Европы» (стр. 285). Такая характеристика не становится более убедительной даже тогда, когда Джордан ссылается на речь министра иностранных дел правительства Чемберлена лорда Галифакса от 29 июня 1939 г., заявившего: «Мы знаем, что если безопасность и независимость других стран исчезнут, наша собственная безопасность и наша собственная независимость окажутся под серьёзной угрозой» (стр. 285).

Речь лорда Галифакса уже потому ни в чём не убеждает, что именно в период произнесения этой речи английская дипломатия под руководством лорда Галифакса противодействовала планам создания «фронта мира» во время англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. Между тем только создание «фронта мира» могло бы действительно придать английской внешней политике этого периода то содержание, которое приписывает ей Джордан.

Мы говорили выше, что Джордан не касается и не исследует германской проблемы в плане англо-французских взаимоотношений после 1930 г. Естественно, мы не можем в настоящей статье сколько-нибудь углублённо заняться этой темой. Мы не можем также и гадать, почему Джордан уклоняется от исследования этого вопроса. Ограничимся замечанием, что после 1930 г.,

вернее после 1933 г., и, более точно, после захвата власти Гитлером, *германская проблема в англо-французских взаимоотношениях играла, несомненно, иную роль и занимала иное место, нежели в предшествующий период*. Репарационная проблема официально закончилась на Лозаннской конференции 1932 г., и, таким образом, огромная область англо-французских разногласий в предшествующие годы перестала существовать. Версальский договор доживал свои последние, если не дни, то годы, оставаясь в значительной своей части на бумаге. Проблема разоружения, также вызывавшая неоднократные трения и противоречия между французской и английской дипломатией, была снята с порядка дня.

В Европе с момента захвата власти Гитлером параллельно развивались две политические тенденции: непрерывный и систематический рост германской агрессии, с одной стороны, и политика «невмешательства», проводимая Англией и Францией по отношению к гитлеровской Германии, — с другой. *В этой политике «невмешательства» линии французской и английской внешней политики весьма мало приходили в противоречие*. Это относится не только к германской, но и к итальянской агрессии.

Такие события, как нарушение Германией военных статей Версальского договора в 1935 г., нарушение Германией Локарнского договора в 1936 г., итало-абиссинская война в 1935—1936 гг., вооружённая интервенция Германии и Италии в Испании в 1936—1938 гг., захват Австрии Гитлером в 1938 г., судетский вопрос в 1938 г., Мюнхенская конференция в том же году, захват Гитлером Чехословакии в 1939 г. и, наконец, англо-франко-советские переговоры в 1939 г. — *все эти события не вызывали сколько-нибудь существенных разногласий между Англией и Францией*. Нужно заметить при этом, что *ведущая роль в деле осуществления политики «невмешательства» принадлежала Англии*. Франция следовала этой линии без протестов и почти без колебаний.

Германская проблема в англо-французских отношениях в период 1933—1939 гг. не была проблемой разногласий. Может быть поэтому Джордан и не касается её. От себя мы можем прибавить, что *для дела мира и борьбы с германской агрессией англо-французская «солидарность» периода 1933—1939 гг. представляла собой не меньшую опасность, нежели англо-французские разногласия периода 1920—1933 гг.*

Несмотря на все отмеченные нами недочёты работы Джордана, она, повторяем, представляет собой, несомненно, значительный интерес для советского читателя.

Б. Штейн.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий труд читать грустно, но полезно. В нём дано беспощадное описание ряда фактов, которые привели к созданию современного нам мира. Это самый строгий анализ англо-французских разногласий, который когда-либо был сделан в Англии. Он объективен, и автор очень старался быть равно справедливым и к Франции и к Англии. Он ознакомился со всеми опубликованными документами, и если в дальнейшем их будет извлечено из архивов ещё больше, то всё же картина, которая им нарисована, останется убедительной. Его выводы прочно основаны на фактах и подтверждаются внимательным изучением многих документов.

Автор не претендует на картину исчерпывающей полноты. Он или совсем не освещает, или только в общих чертах показывает отношение обеих держав к системе Лиги наций и к Советской России. Поступая так, автор концентрирует наше внимание на вопросах репараций, безопасности и разоружения, по которым возникли разногласия, имевшие столь роковое значение. Ни один труд, с которым мне приходилось знакомиться, не показал ещё столь ясно расхождений во взглядах обеих держав и губительное влияние этого расхождения на их политику.

Англичанам свойственна весьма распространённая и, возможно, здоровая привычка забывать прошлое. Однако следует помнить, что французы не забывают его. История этих лет будет жить в их памяти. Для того чтобы подобные недоразумения не могли возникнуть вновь, мы также должны помнить о них, сколь отличной ни казалась бы ситуация, сложившаяся по окончании этой войны.

Во время мира, как и во время войны, часто приходится вспоминать пословицу: «от добра добра не ищут». Существует несколько путей к достижению победы; однако важно сделать выбор и затем твёрдо придерживаться избранного пути. Слишком

часто, и в период войны и в мирное время, выбор откладывается на чересчур длительное время. Военные коалиции в особенности часто проявляли эту слабость. Лишь терпеливая и умелая дипломатия, осуществляемая государственными деятелями и военными, может преодолеть её. Только непосредственная и признанная угроза поражения может привести к необходимости единства действий.

После 1918 г. у нас была мирная коалиция. Но как скоро она утратила своё единство! Соединённые Штаты немедленно отпали от неё. Отношения Италии к Франции роковым образом ухудшились в результате мирных переговоров и возникновения фашизма. Оставались Франция и Англия. Во время великой войны их отношения были более тесными, нежели отношения каких бы то ни было других держав. Их государственные деятели находились в постоянной и тесной связи между собой. Английские армии сражались под французским главным командованием. Если Франция неела на себе основное бремя войны в 1914—1916 гг., то Англия расплатилась с ней в 1917—1918 гг. Можно признать, что жертвы были неодинаковыми, поскольку война велась на территории Франции и потери Франции были значительно большими. Однако Англия пришла на помощь Франции в таких масштабах, которые вплоть до 1914 г. не казались возможными. Единственная из великих держав — Англия — сражалась без колебаний на протяжении всех четырёх лет войны. Когда Фош и Клемансо прибыли в Лондон в первые дни декабря 1918 г., они были потрясены горячим приёмом, который оказал им народ.

Вскоре этот союз перестал быть сердечным и тесным. Между тем Франция и Англия стремились к одной и той же цели — существованию такой Европы, в которой обе нации могли бы жить в безопасности. «К несчастью, наиболее непримиримые разногласия, восстанавливающие людей друг против друга, обычно возникают по вопросу о средствах к достижению цели, — к которой в равной степени стремятся обе стороны», — так писал Пальмерстон. Так было и в данном случае. Лишь когда стало ясно, что цели, к которым стремятся обе страны, недостижимы, Франция и Англия объединились вновь. «Только в марте 1936 г., — отмечает д-р Джордан, — через 17 лет после того дня, когда был предложен первоначальный английский договор о гарантии, английское правительство дало своё согласие на переговоры английского и французского генеральных штабов; эти переговоры французы всегда считали необходимыми». Джордан мало говорит о годах, следовавших за ремилитаризацией немцами Рейнской области — актом, который делал неизбежной будущую войну. Однако он показывает

более ясно, чем любой другой автор, процессы, сделавшие этот акт возможным.

Как только он совершился, стало ясно, что на пути к миру должен возникнуть ещё более крупный конфликт, нежели тот, который в своё время столь тесно объединил Францию и Англию. Развитие конфликта пошло по совершенно иному пути, и отношения между двумя державами ухудшились в связи с различными потерями, которые были понесены их армиями¹. Тем не менее возможно, что именно этот факт даёт основания для надежды. Битва за Францию заставила нас почувствовать на сей раз всё грозное значение той опасности, которой подвергались в 1914—1918 гг. только одни французы. Поистине во всём мире преобладало ощущение неминуемой катастрофы, которую едва удалось избежать. Если нации не смогут научиться на основе такого опыта находить общие средства к достижению общей цели, то тогда наша западная цивилизация не сможет устоять; многие, пожалуй, сказали бы, что она и не заслуживает того, чтобы сохраниться.

Тем не менее мы не должны забывать, читая книгу д-ра Джордана, что англо-французские отношения представляют собой лишь один из многих примеров. Безопасность Европы была частью безопасности всего земного шара, а война, которую мы сейчас ведём, началась в Азии и Африке, а не в Европе. Если Англия не сознавала опасности, грозившей ей на Рейне, то Франция была слишком склонна полагать, что ей нет надобности обещать народам других континентов ту защиту, которую она требовала для себя. Тотальная война — это мировая война, и свобода Франции завоёвывается в Северной Африке, в русских степях, на тихоокеанских островах и поистине на всех морях и океанах.

Мы не можем также добиться достаточного единства на международной арене, если нет единства целей внутри страны. В труде д-ра Джордана внимание сосредоточено на внешней политике; в его задачу не входит рассмотрение вопроса о социальных силах, которые отчасти обусловили эти внешнеполитические явления. Однако до тех пор, пока внутренние разногласия не подчинены настоятельному требованию разрешения международных проблем, нельзя достигнуть ни мира, ни благосостояния.

Профессор Ч. К. Вебстер.

Лондон, февраль 1943 г.

¹ Профессор Вебстер, по видимому, сопоставляет (в феврале 1943 г.) потери французской армии, понесённые ею в так называемой «битве за Францию» 1940 г., с ничтожными потерями, понесёнными тогда же Великобританией. — *Прим. ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный труд рассматривает постановку вопроса о безопасности Франции на Парижской мирной конференции. Я начал эту работу пять лет назад. Окончание её весной 1940 г. совпало с полученным мною предложением Института международных отношений¹ заняться изучением «англо-французских отношений в связи с германской проблемой» в период между двумя войнами. Мне было предложено, чтобы я рассмотрел затруднения, возникшие в англо-французских отношениях при выработке условий мирного договора в 1919 г. Казалось очевидным, что такой анализ возможен лишь при условии изучения всего периода от формулирования целей войны в 1914—1918 гг. и до возникновения второй мировой войны. По этой причине было решено, что я объединю прежнюю свою работу с трудом, порученным мне Институтом.

Мне хотелось бы разъяснить здесь задачи и план данной работы. Она не имеет в виду дать полную описательную историю вопроса. Все те стороны англо-французских отношений, которые не имеют непосредственной связи с проблемой Германии, исключены из этого труда в интересах его сокращения. Многое из того, что относится к истории этой центральной проблемы, опущено, чтобы сосредоточить внимание на тех эпизодах, которые кажутся мне наиболее значительными и поучительными. Я подробно останавливаюсь на первых годах изучаемого мной периода; в эти годы Великобритания и Франция, бесспорно, обладали инициативой в европейских делах. Я более поверхностно касаюсь собы-

¹ Институт международных отношений был создан в Великобритании в 1920 г. К нему перешли функции отдела политической разведки Форейн Офиса — отдела, возникшего и прекратившего своё существование в связи с войной 1914—1918 гг. В работе Института принимают участие несколько сот специалистов по вопросам внешней политики. Им уже издана обширная библиотека трудов по международным вопросам. — *Прим. ред.*

тий, непосредственно предшествовавших нынешней войне, ибо тогда Великобритания и Франция занимали оборонительную позицию. В поисках той ведущей нити, которую даёт история для понимания и урегулирования европейских проблем, историк должен сосредоточивать своё внимание не на последних годах¹.

Я не в состоянии выразить здесь свою благодарность всем, чьей помощью и чьими советами я пользовался. Тем не менее я не могу не упомянуть о тех, кому я обязан более всего: о профессоре Ч. К. Вебстере, который не переставал поощрять меня в моей работе; если бы не он, я, вероятно, сразу же отказался бы от неё ввиду слишком большой занятости текущими делами; о профессоре П. Вошер, критические замечания которого во многом мне помогли; и о моей жене, без неизменной помощи которой я вообще не мог бы вести этой работы и довести её до конца.

В соответствии с установленной в Институте международных отношений практикой мне была предоставлена полная свобода высказывать в этой книге мои собственные взгляды. Поэтому я несу полную ответственность за достоверность всех приведённых фактов и за высказанные в книге мнения.

В. М. Джордан.

¹ Постановка вопроса у автора снимает рассмотрение мюнхенской политики «умиротворения», с чем советский читатель никак не может согласиться. — *Прим. ред.*

Г Л А В А I

КОНЦЕПЦИИ МИРА: 1914—1918 гг.

В 1918 г. Великобритания и Франция, будучи союзниками и получив помощь Соединённых Штатов, добились превосходства сил в Европе; они сохранили его за собой вплоть до реокупации демилитаризованной зоны германскими войсками 7 марта 1936 г. На протяжении всех этих 18 лет расхождения в политике Франции и Англии по отношению к Германии явились основной причиной неудачи всех попыток установить в Европе условия, действительно необходимые для надлежащего её развития. В настоящем труде рассматривается лишь один этот фактор, приведший к неудаче Версальского соглашения. Однако это делается отнюдь не из желания умалить значение других факторов — социальных и экономических, а исключительно потому, что всякое подробное и объективное исследование ограничено определёнными масштабами.

Расхождение в политике Англии и Франции может быть определено различными способами. В самых общих выражениях можно сказать, что главное расхождение заключалось в том, что один политический курс основывался на соглашении, а другой полагал в основу европейского мира принуждение. Французы были сильно обеспокоены тем, что устройство Европы неизбежно нарушится, а возможно и полностью рухнет, лишь только изменится соотношение сил, на котором оно основывается. Исходя из этого, они были заняты главным образом тем, как сохранить превосходство сил в руках основных сторонников вновь установленного порядка. В противоположность им англичане были проникнуты убеждением в непрочности любого соглашения, сохранение которого зависит от поддержания искусственного превосходства сил. Они были склонны согласиться с тем, что в дальнейшем возможны изменения на основе дружественного взаимопонимания побеждённых и победителей.

Можно привести ряд соображений, объясняющих эту разницу в английской и французской политике. Однако среди много-

численных факторов, которые по большей части носят характер туманный и сомнительный, можно выделить два, имеющие наибольшее значение: первый из них — фактор географический, второй — моральный (хотя также являющийся в известной мере отражением разницы в географическом положении).

В предисловии к своей книге «Очерки по истории дипломатии» сэр Джеймс Хедлэм-Морли (консультант английского министерства иностранных дел по вопросам истории на протяжении первых десяти лет после мировой войны 1914—1918 гг.) следующим образом характеризует влияние, оказываемое на британскую дипломатию разнообразным характером английских интересов:

«Как и все прочие страны мира, Англия обладает мощью, богатством, авторитетом и политическим влиянием лишь в ограниченном масштабе. Таким образом, для достижения успеха Англии требуется соблюдать тщательную экономию средств. Именно потому, что интересы нашей страны разбросаны по всему миру и на земном шаре нет ни одного континента, где наша страна не была бы политически и экономически заинтересована, Англия больше, чем любая другая страна, может преследовать цели, к которым стремятся и другие страны, и вызывать по отношению к себе политическую оппозицию. По этой причине не все цели, сами по себе весьма желательные, могут быть одновременно достигнуты. Зачастую приходится приносить материальные жертвы и сознательно покидать те сферы влияния, в которых мы уже утвердились...

Из всего этого вытекает та особенность в истории английской политики, которая часто служит поводом для неблагоприятных высказываний: неопределённость, колебание и нерешительность, безусловно весьма неудобные для народов, стремящихся сотрудничать с Англией. Это свойство английской политики легко может произвести на других впечатление её слабости»¹.

Отступление, кажущиеся колебания и нерешительность, впечатление слабости — таковы основные черты, проявленные британской политикой по отношению к Европе в течение первых лет мира. Победа, означавшая, в первую очередь для Великобритании, вытеснение Германии как военно-морской державы, устранила тот мотив, который в предвоенные годы составлял основное звено англо-французской Антанты. После наступления мира имперские заботы отвлекли внимание британских государственных деятелей от континента, так как казалось, что в ближайшем будущем Великобритании не угрожает никакая опасность.

¹ *Headlam-Morley, J., Studies in Diplomatic History, p. 3.*

В течение истекших лет мира британский идеал европейского устройства отнюдь не заключался в создании равновесия сил: эта, по общепринятому мнению, традиционная концепция британской политики была сознательно отброшена. В ещё меньшей степени этот идеал заключался в сохранении за победителями первой мировой войны военного превосходства. Согласно английскому идеалу Европа должна была быть организована на таких основах, чтобы справедливость и целесообразность их сами по себе были гарантией устойчивости.

В то время как заботы английских государственных деятелей объяснялись многогранностью интересов, которые необходимо было примирить, и целей, которых необходимо было достигнуть, внимание французских государственных деятелей сосредоточивалось на одной и единственной проблеме исключительно большого значения. Эта проблема представлялась для французов в двойном аспекте: с одной стороны, соображения национального характера, с другой стороны, необходимость взять на себя более широкую ответственность, исходя из интересов мира в целом. Первая забота Франции заключалась в том, чтобы гарантировать себя от повторного вторжения. К этой теме нам придётся ещё неоднократно возвращаться. Однако Франция не могла вести на западе только политику создания окопов. Её положение великой державы, её европейские интересы, её политические традиции и требования национальной обороны запрещали ей это. Франция стояла на передовом посту в качестве защитницы европейского порядка против свержения его насильственным путём. В то же время французы хорошо сознавали непрочность своего могущества, покоившегося не на естественной, а на искусственной основе: на дискриминациях и ограничениях, навязанных Германии Версальским договором. При отмене этих ограничений Германия, в случае отсутствия соответствующих гарантий, далеко превзошла бы по своей мощи все остальные государства континента. Отсюда и вытекала озабоченность Франции в отношении своей безопасности: как предотвратить превращение естественного превосходства Германии в Европе в её политическое господство, а также, как спасти в дальнейшем Францию от германской агрессии. Таковы, повторяем мы, были две стороны одной и той же проблемы.

Контраст между английской и французской политикой, явившийся следствием всех этих различных соображений, был ещё более подчёркнут разницей между тем влиянием, которое война оказала на французский и на английский народ. Один американский журналист недавно отметил, что для стороннего наблюдателя английской политики «ничто не могло быть более поразительным, нежели влияние принципов Вильсона на общественное

мнение британских островов и британских доминионов в течение послевоенных лет»¹.

Объяснение этого, возможно, кроется в том, что Великобритания была по сути дела родиной вильсоновского идеализма, который сохранил своё влияние, хотя и в изменённой форме, на широкие круги британского народа, а также оказал глубокое воздействие на британскую политику.

Идеализм, вдохновлявший союзников в их борьбе во время первой мировой войны, был прежде всего выражением английского либерализма. В 1914 г., вплоть до самого момента вступления Англии в войну, либеральная пресса со всей силой и торжественностью протестовала против английского участия в конфликте. Однако начиная с 4 августа английские либералы, за немногими исключениями, одобрили войну, объявив в то же время, что её необходимо вести преследуя более высокие, нежели чисто материальные цели².

Их влиянию в первую очередь следует приписать распространение взгляда на войну как на орудие для осуществления идеальных целей.

Идеальные цели, сформулированные британским либерализмом, могут быть подразделены на три группы.

Во-первых, война рассматривалась в качестве средства борьбы за ликвидацию прусского милитаризма. Одновременно это была война за демократию. Мало кто сомневался в том, что европейский мир был нарушен актом произвольной агрессии. Таким образом, война должна была продолжаться до тех пор, пока поражение Германии навсегда дискредитирует в глазах германского народа его безответственных правителей — кайзера и прусскую милитаристскую клику. Война, таким образом, становилась крестовым походом за освобождение германского народа.

«Мы не ведём войны против германского народа, — заявил Ллойд Джордж на второй месяц войны на собрании своих соотечественников из Уэльса, — германский народ в такой же степени подавляется прусской милитаристской кликой, как будет подавлен любой другой народ Европы, оказавшийся под её пятой. Когда эта клика будет уничтожена, для немецкого крестьянина, ремесленника и торговца настанет радостный день»³.

¹ *Wolfers, A.*, Britain and France between Two Wars, p. 216.

² См. *Willis, I. C.*, How we went into the War, «National Labour Press», 1919 (?). Перепечатано у *Willis, I. C.*, England's Holy War: A Study of English Liberalism during the Great War. New York 1928, и *Recktenwald, F.*, Kriegsziele und öffentliche Meinung Englands, 1916—1918.

³ «The Times», September 20, 1914.

Таким образом, ликвидация этой клики являлась первой предпосылкой для создания будущего мира. Три года спустя Ллойд Джордж заявил следующее: «Демократия сама по себе служит гарантией мира, и если эту гарантию нельзя получить в Германии, то мы должны вместо неё обеспечить себе другие гарантии»¹.

Во-вторых, эта война велась за освобождение народов. Чувство возмущения, вызванное германским вторжением в Бельгию, сплотило англичан воедино при вступлении в войну. Для реалиста это был жизненный британский интерес, а для всех вообще восстановление независимости Бельгии являлось требованием естественной справедливости. Как отметил Эли Галеви, с самого начала война на Западе приобрела характер борьбы за принцип национальности. В применении к Центральной и Юго-Восточной Европе этот принцип потерял свой консервативный характер и приобрёл революционное значение. С самого начала британские либералы заявляли о необходимости передела Европы в согласии с новыми принципами Англии.

«Мы боремся за новую Европу»², — писал Герберт Уэллс на десятый день после вступления Англии в войну.

«Пойдём вперёд навстречу судьбе и смело признаем, что мы стремимся к новой Европе»³, — писал другой автор, глубже знакомый с континентом.

Наконец, в-третьих, война рассматривалась в качестве средства, которое должно было положить конец всем войнам. Демократический строй в Европе, в совокупности со справедливым территориальным переустройством её, должен был обеспечить мир. Достижение политической независимости каждым европейским народом означало бы устранение основной причины войны. «Когда территория Европы будет раз и навсегда поделена между равноправными и свободными народами, каждое европейское государство сможет гарантировать всем другим странам их владения, и войны за передел европейской территории прекратятся, поскольку исчезнут порождающие их причины»⁴.

Таким образом, справедливое территориальное переустройство заложит основы для лучшей организации международных взаимоотношений. «Лишь приняв во внимание национальные комплексы, сможем мы создать организацию, в рамках которой эти национальные единицы будут сотрудничать между собой

¹ *Scott, J. B.*, Official Statement of War Aims, p. 118.

² Цит. из *Willis, I. C.*, How we went into the War, p. 92.

³ *Seton-Watson, R. W.*, The War and Democracy, p. 240.

⁴ *Headlam, J. W.*, The Peace Terms of the Allies, p. 6.

без всяких трений»¹, — отметил в своё время авторитетный представитель британского либерализма.

Что касается формы новой организации мира, то по этому вопросу было много споров, но в одном пункте все соглашались между собой: должно навсегда прекратиться постоянное деление всех европейских держав на две враждебные дипломатические группы. Равновесие сил должно быть отныне замещено общностью сил. Журнал «Нейшн» от 15 августа 1914 г. писал: «Война должна закончиться признанием прав и обязанностей, присущих системе государств в целом... Она должна закончиться созданием концерта держав»².

Таким образом, для английского либерала это была война за демократию, за освобождение угнетённых народов Европы; это была война во имя окончания всех вообще войн. В своих высказываниях и в своей пропаганде либералы определили официальные военные цели Великобритании. Наиболее важное заявление Англии, а именно речь Ллойд Джорджа от 5 января 1918 г., представляло собой расширенное изложение всех трёх вышеперечисленных целей³. Лейбористский меморандум о военных целях от декабря 1917 г. указывал: «Каковы бы ни были цели, за которые началась эта война, именно решение обеспечить осуществление этих идеалов сплотило воедино на время войны весь британский народ»⁴.

Подобные взгляды полностью согласовались с намерениями французского народа. Демократическое правительство, освобождение наций, отказ от завоеваний, мир между народами — таковы идеалы, в большей степени относившиеся к наследству 1789 г., чем к традициям британского либерализма. Вновь и вновь провозглашались эти идеалы в декларациях о военных целях, на которые Франция была столь щедра в 1917 г., т. е. до прихода к власти Клемансо. Достаточно привести один пример — заявление Пенлеве от 18 сентября 1917 г.:

«Возвращение Эльзаса и Лотарингии, возмещение убытков и разрушений, причинённых противником, заключение мира, основанного не на принуждении и насилии, таящих в самих себе зародыш будущих войн, а на справедливости, — мира,

¹ Ho'house, L. T., The World in Conflict, p. 84.

² «The Nation», August 15, 1914.

³ Как известно, речь Ллойд Джорджа от 5 января 1918 г. и Четырнадцать пунктов Вильсона явились декларациями, носившими по существу характер ответа на призыв советского правительства к справедливому миру и на приглашение странам Антанты принять участие в мирных переговорах. — *Прим. ред.*

⁴ См. очерк об общественном мнении лейбористских масс в книге Brand, C. F., British Labour's Rise to Power, в особенности стр. 50—100.

лишённого всех элементов угнетения народов, сильных и слабых, мира, эффективно обеспечивающего сообщество наций против всякой агрессии любой из них, — таковы благородные военные цели Франции»¹.

Тем не менее, несмотря на эту связь, проистекавшую из общего идеализма народов, влияние войны на Францию было слишком сильным, чтобы допустить возникновение во Франции, да и в Англии, веры в возможность лёгкого и прочного примирения с врагом, когда он вновь воспрянет. Характерное описание морального воздействия войны на Францию можно найти на первых страницах доклада о франко-германских взаимоотношениях, составленного Анри Лихтенберге в 1922 г. Война вызвала среди французов острую ненависть к врагу, беспощадную жестокость которого они почувствовали на себе, военные методы которого глубоко возненавидели и воинственного духа которого опасались для себя в будущем. В душе они были глубоко убеждены в том, что лишь с помощью отчаянных усилий им удалось избежать поражения в борьбе с противником, твёрдо вознамерившимся их уничтожить. Они не сомневались в том, что если бы Франция заколебалась в момент слабости, то ей нечего было бы надеяться на пощаду со стороны немцев победителей².

Эти опасения подобно кошмару не оставляли французов даже в послевоенные годы мирного развития. В годы мирного труда французы продолжали ощущать около себя наличие мощной и безостановочно работающей военной машины Германии: медленно натягивалась её новая пружина для повторного удара. Именно в этом и кроется причина настойчивых французских требований о том, чтобы всякой попытке примирения предшествовала выработка гарантий безопасности против Германии.

Необходимо остановиться, хотя бы и весьма кратко, на другом различии во влиянии войны на французов и англичан. Что может быть естественнее, как не обратиться за объяснением причин войны к изучению особенностей германского политического мышления? Издатель французского журнала «Ревю де дё Монд» Бутру, выдающийся французский учёный, поставил перед собой вопрос: «Нельзя ли, исходя из знакомства с жизнью немцев и их литературой, пролить свет на причины катастрофы, постигшей Европу?» Статья Бутру оказалась предвозвестницей

¹ См. отчёты французского парламента, палата депутатов. Опубликовано в «Chambre: Débats», Septembre 18, 1917, p. 2409. См. также *Dahlin, E.*, French and German Public Opinion on Declared War Aims, 1914—1918.

² *Lichtenberger, H.*, Relations between France and Germany, p. 9—14. Три последние фразы взяты из его работы лишь с небольшими изменениями.

потока трудов по вопросу о «германском мышлении». Она наметила путь и для гораздо более поздних работ¹.

Достаточно привести здесь одну фразу, чтобы показать направление, в котором ведёт свои наблюдения Бутру: «Германская культура глубоко отличается от того, что остальное человечество понимает под культурой и цивилизацией». Это представление о конфликте между тенденциями германской мысли и наследием европейской цивилизации, которое было принято в Англии за простое явление военного времени, глубоко укоренилось в духовной жизни Франции. В послевоенные годы эта тема продолжала служить предметом оживлённых дебатов. Значение этого продолжительного обсуждения проблемы «германизма» было очень хорошо выражено одним немецким учёным, сделавшим больше других в области истолкования германскому народу основ французской цивилизации. Самое употребление термина «германизм», писал Е. Р. Курдиус, вызывает представление о том, что «германский дух образует чужеродное тело или, может быть, вносит яд в организм человечества. Германизм изображается в качестве постоянно существующей угрозы для Франции, т. е., иными словами, для цивилизации»².

Отношение Франции к Германии вытекало не только из страха перед превосходящей мощью Германии, но и из понимания опасности, заключавшейся во взглядах немцев на мирные события. В цитированной статье Бутру можно обнаружить ясное выражение этих смешанных чувств:

«Не степень реальной силы, какую Германия сохранит после войны, является мерилем опасности, которой она вновь сможет подвергнуть человечество. Этим мерилем является её настойчивое стремление к господству, расширению и угнетению. Если судить о будущем по прошлому, то это стремление,

¹ Следует упомянуть здесь о превосходной библиографии французской военной литературы: *Vic, J., La Littérature de guerre. Manuel méthodique et critique des publications de langue française*, 5 vols., Paris 1918—1923. Статьи Бутру в «Revue des Deux Mondes», October 14, 1914 (перепечатано в No. 27 «Pages d'Histoire»); May 15, 1916; June 1, 1917. Стоит процитировать здесь авторитетный комментарий Шарля Андлера о статьях Бутру: «Мы глубоко опечалены закатом идеалов наших старых учителей. Я знаю одного из них — нашего общего учителя, заслужившего громкую и продолжительную славу преподаванием философии Лейбница, Канта и Фихте... Он не устанавливал в то время никакого противоречия между «германизмом» и «гуманностью»... Все его ученики изумлённо, молча и горько наблюдали за таким развитием Германии, которое является не только дымом от случайно возникшей вспышки германской ярости, а маскировкой социальных сил, преследующих в условиях кризиса нашей родины тайное стремление к полному захвату власти в Европе» (*Andler, C., Les Origines du Pangermanisme*, p. VIII).

² *Curtius, E. R., Französischer Geist im neuen Europa*, p. 233.

будучи скрыто, замаскировано или даже полностью опровергнуто, всё же будет продолжать своё существование. Германия завтрашнего дня будет помнить о том, как она в течение ряда лет противостояла целому миру. Что бы ни случилось, мало вероятно, что она признает своё полное поражение... Все меры, необходимые для обессиления подобного врага, должны быть сохранены в течение известного периода, продолжительность которого определить ещё невозможно».

Таким образом, в ходе войны выявились две точки зрения. Одна из них имела в виду примирение с Германией, очищенной от немецкого самодержавия, в рамках общемировой лиги. Другая точка зрения пыталась найти гарантии мира в том, чтобы была обеспечена невозможность возрождения германской мощи. В результате вмешательства президента Вильсона союзные правительства были вынуждены в конце войны заключить мир с Германией, исходя из принципов либерального идеализма. Нам остаётся кратко перечислить события, закончившиеся принятием Германией и союзными правительствами общего мира, основанного на так называемых «Четырнадцати пунктах» Вильсона, памятуя, что это далеко не соответствует действительности.

С момента вступления Америки в войну президент Вильсон проникся убеждением, что, когда наступит время заключить мир, союзные правительства будут руководствоваться более низменными мотивами, чем те, которыми руководствовалась бы возглавляемая им Америка. «Англия и Франция отнюдь не так смотрят на вопросы мира, как мы»¹, — писал Вильсон своему другу и советнику полковнику Хаузу в июле 1917 г. Исходя из этих соображений, Вильсон и Хауз считали нежелательным в первые месяцы участия Америки в войне слишком торопиться с обсуждением военных целей. Они понимали, что расхождение мнений о конечных целях войны может затормозить военные усилия. Но к концу 1917 г. Вильсон и Хауз изменили свою точку зрения. Они пришли к заключению, что составленная в либеральном духе декларация о военных целях Америки и союзников поможет вбить клин между немецким народом и его правителями. В декабре на межсоюзной конференции Хауз тщетно пытался обеспечить принятие широкой декларации об условиях мира. Из этой неудачи и родились Четырнадцать пунктов Вильсона. Если союзники не захотели выступить сообща, то президент Вильсон должен выступить один².

¹ *Baker, R. S., Woodrow Wilson, Life and Letters, VII, p. 43.*

² *House, III, p. 39, 285; «U.S. A. Foreign Relations», 1917, Suppl. 2, «The World War», I, p. 352.*

Историческая речь Вильсона была произнесена в полдень 8 января 1918 г. перед обеими палатами конгресса. Это была первая речь подобного рода; в трёх других не менее прославленных речах (речь перед конгрессом 11 февраля, выступление в Маунт Верноне 4 июля и в театре «Метрополитен» в Нью-Йорке 27 сентября) Вильсон декларировал основы справедливого мира. Эти позднейшие речи носили преимущественно характер изложения общих принципов. Только в Четырнадцати пунктах были намечены решения конкретных проблем.

Ночью 3 октября 1918 г. германское правительство обратилось к президенту Вильсону с просьбой о перемирии. «Германское правительство, — говорилось в ноте, — принимает за основу мирных переговоров программу, изложенную президентом Соединённых Штатов в его послании конгрессу от 8 января 1918 г. и в его последующих высказываниях, в частности в обращении от 27 сентября 1918 г.» Нота была подписана: «Макс, принц Баденский, имперский канцлер». Этот пост Макс занял тремя днями раньше. В Германии произошла смена правительства, и новый кабинет предпринял шаги для заключения мира на основе Четырнадцати пунктов. Было ли это признаком того, что в Германии пришли к власти новые политические силы? Для этого стоит вкратце напомнить те события, которые обусловили обращение немцев к Вильсону.

27 сентября Людендорф, подлинный диктатор Германии, с ужасом осознал полную неизбежность военной катастрофы. Все перспективы на победу уже давно были утрачены. Они исчезли ещё тогда, когда 18 июля союзники предприняли контратаку, которая полностью покончила с последним германским наступлением. На протяжении августа и начала сентября немцы возлагали все надежды лишь на какой-нибудь временный успех германского оружия, который дал бы возможность начать не столь унижительные для Германии мирные переговоры. Но такая возможность не представилась. Военные перспективы Германии становились всё хуже. Линия фронта ещё держалась, но Людендорф уже не надеялся на то, что можно будет надолго предотвратить катастрофу.

У Людендорфа было одно желание — спасти германскую армию, и в своём отчаянии он решил, что для этого имеется лишь одно средство — перемирие, которое даст германским войскам возможность организованно отступить на более прочные позиции. Людендорф отлично знал, что Вильсон отклонит всякое обращение Германии с просьбой о перемирии, если оно будет сделано её правителями, ответственными за ведение войны. Перемирие должно быть подписано новым человеком, не имеющим прошлого, которое могло бы его скомпрометиро-

вать. Вот почему по указанию Людендорфа и в целях осуществления последней фазы его военных операций на роль марионеточного правителя был приглашён Макс Баденский. «Людендорф распорядился о создании парламентарного правительства в Германии, и принц Баденский выполнил этот приказ»¹.

Как только Макс Баденский узнал о возложенной на него задаче, у него возникли сомнения в разумности той политики, которую требовало верховное командование. Поспешное обращение к Вильсону было бы, по его глубокому убеждению, истолковано врагами Германии как признак её слабости. Враги стали бы только более непреклонными. Лучше действовать осторожнее, осмотрительнее. Он решил сначала произнести речь, определяющую военные цели Германии, «в тесном, но не унижительном соответствии с Четырнадцатью пунктами». На этой основе он хотел пригласить все воюющие правительства начать переговоры. Но вскоре Макс Баденский обнаружил, что он как канцлер лишён всякой власти. Об этом без обиняков заявил на Коронном совете кайзер. «Я против тех предложений, которые сейчас делаются», — запротестовал новый канцлер, но кайзер перебил его: «Верховное командование считает их необходимыми; вы призваны сюда не для того, чтобы чинить препятствия верховному командованию»².

Даже после ноты 3 октября Макс Баденский всё ещё питал надежду избежать унижения, связанного с поспешным обращением к противнику. 4 октября он намерен был выступить в рейхстаге с речью, в которой хотел дать германское толкование Четырнадцати пунктов. Его советники работали весь день над подготовкой этой речи. Но его министры посоветовали ему воздержаться от такого выступления, а верховное командование и вовсе наложило на него вето. Текст этой речи могут прочесть те, кто хочет знать, какое влияние имели Четырнадцать пунктов на германское обращение.

Не лишено интереса, почему именно с германской стороны не последовало никакого толкования Четырнадцати пунктов перед тем, как Германия их приняла.

Наивная надежда Людендорфа на то, что перемирие даст германской армии возможность укрепить её положение, скоро потерпела крах. Германское обращение вызвало обмен нотами между Вильсоном и германским правительством, продолжавшийся до 27 октября. Президент Вильсон потребовал от германского правительства соблюдения ряда условий, прежде чем согласился официально принять просьбу о перемирии

¹ *Rosenberg, A., The Birth of the German Republic, p. 245.*

² *Max of Baden, Memoirs, II, p. 16.*

и передать её союзникам. Первым условием было согласие Германии с Четырнадцатью пунктами. Президент Вильсон настаивал на более точных формулировках. Второе относилось к условиям перемирия. Людендорфу хотелось неторопливого отступления германской армии с оккупированной территории, так, чтобы можно было вывезти все военные материалы. Он считал, что это отступление должно длиться два-три месяца. Премьер-министры союзных стран, встретившиеся на конференции в Париже в первой половине октября, опасались, что Вильсон может попасться на эту удочку. 9 октября они телеграфировали Вильсону, настаивая на том, чтобы разработка военных условий перемирия была предоставлена военным специалистам союзников. Они указывали, что, если разрешить простую эвакуацию немцев с оккупированных ими территорий, то это даст противнику возможность улучшить для себя военную обстановку. Он сможет таким путём выйти из критического положения и перегруппировать свои войска на более коротком фронте. Нота Вильсона Германии соответствовала пожеланиям союзников по этому вопросу¹.

В ходе переговоров о перемирии правительство Макса Баденского перестало быть марионеткой Людендорфа, ибо Людендорф вызвал к жизни такие социальные силы, которые он не мог контролировать. Они и покончили с его властью. Военное командование Германии серьёзнейшим образом ошиблось в оценке настроений народа. Людендорф делал ставку на поспешное заключение перемирия. Когда выяснилось, что будет принято только такое перемирие, которое ознаменует собой полное поражение Германии, Людендорф стал сторонником разрыва переговоров. Но поскольку командование откровенно заявило о слабости Германии, народ не захотел более продолжать борьбу. 26 октября Людендорф подал в отставку. Министры социал-демократической партии и партии центра, ранее имевшие небольшое влияние в правительстве, обнаружили теперь, что они пользуются поддержкой масс. Немецкий народ хотел мира, и это его стремление смело с пути сперва Людендорфа, потом Макса Баденского и, наконец, самого кайзера.

Когда президент Вильсон получил германскую ноту от 20 октября, в которой содержалось полное согласие на его условия, он некоторое время обсуждал вопрос, что предпринять далее. Надо было заручиться согласием союзников. Как это сделать? 22 октября этот вопрос обсуждался на заседании американского правительства. Отвечая министру внутренних

¹ *Lloyd George, War Memoirs, VI, p. 3282. См. также Foch, F., Memoirs, II, p. 273; Callwell, C. E., Sir Henry Wilson, II, p. 135.*

дел Лейну, президент заявил, что на союзников «следует оказать решительное воздействие, так как они близки к тому, чтобы требовать большего, чем могут требовать по праву»¹. Президент решил послать окончательную ноту германскому правительству и одновременно переслать её копию союзным правительствам с соответствующей сопроводительной нотой. Таким образом, последняя переписка Вильсона с Германией стала составной частью его переписки с союзниками. Эти действия Вильсона означали, что союзники приглашались рассмотреть текст перемирия на двух условиях: во-первых, заключение мира на основе принципов, изложенных в речах Вильсона, и, во-вторых, одобрение условий перемирия военными экспертами союзников на основе чисто военных соображений. Таким образом, возникли две проблемы: первая — связанная с контурами будущего мира, вторая — с характером самого перемирия. Этой второй проблемой мы и займёмся в следующей главе.

Вильсон и Хауз были того мнения, что союзные правительства должны принять предложенные Вильсоном основные условия мира ещё до того, как прекратятся военные действия. 17 октября Хауз отбыл в Европу, убеждённый, что это было его главной и почти единственной задачей. 26 октября он прибыл в Париж. Хауз не мог ожидать, что союзники охотно пойдут ему навстречу: за пять дней до того Бальфур телеграфировал английскому поверенному в делах в Вашингтоне, что британское правительство решительно возражает против Четырнадцати пунктов. Бальфур добавлял, что ряд других условий, о которых не упоминал президент, наверно будет предложен Англией и английское правительство будет на них настаивать. Поэтому следует позаботиться о том, чтобы «союзники не были лишены необходимой свободы действия при выработке окончательных условий на мирной конференции». Заявление Бальфура было передано государственному секретарю США Лансингу². Что касается французского правительства, то оно никак не выразило своего несогласия. Но президент Вильсон пренебрегал любыми возражениями. Он сообщил Хаузу, что не возникнет никаких значительных трудностей, связанных с условиями мира и толкованием Четырнадцати пунктов, если государственные деятели Антанты будут совершенно чистосердечны и воздержатся от «эгоистических целей». Хауз со своей стороны был склонен подластить пилюлю. Комментарии, подготовленные

¹ Lane, F. K., Letters, p. 293—295; Houston, D. F., Eight Years with Wilson's Cabinet, p. 307—311.

² Baker, R. S., Woodrow Wilson, Life and Letters, VIII, p. 479. См. также «U.S.A. Foreign Relations», 1918, Suppl. I, vol. I, p. 365—367.

по его указанию в качестве толкования Четырнадцати пунктов, были, с точки зрения союзников, компромиссным документом. 29 октября он сообщил союзникам, что президент «настаивает на согласии Германии с принципами, изложенными во всех его речах, и, исходя из последних, можно будет предъявить Германии любые условия»¹.

Между 29 октября и 4 ноября Хауз имел несколько неофициальных бесед с Клемансо и Пишоном, Ллойд Джорджем и Бальфуром, Соннино и Орландо. Он обсудил с ними условия перемирия и Четырнадцать пунктов. При первой встрече Ллойд Джордж обратил внимание собеседников на внутреннюю связь между предложениями о перемирии и выдвинутыми Вильсоном условиями мира. Если союзники согласятся на перемирие, указал он, они будут связаны этими условиями и для мира, если только они не сделают специальных оговорок. Клемансо с этим согласился, хотя и не без колебаний. Поскольку в течение некоторого времени выдвигались возражения против условий Вильсона, Хауз выступил с заявлением, что если союзники их не примут, то Вильсону «не останется ничего другого, как заявить противнику, что союзники США не согласны с его, Вильсона, условиями. Тогда возникнет вопрос, не следует ли Америке вступить в прямые переговоры с Германией и Австрией».

«Это могло бы привести к сепаратному миру между Соединёнными Штатами и центральными державами», — сказал Клемансо.

«Да», — хладнокровно ответил Хауз².

На следующий день, обнаружив, что Клемансо подготовил тщательно разработанные французские возражения, Хауз снова повторил эту угрозу. Тогда Клемансо прекратил оппозицию. Через четыре дня последовал официальный ответ союзников на ноту Вильсона³. Таким образом, в результате угроз Хауза союзные правительства приняли Четырнадцать пунктов лишь с двумя оговорками. Первая касалась пункта 2 о свободе морей: британское правительство по этому пункту сохраняло за собой полную свободу действий в мирных переговорах. Вторая относилась к репарациям: союзники подтвердили свои права на репарации и в то же самое время ограничили их покрытием убытков, нанесённых гражданским лицам и частному имуществу. Меморандум союзников 4 ноября был передан

¹ *Lloyd George, Peace Treaties, I, p. 80.*

² *Aldrovandi, L., Guerra Diplomatica, p. 190; Lloyd George, Peace Treaties, I, p. 75—77.*

³ *House, IV, chapter 6; Lloyd George, Peace Treaties, I, p. 75—84; Aldrovandi, L., Guerra Diplomatica, p. 188—195; «U.S.A. Foreign Relations», 1918, Suppl. I, vol. I, p. 405—427.*

по телеграфу в Вашингтон, и на следующий день германское правительство получило ноту (известную под названием ноты Лансинга), уведомляющую его об этом ответе союзников.

Следует вкратце вспомнить условия, на принятии которых Германией и союзниками настаивал Вильсон. Это были «условия, изложенные президентом в его обращении к конгрессу США 8 января и в последующих обращениях». Четырнадцать пунктов достаточно общеизвестны, чтобы их цитировать вновь. Надо, однако, отметить, что речь от 8 января, содержащая Четырнадцать пунктов, выделяется не тем, что она значительнее других речей Вильсона на эту тему, а лишь тем, что она была первой из них. Дело в том, что президент потребовал не только разрешения частных конкретных проблем, но также и заключения мира в духе, соответствующем его предложениям, основным мотивом которых был отказ от всякой пристрастности — «прямота и беспристрастная справедливость», как выразился президент. Беспристрастностью должен был быть проникнут каждый пункт соглашения, чьи бы интересы ни были затронуты. Разрешение всех территориальных вопросов должно было соответствовать интересам и благу населения данных территорий. Все претензии на колониальные территории должны были быть удовлетворены беспристрастно, с учётом интересов сторон. Не должно быть никаких карательных разрушений. Необходимы гарантии сокращения вооружений. Все стороны должны совместно принять участие в разрешении каждой проблемы. Мир должен был быть таков, чтобы все участники могли объединиться в его поддержке и обеспечении. В семье Лиги наций не должно быть разрешено никаких исключительных союзов.

Таковы были принципы, изложенные президентом. Следует, однако, упомянуть о том, что в речи от 27 сентября была и другая нота — «Германия должна вернуть себе добрую репутацию не в результате того, что произойдёт за стол мирной конференции, а в результате последующих за ней событий».

Г Л А В А П

ПЕРЕМИРИЕ И МИР: ЗНАЧЕНИЕ ВОЕННЫХ УСЛОВИЙ

Изучение переговоров, предшествовавших перемирию, обычно сосредоточивается на дискуссиях, результатом которых был меморандум 4 ноября, и ограничивается ими; этот меморандум подтвердил с некоторыми оговорками принятие союзными правительствами положений, высказанных в речах Вильсона, в качестве основы для будущего мира с Германией. Историки мало уделяли внимания подготовке документа, подписанного 11 ноября 1918 г. и содержавшего военные и военно-морские условия, на основе которых прекращались военные действия с Германией. Непосредственной целью этих условий было обеспечить закрепление военного и морского превосходства союзников на время перемирия. Однако значение их выходило за пределы этой скромной цели; они были разработаны с учётом более длительных и устойчивых условий мира. В данной главе мы займёмся рассмотрением политического значения военных и морских условий соглашения о перемирии с Германией от 11 ноября 1918 г.

Случилось так, что в начале октября, когда весь мир ждал ответа Вильсона на германскую ноту от 3 октября, министры союзных правительств встретились на конференции в Версале для того, чтобы обсудить положение, создавшееся в результате перемирия с Болгарией, подписанного 29 сентября. Но перед ними встала более насущная проблема перемирия с Германией; на ней-то они и сосредоточили своё внимание. Первый проект условий перемирия с Германией был составлен английским, итальянским и французским министрами 6 октября. На западном фронте они предлагали потребовать от Германии только эвакуации Франции, Бельгии и Люксембурга и отхода за Рейн. Они не требовали ни занятия союзными войсками левого берега Рейна, ни даже оккупации Эльзаса и Лотарингии. Однако предполагалось сохранение военно-морского давления на

Германию. Блокада должна была продолжаться, а Германия обязана была немедленно прекратить подводную войну¹.

Эти предложения были разработаны союзными министрами без консультации с их военными советниками. Такая консультация была проведена на следующий день; было решено привлечь к обсуждению условий перемирия военных экспертов, прикомандированных к Верховному военному совету. Эти эксперты совещались утром 8 октября. Американский представитель генерал Блисс не присутствовал на совещании; он болел гриппом. Эксперты пришли к заключению, что предложения министров были далеко не достаточны для того, чтобы обеспечить закрепление военного превосходства союзников. Эксперты выдвинули предложение иного характера; в частности они настаивали на том, чтобы в основу перемирия были положены следующие два принципа: «разоружение противника под контролем союзников» и «создание материальных гарантий военного превосходства союзников». К требованию об отходе немцев за Рейн эксперты сделали два добавления: во-первых, они предложили, чтобы Германия передала союзникам «всё вооружение и боеприпасы, находящиеся на территории между нынешней линией фронта и левым берегом Рейна»; во-вторых, они предложили потребовать сдачи немцами в течение 48 часов крепостей Меца, Тионвиля, Страсбурга, Ней-Брейзаха и города Лилля с его укреплениями².

Тем временем Фош также занялся вопросом об условиях перемирия. «Победа почти у нас в руках, — сказал он американскому дипломату Фрейзиру, — но победа имеет привычку ускользать в последнюю минуту». 9 октября Фош был приглашён на конференцию министров. Его предложения заметно отличались от предложений министров и военных советников. Фош настаивал на трёх основных пунктах. Во-первых, противнику должны быть строго предписаны сроки эвакуации. «Страны, в которые немцы вторглись вопреки всяким правовым нормам», должны быть эвакуированы в течение двух недель и всё вывезенное оттуда население немедленно репатрировано. Сюда относятся не только Бельгия, Франция и Люксембург, но также Эльзас и Лотарингия. Во-вторых, Фош предлагал оккупацию предместных укреплений в качестве меры военной безопасности. Союзные войска должны в течение двух недель занять предместные укрепления на Рейне в Раштадте, Страсбурге и Ней-Брейзахе.

¹ *Lloyd George, War Memoirs, VI, p. 3275.*

² *Bliss, gen., T. H., The Armistices, «A. J. I. L.», XVI, p. 513—514; Newbolt, H., Naval Operations, V, p. 364; Callwell, C. E., Sir Henry Wilson, II, p. 134.*

Каждое предместное укрепление должно представлять собой полукруг на правом берегу Рейна радиусом в 30 километров. Цель создания этих укреплений — обеспечить союзным армиям «подходящие плацдармы для продолжения войны вплоть до полного разгрома противника, в случае если бы мирные переговоры не привели ни к каким результатам». В начале октября союзные армии находились всё ещё слишком далеко от северного Рейна, чтобы оправдать требование об оккупации предместных укреплений в этой области. Но, поскольку союзные армии на юге находились ближе к Рейну, Фош чувствовал себя вправе потребовать создания там предместных укреплений, с тем чтобы союзники могли форсировать Рейн в случае возобновления военных действий. Третье требование Фоша заключалось в оккупации левого берега Рейна для обеспечения уплаты репараций. Немцы должны были отойти за Рейн в течение 30 дней. В дополнение к этим трём основным условиям Фош выдвинул ряд требований, которые не нуждаются в особом упоминании. Наиболее характерным является отказ Фоша от требования полного разрушения германской армии, что военные советники Верховного военного совета считали весьма существенным. Вместо этого Фош выдвинул требование о том, чтобы германская армия оставила союзникам в неповреждённом виде все военные материалы, которые она не сможет захватить с собой в течение срока, предоставленного ей для быстрого отхода за Рейн¹.

Когда двумя днями позже Фош передал сэру Дугласу Хэйгу экземпляр составленных им условий перемирия, он заявил последнему, что «его предложения были встречены сочувственно»².

Однако сомнительно, встретили ли предложения Фоша такое сочувствие со стороны министров. Заслушав предложения Фоша, Бальфур заметил, что они фактически равноценны требованию о безоговорочной капитуляции. Как Ллойд Джордж, так и барон Соннино полагали, что не только Фош, но и военные представители требуют слишком многого. Поскольку, однако, 8 октября конференция министров ещё ничего не знала об ответе президента Вильсона на германскую ноту, они решили, что в данный момент не имело смысла подробно обсуждать всё дело. Таким образом, конференция была распущена без малейшей попытки достигнуть какого-либо соглашения, и её участники — министры — возвратились домой³.

Соображения, положенные в основу условий перемирия, будут более понятны, если сопроводить их краткими коммента-

¹ *Lloyd George, War Memoirs, VI, p. 3277.*

² *Duff Cooper, A., Haig, II, p. 394.*

³ *Lloyd George, War Memoirs, VI, p. 3278.*

риями к условиям перемирия на море, выдвинутыми в первые дни октября. Премьер-министры в своём заявлении от 8 октября выдвинули лишь одно единственное условие перемирия на море — немедленное прекращение подводной войны. При этом, однако, они указали, что союзная блокада снята не будет¹.

Военно-морские специалисты включили оба эти положения в свой проект от 8 октября и добавили ещё несколько других условий. Остров Гельголанд должен был быть сдан главнокомандующему военно-морскими силами союзников в Северном море. Шестьдесят подводных лодок должны были «немедленно войти в перечисленные в договоре о перемирии союзные порты и остаться там в течение всего срока перемирия». Все надводные корабли и морские военно-воздушные силы противника должны были «собраться на базах, перечисленных союзниками, и остаться там на время перемирия». Эти первоначальные военно-морские условия носили ещё весьма скромный характер; фактически подписанные условия перемирия оказались гораздо более суровыми.

После этой союзной конференции, происходившей 5—9 октября, вопрос об условиях перемирия серьёзно обсуждался британским правительством. По возвращении из Франции Ллойд Джордж доложил о результатах обсуждения имперскому военному кабинету. Сэр Дуглас Хэйг был вызван в Лондон для обсуждения этого вопроса с британским кабинетом. Он прибыл 18 октября, а утром 19 октября явился вместе с сэром Генри Вильсоном на Даунингстрит, чтобы встретиться там с Ллойд Джорджем, Мильнером и Бонар Лоу. В понедельник 21 октября состоялось продолжительное заседание кабинета, начавшееся в 11 часов 15 минут и закончившееся в 18 часов. Ллойд Джордж говорил, что это было самое продолжительное заседание кабинета, в котором он когда-либо участвовал. На следующий день, 22 октября, Хэйг возвратился во Францию. Сэр Генри Вильсон отбыл 26 октября, и вскоре за ним последовал премьер-министр. Вслед за тем должны были начаться переговоры между полковником Хаузом и представителями союзных стран относительно Четырнадцати пунктов и условий перемирия, которые следовало предложить Германии².

В промежутке между конференциями, в начале и в конце октября, Ллойд Джордж пришёл к выводу, что безоговорочное принятие Четырнадцати пунктов могло повлечь за собой принесение в жертву наиболее существенных и важных для союзников военных целей. Он дал простор своим сомнениям, высказав их

¹ *Lloyd George, War Memoirs, VI, p. 3275—3276.*

² *Newbolt, H., Naval Operations, V, p. 366; Duff Cooper, A., Haig, II, p. 395—399; Lloyd George, War Memoirs, VI, p. 3299—3364; Callwell, C. E., Sir Henry Wilson, II, p. 142—143.*

на заседаниях имперского военного кабинета, о которых мы упоминали выше. Ллойд Джордж предложил, чтобы условия перемирия были как можно ближе к окончательным мирным условиям. Этим путём политические цели союзников были бы обеспечены в самом перемирии. Тогда открылась бы возможность принять и Четырнадцать пунктов Вильсона.

Для британских военно-морских властей предложение Ллойда Джорджа означало новую постановку вопроса о военно-морских условиях перемирия. Первый лорд адмиралтейства тотчас же указал на связанные с этим осложнения. Обычное военно-морское перемирие, заявил он, обеспечивает прекращение военных действий на море. Для этой цели военно-морские условия, о предъявлении которых шла речь до последнего времени, а именно: прекращение подводной войны, сдача 60 подводных лодок, сохранение блокады и концентрация германского флота на базах по указанию союзников, были бы достаточными мероприятиями. Что же касается военно-морского перемирия, аналогичного окончательным мирным условиям, то оно должно «рассматривать германский флот в качестве средства большой политики, а не просто в качестве боевой силы»¹.

На этой новой основе британское адмиралтейство составило 16 октября свой проект военно-морских условий перемирия. Эти новые предложения включали суровое требование, которого не было среди предложений военно-морских представителей, рассматривавших 8 октября перемирие лишь в качестве простого прекращения военных действий. Это новое требование заключалось в сдаче всего германского флота, ибо, как Уимисс уведомил Битти 26 октября, «при разработке военно-морских условий перемирия нельзя не включать этого мирного условия в окончательный проект». Ллойд Джордж был попросту ошеломлён предложенным дополнением к выдвинутому им проекту. И он и Мильнер решили, что эти условия слишком суровы².

На заседании кабинета от 19 октября выяснилось, что военные условия перемирия также будут зависеть от окончательных мирных условий. Военная точка зрения была представлена и выражена сэром Генри Вильсоном и сэром Дугласом Хэйгом. Однако они не были едины в своих высказываниях. Вильсон настаивал на принципе разоружения, выдвинутом военными представителями 8 октября. Но сверх того он утверждал, что союзники должны обеспечить себе гарантии, позволяющие им провести все те условия, которые они считают абсолютно необходимыми для

¹ *Newbolt, H.*, *Naval Operations*, V, p. 366; *Wemyss, Life and Letters*, p. 398—399.

² *Wemyss, Life and Letters*, p. 386; cp. *Callwell, C. E.*, *Sir Henry Wilson*, II, p. 138—139.

достижения мира, а именно: восстановление польского государства и получение репараций для Бельгии. Для того чтобы обеспечить согласие Германии с этими мирными условиями, союзники должны были бы оккупировать германскую территорию до линии Рейна. Бонар Лоу и Бальфур тотчас же согласились с Вильсоном¹.

Однако Хэйг пришёл к заключению, что эвакуация немцами Эльзаса и Лотарингии и оккупация их союзниками были единственными условиями, настаивать на которых было бы разумно и безопасно. С точки зрения Хэйга военные цели англичан не требовали ничего большего. Ллойд Джордж и Мильнер готовы были согласиться с Хэйгом. Когда Бальфур начал говорить об оставлении на произвол судьбы поляков и народов Восточной Европы, Ллойд Джордж заметил, что нельзя ожидать от английского народа принесения в жертву своих жизней ради поляков².

Нам ничего неизвестно о дебатах среди министров французского правительства по вопросу о перемирии, если вообще таковые были³. Однако утром 24 октября Клемансо сделал решительный шаг: как только Клемансо узнал о ноте президента Вильсона, в которой последний приглашал союзные правительства рассмотреть вопрос о перемирии, он немедленно вызвал Фоша и Петэна в Париж. Командующие прибыли в военное министерство после полудня. Премьер-министр предложил им составить условия перемирия и указал, что он принимает предложения Фоша от 8 октября; он добавил, однако, что их следует сделать более жёсткими, учитывая продвижение союзных армий за истекший период времени. Фошу было предложено созвать совещание главнокомандующих союзными армиями, чтобы ознакомиться с их точкой зрения⁴.

На следующий день Хэйг, Першинг и Петэн встретились с Фошем в его главной ставке в Санлисе. Фош уже знал о существенной разнице во мнениях между ним и сэром Дугласом Хэйгом, с которым он накануне обсуждал вопрос об условиях перемирия⁵.

На совещании в Санлисе Фош попросил главнокомандующих высказать своё мнение об условиях перемирия. Первым выска-

¹ *Callwell, C. E., Sir Henry Wilson, II, p. 138.*

² *Duff Cooper, A., Haig, II, p. 397.*

³ Автор имеет в виду, что в отличие от США и Англии французское правительство не предприняло по сути дела никаких официальных публикаций документов о Парижской мирной конференции. Таким образом, историку приходится иметь дело только с мемуарами французских участников конференции. — *Прим. ред.*

⁴ *Foch, Memoirs, p. 536; Mordacq, gen., J. J. H., Le Ministère Clemenceau, II, p. 292; Weygand, Le Maréchal Foch et l'armistice, «Revue des Deux Mondes», Novembre 1938, vol. 48, p. 16.*

⁵ *Foch, Memoirs, p. 356.*

зался Хэйг, за ним выступил Петэн и, наконец, Першинг. В ходе конференции маршал Фош не высказал своего собственного мнения с достаточной чёткостью. После закрытия совещания он составил проект условий перемирия, а на следующий день привёз этот проект в Париж и передал его Пуанкаре и Клемансо.

Условия перемирия, составленные Фошем 26 октября, явились расширением его проекта от 8 октября. Он попрежнему требовал эвакуации Бельгии, Франции, Эльзаса и Лотарингии, Люксембурга в течение двухнедельного срока. Противник должен был эвакуировать все перечисленные области в сроки, которые делала для него невозможным вывоз значительных запасов военных материалов и техники, накопленных в этих районах. Фош указывал в своём проекте минимальное количество военных материалов, которое противник должен был оставить: 5 тысяч орудий, 30 тысяч пулемётов и 3 тысячи миномётов. Левый берег Рейна должен был быть эвакуирован в течение 22 дней, тогда как в проекте от 8 октября для той же цели был предусмотрен срок в 30 дней. Союзные армии должны были установить предмостные укрепления в Майнце, Кобленце, Кёльне и Страсбурге. Фош включил ещё одно предложение, которого не было в первоначальном проекте. На правом берегу Рейна от швейцарской до голландской границы должна была быть установлена нейтральная зона шириной в 40 километров. Для эвакуации этой зоны было предоставлено дополнительно 3 дня. Блокада сохранялась вплоть до полного осуществления всех условий перемирия. Фош намечал срок выполнения условий перемирия в 25 дней. Его проект заканчивался изложением одобренных им военно-морских условий¹.

Из числа трёх командующих, с которыми Фош консультировался в Санлисе, один лишь Петэн разделял точку зрения Фоша. Он заявил, что, по его мнению, наилучший способ отнять у немцев возможность продолжать военные действия заключается в лишении их материальной части. От немцев следует потребовать быстрого отступления в соответствии с особо выработанным планом. Если это отступление начнётся немедленно, то немцы не будут в состоянии эвакуировать свою материальную часть, в особенности тяжёлые орудия и боеприпасы².

Упомянутые условия перемирия, выдвинутые Фошем и Петэнном, сэр Дуглас Хэйг считал слишком суровыми. Он требовал только эвакуации Франции, Эльзаса и Лотарингии,

¹ House, IV, p. 145—148.

² Pershing, gen., J. J., My Experiences, II, p. 361; Foch, Memoirs, p. 538.

Бельгии и предлагал союзным армиям оккупировать Мец и Страсбург¹.

Возражения Хэйга против предложений Фоша и Петэна исходили из военных и политических мотивов. По его мнению, условия Фоша далеко превосходили всё то, что оправдывалось чисто военным положением. Он опасался, что если союзники будут настаивать на этих требованиях, позорных и неприемлемых для Германии, то моральный дух германской армии воспрянет. Он полагал, что немецкая армия всё ещё в состоянии отступить к германской границе и удерживать там новую оборонительную линию в течение некоторого времени после начала новой военной кампании в 1919 г. По его мнению, армии союзных и объединившихся держав отнюдь не находились в таком положении, которое позволяло бы им перейти в серьёзное наступление и опрокинуть неприятельские дивизии ещё до достижения последними линии реки Мааса. Хэйг был уверен, что в предстоящие месяцы всю тяжесть военных действий должны нести на себе британские войска. Он заявил кабинету, что, повидимому, значительная часть французских армий окажется небоеспособной в 1919 г.

Однако Хэйг поддерживал свои умеренные условия перемирия вовсе не потому, что смотрел более мрачно, чем Фош, на перспективы военных действий. За разногласиями между Фошем и Хэйгом крылись противоречивые концепции интересов, во имя которых тот и другой стремились к обеспечению безопасности. Дело в том, что военные условия перемирия зависели от характера окончательных мирных условий, которые должны были последовать за первыми. В Западной Европе Хэйг имел в виду лишь возвращение Франции территории Эльзаса и Лотарингии. Для обеспечения этой цели достаточно было бы эвакуации этих областей Германией. Хэйг полагал, что его собственные предложения дадут союзникам к моменту открытия мирной конференции достаточную власть над всей той территорией, к которой они стремились на западе. Таким образом, если бы мирные переговоры провалились, союзникам не пришлось бы переходить в наступление, а к этому были бы вынуждены немцы. Хэйг стремился к тому, чтобы условия перемирия не были более суровыми, чем это было бы необходимо для осуществления военных целей англичан на западе. «За последнее время британская армия выносила на себе основную тяжесть войны; каждый из нас стремится поэтому поскорее покончить с войной, при условии, что мы получим то, что хотим, — так заявил Хэйг на заседании военного кабинета 19 октября. — Я предлагаю поэтому потребовать при за-

¹ *Duff Cooper, A., Haig, II, p. 397.*

ключении перемирия лишь то, что мы намерены удержать, и выступить против французов, стремящихся вторгнуться в Германию ради сведения старых счётов. По моему мнению, при существующих условиях английская армия не будет упорно бороться за то, что фактически не является её насущным делом»¹.

Таким образом, Хэйг выступил против условий Фоша потому, что, по его мнению, их более суровый характер объяснялся не военными, а исключительно политическими соображениями. Он отрицал то, что отход немцев на восточный берег Рейна, даже при условии сохранения союзниками предместных укреплений, поставит последних в более благоприятное военное положение, чем если бы немцы остались в своих окопах на старой границе 1870 г. Он выразил своё мнение на совещании в Санлисе 25 октября. Пытаясь, может быть, пойти навстречу Хэйгу в этом вопросе, Фош выдвинул новое требование — об установлении нейтральной зоны на правом берегу Рейна. Это дополнение выбивало у Хэйга почву для возражений против условий, выдвинутых Фошем; всё же он продолжал относиться весьма критически к их политическим последствиям. Из совещания в Санлисе он вынес впечатление, что «настояния обоих французских генералов на том, чтобы левый берег Рейна был оккупирован, означают, что они стремятся теперь получить не только Эльзас и Лотарингию, но и Пфальц. Петэн твердил о необходимости получить от Германии возмещение военных убытков в столь крупной сумме, что Германия никогда не сумеет её выплатить. А между тем французские войска должны удерживать левый берег Рейна в качестве гарантии выплаты этого возмещения»².

В то же время Фош оправдывал свои предложения о перемирии военными соображениями. Он утверждал, что эти предложения сами по себе достаточны для того, чтобы обеспечить военное превосходство союзников в течение всего периода перемирия. Когда 1 ноября Фош пытался побудить британского премьера одобрить его точку зрения, он указывал, что предложения Хэйга нарушали принцип, в силу которого перемирие должно лишить Германию возможности обеспечить себе вновь военное превосходство. Он утверждал, что в случае принятия предложений Хэйга германская армия сможет отступить на правый берег Рейна и подготовить там для себя мощную линию обороны. Если Германия позднее решит возобновить борьбу, а не подчиниться сформулированным на конференции условиям мира, то её военное положение будет прочнее, чем прежде. «На тот случай,

¹ *Duff Cooper, A., Haig, II, p. 397.*

² *Ibid., p. 399—400; Pershing, Gen., J. J., My Experiences, II, p. 361.*

если Германия прервёт мирные переговоры, союзники должны быть в таком положении, чтобы иметь возможность её уничтожить». Только оккупация предместных укреплений обеспечит союзникам подобную возможность. «Без наличия предместных укреплений мы никогда не справимся с Германией. В первую очередь необходимо овладеть Рейном»¹.

Поскольку Фош и Хэйг оправдывали свои предложения по перемирию соображениями военной целесообразности, они были оба правы. Но Фош имел в виду политические соображения, относящиеся к компетенции мирной конференции и идущие значительно дальше, чем политические последствия, рассматриваемые Хэйгом. В то же время предложения Хэйга были в политическом отношении гораздо менее суровыми, чем предложения Фоша. Куда более тягостные для Германии условия мира, намеченные Фошем, могли, по мнению Хэйга, встретить отказ со стороны немцев. Для того чтобы вынудить Германию принять их, могли быть необходимы дальнейшие военные операции против Германии. Фош требовал не столько безопасности против возможного нападения в период самого перемирия, сколько того, чтобы обеспечить возможность произвести сильный военный нажим на Германию и тем заставить её принять намеченные им условия мира.

В числе последних было также требование об уплате репараций. В своём проекте предложений от 8 октября Фош требовал оккупации левого берега Рейна в качестве «обеспечения выплаты репараций за ущерб, причинённый разрушениями в союзных странах»².

Однако Фош имел в виду отнюдь не одни только репарации. Он стремился к отрыву Рейнской области от Германии. Если бы его стремления осуществились, то эта территория должна была перейти под контроль союзных сил. Не менее ясно, чем Ллойд Джордж, Фош сознавал, что постоянные военные цели должны быть обеспечены уже посредством перемирия. «Куй железо, пока горячо», — гласит пословица. Если Франция стремится отделить Рейнскую область от Пруссии, нельзя терять времени и надо немедленно это учесть при заключении перемирия³.

Ясное определение этой взаимосвязи между военными условиями и политическими целями перемирия находим мы в письме Фоша к Клемансо от 16 октября. «После выплаты репараций какова должна быть судьба левого берега Рейна? — спрашивает в этом письме Фош. — Должны ли мы продлить оккупацию?»

¹ House, IV, p. 122—126.

² Foch, Memoirs, p. 527.

³ Цит. по Liddell Hart, B. H., Foch, Man of Orleans, II, p. 444.

Аннексируем ли мы часть этой территории или же выскажемся в пользу создания нейтрального автономного или независимого — буферного — государства? Должно ли перемирие теперь полностью предусмотреть судьбу этих территорий? Таковы те вопросы, решение которых должно быть известно полководцу, поскольку на его обязанности будет лежать подписание перемирия и обсуждение его условий после того, как противник запросит мира. Предварительно полководец должен обсудить их с соответствующими правительствами. Совершенно необходимо, чтобы перемирие обеспечило нам те условия, которые мы хотим навязать противнику в ходе мирных переговоров; при этом нам достанутся лишь те преимущества, которые мы к тому времени обеспечим себе в предварительном перемирии; окончательными будут лишь те территориальные уступки, на которые согласится противник в момент заключения перемирия»¹.

Как мы указывали выше, на конференции в Санлисе 25 октября Фош не высказал своей точки зрения. Он выслушал сначала Хэйга, а затем Петэна. Предстояло ещё обсудить точку зрения четвёртого участника совещания. Что мог сказать Першинг? Хэйг надеялся, что Першинг его поддержит. 23 октября Хэйг пригласил Першинга на завтрак и в ходе беседы с ним вынес впечатление, что Першинг одобрил его требования к Германии. Поэтому Хэйг был сильно огорчён, когда в Санлисе двумя днями позже Першинг в значительной мере солидаризовался с Фошем².

В этот день, 25 октября, как и позднее, Першинг в глубине души стоял за продолжение войны вплоть до полной победы на поле боя, с тем чтобы союзники принудили Германию к безоговорочной капитуляции. Однако он не выразил этой точки зрения в Санлисе, поскольку не получил никаких ясных указаний о целях этого совещания. Он полагал, что это совещание было созвано с тем, чтобы главнокомандующие могли рекомендовать свои военные условия, если бы правительства высказались в пользу самого принципа предоставления Германии перемирия вообще. Естественно, что он не мог выступать против перемирия на совещании, самый характер которого исключал отказ в перемирии. Но Першинг предложил условия, которые, по его мнению, должны были дать почти такие же результаты, каких можно было ожидать от полной капитуляции³.

¹ *Foch, Memoirs*, p. 534.

² *Duff Cooper, A., Haig, H.*, p. 399.

³ *Pershing, gen., J. J.*, My Experiences, II, p. 359; *Mott, J. B.*, Twenty Years as a Military Attaché, p. 266.

Предложения Першинга напоминали предложения Фоша. Они были отчасти менее жёсткими и предоставляли Германии 30 дней для эвакуации Бельгии и Франции (помимо Эльзаса и Лотарингии), а также не предусматривали сдачи вооружения. Они совпадали с предложениями Фоша в вопросе об эвакуации Эльзаса и Лотарингии и оккупации их войсками союзников, а также в требовании отвода германских войск к востоку от Рейна, равно как и в занятии союзниками предместных укреплений на восточном берегу Рейна. В одном отношении они шли дальше предложений Фоша, а именно в требовании контроля нейтральной державы не только над подводными лодками, но и над базами подводных лодок. Наконец, они требовали, чтобы была гарантирована безопасность перевозки американских войск через океан.

Размышления, которым Першинг мог предаться, болев гриппом с 25 по 29 октября, укрепили в нём сознание необходимости продолжать борьбу. 30 октября американский атташе полковник Мотт, обедая в штабе маршала Фоша, получил срочную телеграмму, в которой ему предлагалось немедленно явиться к Першингу в Париж. Мотт застал Першинга нетерпеливо шагавшим по комнате: он мучился острой зубной болью, а зубной врач мог предложить ему только опиум — средство, от которого Першинг счёл нужным отказаться. Он сказал Мотту: «Мне слишком необходимы теперь все мои способности». Першинг вручил Мотту меморандум о военном положении. В меморандуме говорилось: «Из истории известно, что победоносные армии склонны переоценивать силы противника и слишком рьяно стремиться к тому, чтобы найти возможность к заключению мира. Эта ошибка имеет все шансы повториться теперь в связи с той военной репутацией, которую Германия завоевала себе своими победами за последние четыре года. Я полагаю, что полная победа может быть достигнута только путём продолжения войны до тех пор, пока мы не принудим Германию к безоговорочной капитуляции». Першинг приказал Мотту как можно скорее доставить этот меморандум Фошу. «У нас есть ещё время вклучить в условия перемирия всё, что союзники считают необходимым». Мотт прибыл в Санлис после того, как Фош уже лёг спать, и поэтому вынужден был ждать до следующего утра, когда Фош собирался отправиться на совещание Верховного военного совета в Версале. Фош внимательно прочёл письмо Першинга; затем, сделав решительный жест, обозначающий, что все затруднения могут быть устранены, сказал: «Передайте генералу Першингу, что я с ним согласен и что ему не следует беспокоиться об этом деле. Я требую от немцев того

же, чего намерен требовать и он; когда я закончу с ними переговоры, немцы не смогут более причинить нам никакого вреда»¹.

Американский военный представитель в Верховном военном совете генерал Блисс не был приглашён Фошем для консультации. Естественно, что Блисс был исключён и из переговоров между верховными главнокомандующими. Но он высказал свою точку зрения в меморандуме, представленном им полковнику Хаузу 28 октября. По мнению генерала Блисса, первым и единственным военным условием должна быть гарантия полной капитуляции Германии. Германию следует вовсе лишить возможности вновь начать войну. К этому стремится и президент Вильсон. Только при этом условии мирная конференция могла бы собраться в уверенности, что мир более не будет нарушен. Условия Фоша, по мнению Блисса, не удовлетворяли этому требованию. Гинденбургская армия, насчитывавшая 4 с половиной миллиона человек, согласно условиям Фоша могла бы продолжать своё существование. Германская пехота полностью сохранила бы своё вооружение, включая резервы боеприпасов и оружия. Союзники не располагали точной информацией о количестве артиллерийских орудий и пулемётов, находившихся в распоряжении германской армии; не было у них сведений и о производственной мощности германских заводов, способных производить новое вооружение за время перемирия. Передача победителям 5 тысяч орудий, 30 тысяч пулемётов и 3 тысяч миномётов, согласно предложениям Фоша, оставила бы немцам определённое, хотя и неизвестное, количество всех этих видов оружия. Германские войска со всех театров войны могли бы быть сосредоточены на германской территории и на позициях, удобных для национальной обороны. Их моральное состояние окрепло бы от сознания, что целью возобновившейся борьбы является не агрессия, а оборона родины. Если в период перемирия «эта армия сможет получить недостающее вооружение — или из запасов, о которых нет вполне точной информации, или из других источников, — она снова сумеет стать грозным противником».

Военные условия, предложенные Блиссом, были в известном смысле более суровыми, чем предложения Фоша. Свой меморандум от 28 октября Блисс заключал следующими строками:

«Поэтому я предлагаю следующее:

Во-первых, чтобы союзные державы потребовали полного разоружения противника и демобилизации всех его сухопутных и военно-морских сил, оставив ему только такую внутреннюю

¹ *Mott, J. B., Twenty Years as a Military Attaché, p. 267.*

охрану, которая будет признана необходимой для поддержания порядка на его территории. Это, конечно, подразумевает эвакуацию всех оккупированных Германией территорий; при этом эвакуироваться должны уже разоружённые, а не вооружённые или частично вооружённые немцы. Разоружённая армия не сможет сражаться, и, будучи уже демобилизованной, она не может быть собрана вновь для того, чтобы продолжать войну.

Во-вторых, чтобы союзные державы уведомили противника о том, что они ни в чём не отступят от своих военных целей, но что цели эти будут предметом всестороннего и мотивированного обсуждения со стороны наций, объединившихся в этой войне против Германии; и что, хотя в некоторых случаях по этому вопросу, возможно, будет выслушано мнение противника, ему придётся в конечном счёте подчиниться всему тому, что союзные державы признают необходимым для обеспечения мира во всём мире теперь и в будущем».

Критикуя предложения Фоша с точки зрения их несовершенства в военном отношении, Блисс отметил также их политические недостатки. Он охарактеризовал их «как частичное разоружение противника, сопровождаемое навязыванием ему условий, которые вполне ясно и заранее определяют многие из условий мира, что прекрасно поймёт и противник». Подобно Фошу Блисс отлично понимал, что военные условия перемирия должны быть так составлены, чтобы они отразились на окончательных условиях мира; но, по его мнению, решать вопрос о военных условиях должны были не только военные эксперты. Блисс писал Бекеру:

«Я не считаю, что в этом особом случае вопрос об условиях так называемого перемирия должен решаться только военными. Вся беда в том, что это не перемирие. Нам необходима полная капитуляция. Для того чтобы обеспечить эту капитуляцию, условия, которым нужно будет следовать, должны быть определены заранее, чтобы с ними можно было ознакомиться. Все известные мне до сих пор военные условия перемирия ясно предусматривали или включали в себя политические условия, которые могли быть реализованы после соглашения о так называемом перемирии. Эти политические условия, предусмотренные в перемирии, будут, безусловно, разработаны политиками при обсуждении окончательных мирных условий. Если бы эти политические условия были выдвинуты одними только военными, они могли бы повергнуть мир на много лет в пучину бедствий»¹.

¹ *Palmer, F.*, Bliss, p. 344 (Блисс — Бекеру, 23 октября 1918 г.). См. также его телеграмму от 3 ноября, приведённую в книге *Baker, R. S.*, Woodrow Wilson, Life and Letters, VIII, p. 547.

Почему же, спрашивается, Фошу не нравилось требование полного разоружения и демобилизации германской армии? На этот вопрос можно дать ряд ответов. Фоши в 1918 и в 1919 г. скептически относился к действительности разоружения как гарантии безопасности. Он считал, что невозможно контролировать процесс разоружения. Противник всегда найдёт возможность уклониться от разоружения.

«Нет ничего легче, чем выдвинуть то или иное предложение или даже заставить противника принять на бумаге известные условия. Вполне логично и просто потребовать разоружения германских войск на поле боя. Но как вы это обеспечите? Пройдете ли вы через линию расположения германских армий и заранее займете их переправы на Рейне? Вы намерены настаивать на демобилизации? С этим я согласен. Но намерены ли вы для проведения её оккупировать всю Германию? Ведь если вы этого не сделаете, вы никогда не сможете быть уверены в том, что демобилизация действительно осуществлена»¹.

Из двух вариантов — создать союзную армию, обладающую значительным военным превосходством, или ослабить армию противника настолько, чтобы она уже не могла надеяться на восстановление своей мощи, — Фош выбрал первый.

¹ Вполне можно предположить, что есть ещё и другая причина, по которой Фош выступал против полного разоружения Германии. Такое разоружение не давало оснований для оккупации Рейнской области и мостов через Рейн, а именно это наметал Фош как гарантию постоянной безопасности Франции. На этот счёт в меморандуме Блисса от 28 октября имеется колкое замечание по адресу Фоша: «Если мы обеспечим полное разоружение и демобилизацию всех наземных и военно-морских сил противника, то не потребуется никакой другой гарантии против возобновления военных действий, и заинтересованные державы могут быть уверены в достижении всех своих справедливых военных целей»². Для Фоша занятие всех главных переправ на Нижнем Рейне имело не только то преимущество, что предоставляло трамплин для продвижения на Берлин, но также и то, что делало возможным захват коммуникаций между Берлином и Рейнской областью.

Изучение разногласий между Хэйгом, Фошем и Блиссом показывает достаточно ясно, что основной проблемой военных условий перемирия были политические, а не чисто военные факторы. Для Фоша военные условия перемирия предопределяли самый характер мирного договора. Но окончательные

¹ Tardieu, La Paix, p. 74.

² House, IV, p. 150.

решения должны были быть приняты политиками, т. е. премьер-министрами союзных стран, в контакте с полковником Хаузом. Хауз приехал в Париж на следующий день после конференции в Санлисе. Он прибыл с явной целью положить в основу будущего мира Четырнадцать пунктов. О его деятельности мы уже упоминали выше. Обеспечив принятие Францией и Англией выдвинутых Вильсоном основных принципов, он считал, что данное ему поручение выполнено. Как же относился Хауз к военным условиям, признавал ли он взаимную зависимость военных условий и политических целей подобно Фошу, Блисссу и Хэйгу?

Прибыв в Париж 26 октября, полковник Хауз ещё располагал временем для размышлений. В тот же день он повидался с Мильнером и Хэйгом. Вечером Клемансо передал ему условия перемирия, предложенные Фошем, указав, что это материал сугубо конфиденциальный. На следующее утро Хауз обсуждал проблему перемирия с генералом Блисссом. После этого он отправил телеграмму Вильсону: «Я надеюсь полностью ознакомиться с ситуацией ещё до заседания Высшего военного совета во вторник»¹. Можно наверняка сказать, что это похвальное и скромное намерение Хауза не было осуществлено. Полковник Хауз полагал, что его задача заключается только в том, чтобы обеспечить признание Четырнадцати пунктов со стороны союзников. Военные условия перемирия он считал всецело делом военных. 1 ноября он заявил, «что он не намерен взять от Германии более, чем это абсолютно необходимо, но что он готов предоставить это дело маршалу Фошу». В равной степени Хауз соглашался на руководящую роль представителей Англии в военно-морских вопросах².

Профессор Сеймур отмечает, что, хотя полковник Хауз и принял военные условия, выдвинутые Фошем, и военно-морские условия, выдвинутые англичанами, «весь процесс составления условий перемирия находился, тем не менее, под влиянием политических взглядов президента, которые изложены в его нотах, адресованных Германии»³.

Едва ли можно считать это заявление достаточно обоснованным. Хауз был того мнения, что политические решения мирной конференции были обеспечены принятием Четырнадцати пунктов. Нет никаких доказательств того, что он сознавал политические последствия военных условий. Его отношение к перемирию

¹ *Baker, R. S., Woodrow Wilson, Life and Letters, VIII, p. 520.*

² *House, IV, p. 123, 138; Baker, R. S., Woodrow Wilson, Life and Letters, VIII, p. 521—523; Pershing, gen. J. J., My Experiences, II, p. 364.*

³ *Seymour, C., American Diplomacy in the World War, p. 364.*

было чисто платоническим. Ллойд Джордж смотрел на дело совсем иначе, когда произнёс следующее: «Условия перемирия должны, по возможности, содержать как можно больше окончательных мирных условий»¹. Иначе смотрел на это и Фош. «Тезис о том... что генерал находится по одну сторону баррикады, а политические деятели и дипломаты — по другую, является совершенно неправильным или, можно даже сказать, абсурдным. Цель войны не двойственная, а единая; то же относится и к миру... Обе эти стороны дела неразрывно связаны между собой»².

Можно ли утверждать, что перемирие явилось крупной дипломатической победой США? Четырнадцать пунктов были включены в союзную ноту, чтобы мир мог ими восхищаться; но в тексте условий перемирия скрывались и те мирные условия, на которых хотели настаивать Франция и Великобритания.

Условия перемирия наряду с Четырнадцатью пунктами обсуждались полковником Хаузом, Ллойд Джорджем, Клемансо и Орландо на ряде частных совещаний за период между 29 октября и 4 ноября. На них же лежала ответственность за окончательное решение по поводу военных и военно-морских условий. Кто были их военные консультанты? Если бы, как утверждал Фош, достаточной компетенцией обладали лишь одни главнокомандующие, Хэйг, возможно, выступил бы против Фоша³.

Если, наконец, признанные консультанты Верховного военного совета смогли бы обращаться к Совету со своими претензиями, то Блисс выдвинул бы со своей стороны проект разоружения и демобилизации. Не было сомнений в том, кому в триумвирате Фош — Хэйг — Блисс принадлежала гегемония. На совещание с участием Хауза и союзных министров вызвали одного лишь Фоша. Хэйга лично никто не выслушал; его мнение излагал — точно или не точно — британский премьер. Генерал Блисс получил лишь то удовлетворение, что утром 28 октября представил свой меморандум полковнику Хаузу; но в тот же день он узнал, что премьер-министры отвергли его предложение, поскольку Фош утверждал, что немцы на полное разоружение не согласятся⁴. Обсуждение сосредоточилось вокруг проекта условий, предложенных Фошем. Действовавшему по собственной инициативе Фошу удалось добиться значительного

¹ *Wemyss, Life and Letters*, p. 398.

² Цит. по *Liddell Hart, B. H., Foch, Man of Orleans*, II, p. 413.

³ *Foch, Memoirs*, p. 533.

⁴ *House*, IV, p. 117—119.

дипломатического успеха. Вопрос об оккупации германской территории явно выдвинулся на передний план.

Ход обсуждения военных условий между полковником Хаузом и союзными премьер-министрами слишком общеизвестен, чтобы излагать его подробно. Можно проследить его по широко известному «Архиву полковника Хауза», к которому добавить почти нечего. Ллойд Джордж выразил своё мнение по поводу того, что не следует настаивать на оккупации восточного берега Рейна; однако он позволил Фошу переубедить себя. Если у Хауза имелись когда-либо возражения, то они отпали в результате того, что он проникся сочувствием к настойчивым заявлениям французов, что честь Франции требует такой оккупации. Наши сведения об этом обсуждении говорят в пользу того, что, хотя Хэйг и Блисс настаивали на нереальности самого рассмотрения условий перемирия с военной точки зрения отдельно от политических последствий и хотя на самом деле эту же точку зрения разделял и Фош, союзные государственные деятели приняли условия Фоша исключительно по военным соображениям. Судьба Рейнской области стала темой политических разногласий только после созыва мирной конференции.

Окончательные военно-морские условия перемирия не менее, чем условия военные, отразили на себе влияние политических соображений. Военно-морские предложения, представленные 28 октября британским адмиралтейством, были шагом вперёд по сравнению с предложениями, выдвинутыми в начале того же месяца. Адмиралтейство намеревалось теперь потребовать сдачи всех германских подводных лодок, находящихся в море, флагманского корабля «Баден», 10 линкоров, 6 линейных крейсеров, 8 лёгких крейсеров и 50 эсминцев. Полковник Хауз и союзные министры полагали, что эти условия были слишком суровы. Ллойд Джордж согласился назвать определённое число подводных лодок, подлежащих сдаче. Адмирал Уимисс ориентировочно определил это число в 160; однако в дальнейшем оказалось, что эта цифра в действительности включала все подводные лодки, находившиеся в распоряжении Германии. Ллойд Джордж готов был также отказаться от своего требования на передачу флагманского корабля «Баден» и соглашался на интернирование линкоров в нейтральных портах при сохранении минимальных экипажей на борту. Этот порядок, заявил он, будет более приемлемым для немцев, которые в таком случае могли бы рассчитывать на возвращение им линкоров. Однако Ллойд Джордж некоторое время категорически возражал против изменений в требованиях адмиралтейства, касавшихся тяжёлых крейсеров. «Немцы располагают большим числом тяжёлых крейсеров,

и ещё несколько находится в процессе постройки. Таким образом, в 1919 г. у них будет столько же крейсеров, сколько у всех союзников, вместе взятых; при этом они будут даже пользоваться превосходством в Северном море... Эти суда обладают большой скоростью, и за ними не может угнаться ни одно военное судно союзников»¹.

Наконец, 3 ноября Ллойд Джордж предложил компромисс: интернирование в нейтральных портах всех тех надводных судов, передачи которых союзникам требовало британское адмиралтейство. Он полагал, что этот план обеспечит цели, выдвинутые адмиралтейством, и едва ли встретит такие возражения со стороны немцев, как требование немедленной сдачи всех этих судов. Однако в последний момент, благодаря тому что не удалось найти подходящий и определённый нейтральный порт для интернирования германских военных кораблей, это условие Ллойд Джорджа было удачно дополнено фразой, по которой допускалось интернирование этих судов в одном из союзных портов².

Готовность Ллойд Джорджа к смягчению военно-морских условий встретила жёсткую критику со стороны межсоюзного Военно-морского совета. Причины этой оппозиции экспертов были суммированы следующим образом в официальной британской военно-морской истории войны. «Все союзные адмиралы полагали, что смягчить эти условия было бы весьма опасно. Им дали понять, что условия перемирия должны быть как можно ближе к условиям окончательного мира. Но, поскольку с абсолютной точностью было известно, что германский флот фактически окажется уничтоженным в результате заключения мирного договора, зачем было изменять условия перемирия? Интернированный флот мог быть использован в качестве разменной монеты на мирной конференции, и немцы, безусловно, попытались бы возратить его себе с помощью политических уступок». Американский адмирал Бенсон был единственным, кто не согласился с этой точкой зрения³.

Уступки Ллойд Джорджа показались наиболее опасными адмиралу Уимиссу. В своём дневнике последний указал: «Это действительно опасно. Я мог бы согласиться с премьером, если бы условия перемирия могли отличаться от окончательных мирных условий, но на самом деле это не так»⁴.

¹ *House*, IV, p. 129—132.

² О переговорах по военно-морским условиям см. *Newbolt*, H., *Naval Operations*, V, p. 370—372, 413—415; *House*, IV, p. 120—133; *Wemyss*, *Life and Letters*, p. 388, 394; *Mermeix*, *Les Négotiations secrètes*, p. 246, 261—264; *Aldrovandi*, L., *Guerra Diplomatica*, p. 206—207.

³ *Newbolt*, H., *Naval Operations*, V, p. 373.

⁴ *Wemyss*, *Life and Letters*, p. 387.

Условия перемирия были, наконец, одобрены Верховным военным советом 4 ноября. Четырьмя днями позже они были представлены Фошем германским представителям в Ретонде. В ходе переговоров немцам был предоставлен ряд весьма важных уступок. Важнейшей из них явилось предоставление шести лишних дней, в течение коих немцы могли завершить свой отход к востоку от нейтральной зоны, ширина которой была сокращена до 10 километров. Перемирие было подписано в 5 часов 12 минут утра 11 ноября, однако было помечено 5 часами, с тем чтобы оно могло войти в силу в 11 часов дня¹. Ниже мы кратко суммируем военные и военно-морские условия перемирия.

Германские войска должны были в течение 15 дней эвакуировать Бельгию, Францию, Люксембург, Эльзас и Лотарингию. В течение 31 дня они должны были отступить к востоку от нейтральной зоны на правом берегу Рейна. Фош был уверен в том, что быстрый отход вынудит немцев оставить на месте всю свою материальную часть².

Однако, для того чтобы обеспечить это, в условия перемирия был включён пункт, предусматривавший сдачу определённого количества вооружения и материалов. Союзные войска должны были занять территорию, эвакуированную немцами вплоть до Рейна, и удерживать переходы через Рейн у Майнца, Кобленца и Кёльна одновременно с предместными укреплениями у каждого из этих пунктов радиусом в 30 километров на правом берегу. Военно-морские условия перемирия предусматривали сдачу всех германских подводных лодок и интернирование в нейтральных или союзных портах 6 линейных крейсеров, 10 линкоров, 8 лёгких крейсеров и 50 эсминцев. Блокада должна была продолжаться.

В обзоре указано, каким образом условия перемирия должны были предопределять мирные условия. Первоначальные военно-морские условия, предназначавшиеся для включения в перемирие, были изменены в сторону большей суровости под влиянием того, что было бы трудно потребовать сдачи всего германского флота в рамках договора, основанного на Четырнадцати пунктах и принципах, высказанных Вильсоном. В то время как военно-морские условия изменились таким образом под влиянием вильсоновской дипломатии, можно предположить, что Фош потребовал бы оккупации Рейнской области и предместных укреплений независимо от того, были бы выдвинуты в качестве основы мира предложения Вильсона или нет. Фош ясно видел взаимосвязь

¹ Полное и подробное изложение переговоров между Фошем и немецкими представителями можно найти в работе «Der Waffenstillstand, 1918—1919. Das Dokumentenmaterial der Waffenstillstandsverhandlungen», S. 1—95. Hrsg. v. E. Marhefka, 1928.

² *Wemyss, Life and Letters*, p. 392.

между перемирием и мирным договором. Вряд ли оказалось бы возможным предъявить требования об отделении Рейнской области от Германии в ходе мирных переговоров, если бы данная территория не подверглась уже военной оккупации.

Условия перемирия неизбежно отражают относительное положение двух договаривающихся сторон в период завершения борьбы. Они могут представлять собой окончание борьбы на равных правах или же могут означать капитуляцию побеждённого. Если условия перемирия равносильны капитуляции, то они направлены к обеспечению двух преимуществ для победителя: во-первых, гарантии сохранения его военного превосходства и, во-вторых, облегчения для него возможности навязать свои условия мира. Французский учёный, анализируя перемирия, заключённые в наше время, пришёл к общему выводу, что с 1871 г. понятие перемирия всё больше приближается к понятию капитуляции и принимает характер прелиминарий мирного договора¹.

¹ *Sibert, M.*, L'Armistice dans le droit des gens, p. 42—46.

Г Л А В А III

МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И МИРНЫЙ ДОГОВОР

В последующих главах рассматривается ход переговоров на мирной конференции отдельно по каждой из основных проблем европейского соглашения с Германией. Поскольку такое изложение нарушает хронологический порядок, полезно предпослать этой главе краткую историю переговоров в 1919 г.

12 января 1919 г. английский, французский и итальянский министры встретились на заседании Совета с президентом Вильсоном и полковником Хаузом. На следующий день к ним присоединились японские представители. Вскоре начались систематические заседания Совета десяти, состоявшего из двух представителей от каждой из пяти великих держав. Так начала свою работу мирная конференция.

В течение последующих двух месяцев работой конференции руководил Совет десяти. За этот период в области разрешения главных проблем, касавшихся урегулирования отношений европейских стран с Германией, достигнуто было мало. На первый план выдвинулись теперь другие вопросы: руководство осуществлением перемирия, колониальные требования, территориальные претензии восточноевропейских государств и т. д. Через два месяца после открытия конференции разоружение представляло собой единственный важный вопрос урегулирования отношений европейских стран с Германией, по которому действительно удалось достигнуть окончательного решения, хотя и были созданы комиссии по рассмотрению будущих границ Германии с Бельгией, Польшей и Чехословакией и по изучению проблемы репараций. Не совсем ясно, почему было отложено обсуждение важнейших политических проблем. В течение долгого времени ответственность возлагали на президента Вильсона, так как он настаивал на том, что первой задачей конференции должна быть выработка устава Лиги наций. Тем не менее совершенно ясно, что основное внимание, уделяемое Вильсоном уставу, не могло само по себе препят-

ствовать Совету десяти заниматься одновременно разрешением таких проблем, как проблемы Рейнской и Саарской областей. Много времени неизбежно пришлось затратить на повседневное обсуждение вопросов, касавшихся поддержания порядка в Европе. Однако трудно избежать впечатления, что рассмотрение основных вопросов, касавшихся разрешения германской проблемы, было отложено в первую очередь в силу серьёзных разногласий между взглядами Клемансо, с одной стороны, и Вильсона, с другой; к последнему до некоторой степени примыкал Ллойд Джордж; Клемансо считал, что отсрочка диктуется осторожностью. Говорят, что у самого Ллойд Джорджа к концу января создалось впечатление, что французы «оттягивают решение важных вопросов до отъезда президента Вильсона»¹.

14 февраля президент Вильсон выехал из Европы в Соединённые Штаты. В середине февраля завершилась первая фаза конференции. Полковник Хауз действовал в качестве главы американской делегации в отсутствие её руководителя. В руководстве английской и французской делегаций также произошли изменения. 19 февраля было совершено покушение на Клемансо. В течение нескольких дней он был прикован к постели. Примерно в те же дни Ллойд Джордж выехал в Лондон. Бальфур остался в Париже в качестве главного английского делегата. Хауз и Бальфур проделали большую работу и продвинули конференцию вперёд. В марте отсутствующие лидеры один за другим вернулись на свои места в Совете десяти: Клемансо — 1 марта, Ллойд Джордж — 6 марта и Вильсон — 17 марта. С возвращением Вильсона из Америки конференция вступила в новую фазу.

Новая фаза была ознаменована двумя переменами. Совет десяти перестал быть главным органом конференции. Клемансо, Ллойд Джордж, Вильсон и Орландо начали проводить совещания неофициального характера. Вначале на этих совещаниях не присутствовал ни секретарь, ни переводчик. Переговоры велись на английском языке, причём Клемансо действовал в качестве переводчика для Орландо, к некоторому неудобству для последнего. Эти совещания получили название Совета четырёх. Вскоре на них были приглашены секретарь сэр Морис Хэнки и переводчик Манту. До подписания договора с Германией вся тяжесть решений по всем главным вопросам лежала на Совете в этом сокращённом составе. Министры иностранных дел и Хауз, покинутые Вильсоном и премьер-министрами, образовали Совет пяти, или Совет министров иностранных дел; здесь обсуждались менее важные вопросы.

¹ *Borden, H., R. L. Borden: His Memoirs, II, p. 903. Entry in diary. January 21.*

Другой переменной, ознаменовавшей новую фазу, было принятие иного порядка в обсуждении вопросов. Теперь, наконец, серьёзно приступили к разрешению основных проблем, связанных с урегулированием отношений с Германией. 10 марта, за четыре дня до возвращения Вильсона из Америки, были созданы два небольших комитета: один — для изучения вопроса о западной границе Германии, другой — вопроса о репарациях. Вопросы о репарациях и о Рейнской области непрерывно обсуждались Советом четырёх сразу после возвращения Вильсона, а саарский вопрос был поднят 28 марта.

В течение трёх недель не было достигнуто почти никаких результатов, если не считать возросшей напряжённости в отношениях между участниками, и почти ничего не было сделано для достижения соглашения по основным проблемам: репараций, Рейнской области и Саара. Хауз посетил Клемансо 20 марта, после вечернего совещания между Клемансо, Ллойд Джорджем и Вильсоном. Он спросил Клемансо, как у них идут дела. «Блестяще, — последовал ответ Клемансо. — Мы разошлись по всем вопросам»¹.

Особенно обострились отношения между Вильсоном и Клемансо. 6 апреля, в воскресенье, американская делегация в течение двух часов совещалась с президентом у него на квартире. Было решено, что президент заявит своим коллегам, что они должны прийти к соглашению или же он будет настаивать на отказе от тайных «совещаний четырёх» и на открытом обсуждении всех вызывающих разногласия вопросов на пленарном заседании конференции. На следующее утро Вильсон послал телеграфный запрос о том, когда его судно «Джордж Вашингтон» может быть в Бресте. Таким образом, Вильсон стал думать о внезапном отъезде. «Я считаю, что на этой неделе наступит переломный момент»², — писал генерал Блисс.

Ллойд Джордж в последние дни марта также выступил за умеренный мир. На короткое время Вильсон и Ллойд Джордж заняли одинаковую позицию. 22 марта Ллойд Джордж выехал с несколькими советниками в Фонтенбло, чтобы провести там субботу и воскресенье. За это время они составили известный меморандум «Некоторые соображения для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий», датированный 25 марта. Этот меморандум был распространён среди участников конференции. В красноречивом обращении Ллойд Джордж высказался за мир, основанный на таком стремлении к справедливости, чтобы даже противник был вынужден признать его достоинства. Со всем пылом пророка он предсказывал, что условия,

¹ *House*, IV, p. 405.

² *Palmer, F.*, *Bliss*, p. 387—388.

ставящие целью подавление врага, вызовут в нём дух отмищения. Тем не менее его призыв к умеренности несколько опровергался сравнительной жёсткостью конкретных предложений. Единственным непосредственным результатом этого призыва была полемика Ллойд Джорджа с Клемансо, в которой оба проявили равное искусство. Клемансо утверждал, что если нужно удовлетворить Германию, то необходимо пересмотреть уже достигнутые решения и отказаться от изъятия колоний у Германии, а также от сдачи германского военного флота и от передачи торгового. Клемансо не мог последовать за призывом Ллойд Джорджа. Он считал, что английский премьер-министр, обеспечив вначале для своей страны земные блага, теперь с некоторым запозданием жаждал справедливости за чужой счёт. Ллойд Джордж надеялся ускорить урегулирование вопроса; с наступлением апреля он всё же потерял терпение.

Тем не менее уже в первых числах апреля по ряду причин напряжение несколько уменьшилось. Вильсон заболел 3 апреля и не присутствовал на заседаниях Совета четырёх до 8 апреля. Его место занял более примирительно настроенный Хауз. В отсутствие Вильсона были приняты важные предварительные решения по вопросу о репарациях. Ллойд Джордж изменил политическую линию и склонился к французской точке зрения по вопросу о репарациях в результате парламентского шторма в Вестминстере. 9 апреля приблизилась к своему разрешению саарская проблема. Долее всего откладывалось соглашение об оккупации Рейнской области. В конце концов 15 апреля Вильсон согласился на компромиссное решение этого вопроса, может быть также для того, чтобы облегчить принятие необходимых для него американских поправок в уставе Лиги. Ллойд Джордж как раз перед тем выехал в Англию, чтобы 16 апреля в палате общин оправдать своё поведение во время переговоров. После почти немедленного возвращения во Францию у него, повидимому, не было иного выбора, как принять тот оккупационный план, на который согласились Вильсон и Клемансо. Терять времени нельзя было, ибо 14 апреля было сделано сообщение о решении пригласить немцев в Версаль.

«Тёплая погода и мирный договор, повидимому, заставят себя ждать»¹, — писал один из членов американской делегации 25 апреля.

В действительности, однако, разработка различных частей договора значительно продвинулась вперёд; но лица, занятые подготовкой одного раздела, плохо знали, как продвигается работа по другим разделам². 29 апреля прибыли германские представи-

¹ *Shotwell, J. H.*, At the Paris Peace Conference, p. 294.

² См. *Г. Никольсон*, Как делался мир в 1919 г., «Библиотека внешней политики», Госполитиздат, М. 1945. — *Прим. ред.*

тели, и в последующие дни различные разделы договора были наспех смонтированы в одно целое. 6 мая на пленарном заседании конференции условия в целом были сообщены представителям «малых» государств, а 7 мая они были формально представлены германской делегации.

Затем последовал период неуверенности, согласится ли Германия подписать договор. Германская делегация протестовала против условий мира в ряде нот, завершившихся меморандумом от 29 мая. Германская критика и опасения, что Германия предпочтёт возобновить войну, чем подписать такой договор, заставили Ллойд Джорджа начать энергичную кампанию за пересмотр условий договора.

1 июня, в воскресенье, Ллойд Джордж совещался в Париже с английским кабинетом министров. Для этой цели он вызвал английских министров из Лондона. Присутствовали также премьер-министры доминионов. Ллойд Джордж призвал к критике договора. По его словам, он готов был изменить свои взгляды, если бы его убедили, что информация, которая определила его прежние решения, не была обоснованной. Английские министры согласились, что Ллойд Джордж должен настаивать на уступках по отношению к Германии в четырёх направлениях: граница с Польшей, оккупация Рейнской области, репарации и принятие в члены Лиги наций. Ллойд Джордж сам предложил, чтобы его уполномочили заявить своим коллегам в Совете четырёх, что Британская империя не поддержит требования о том, чтобы Германия приняла договор без всякого изменения. «Клемансо, — сказал Ллойд Джордж, — не пойдёт ни на какую дискуссию, если его к тому не принудить. Клемансо — человек, сам обладающий чувством справедливости, но он находится в весьма трудном положении, ввиду того что за ним стоит общественное мнение Франции. Однако, если он узнает, что ему придётся либо бороться с собственными экстремистами, либо идти напролом без Британской империи, он пожелает дискутировать»¹.

Совещание английских министров продолжалось в течение всего воскресенья и в понедельник утром. В понедельник вечером Ллойд Джордж информировал Вильсона и Клемансо о решениях британского кабинета. «Британское общественное мнение, — заявил он, — хочет мира и не очень заинтересовано в деталях. Все те, с кем он совещался, единодушно согласны в том, что если известные недостатки договора не будут исправлены, они не могут от себя дать совет премьеру о наступлении английской армии и об участии британского флота в блокаде». Клемансо дал ответ, который его коллеги так часто слышали от французских предста-

¹ *Lloyd George, Peace Treaties, I, p. 687—720.*

вителей: «Мы, французы, знаем Германию и немцев лучше, чем вы. Чем больше уступок мы им сделаем, тем большего они затем потребуют сами». Ллойд Джордж в ответ пригрозил вернуться в Англию и представить вопрос на рассмотрение парламента, если Клемансо не согласится на предлагаемые изменения в условиях мира. В конце концов было решено, что Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон будут консультироваться с членами своих делегаций¹.

Консультации, повидимому, действительно имели место на следующее утро. Совет четырёх вернулся к вопросу о пересмотре условий во вторник вечером. Мы не намереваемся излагать здесь ход дискуссий в последующие дни. Достаточно сказать, что борьба Ллойд Джорджа увенчалась лишь частичным успехом: наибольшим — в вопросе о восточной границе Германии, наименьшим — пожалуй, в вопросе о репарациях. Если Ллойд Джордж ожидал поддержки от Вильсона, то ему пришлось разочароваться. В Совете четырёх Вильсон оказал Ллойд Джорджу лишь слабую поддержку. «Я готов, — сказал Вильсон своим коллегам 3 июня, — изменить те статьи, в отношении которых можно доказать, что они являются несправедливыми; но я не собираюсь пожертвовать нашими решениями в угоду немцам»². Именно к Вильсону воззвал Клемансо, когда Ллойд Джордж 25 июня внезапно появился в военном министерстве, чтобы сообщить, что он не может подписать договор, ибо оккупация Рейнской области для Англии неприемлема³. Ввиду непримиримости Вильсона Ллойд Джордж в конце концов был вынужден уступить. Три дня спустя Версальский договор был подписан.

Когда представитель Америки Генри Уайт принял членов французской палаты депутатов, он был потрясён и огорчён, узнав, что они серьёзно опасались, что «через несколько лет Германия снова нападёт на Францию». Среди французов это опасение было всеобщим. «Война, — писал другой член американской делегации, — уничтожила всякое доверие к доброй воле Германии даже со стороны либеральной части французского общества»⁴.

Потенциальная военная мощь республиканской Германии пугала Францию не меньше, чем мощь Германской империи. Фош выражал общее убеждение французов, когда писал:

«Теперь, когда Гогенцоллерны ушли при обстоятельствах, особенно компрометирующих эту династию, да и всякую военную

¹ *Miller*, XIX, p. 277; *Tardieu*, A., *Le Sleswig*, p. 246; *Baker*, II, p. 111—112; «*Anglo-French Negotiations*», p. 106.

² *Tardieu*, A., *Le Sleswig*, p. 249.

³ *Mordacq J. J. H.*, *Le Ministère Clémenceau*, III, p. 317.

⁴ *Nevins*, A., *Henry White*, p. 379; *Shotwell*, J. H., *At the Paris Peace Conference*, p. 92.

монархию, опасность возвращения Германии к империи можно считать ничтожной. Однако республиканское правительство, построенное на тех же принципах милитаризма и централизации власти и держащее к тому же в руках всю Германию, будет не менее опасным и останется не меньшей угрозой миру. Опыт показывает, что нетрудно придать подобный характер республиканскому строю в стране, пропитанной прусской системой, прусскими методами и милитаристскими доктринами, в стране, где дисциплина и централизация власти в силу национального характера и исторической традиции всё ещё являются основой общества. Более того, республиканская Германия, не встречая тех трудностей, которые, несомненно, создавало для империи существование малых княжеств, вероятно, извлечёт новые силы из своего единства, из жизнеспособности и энергии народа, отныне тесно связанного со своим правительством).

Чрезмерное доверие к демократическому развитию Германии, добавил Фощ, не должно «поставить под угрозу нашу доктрину свободы и справедливости да и самое существование Франции, ибо решительная и новая перемена убеждений, решительная моральная реакция могут вновь бросить на нас в новой войне огромное число людей, обученных обращению с оружием и могущих очень быстро быть превращёнными в мощную армию»¹.

За этими опасениями кроется сознание того, что могущество Франции зиждется на ненадёжной основе. Время будет работать на пользу побеждённого врага, значительно более сильного с точки зрения численности населения и промышленных ресурсов. Победа была едва-едва достигнута, и притом силами далеко не одной только Франции. Это была победа коалиции, а, как известно из истории, победа приводила обычно к распаду всех союзов. Отпадение России ликвидировало главную основу французской довоенной политики, и впереди возникала угроза русско-германского блока. С течением времени Франция, возможно, станет искать новые государства Восточной Европы, способные выполнять вакантную роль России; но, до тех пор пока положение этих государств не стабилизируется, они останутся для Франции скорее бременем, чем поддержкой. «Западная Европа, — заключает Фощ, — должна полагаться на свои собственные ресурсы, чтобы определить своё будущее и гарантировать себя от возможности возобновления германской агрессии»².

Наиболее откровенное выражение французской политики накануне конференции следует искать в речи Клемансо в палате

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 20—21.

² Ibid., p. 21.

депутатов от 29 декабря 1918 г. Он говорил без подготовки; в его намерения не входило участвовать в прениях, но в ответ на брошенный ему Альбером Тома вызов Клемансо, по его словам, дал себе право «мыслить вслух»:

«В течение последних лет мы трудились, страдали, боролись. наших братьев убивали, наши города и наши деревни подвергались опустошению. Каждый из нас по праву говорит: «Мы должны следить за тем, чтобы этого не случилось опять». Я такого же мнения. Но как это сделать?»

Существовала старая система, которая, повидимому, сейчас осуждена; этой системе — не боюсь в том признаться — я остаюсь до некоторой степени верен и теперь: согласно ей страны сами организовывали свою оборону. Это было весьма прозаично. Они пытались обеспечить себе хорошие границы. Они вооружались. Это было тяжёлым бременем для всех народов...

Я говорил, что существовал старый метод создания прочных и хорошо обороняемых границ, вооружений и того, что называлось равновесием сил... Эта система сейчас, повидимому, осуждена лучшими авторитетами. Однако, по моему мнению, если бы это равновесие, которое стихийно возникло в период войны, существовало раньше, если бы, например, Англия, Америка, Франция и Италия договорились, что тот, кто нападает на одного из них, нападает на весь мир, война не произошла бы...

Таким образом, прежде существовала система союзов, от которой я не хотел бы отказываться, — я это открыто говорю вам; отправляясь на нынешнюю конференцию, я думал главным образом о том, что ничто не должно разделить в послевоенный период четыре державы, которые вместе сражались в войне. Ради этого союза я готов пойти на любые жертвы...

Всё же, господа, когда я говорю о международных гарантиях, которые ещё не увидели света и которые, пожалуй, будет труднее создать в действительности, чем в каких-либо письменных заявлениях или речах, я могу открыто сказать, что если Франции позволено будет следить за своей обороной — ибо она прежде всего не желает допустить нового вторжения, — то я со своей стороны с радостью приму от её имени любые дополнительные гарантии. Я пойду даже дальше. Если будет решено, что эти дополнительные гарантии таковы, что мы сможем отказаться от военной подготовки, тогда я сделаю это с удовольствием, ибо отнюдь не склонен навязывать моей стране ненужные расходы¹.

¹ «Chambre: Débats», Décembre 29, 1918, p. 3350—3352; *Clémenceau, Discours de Paix*, p. 15—34.

✓ Каким путём предполагала Франция обеспечить свою оборону, хорошо известно. Она хотела удерживать при поддержке союзных войск военную границу по Рейну, номинально охраняемую независимой Рейнской республикой. Поскольку это предложение было встречено сильнейшей оппозицией со стороны Великобритании и США, оно оказалось несовместимым с первым принципом политики Клемансо — сохранением Антанты. Поэтому, когда в качестве другого средства обеспечения безопасности Франции было предложено англо-американское обязательство военной помощи, Клемансо отказался от своего предложения, но лишь после того, как добился английского и американского согласия на временную оккупацию Рейнской области.

В последние дни августа договор подвергся изучению со стороны встревоженной палаты депутатов. Обеспечена ли Франция от будущего нападения? Преобладало чувство недоверия: вооружение Германии должно быть ограничено, но ведь это ограничение не будет предметом постоянного контроля. Зачем вообще оставлять Германии армию? Почему для неё недостаточно одной полиции? Левый берег Рейна должен быть демилитаризован так же, как и полоса шириной в 50 километров на правом берегу. Однако обеспечено ли сохранение этой демилитаризованной зоны? В Саарской области предполагается восстановление границы 1815 г., а не более прочной границы 1814 г. Рейнская область подлежит оккупации союзниками на 15 лет; но условие об эвакуации территории к концу каждого пятилетнего периода ставит под сомнение самую ценность оккупации с точки зрения безопасности. Правые депутаты, депутаты центра и даже депутаты левой критиковали договор в связи с тем, что не удалось обеспечить постоянную военную границу по Рейну. Английский и американский договоры о гарантии были встречены с удовлетворением. Однако окажутся ли эти договоры без дополнительных военных соглашений достаточно эффективными, чтобы гарантировать Францию от опасности немецкого вторжения? Внимательное изучение не могло не обнаружить непрочности дипломатического механизма, созданного для обороны Франции. Так, Альбер Тома, лидер социалистов и будущий секретарь Международного бюро труда, спрашивал, может ли эта «сумма отрицательных величин... послужить прочной основой безопасности для страны»¹.

Позднее, в 1920 г., стало известно, что жертва, принесённая Клемансо, была напрасной. Американский договор о гарантии не состоялся. Ввиду этого не вступил в силу и английский договор о гарантии.

¹ «Chambre: Débats», Août 29, 1919, p. 3662.

Необходимо остановиться на этих неудачных договорах. Первоначальным намерением было, повидимому, подписание трёхстороннего договора. Однако президент Вильсон объяснил Ллойд Джорджу, что считает более целесообразным заключение отдельных договоров между Соединёнными Штатами и Францией и между Великобританией и Францией. В составленной Бальфуrom английской ноте, которой Великобритания официально обязывалась заключить такой договор, вступление в силу английского договора обуславливалось ратификацией договора американского. Президент Вильсон предполагал, что это условие прошло незамеченным для французов. Однако поскольку нота Бальфура была внимательно прочитана и самим Клемансо и проницательным Тардье, то вряд ли это предположение было правильно. К несчастью, американский договор о гарантии постигла та же судьба, что и самый Версальский договор, который в марте 1920 г. пал жертвой гибельного смещения традиционного противодействия всяким обязательствам Америки в области иностранной политики с партийной враждой республиканцев и демократов, с враждой сената и президента, а также с личной враждой к президенту Вильсону. Ирония судьбы заключалась в том, что переговоры об американском договоре о гарантиях должна была вести в Париже делегация, которая относилась к нему неодобрительно и ставила своей задачей провалить его, в противовес тем лицам, лидером которых был сенатор Лодж, благоприятно относившийся к договору. Сенатор Лодж подготовил этот договор, но в то же время осудил устав Лиги наций, тогда как влиятельные члены американской делегации на конференции были сторонниками устава, но осуждали договор. Они опасались, что особые гарантии, предоставленные Франции, поставят под сомнение ценность гарантий, содержащихся в уставе Лиги наций. Сенатор Лодж, хотя и был противником общей системы гарантий, готов был принять отдельный договор с Францией¹.

Считается общепризнанным, что провал англо-французского договора был величайшей ошибкой. Среди французов возникло убеждение, что Франция оставлена своими товарищами по победе в крайне опасном для неё положении. Английское отступление приписывалось самым корыстным побуждениям национального эгоизма. Версальский договор, говорили

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 95, 104—105; *Miller*, I, p. 294—295. Об отклонении Версальского договора сенатом США см. *Holt, W. S.*, *Treaties defeated by the Senate*, p. 301—303; *Fleming, D. F.*, *The United States and the League of Nations*. О Лодже см. *Nevins, A.*, *Henry White*, p. 405—450; *Cambon, J.*, *La Paix*, «Revue de Paris», Novembre 1937, p. 28.

французы, обеспечивает Великобритании прочные и бесспорные выгоды. Уничтожение германского флота и передача германских колоний являются совершившимися фактами, которые Германия напрасно попыталась бы оспаривать. Эта выгодная позиция служит для Великобритании соблазном вернуться к политике изоляции и избавиться от ответственности за контроль над выполнением договора. Одной Франции пришлось стать объектом яростного недовольства Германии. Она вынуждена настаивать на уплате репараций, ей приходится защищать новое устройство Европы от посягательств со стороны Германии, ибо это является условием могущества Франции и даже самого её существования.

Хотя в ту пору Версальский договор был встречен во Франции с недоверием, французское общественное мнение в основном склонялось к его поддержке. Статьи договора, если бы они выполнялись целиком, могли послужить гарантией против того, чтобы Германия стала стремиться вновь к господству на континенте. Французам казалось важным, чтобы Германия не получила никаких оснований для надежды, что ей позволят поставить под сомнение порядок, установленный в результате победы союзников. Настойчивое требование строгого соблюдения Германией условий договора стало характерной чертой французской политики. На этом основании протесты против договора, возникшие в Великобритании в сочетании, как казалось французам, с несколько загадочной позицией английского правительства в вопросе о пересмотре договора, возможно, послужили ещё более сильной причиной расхождения между Великобританией и Францией, чем формальный отказ от англо-французского договора.

В общественном мнении Великобритании осуждение Версальского договора быстро росло в течение шести месяцев между подписанием договора и его вступлением в силу, увеличиваясь как в размерах, так и в интенсивности. Прения в палате общин 3 и 21 июля подтвердили, повидимому, диагноз Ллойд Джорджа, что его соотечественники хотели мира и не очень беспокоились относительно деталей договора. Однако палата общин перестала точно отражать чувства английского народа. Её состав напоминал о бурных страстях, разыгравшихся в декабре 1918 г., и не соответствовал более холодным чувствам, которыми постепенно проникались англичане. «Спектейтор» мог ещё заявлять: «Этот мир является хорошим миром; он является тем, чем и должен был быть, — миром, продиктованным противнику»¹. Однако с этим мнением «Спектейтора» расходилось всё большее число

¹ «The Spectator», May 10, 1919.

либерально настроенных англичан. Нападки на договор возглавлялись небольшой, но талантливой группой — Союзом демократического контроля¹; по мнению этой группы, договор подтвердил существовавшие на протяжении всей войны сомнения в искренности военных целей союзников. За три дня до подписания договора ежегодный съезд лейбористской партии принял резолюцию, предложенную Рамзеем Макдональдом, в то время руководящим членом союза, в которой содержалось требование «немедленного пересмотра Лигой наций суровых условий договора... как первого шага к примирению народов и к установлению новой эры международного сотрудничества и доброй воли»². Шесть месяцев спустя кампания за пересмотр договора получила внезапный и неожиданный стимул в результате опубликования работы Дж. М. Кейнса «Экономические последствия мира». Раздался «гром среди ясного неба» — так комментировал появление этой работы журнал «Нейшн». Действительно, с таким энтузиазмом были встречены не многие книги. Когда парламент собрался вновь в феврале 1920 г., оппозиция решила внести поправку к тронной речи, выражая сожаление, что «министры вашего величества не признали, что для наших бывших врагов невозможно выполнить многие из условий мирных договоров».

В этом выступлении влиятельной части английского общества против Версальского договора можно различить две черты: возмущение идеалистов по поводу его несправедливости и презрение экономистов к его полной неразумности. Впрочем, такое логическое разграничение является лишь условным и служит целям нашего изложения. Станным образом многие из тех, кто на протяжении всей войны провозглашал свою преданность принципу самоопределения, теперь обращались к этому принципу только с тем, чтобы критиковать новые границы Германии; в то же время, исходя из экономических соображений, они сожалели о том, что этот принцип принят за основу при политическом переделе Европы. Те же, чьей главной заботой было экономическое восстановление, зачастую обращались с неопределёнными призывами к миру, которые, как казалось французам, являлись не чем иным, как малодушным отказом нести ответственность, налагаемую победой. «Эконо-

¹ «Союз демократического контроля» — небольшая группа либералов, лейбористов, фабианцев и внепартийных общественных деятелей, профессоров и публицистов, образовавшаяся в 1917 г. в Англии под руководством Э. Мореля с целью разоблачения захватнического характера внешней политики воюющих держав, в том числе и Великобритании.— *Прим. р д.*

² «Labour Party: Report of Annual Conference», 1919, p. 139—142.

мическое восстановление Европы должно быть сейчас нашей первой заботой, — заявил г. Мак-Кенна. — Если мы будем пренебрегать им, вся наша внешняя торговля сократится и придёт в упадок... В настоящее время Европа нуждается прежде всего в мире! Не только в мире пактов и договоров, но и в мире, проникнутом духом миролюбия, когда нации «перекуют свои мечи на орала»¹.

Англичанам, ошеломлённым ужасами блокады, потрясённым страстями и недовольством, которые оставила после себя война, было нелегко понять, что «и война и мир определяются в конечном счёте силой»².

Чтобы рассмотреть — хотя бы вкратце — критические замечания, направленные против отдельных статей договора, нам понадобилось бы слишком большое отступление; кроме того, в этом нет необходимости. Протесты против договора не ограничивались ведь критикой деталей. Самым общим и самым резким обвинением было обвинение в том, что ложен самый дух договора. Разве германский народ в согласии с призывом союзников не сбросил с себя иго самодержавия? Зачем тогда возлагать на новый режим ответственность за преступления старого? Почему не сделано в отношении демократической Германии никакого примирительного жеста? Разве подлинный источник зла не заключается в том, что мотивы старой дипломатии оказывали преобладающее влияние на союзных лидеров? Они полагались на то, что сила послужит им гарантией против восстановления германской мощи. Они изъяли германскую территорию из германского управления, создав в Саарской области особый режим, что было «грабительским и неискренним актом»³; они объявили Данциг свободным городом, т. е. допустили «скрытую аннексию»⁴, и включили Западную Пруссию в Польшу. Всё это было ущемлением нации, против которого германский национализм будет негодовать всегда⁵.

Союзники отрицали за австрийцами право на самоопределение, они даже поставили миллионы немцев под власть чехов. Германия — единственная из числа великих держав — была разоружена, и, исключив её из Лиги, её заклеямили, как изгоя, среди стран мира. Это не был мир справедливости и права, который мог получить согласие германского народа; это не был и договор, который мог, говоря церковным языком, ниспослать

¹ «The Economist», May 7, 1921.

² Percy, Lord, Eustace, The Responsibilities of the League, p. 59.

³ Keynes, J. M., Economic Consequences of the Peace, p. 76.

⁴ Henderson, A., The Peace Terms.

⁵ «Foreign Affairs» (Union of Democratic Control), August 1919.

благодать на утомлённые сердца¹. Это был мир, созданный превосходящей военной силой. Он не мог быть длительным, ибо его сохранение зависело от существования великого военного союза, бдительного, решительного, единого и неослабного². Это не был такой мир, которого ждали либерально настроенные люди. Они мечтали о возрождённой Европе, очищенной от всякого милитаризма, не знающей ни национального угнетения, ни соперничества великих держав. Мечтали о том, чтобы народы вдохновлялись общими надеждами, а государственные деятели работали совместно в дружеском согласии. Это видение, бывшее в течение четырёх лет маяком спасения на горизонте, исчезло в тот момент, когда, казалось, должен был наступить новый век.

Точно так же экономические доводы против договора выходили за рамки критики отдельных деталей и превращались в принципиальные обвинения. Они получили своё классическое выражение в работе Дж. М. Кейнса. Позднейшие комментаторы ограничивались повторением основного содержания его знаменитой работы. Два нижеследующих отрывка из «Экономических последствий мира» передают нам суть положений г. Кейнса. Во-первых, «вокруг Германии как центра группируется вся остальная европейская экономическая система; от процветания и предприимчивости Германии зависит главным образом процветание остального континента». Во-вторых, «германская экономическая система, в том виде, в каком она существовала перед войной, зависела от трёх главных факторов: 1) колониальная торговля, представленная её торговым флотом, её колонии, её иностранные капиталовложения, её экспорт и заокеанские связи её коммерсантов; 2) эксплуатация её угля и железа и построенная на них промышленность; 3) её транспортная и тарифная системы. Договор направлен к систематическому уничтожению всех этих трёх факторов»³.

Отсюда вывод: договор несовместим с экономическим процветанием Европы. «Пока этот договор остаётся непересмотренным, — комментировал один из последователей Кейнса, — не может возобновиться, разве лишь на крайне слабой основе, та деятельность, которая при жизни поколения, существовавшего до войны, сделала Германию мастерской континента»⁴.

Предложения самого г. Кейнса не были неумеренными. Сумму репараций с Германии, которую договор точно не определил, следовало уменьшить до 2 миллиардов фунтов стерлингов. Это

¹ См. *Jacks, L. P.*, Why We are Disappointed, «Hibbert Journal», October 1919.

² *Brailsford, H. N.*, After the Peace, p. 63.

³ *Keynes, J. M.*, Economic Consequences of the Peace, p. 14, 60.

⁴ *Brailsford, H. N.*, After the Peace, p. 21.

уменьшение можно сделать более приемлемым для континентальных государств путём отказа Англии от всяких притязаний на получение от Германии репараций наличными деньгами и полным погашением военных долгов. Более спорным, с континентальной точки зрения, было предложение о таможенном союзе на началах свободной торговли, охватывающем всю Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу, а возможно, и Соединённое королевство и другие страны, которые желали бы к нему присоединиться.

Однако ограничиться напоминанием об этих главных экономических проблемах значило бы упустить из виду основную сущность труда Кейнса. Почему же эта книга вызвала возглас французского юриста: «Нет француза, который не почувствовал бы себя глубоко уязвлённым при чтении этого труда. Англо-саксонские пацифисты не понимают Франции»¹.

Эту фразу мы будем слышать затем на протяжении ряда лет, в течение которых английская политика будет приводить в отчаяние вполне благоразумных французов в такой же степени, в какой французская политика будет приводить в отчаяние вполне благоразумных англичан. Объяснение этих огорчений де Лапраделя можно, пожалуй, найти в той политической философии, которая воплощает выдвинутые Кейнсом критические высказывания в области экономики. Это была, поскольку речь шла о политических вопросах, философия несложного оптимизма, основанная на убеждении, что целеустремлённого осуществления экономических задач будет достаточно для того, чтобы европейские нации решили отбросить свои национальные чувства и посвятить себя «мыслям и надеждам на счастье и солидарность европейской семьи». Восстановление экономической деятельности было единственной достойной целью; всё остальное считалось неразумной затеей. Таково было кредо, изложенное Кейнсом с большой убедительностью и блеском. «Реальная» политика Клемансо в отношении «нереальных» вопросов — что могла означать она, кроме того, что вопросы национальной безопасности не имели никакого значения? Было ли разумно провозглашать статью X одним из «двух губительных недостатков устава Лиги наций»? Была ли деятельность Совета четырёх лишь «пустой и бесплодной интригой»? Был ли мир фактически Карфагенским миром?²

Подчёркивание Кейнсом первостепенной важности экономических вопросов наряду со значением, которое он придавал

¹ *Lapradelle, A. G., Les Conséquences économiques de la Paix, «Revue politique et parlementaire», Juin 10, 1920.*

² *Keynes, J. M., Economic Consequences of the Peace, p. 5, 139, 243.*

восстановлению германской экономической системы, вызвало недоверие со стороны континентальных государственных деятелей. Настойчивое преуменьшение значения политических проблем в европейском соглашении привело к тому, что все те, чьё сотрудничество было необходимо для того, чтобы планы экономического восстановления были разработаны и выполнены, остались недовольны Англией.

Пожалуй, эту главу лучше всего закончить цитатой из труда, который не достиг популярности, выпавшей на долю столь шумевшей книги Кейнса, но который по широте мысли, зрелости суждений и трезвости языка остаётся и, повидимому, останется не имеющим себе равных комментарием к обстановке, царившей тогда в Европе, какой она казалась с берегов Англии. Заключительная часть написанной лордом Юстасом Перси воображаемой речи английского государственного деятеля, требующего сохранения Великобританией такой мощи, которая дала бы возможность стране нести ответственность за «регулярную полицейскую службу в новоустроенной Европе», была обращена к тем, кто выступал против всякой необходимости подобного сохранения английских политических и военных усилий. Такая оппозиция, заявлял в заключение у лорда Юстаса Перси его воображаемый государственный деятель, «уже нашла себе широкое выражение, в особенности в лице тех... кто всегда готов был ответить на любой призыв к свободе, если он исходит издалека, в лице тех, кто хотел бы превратить эту войну — если вообще, по их мнению, её следовало вести — в войну революционную, в войну за национальное дело. Именно их политика осуществляется сейчас; в Европе создана новая система государств, основанная на национальном принципе. Хватит ли теперь у этих людей мужества пойти вперёд и трудиться на полях, которые они засеяли, пока они не соберут урожая мира; неужели они усядутся у своего домашнего очага и предоставят другим пожинать урожай новых кровопролитий и новых страданий»¹.

¹ *Percy, Lord, Eustace, The Responsibilities of the League, p. 58.*

Г Л А В А IV

ПРЕВРАЩЕНИЯ И ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛИТИКЕ И В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ В 1920—1930 гг.

Поскольку история англо-французских отношений является основой истории Европы в период между двумя мировыми войнами, анализом её уже занимались в бесчисленных работах общего характера. Первой целью последующих глав является не изложение истории англо-французских отношений, а освещение проблем, возникших в ходе подготовки и осуществления Версальского договора. Поскольку мне будет необходимо вновь и вновь возвращаться к некоторым эпизодам, для того чтобы рассмотреть их в каждом отдельном случае под другим углом зрения, уместно разъяснить порядок рассмотрения вопросов, которого мы намерены придерживаться. В настоящей главе мы проследим за изменениями в политике и общественном мнении, проявившимися во время первого десятилетия после войны 1914—1918 гг. Содержание остальных глав построено в основном на анализе возникавших актуальных проблем и тех методов, которыми они разрешались. Главы V, VI и VII посвящены изучению методов работы в течение первого десятилетия; так, глава V рассматривает деятельность межсоюзных органов, созданных для наблюдения за выполнением договора; в главе VI рассматриваются проблемы, возникшие в связи с осуществлением основных положений договора; глава VII посвящена опыту конференции в области дипломатии за десятилетие после войны. Вслед за этими тремя главами, посвящёнными методам политики, рассматриваются поочерёдно главные проблемы этого периода — репарации, разоружение, безопасность и вопросы территориального устройства. Основная цель этих глав — дать анализ французской и английской точек зрения. Главам, которые посвящены вопросу о репарациях, о разоружении Германии и о Рейнской области, предпосланы хронологические данные о переговорах. В этих главах не даётся исторического обзора переговоров, касавшихся общего разоружения и коллективной безопасности, потому что общая история этих вопросов уже составила предмет многих других работ.

Первые три года мира были годами неустойчивого сотрудничества. Мирный договор вступил в силу 10 января 1920 г. Через три месяца возникла угроза серьёзного осложнения в англо-французских отношениях, когда французские войска заняли Франкфурт-на-Майне в качестве репрессивной меры за нарушение немцами границы демилитаризованной зоны. На конференции в Сан-Ремо, которая состоялась вскоре после этого, было достигнуто обманчивое на вид примирение; но практическое соглашение, достигнутое в то время по вопросу о политике, которую следовало проводить по отношению к Германии, сделало возможным сохранение более или менее поверхностного согласия между союзниками на протяжении следующих двух лет, несмотря на взаимные подозрения и постоянно возникавшие трения. К концу 1921 г. стала очевидной необходимость более полного соглашения по основным проблемам. Ни та, ни другая из этих стран не могла надеяться на удовлетворение своих основных интересов без взаимного сотрудничества. В январе 1922 г. в Каннах Ллойд Джордж и Бриан обменялись знаменитыми меморандумами об условиях более тесного сотрудничества. Их переговоры были внезапно прерваны возвращением Бриана в Париж, где он должен был предстать перед лицом своих критиков в палате. 12 января он ушёл в отставку. Его сменил на посту премьер-министра Пуанкаре, сторонник непримиримой политики в отношении Германии и независимой политики по отношению к Англии. Острый спор по вопросу о репарациях, который ознаменовал собой остальную часть 1922 г., достиг своего кульминационного пункта к моменту оккупации Рура Францией и Бельгией в начале 1923 г.

На протяжении всех этих лет английские и французские государственные деятели ясно представляли себе то критическое положение, которое возникло бы, если бы обе страны не сохранили своего единства. Англия, выступающая против Франции, была бессильна в европейских делах. Демобилизация английской армии шла быстро. Остатки её—300 тысяч человек—к 1920 г. были разбросаны по различным частям империи, где существовала угроза беспорядков: 64 тысячи находились в Индии и Адене, 43 тысячи—на Ближнем и Среднем Востоке, 50 тысяч—в Ирландии и свыше 100 тысяч оставалось в Англии в качестве гарантии против социальных беспорядков и в качестве резервов для империи. С трудом можно было выделить войска для несения службы в Европе. К концу 1920 г. английская армия на континенте составляла всего 13 тысяч человек на Рейне. Франция, напротив, была внешне прекрасно оснащена, для того чтобы диктовать в европейских вопросах свою собственную политику. Её внушительная армия не имела в то время соперников на континенте; но Франции

помнила, что только помощь из-за моря спасла её в 1914—1918 гг. от полного поражения. Она справедливо опасалась, что трещина в Антанте будет стимулировать германское сопротивление выполнению договора. Более проищательные из её государственных деятелей указывали на опасность изоляции в будущем и заявляли, что Франция не имеет достаточно сил, чтобы действовать самостоятельно. В одиночестве ни Англия, ни Франция не могли бы проводить подлинно европейскую политику.

Однако неравенство английской и французской военной мощи в Европе, несомненно, способствовало обострению бесперывных ссор, омрачавших англо-французские отношения за этот период. Англия, которая не имела прямых средств влияния на ход событий, поддалась соблазну обратиться с безответственными увещеваниями к своей озабоченной и очень чувствительной к оскорблениям соседке по другую сторону Ла-Манша. Франция сознавала, что так или иначе на неё одну возложили неблагодарную роль страны, занятой осуществлением договора, который вовсе не был делом исключительно её рук; поэтому она склонна была действовать, не придавая большого значения взглядам своего союзника. «Национальный эгоизм, — так комментировал события один французский обозреватель, — отнюдь не менее неприятен, когда он выражается в действиях без слов, чем когда он принимает форму слов без действий»¹. Плебисцит в Верхней Силезии является одной из многих иллюстраций тех трений, которые были вызваны столкновением того и другого принципа своеобразного национального самоутверждения Англии и Франции. В Париже было решено, что четыре великие державы будут в равной мере предоставлять войска, необходимые для районов, в которых проводился плебисцит². К сожалению, американский контингент был отозван, вследствие того, что США не сочли для себя возможным ратифицировать договор. К величайшему неудовольствию Клемансо Ллойд Джордж намекнул в январе 1920 г., что Англия также не сможет предоставить войска для районов плебисцита. В конце концов Англия согласилась послать два батальона, один — в Алленштейн и один в Данциг, но оба они были отозваны ещё до конца года³. Для Верхней Силезии французы выделили десять, а итальянцы три батальона. Французы обнаружили, что они находятся в неприятном положении, поскольку им приходится нести здесь главную ответственность за поддержание порядка и проведение плебисцита, которого они не хотели и исход которого, по их мне-

¹ «The Case of France», by a French Correspondent, «Round Table», June 1920.

² Wambaugh, S., Plebiscites since the World War, I, p. 219.

³ Callwell. C. E., Sir Henry Wilson, II, p. 225; «129 H. C. Deb.», June 1, 1920, col. 1755.

нию, серьёзно угрожал интересам Франции. Четыре английских батальона были действительно отправлены в Верхнюю Силезию в марте 1921 г. для проведения самого плебисцита, но в следующем же месяце они были отозваны для несения службы в Ирландии. В мае франко-итальянские части очутились перед лицом польского восстания, и в результате его полякам удалось оккупировать территорию, которая была предметом их притязаний. Англичане сделали для себя тот правильный вывод, что польское восстание было организовано в твёрдой надежде на то, что французы так и не предпримут серьёзных попыток полавить его. Ллойд Джордж заявил в палате общин, что либо войска союзников, находящиеся в Верхней Силезии, должны восстановить порядок — он не мог, добавил он, решительно настаивать на этом, поскольку английских войск там не было, — либо нужно позволить самим немцам предпринять здесь какие-то действия.

Бриан на следующий день ответил, что наличие сильной английской войсковой части было бы более ценным, чем любой разумный совет на словах. Если бы Германия попыталась вмешаться силой, добавил он, то «это вызвало бы самые нежелательные инциденты, к которым Франция не могла бы остаться безразличной»¹. Хотя английские подкрепления были ещё до конца месяца отправлены в этот район Силезии, войскам союзников не удалось вернуть себе полный контроль над территорией до начала июля.

Конечно, англо-французские отношения омрачались и более серьёзными трениями, чем те, которые были вызваны неравенством сил, созданным распылением английских интересов. Цели обеих стран очень нелегко примирить. Это несоответствие целей не ново. Нет необходимости подробно останавливаться здесь на этом вопросе. Англия стремилась покончить с застоём в европейской торговле, способствуя финансовому и экономическому восстановлению Германии. Это стремление определило позицию Англии в вопросе о репарациях. Англия считала также неприемлемыми всякие действия, грозившие нарушением германской промышленной системы. Таким образом, сохранение за Германией промышленного треугольника Верхней Силезии являлось более предпочтительным, чем частичная или полная передача этого района Польше. Франция же смотрела на восстановление Германии с заметной тревогой. Её политика определялась соображениями безопасности. А безопасность — так, как это понимала Франция, — предполагала неуклонное проведение дискриминацион-

¹ «141 Н. С. Deb.», May 14, 1921, col. 2382—2385, «The Times», May 16, 1921.

ных ограничений в отношении Германии и сохранении территориального устройства, предусмотренных Версальским договором. Финансовая устойчивость Франции зависела от получения репараций. Но Франция опасалась, что Германия, как только к ней вернётся экономическое процветание, откажется платить репарации и даже будет стремиться к уничтожению политического порядка, являвшегося выражением победы её противников.

Большинство французов считало, что момент, когда мог быть брошен этот, повидимому, неизбежный вызов, относился скорее к ближайшему, нежели к отдалённому будущему. Наступление этого момента могло быть отсрочено, по их мнению, лишь в том случае, если бы союзники обнаружили решимость предупредить его путём проведения всегда и повсюду ограничительных мероприятий. Таково было основное расхождение между Англией и Францией, т. е. расхождение в политических взглядах обеих стран. Переговоры о заключении англо-французского пакта между декабрём 1921 г. и июлем 1922 г. лишь подчеркнули это расхождение. Основной целью французской политики была стабилизация сложившегося европейского порядка. Франция рассчитывала добиться этой цели путём укрепления связей между государствами, заинтересованными в поддержании этого порядка. Она была исполнена решимости заключить соглашения о взаимной военной помощи с теми малыми европейскими странами, которые разделяли её опасения в отношении Германии; краеугольным камнем всей этой системы Франция считала тесный военный союз с Англией, но только в том случае, если он действительно мог выражать общее стремление обеих стран твёрдо поддерживать новый порядок, созданный договорами¹.

Эта концепция европейского мира, основанная на торжестве союза, в котором Франция продолжала оставаться основной силой, плохо согласовалась с общим духом английской политики. Английская политика руководствовалась прежде всего желанием положить конец «разделению европейских наций на два обширных лагеря». Взгляд этот, выраженный лордом Керзоном, разделяла и вся Англия в целом; речь шла именно о том, что

¹ Французы, разделявшие взгляды Бриана, предполагали заключить какое-нибудь дополнительное соглашение с Германией в духе вашингтонских соглашений, т. е., возможно, консультативный пакт, связанный с экономическим восстановлением и с добровольным признанием Германией демилитаризованной зоны, но лишь в порядке дополнения к системе союзов, заключённых между основоположниками европейского порядка. См. «Anglo-French Negotiations», p. 123; «D. D. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne», Paris, 1924, p. 93, и заслуживающие внимания статьи Филиппа Милле в «Eur. Nouv.», Décembre 24, 1921 и Mai 27, 1922.

военный союз в духе, желательном для Франции, привёл бы к губельному результату: он вызвал бы создание «опасных и, возможно, враждебных коалиций между другими державами (может быть, даже коалицию между Германией и Россией)»¹. Английское правительство готово было идти не дальше обещания английской помощи Франции в случае вторжения на французскую территорию. Когда проект англо-французского пакта обсуждался в палате общин, то даже это ограниченное обязательство было встречено положительно лишь небольшой группой консервативных членов парламента.

Эти политические противоречия между Англией и Францией будут более подробно рассмотрены дальше. Здесь уместно подчеркнуть, что английская политика правильно отражала настроения английского народа, подобно тому как французская политика отражала настроения французского народа. Очень удачное описание того, что переживала Франция в 1922 г., было сделано на страницах «Нейшн» профессором Ласки после короткого посещения Франции весной 1922 г. Ласки писал:

«Если Франции нехватает многого, то по крайней мере там существует единство. Повидимому, мало кто сомневается в приближении новой войны. Во всяком случае несомненно, что Франция будет сражаться, находясь в более благоприятном положении. Германия попрежнему является для французов олицетворением зла, источником всяких несправедливостей и страданий. По их мнению, Германия в действительности процветает и лишь притворно заявляет о своём банкротстве, для того чтобы вызвать жалость со стороны мягкосердечной Англии. Англия, однако, вовсе не мягкосердечна, ибо, уничтожив германский флот, Англия устранила угрозу для себя, в то время как Франции, которая потеряла миллион своих сынов, возможно, придётся вскоре в одиночестве защищать свою свободу и принципы справедливости. Среди французов повсюду заметно чувство жалости к самим себе. Иностранец, полагают они, не может понять, какие жертвы понесла Франция. Он не может понять, сколь могущественны те неуловимые силы, которые подрывают сложившийся порядок. Он не понимает, сколь необходимо заставить Германию осознать и почувствовать уроки справедливости, зафиксированные в статьях Версальского договора. Если в Европе отсутствует гармония, то это происходит только потому, что Версальский договор не был претворён в жизнь»².

Вряд ли можно добавить многое к этому краткому описанию. Можно, пожалуй, лишь подчеркнуть страстное убеждение

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 158.

² «The Nation», May 6, 1922.

французов в том, что простая справедливость требовала бы оплаты репараций, ибо Германия задумала и навязала войну.

В кратком изложении нельзя передать со всей полнотой и точностью сложное состояние английского общественного мнения того времени. Хотя ненависть к Германии быстро ослабевала, чувство негодования всё ещё оставалось и в Англии. Даже в начале оккупации Рура мнения в Англии разделились. В южных графствах (консервативных аграрных округах. — *Прим. ред.*) общественное мнение было на стороне Франции — так по крайней мере английский посол в Вашингтоне информировал американского государственного секретаря; между тем в промышленной центральной Англии (лейбористских и либеральных избирательных округах. — *Прим. ред.*) и в особенности в лейбористских кругах преобладали антифранцузские настроения¹.

Сейчас можно упомянуть только о тех тенденциях общественного мнения, которые значительно способствовали отчуждению обеих стран, т. е. о тенденциях, господствовавших лишь в либеральных и лейбористских кругах и среди диссидентов; однако эти тенденции распространились затем гораздо шире. Умонастроения, царившие в Англии, вызывали у французов почти что чувство растерянности. Англичане, по мнению французов, отбросили даже всякую мысль об опасности новой войны; о мире они думали и говорили как о моральном условии, естественно вытекающем из всеобщего чувства братства, — тезис, который решительно расходился с французской концепцией мира, осуществимой только путём выполнения юридических соглашений и соблюдения военных гарантий. Сугубо пацифистская доктрина о том, что применение силы должно быть вообще отвергнуто, получила широкое распространение. Договор, который усиленно критиковали и который имел весьма мало защитников, встречал осуждение прежде всего за то, что он будто бы калечил германскую нацию. Считали необходимым немедленный пересмотр договора. С тем или иным оснванием или без всякого основания заявляли, что Германия уже испытала подлинную политическую трансформацию. Если, тем не менее, наблюдались кое-какие признаки возрождения опасного влияния юнкерства, то эта реакция приписывалась давлению французского милитаризма, который, по крылатому выражению того времени, был хуже милитаризма гогенцоллернской Германии и «опирался на жестокость негров, призванных в армию, и на эгоизм малых, наполовину варварских союзных с Францией стран»².

¹ «U. S. A. Foreign Relations», 1923, II, p. 52—54.

² «The Nation», February 14, 1920.

Заклучить союз с такой страной, как Франция? Это только поощрило бы и укрепилло её политику мести по отношению к Германии.

Наиболее убедительным показателем расхождений между английскими и французскими взглядами является та растерянность, которая наблюдалась у английской лейбористской и французской социалистической партий, когда они пытались сформулировать общую точку зрения на европейские дела. Ввиду наличия «глубоких и серьёзных расхождений во взглядах между обеими партиями, в особенности по вопросу о желательности оборонительных союзов, в мае 1922 г. собралась конференция представителей этих партий, для того чтобы откровенно обсудить состояние общественного мнения в обеих странах»¹.

В отчёте кратко и в нарочито умеренных выражениях излагалась англо-французская полемика 1920—1922 гг.

Английские делегаты заявили следующее.

Финансисты и безработные в Англии сходятся в одном и единственном вопросе: и те и другие хотят быстрого и полного восстановления английской торговли. Мирная внешняя политика английского правительства преследует ту же цель, ибо экономическое восстановление Европы является вопросом жизни или смерти для английского народа. Англичане считают, что Франция представляет собой действительное препятствие к этому, ибо, повидимому, французы видят в лице Германии только будущую армию вторжения. Далее, Англия не заинтересована более в репарациях, в то время как Франция, повидимому, готова отстаивать свои требования в этой области, с тем чтобы добиться экономического порабощения и политического расчленения Германии. По мнению англичан, Франция проводит милитаристскую политику. Франции не угрожает никакая реальная опасность — так по крайней мере считает английский народ, — за исключением, пожалуй, опасности, создаваемой её собственным воображением. Французская политика, по мнению англичан, привела к росту влияния антидемократических сил в Германии. Немцы придут в отчаяние и бросятся в объятия всякой другой страны, готовой помочь им. Франция пытается сохранить мир в Европе путём установления равновесия военных сил. Это неизбежно вызовет новые заговоры и новые войны. Сейчас настало время положить начало новой эре в области внешней политики. Ошибки прошлого не должны повторяться.

Французские социалисты ответили на эти обвинения менее решительно, стремясь скорее разъяснить мотивы, которыми

¹ «Labour Party: Report of Annual Conference», 1922, p. 29—35.

руководствовались их соотечественники, нежели осудить политику своего правительства. Они заявили со своей стороны следующее.

Расхождение между английской и французской точками зрения легко объяснимо. Северное море шире Рейна, и германский флот находится на дне этого моря. Франция живёт под страхом быстрого экономического восстановления Германии. Германия в этом случае восстановила бы также свою военную мощь и, возможно, попыталась бы взять реванш. Но Франция не является империалистической страной в подлинном смысле этого слова. Даже среди реакционеров не проявляется стремления к агрессии или к экспансии. Во Франции, конечно, имеются люди, воодушевляемые мыслью о том, что настойчивое истребование репараций поможет расширить политическое влияние Франции; однако эти лица составляют незначительное меньшинство. Кроме того, во Франции распространено мнение, что страна неминуемо обанкротится, если не получит помощи извне. С этим тесно связано общее мнение французов о том, что Германия в состоянии платить, но что Францию в тяжёлом положении покинули её союзники и в частности Великобритания. Средний француз считает английскую политику эгоистичной. Англичане захватили германские колонии и германский торговый флот. Они избавились от германского военно-морского флота, и поэтому теперь они уже не так, как французы, заинтересованы в том, чтобы заставить Германию платить репарации. Доводы империалистических элементов подкрепляются также уверенностью в том, что Германия попытается воссоздать военную машину и что необходима сильная армия, для того чтобы заставить её заплатить то, что она согласилась платить. Во Франции не преуменьшают силы германской военной партии. В действительности существуют две Германии. Французское правительство может играть и играет на страхе французов перед Германией. Французские социалисты должны бороться с этим страхом, исходя из того, что Франции будет гарантирована безопасность с помощью международной организации, которая обеспечит также безопасность всех других стран.

Растущая напряжённость в отношениях между Великобританией и Францией в 1922 г. должна рассматриваться именно на фоне этих противоречивых мнений. Англичанам казалось благоразумным, чтобы новая английская гарантия Франции против германского вторжения была обусловлена изменением французской политики. В меморандуме от 4 января 1922 г., который был представлен Ллойд Джорджем Бриану в Каннах, содержались следующие условия: французское

сотрудничество в реализации планов европейской реконструкции, установление экономического модус вивенди с Россией, ликвидация военно-морского соперничества, координация английской и французской политики на Ближнем Востоке¹.

Однако во Франции преобладало мнение, что в результате успешных для Ллойд Джорджа совещаний ему удалось обойти французских премьер-министров — сначала Клемансо, затем Мильерана и, наконец, Бриана, заставив их пойти на ряд уступок, каждая из которых ограничивала французские права, полученные по договору. Французы с беспокойством спрашивали, когда же этому придёт конец. Они рассматривали теперь английскую гарантию как приманку, рассчитанную на то, чтобы обеспечить подчинение французов английской политике. Появление Пуанкаре на посту премьер-министра символизировало решимость Франции осуществить и сохранить договор любой ценой: с помощью Великобритании, если будет обеспечено английское сотрудничество без ущерба французским правам и без ущерба превосходству Франции над Германией, а если это невозможно, то без помощи Великобритании. Можно сделать вывод, что когда к концу 1922 г. Пуанкаре решил приступить к оккупации Рура, его целью было продемонстрировать, что Франция одна достаточно сильна для того, чтобы поддержать Версальский договор.

С самого начала оккупации Рура английское правительство заявило, что хотя оно не может ни одобрить, ни принять участия в оккупации, тем не менее оно воздержится от любых действий, могущих поставить Францию в неловкое положение. За этой политикой «благосклонного нейтралитета» скрывалось сознание сравнительного бессилия Великобритании. Отвечая ораторам оппозиции Э. Д. Морелю и Дж. Р. Макдональду, которые выступили в качестве защитников политики европейского равновесия сил, Бонар Лоу заявил, что для того, чтобы следовать политике, которую они защищают, было бы необходимо «подготовиться к возможности навязать нашу волю Франции путём войны». До тех пор, добавил он, пока французы верят в то, что «их нажим сможет оказывать то или иное воздействие на Германию, было бы бесполезно, с моей точки зрения, предлагать Франции что-либо с нашей стороны»². Неудачная попытка вмешательства со стороны лорда Керзона

¹ В первом варианте Каннского меморандума эти условия были сформулированы более резко. Вмешательство Бриана привело к опубликованию смягчённого варианта. См. *Riddell, Lord, Intimate Diary*, p. 142; *D'Abernon*, I, p. 247.

² «161 Н. С. Deb.». March 6, 1923, col. 369—370.

доказала разумность этой точки зрения. Лорд Керзон хотел связать Англию с Францией, предложив условия, которые вынудили бы Германию отказаться от пассивного сопротивления. Но завершение борьбы с помощью английского вмешательства не соответствовало целям Пуанкаре. Он считал, что посредничество Англии Германия будет рассматривать как доказательство неспособности Франции обойтись без английской помощи; поэтому он настаивал на безоговорочном подчинении Германии французским требованиям. Обмен нотами между Керзоном и Пуанкаре привёл к откровенной ноте Керзона от 11 августа 1923 г. и столь же откровенному ответу Пуанкаре от 20 августа 1923 г. Германское сопротивление оккупации, временно усилившееся в результате разногласий между бывшими союзниками, прекратилось в конце следующего месяца, когда уже стала очевидной неспособность Англии к оказанию помощи.

Внешне триумф Пуанкаре был полным. В следующие месяцы Франция ещё основательнее прибрала к рукам рурскую промышленность. В результате оккупации Рейнской области и Рура стали активно выступать сепаратистские круги. Но победа Пуанкаре не имела значения до тех пор, пока Франция не была в состоянии снова подчеркнуть значение буквы Версальского договора путём независимых действий и если это необходимо, то путём аналогичных действий в будущем. Франции не хватало на это воли и, хотя это и спорно, вероятно, не хватало сил.

Борьба истощила Францию лишь немногим менее, чем Германию. Это обстоятельство и обеспечило Европе то, что теперь может быть названо периодом перемирия. В 1924 г. неудача связала Францию и Германию общими интересами в результате попытки найти выход из затруднения, к которому привёл их взаимный антагонизм. Валютный крах, угроза политического разложения и французское давление на германскую экономику вынудили Германию согласиться на уплату репараций, от которой она ранее отказалась бы. Франция, находившаяся, по всей видимости, в зените своей силы, обнаружила свою собственную финансовую слабость. Оккупация Рура, хотя и предоставила ей некоторые кратковременные выгоды, должна была в скором времени оказаться — если только её не подвергнуть изменениям — длительным и новым источником затруднений для французского казначейства. Состояние французских финансов, подорванных ещё до оккупации, внушало теперь опасения. Стране угрожали серьёзные трудности, если только она не сумеет обратиться к помощи иностранных займов. Франция не могла больше пренебрегать мнением финансового мира.

Это обстоятельство сделало возможной разработку плана Дауэса при сотрудничестве американцев. Принятие этого плана имело своим результатом устранение проблемы репараций с политической арены в течение 1924—1929 гг.

В 1924 г. англо-французские отношения, так же как и франко-германские, претерпели серьёзное изменение. Во Франции победа блока левых на выборах поставила у власти радикал-социалистов. 1 июня новый премьер Эдуард Эррио заменил Пуанкаре. Эррио надеялся на установление дружественного взаимопонимания с демократической Германией, на отказ от «политики изоляции и силы», на расширение влияния Лиги наций и на заключение соглашений о безопасности в рамках Лиги. В лице Рамзея Макдональда, совмещавшего посты премьер-министра и министра иностранных дел Англии и заменившего в конце января лорда Керзона, Эррио нашёл подходящего соратника. Макдональд озаменовал свой приход к власти попыткой установить англо-французские отношения на более дружественной основе и обменялся личными письмами с Пуанкаре. Этот шаг проиллюстрировал убеждение Макдональда в том, что международные проблемы могут быть разрешены путём «настойчивых действий в духе доброй воли». Возможно, однако, что более непосредственное воздействие на изменение англо-французских отношений имел приход Макдональда к власти, поскольку ответственность изменила отношение Макдональда к договору.

Макдональд — один из первых сторонников пересмотра Версальского договора — обнаружил, что, сотрудничая и с Эррио, он должен признать в принципе нерушимость договоров. Текст англо-французского меморандума от 9 июля 1924 г. содержал признание со стороны Макдональда, что нарушение статей договора приведёт к краху тех постоянных и прочных основ, на которых покоится мир, с таким трудом достигнутый, а это не только не предотвратит конфликты, но повлечёт за собой новые ¹.

И вот, как по волшебству, ежегодная резолюция о пересмотре Версальского договора, которая начиная с 1919 г. всегда фигурировала на ежегодной конференции лейбористской партии, отныне исчезла с повестки дня. Дальнейшее пребывание английских войск в Кёльнской зоне для обеспечения выполнения военных условий договора свидетельствовало о признании со стороны Англии, что франко-английское сотрудничество зависит от английского участия в осуществлении договора. На это согласился и Макдональд, хотя проведение данного согла-

¹ «Cmd. 2191».

шения в жизнь выпало на долю его преемника ¹ (сэра Остина Чемберлена. — *Прим. ред.*).

Когда через пять дней, 9 июля 1924 г., в палате общин обсуждался франко-английский меморандум, со своего места поднялся Остин Чемберлен, чтобы сказать несколько слов о «политике, которую мои друзья и я рекомендовали бы вниманию премьер-министров в будущем». Речь, произнесённая Остином Чемберленом, с исключительной точностью наметила внешнюю политику, которую он затем проводил в качестве министра иностранных дел с ноября 1924 г. по июнь 1929 г.

«Какова же та политика, которой мы намерены следовать? Прежде всего мы чистосердечно примем и будем придерживаться Версальского договора, а также дополнительных или связанных с ним соглашений в качестве главного принципа и единственной возможной основы международного права в Европе.

Во-вторых, основной целью нашей политики будет сохранение союза с Францией. Мы сделаем это для того, чтобы усилить веру в устойчивость и жизнеспособность договоров и тем предотвратить возникновение новых поводов для разногласий между нами и нашими союзниками. Разрешите мне сказать, что, признав это целью нашей политики... мы должны почувствовать... что аналогичные обязательства приняты на себя и нашими союзниками для того, чтобы сделать сохранение Антанты основным принципом своей политики и идти нам навстречу в том духе, в каком мы готовы идти навстречу им.

В-третьих, выполнение Германией её обязательств должно стать не менее существенной целью нашей политики в международных вопросах, а если Германия искренне примет и будет лояльно выполнять обязательства, которые в настоящее время на неё возложены, мы должны быть готовы к тому, чтобы уважать целостность Германии и приветствовать её вступление вновь в семью государств. И, как к этому всегда стремилось правительство его величества и каждая партия в палате, мы должны стремиться обеспечить там, где это возможно, наши связи с Соединёнными Штатами Америки такими путями и при таких условиях, какие в данный момент могут оказаться возможными для американского народа» ².

К этому определению политики Остина Чемберлена можно добавить фразу из его речи, произнесённой в палате общин

¹ См. стр. 103—104. Ср. франко-английское примирение в Сан-Ремо, стр. 91.

² «176 Н. С. Deb.», July 14, 1924, col. 109—110.

5 марта 1925 г.: «Мы не достигнем никакого реального прогресса до тех пор, пока не сможем... обеспечить известную степень безопасности и устойчивости Европы в том виде, в каком она сейчас находится перед нами. От степени безопасности и устойчивости Европы будет зависеть весь прогресс человечества, всё восстановление национальной жизни, а также торговое и экономическое процветание»¹.

Экономическое процветание, зависящее от устойчивости Европы в том виде, как она нам сейчас представляется, — это совсем новые слова у английского министра иностранных дел. Остин Чемберлен настаивал по убеждению на том, что Макдональд познал лишь по необходимости, а именно, что дело мира нельзя продвинуть вперёд в результате пустых переговоров о пересмотре договора.

Первой задачей Остина Чемберлена было искоренить страх перед Германией, который всё ещё довлел над умами французов. Эррио делился своим беспокойством с Макдональдом и Чемберленом. Макдональду он сказал: «Если возникнет новая война, то Франция будет стёрта с карты Европы»².

Чемберлену он заявил: «Я с ужасом думаю о том, что Германия снова начнёт войну против нас через десять лет»³. До сих пор в поисках решения проблемы французской безопасности было найдено два пути, и оба эти пути были вновь закрыты весной 1925 г. Двусторонний англо-французский пакт, хотя его, по видимому, и поддерживал Остин Чемберлен, был ещё более непопулярен в 1925, чем в 1922 г. С 1922 г. в Женеве пытались добиться решения на другой основе: там добивались заключения региональных пактов в рамках общего договора о взаимопомощи. История неудачных переговоров известна: четыре предложения лорда Сесилия в июле 1922 г.; резолюция Ассамблеи Лиги от 14 сентября 1922 г.; проект договора о взаимной помощи, разработанный временной смешанной комиссией, представленный Ассамблее в сентябре 1923 г. и отклонённый лейбористским правительством в июле 1924 г.; Женевский протокол, разработанный третьим комитетом Ассамблеи в сентябре 1924 г. на базе предложений, намеченных Эррио и Макдональдом в результате состоявшихся между ними прений 4—6 сентября. Наконец, последовало отклонение Женевского протокола консервативным правительством в марте 1925 г. Проект Штреземана, предложившего пакт о взаимной гарантии безопасности в отношении Рейнской области

¹ «181 Н. С. Deb.», March 5, 1925, col. 707.

² *Suarez, G.*, Une Nuit chez Cromwell, p. 165.

³ *Petrie, C.*, Life and Letters of Austen Chamberlain, II, p. 263.

открывал выход из создававшегося таким образом тупика. Во время своей встречи с Эррио Остин Чемберлен информировал его, что германское предложение является единственной основой, на которой могут происходить франко-английские переговоры по вопросу о безопасности¹.

Эррио согласился с этим, хотя и был сильно разочарован. Но его преемник Бриан нашёл некоторое утешение в стремлении Чемберлена вести последующие переговоры в духе англо-французской Антанты. Обычно отмечается, что последовавшие за этим соглашения знаменовали собой «некий водораздел между годами войны и годами мира». Договоры, заключённые в Локарно 16 октября 1925 г., были подписаны в Лондоне 1 декабря.

«Локарно не конец, а начало», — заявил сэр Остин Чемберлен в своём первом публичном выступлении после возвращения в Англию².

Признаки, свидетельствовавшие об изменении европейской политики под влиянием нового духа примирения, не были опровергнуты ходом событий. Взаимное доверие Бриана, Чемберлена и Штреземана оставалось главным политическим фактором в европейских делах на протяжении ближайших трёх лет. Но к 1929 г. стало преобладать мнение, что локарнский пакт не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он несколько уменьшил, но не ликвидировал страха французов перед Германией. Договор, подписанный Великобританией, был скорее английским, чем французским решением проблемы безопасности; больше того, он был пактом взаимопонимания, а не эффективным, с французской точки зрения, гарантийным договором. Таким образом, поиски решения вопроса о безопасности продолжались. Разочарование было также широко распространено и в Германии. Подписание локарнских договоров обеспечило Германии ряд мелких уступок: отказ Франции от требования о создании постоянной инспекционной комиссии в Рейнской области, эвакуация Кёльнской зоны, изменение режима оккупации Рейнской области, столь значительное, что изменялся весь характер оккупации, и, наконец, обязательство сократить оккупационную армию³.

Однако германское правительство считало политически разумным создавать в глазах немцев ложное впечатление разочарования⁴.

¹ «270 Н. С. Deb.», November 10, 1932, col. 561.

² *Chamberlain, A.*, *Peace in Our Time*, p. 83.

³ О смягчении режима Рейнской области см. «The Times», November 19, 1925.

⁴ *Stresemann*, II, S. 232; *D'Abernon*, III, p. 207.

Надо сказать, что в более поздних проявлениях недовольства не было уже никакого притворства. Выполнение обещанного сокращения союзной оккупационной армии без всяких оснований задерживалось. К тому времени, когда оно было завершено, т. е. к концу 1927 г., Германия начала уже рассчитывать на полную эвакуацию. Вопрос об эвакуации был связан с разработкой окончательного плана репарационных платежей. Переговоры затянулись. Ещё до завершения этих переговоров распался локарнский триумvirат. В июне 1929 г. руководство английской внешней политикой перешло от Чемберлена к Артуру Гендерсону. В октябре умер Штреземан. Из триумvirов остался один Бриан. К первому году второго десятилетия мира дух Локарно испарился.

ГЛАВА V

ОРГАНЫ МЕЖСОЮЗНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В годы, последовавшие непосредственно за окончанием войны, не раз пророчили неминуемый распад англо-французского союза; особенно усердствовала по этой части английская радикальная печать. В разгар таких высказываний один либеральный журнал охарактеризовал этот союз как «всего лишь стремление, а не обязательство действовать сообща в главных вопросах европейской политики»¹.

Рассматриваемый таким образом союз, несомненно, распался. Формальные узы союза, хотя и сохранялись номинально, поскольку шла ещё война с Турцией, фактически были порваны ратификацией мира с главным противником — Германией. Мало было признаков стремления к совместным действиям, за исключением, пожалуй, вопроса о сокращении германских вооружённых сил, ибо точки зрения обеих стран были диаметрально противоположными.

Тем не менее для проведения Версальского договора в жизнь сотрудничество между Великобританией и Францией было необходимо: условия договора могли быть выполнены лишь через много лет. Нужно было проводить плебисциты, осуществлять демаркацию границ. Германские вооружения нужно было низвести до уровня, намеченного договором. Рейнская область должна была оставаться под союзной оккупацией в течение 13 лет, а может быть, в течение более длительного или более короткого срока. При осуществлении плана репарационных платежей неизбежно должны были возникать новые проблемы. Эти и другие вопросы должны были постоянно вызывать необходимость новых решений, принимаемых союзниками не в одиночестве, а коллективно. Для этого нужно было создать несколько межсоюзных органов, при посредстве кото-

¹ «The Nation», May 13, 1927.

рых предполагалось осуществление таких решений. Встаёт вопрос, в какой мере эти органы могли действовать в качестве эффективных инструментов для координации политики союзников, несмотря на распад союза в начале двадцатых годов? Не все созданные таким образом организации будут рассмотрены нами в этой главе. Относительно работы комиссий, занимавшихся вопросами границ, в нашем распоряжении имеется слишком мало сведений. Комиссии по проведению плебисцитов уже подверглись рассмотрению в двух авторитетных работах¹.

Здесь нами будут рассмотрены только органы, действовавшие в политической области, а именно: Верховный совет, Конференция послов, Военная, Военно-морская и Авиационная контрольные комиссии, Репарационная комиссия и Рейнская верховная комиссия.

Верховный совет является организацией, возникшей из войны. Ещё ранее опыт показал, как ценно дополнить обычные каналы дипломатической переписки непосредственным и личным контактом между английскими и французскими министрами. Конференция министров, периодически созывавшаяся с июля 1915 г., завершилась созданием в ноябре 1917 г. Верховного военного совета в составе премьер-министра Франции, Великобритании и Италии и по одному из других министров от каждой страны. Соединённые Штаты лишь время от времени были представлены из политических соображений, но они постоянно имели при совете военную делегацию, возглавляемую генералом Блиссом. Политические руководители правительств собирались в Верховном военном совете для изучения проблем, возникавших в ходе войны, не в свете своих обособленных национальных интересов, а с точки зрения общей цели достижения победы. Докладывая о работе совета американскому правительству, генерал Блисс писал: «Вопросы величайшего значения для безопасности мира решались в течение нескольких минут в атмосфере сердечного единодушия. Эти же вопросы, если бы их пришлось решать путем дипломатической переписки через посредство ревниво настроенных генеральных штабов и подозрительных кабинетов... потребовали бы драгоценных дней или недель». Политические руководители получали помощь со стороны совещательного органа военных экспертов, которым было поручено непрерывное изучение событий на всех фронтах. Их задачей было «давать советы Верховному военному совету в целом, а не только представителям своих стран

¹ *Wambaugh, S. Plebiscites since the World War, Washington 1933, «The Saar Plebiscite», Cambridge, Mass. 1940.*

в совете». Во время войны совет является эффективным органом координации союзной политики¹.

После заключения перемирия Верховный военный совет при участии японского и постоянного американского представителей продолжал своё существование наряду с аппаратом мирной конференции, а после ратификации мира со стороны Германии он стал именоваться Верховным советом. С 1920 по 1923 г. продолжались совещания между главными союзными державами для рассмотрения тех вопросов, в отношении которых в 1919 г. не было достигнуто соглашения, в частности вопросов, касавшихся Ближнего Востока, а также для решения тех проблем, которые возникали в ходе осуществления уже заключённых договоров. Французский премьер-министр Мильеран в начале 1920 г. стал стремиться к возобновлению нормальных дипломатических методов ведения переговоров, но обилие вопросов и личные склонности британского премьер-министра побудили сохранить метод конференций².

К несчастью, «дипломатия с помощью конференций»³ не оправдала себя как средство для сохранения гармонии между союзниками после возвращения к миру. Этот вопрос будет обсуждаться нами в одной из более поздних глав, но здесь можно сделать одно общее замечание. После того как мир был восстановлен, Верховный совет не имел в своём распоряжении подчинённых ему органов, которым было бы поручено непрерывное изучение проблем мира наподобие тех военных и экономических органов, создание которых было необходимо для ведения войны. Лишившись этих вспомогательных элементов, Верховный совет перестал быть органом, терпеливо занятым разработкой подлинно союзной политики, и превратился в не что иное, как в серию конференций, на которых, обычно в обстановке широкой гласности, английская политика противопоставлялась французской, в результате чего с целью избежать обнаружения раскола в Антанте наскоро принимались компромиссные решения, которые в конечном счёте вызвали неудовлетворение в Англии и раздражение во Франции.

¹ Доклад генерала Блисса о Верховном военном совете в «U. S. A.: Foreign Relations: Lansing Papers», 1914—1920, II, p. 198—302; *Hankey, M.*, *Diplomacy by Conference*.

² «Chambre: Débats», Mars 26, 1920, p. 578. См. «U. S. A.: Foreign Relations», 1921, vol. I, p. 63—64. См. также *Maurice, F.*, *Lessons of Allied Co-operation, 1914—1918*. Часть III касается Верховного военного совета.

³ См. *Г. Никольсон*, *Дипломатия*, «Библиотека внешней политики», Госполитиздат, М. 1941. — *Прим. ред.*

Верховный совет не только по своей организации, но и по своему составу отличался от Верховного военного совета. В связи с тем, что Соединённые Штаты не ратифицировали Версальского договора, американский представитель присутствовал на заседаниях лишь в качестве наблюдателя, получившего инструкции «не выражать своего мнения и не принимать никаких действий по какому бы то ни было вопросу... но сообщать о ходе заседаний государственному департаменту»¹. С другой стороны, Бельгия настойчиво добивалась представительства. В 1919 г. Бельгия была представлена в Верховном экономическом совете г. Жаспаром. В марте 1920 г., услышав, что Верховный совет обсуждает экономические проблемы, Жаспар посетил Лондон и потребовал у Остина Чемберлена объяснения, каким образом совет приступил к изучению экономических проблем, связанных с интересами Бельгии, не пригласив Бельгию принять участие в обсуждении. Ллойд Джордж по представлению Остина Чемберлена согласился с тем, чтобы Жаспар участвовал в обсуждении. С тех пор участие Бельгии в Верховном совете сохранилось, хотя ограничивалось лишь вопросами, непосредственно касавшимися самой Бельгии. Так, в Париже, в августе 1921 г. бельгийский представитель был отстранён от обсуждения вопроса о Верхней Силезии, но принял участие в обсуждении других вопросов². С 1920 по 1924 г. бельгийские государственные деятели в качестве посредников оказывали весьма ценное влияние на отношения между Францией и Великобританией.

Поскольку Верховный совет заседал лишь время от времени для того, чтобы обсуждать вопросы высокой политики, важно было создать какую-то постоянную организацию, которая имела бы дело с разнообразными и менее важными вопросами, возникавшими в процессе осуществления договоров. С этой целью в январе 1920 г. была созвана *Конференция послов*. Она состояла из английского, итальянского и японского послов в Париже, а также французского представителя, бывшего председателем, и бельгийского представителя, который присутствовал при обсуждении вопросов, касавшихся Бельгии³.

¹ «U. S. A.: Foreign Relations», 1920, I, p. 2.

² См. *Terlinden, C.*, *La Belgique aux conférences interalliées*, «Revue Générale», Janvier 15, 1922.

³ «134 H. C. Deb.», November 4, 1920, col. 587. В настоящее время имеется ценная работа о Конференции послов *Pink, G. P.*, *The Conference of Ambassadors*. Geneva Research Centre, Geneva Studies, vol. XII. Nos. 4—5, February 1942. Однако при подготовке данной работы не было возможности использовать работу д-ра Пинка.

Как правило, заседания этой Конференции послов происходили раз в неделю. В наблюдении за разоружением Германии конференции помогал Версальский межсоюзный военный комитет, задачей которого было представлять информационные доклады по военным вопросам. В рамках своих полномочий Конференция послов явилась средством для обеспечения единого фронта союзников против Германии. Штресеман позже назвал её «своего рода карательным комитетом, созданным против Германии»¹.

В Англии Конференцию осуждали за то, что она склонялась к французской точке зрения. Такую репутацию следует приписать в первую очередь необходимости строго придерживаться буквы Версальского договора, которая довлекла над послами, и отчасти естественной тенденции с их стороны занять позицию, благоприятную для страны, при которой они были аккредитованы. Но Конференция была не в силах обеспечить единство взглядов по спорным политическим вопросам, ставившимся перед Верховным советом, с которым она, по видимому, не имела органической связи.

В задачи Конференции послов входило наблюдение за межсоюзными комиссиями (Военной, Военно-морской и Авиационной), созданными в соответствии с условиями договора для контроля внутри Германии над сокращением германской армии и флота и над ликвидацией германских военно-воздушных сил².

Из всех этих органов наибольшую роль в англо-французских отношениях стала играть Военная комиссия. Принцип межсоюзной солидарности получил в этом органе своё последовательное выражение. С 1920 по 1923 г. решения принимались большинством голосов. Германское правительство обязано было передавать комиссии все сообщения, касавшиеся применения военных статей. Важнейшими центрами деятельности комиссии были районные комитеты, которые несли ответственность за инспекционные посещения различных областей Германии. Персонал каждого районного комитета носил межсоюзный характер. Офицеры Военной комиссии, к счастью, обладали способностью сотрудничать в исключительной гармонии. Их работа не страдала от расхождений в целях между союзниками, проявлявшихся во всех областях политики, за исключением вопроса о разоружении Германии.

Такое расхождение в целях сильно ограничивало, хотя и не сводило целиком на-нет, дееспособность двух других органов,

¹ *Stresemann*, III, p. 159.

² См. стр. 184.

которые должны быть здесь рассмотрены, — *Репарационной комиссии* и *Межсоюзной рейнской верховной комиссии*. Репарационная комиссия была постоянным исполнительным органом, на который было возложено проведение в жизнь репарационных статей договора. Хотя комиссия и являлась межсоюзной по своему составу, по своим полномочиям она не была простым орудием союзных правительств. Её решения были окончательными, и их нельзя было отменить попросту в результате действий того или иного правительства. Комиссия была обязана своим независимым статутом стремлению американской делегации на мирной конференции сделать её инструментом для решения репарационных вопросов в соответствии скорее с экономическими, чем с политическими соображениями¹. То обстоятельство, что комиссия не смогла обеспечить достижение поставленной перед ней цели, следует отнести за счёт целого ряда факторов. Отсутствие американского делегата подорвало престиж комиссии. Американское членство подняло бы авторитет комиссии как органа, через посредство которого Соединённые Штаты приняли бы участие в решении репарационной проблемы. Уход американцев из комиссии нарушил также распределение голосов внутри комиссии. Привилегия французского председателя иметь решающий голос приобрела в органе, состоящем из четырёх членов, значение, которого она не имела бы в органе из пяти членов. Хотя этой привилегией председатель очень редко пользовался, одно сознание того, что она есть — трудно сказать, почему — часто оказывало влияние на ход обсуждения. Кроме того, назначение Францией главными делегатами в комиссии таких политических деятелей, как Пуанкаре и Барту, вместо чисто финансовых экспертов изменяло самый облик комиссии как органа для взимания репараций на здоровой финансовой основе. По этой же причине английское правительство, возможно, с самого начала пыталось отстранить эту комиссию и притти к решению вопроса о репарациях путём непосредственных переговоров с германским правительством.

Однако хотя и лишённая твёрдой базы на практике, Репарационная комиссия, как она была задумана, была исключительно здоровым учреждением. В рамках своих полномочий она представляла собой аппарат для приспособления репарационных статей к требованиям финансовых и экономических условий. Таким образом, она широко и на законном основании использовала право делать исключения из статьи 248 договора, строгое применение которой могло бы вовсе парализовать

¹ О происхождении Репарационной комиссии см. стр. 135—136.

германскую финансовую администрацию¹. И разве в более критическом вопросе — о полной ответственности Германии за её платежи — удалось чего-либо достигнуть путём перенесения обсуждения с уединённых заседаний комиссии на шумные заседания Верховного совета. Правда, комиссия не имела права *сокращать* суммы репараций; это право стремились предоставить ей одни американцы. Но ничто не запрещало комиссии *обсуждать* вопрос о таком сокращении и даже рекомендовать его при наличии единогласия. «Часто вызывал удивление тот факт, — писал позже секретарь Репарационной комиссии, — что правительства не воспользовались независимостью комиссии, обусловленной договором, чтобы прикрыть её решением проведение таких мер. Правительства проявили бы обычную политическую проницательность, если бы устранились от этого дела, поощрив комиссию провозглашать неприятные истины и принимать непопулярные меры, которые могли бы оказаться роковыми для любого политического деятеля»². Разумность такого приёма была признана, когда в ноябре 1923 г. по настоянию американского государственного секретаря проблема репараций была передана на рассмотрение комиссии экспертов Дауэса.

Межсоюзная рейнская верховная комиссия в ещё большей степени, чем Репарационная комиссия, оказалась на практике шаржем на идеалистические стремления её создателей. Для того чтобы понять её историю, нужно познакомиться с её возникновением.

Когда в апреле 1919 г. было решено оккупировать Рейнскую область на 15 лет, возникла необходимость регулировать будущие отношения военных властей с местным населением и местной администрацией, ибо, когда армия при таких обстоятельствах располагается на иностранной территории, становится необходимым подчинение местной политики и местных властей армейскому командованию, с тем чтобы главнокомандующий мог принимать все меры, необходимые для безопасности его войск. Обычай, основанный на многочисленных прецедентах, требует, чтобы главнокомандующий был на оккупируемой территории верховным представителем проводящего оккупацию государства и чтобы сохранялся в силе закон о военном положении. Такой военный режим сохранялся в Рейнской области на протяжении всего периода перемирия. Английские и французские военные власти стояли за продолжение такого режима после заключения мира, и предложения на этот счёт,

¹ См. стр. 154.

² *McFadyean, A., Reparation Reviewed, p. 35.*

разработанные генералами Туиссом и Вейганом, были представлены Совету четырёх 11 мая 1919 г. Но эти предложения были встречены резкой критикой в американских кругах. Американский член Межсоюзной рейнской комиссии Нойес протестовал в письме к Вильсону против того, что эти предложения военных приведут к «невыносимому угнетению 6 миллионов человек в течение многих лет». Он предложил подготовить новый план на следующей основе:

I. Оставить в этих районах как можно меньше войск, сконцентрированных в казармах в определённых районах, без «постоя» в гражданских квартирах, с исключением, может быть, только для офицеров.

II. Дать населению полное самоуправление с некоторыми исключениями.

III. Гражданскую администрацию наделить полномочиями:

а) вводить обязательные постановления или изменять старые во всех случаях, когда германские законы и действия Германии: 1) угрожают проведению условий перемирия или 2) несут в себе угрозу для удобств или для безопасности войск;

б) уполномочить армию осуществлять контроль согласно закону военного времени либо в угрожаемых местах, либо на всей территории, когда создававшаяся обстановка вызывает в этом необходимость.

Целью Нойеса было свести военное вмешательство в германскую гражданскую жизнь и администрацию до минимума. Для этого он рекомендовал создание гражданской администрации, которая заняла бы место главнокомандующего как главного представителя союзных правительств на оккупированной территории. По предложению Вильсона 29 мая Совет четырёх создал комитет для разработки нового плана, основанного на принципах, выдвинутых Нойесом. Этот комитет, состоящий из пяти членов, в число которых входили лорд Роберт Сесиль и Луи Лушер, выработал конвенцию, известную под именем «Соглашения о военной оккупации территорий Рейна».

Согласно статьям Рейнского соглашения, подписанного германской делегацией 28 июня 1919 г., была создана Межсоюзная рейнская верховная комиссия в качестве верховного представителя союзных и объединившихся правительств на оккупированной территории. По условиям соглашения, комиссия состояла из четырёх представителей — от Бельгии, Франции, Великобритании и США. Но отпадение Соединённых Штатов привело к тому, что в комиссии осталось только три члена, хотя до января 1923 г. главнокомандующий американской оккупационной армией и присутствовал на заседаниях комиссии.

О полномочиях Рейнской комиссии и о том, как они осуществлялись, речь будет идти ниже. Здесь следует обратить внимание на неудачу Рейнской комиссии как инструмента координации союзной политики в Рейнской области.

Есть доля иронии в том, что в самом комитете, наметившем Рейнское соглашение, единственным ревностным сторонником плана Нойеса был французский представитель Луи Лушер. Резкая критика Фоша и Вейгана была столь красноречива, что лорд Роберт Сесиль стал противником американского плана. Американский же представитель не был особенно ревностным защитником соглашения. Хотя Рейнская верховная комиссия была создана при посредстве американца, она погибла бы ещё при рождении, если бы не старания Лущера. Лушер настаивал на проведении различия между оккупацией Франции в 1870—1873 гг. и предполагаемой оккупацией Германии. После франко-прусской войны во Франции находились войска только одной страны — Германии. После 1919 г. Германию предположительно должны были оккупировать армии четырёх государств. Разница в традициях и политических целях привела бы к проведению различной политики в районах, оккупируемых войсками различных национальностей. «Нам нужно быть уверенными, — заявлял Лушер, — что принципы, которые будут применяться в одной зоне оккупации, будут одинаково проводиться и в других зонах». Инцидент с д-ром Дортенем¹ только что показал, что может создаться критическое положение, если не будет создана какая-то верховная организация, которая дала бы возможность союзным представителям обмениваться взглядами и проводить единые мероприятия. Нойес имел это в виду, когда выступил со своими предложениями².

Хотя в теории полномочия Верховной рейнской комиссии распространялись на всю оккупированную территорию, но фактически комиссия с первых дней своего образования была лишь видимостью межсоюзного единства. Это, возможно, было неизбежным следствием раздела оккупированной территории на четыре зоны: бельгийскую — вокруг Аахена, английскую — вокруг Кёльна, американскую — вокруг Кобленца и французскую — от Майнца на юг до Баварского Пфальца. В каждом районе представители Верховной комиссии, фактически находившиеся в контакте с германскими местными властями

¹ Об этом инциденте см. стр. 224.

² *Miller*, XIX, p. 485—494; *Baker*, III, p. 255—256; *Allen*, H. T., *Rhineland Occupation*, p. 85—88; «Peace Conference, 1919: Commission interalliée de la rive gauche du Rhin, procès verbaux et documents».

и с германским населением, принадлежали к той же национальности, что и оккупационные войска района. Они несли ответственность не перед Верховной комиссией как органом, а перед своими национальными представителями в комиссии. Каждый член комиссии, повидимому, мало знал о деятельности представителей Верховной комиссии за пределами территории, оккупируемой войсками его страны, и почти не осуществлял никакого контроля над ней. Распад Верховной комиссии на составные части в дальнейшем подчёркивался соглашениями, принимавшимися в целях реализации постановлений комиссии, которые были обязательны для всех лиц и властей, как союзных, так и германских, на оккупированной территории. Каждая союзная армия организовала специальные суды в своём районе оккупации, к которым привлекались нарушители приказов. Так, полицейская администрация и судебные власти избежали объединяющего контроля со стороны Верховной комиссии и приобрели покровительство своих стран.

Бессилие Верховной комиссии как инструмента координации наиболее ярко проявилось в противоречии между английской и французской политикой в Рейнской области в 1923—1924 гг. Ещё в феврале 1920 г. американский наблюдатель П. Б. Нойес жаловался исполняющему обязанности государственного секретаря, что «три четверти территории являются французскими и очень трудно установить, что там происходит»¹. Уже в начале оккупации Рура обнаружилось, как ошибочны были надежды на единый характер оккупации. Так, принятые большинством голосов французского и бельгийского представителей в комиссии «специальные приказы», посредством которых обязательные постановления, проведённые военным командованием в Руре, распространялись на Рейнскую область, оставались мёртвой буквой в английской зоне оккупации. Кроме того, в январе 1924 г. французы «по техническим причинам» возражали против предложения послать офицера английской секции комиссии для расследования вопроса о сепаратистском движении в Палатинате (Баварском Пфальце. — *Прим. перев.*). Вследствие этого английское правительство дало указания английскому генеральному консулу произвести расследование².

Когда Верховная комиссия в феврале 1924 г. назначила Межсоюзный комитет с целью разработки мер, которые должны быть приняты для восстановления порядка в Палатинате, её

¹ «U. S. A. Foreign Relations», 1920, II, p. 293.

² «56 Lords Deb.», January 15. 1924, col. 45.

действия знаменовали собой возобновление контроля комиссии над всем районом оккупации¹.

Знакомство с органами союзного сотрудничества после войны 1914—1918 гг. красноречиво говорит о бессилии таких учреждений обеспечить координацию политики, когда среди заинтересованных народов происходят изменения в политических умонастроениях. Репарационная комиссия и Рейнская комиссия были расколоты англо-французскими разногласиями. Возможно, что если бы Репарационной комиссии с самого начала были предоставлены широкие полномочия для выработки практического решения и если бы ей дали возможность действовать без правительственного вмешательства, то она устранила бы тот скрытый яд, который имелся в проблеме репараций. Но даже и в этом случае такое развитие можно было бы обеспечить только в рамках англо-французского соглашения по вопросам безопасности. Важнейшая задача состояла в том, чтобы обеспечить такое положение, при котором обе страны шли бы совместно в вопросах высокой политики; это как раз совершенно не удалось Верховному совету. Неудачу, несомненно, следует отчасти отнести за счёт дефектов процедуры и неговорчивости главных участников событий, но в основном её следует приписать пропасти, развершейся между народами обеих стран после победы. При таких обстоятельствах не было другого средства, как только наладить лучшее взаимопонимание между Англией и Францией. Это полностью не было достигнуто до тех пор, пока опасность, которая когда-то объединила Англию и Францию в прошлом, снова не появилась на горизонте.

¹ *Tirard, P.*, La France sur le Rhin; *Rousseau, J.*, La Haute Commission Interalliée, Mainz 1925; *Alléhaut, M.*, Les Libertés dans les pays rhénans; *Reynolds, B. T.*, The Occupation of the Rhineland, «International Affairs», May 1928; *Parkes, N.*, British Summary Courts in the Rhineland, «Nineteenth Century», April 1930; *Cornier, C.*, Le Statut de l'occupation rhénane, Paris 1934. См. также стр. 96.

Г Л А В А VI

РЕАЛИЗАЦИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА

«Этот договор безупречен. Подобно легендарному коню, он имеет все достоинства, за исключением одного: он ещё не ожил и неспособен двигаться»¹.

В этих словах Бриан выразил растущее беспокойство Франции в 1920 г. и в первые месяцы 1921 г. по поводу замедленной и только частичной реализации договора. Прежде всего та статья договора, которую английская общественность особенно приветствовала во время выборов 1918 г., фактически была отброшена. Натолкнувшись на отказ голландского правительства выдать кайзера, союзники должны были волею неволей оставить свой проект суда над ним за преступления против международной морали и святости договоров. Затем на практике пришлось изменить другую статью, для того чтобы удовлетворить протестовавшее германское правительство. Договор требовал выдачи союзникам для суда военных трибуналов германских подданных, которые обвинялись в совершении актов, нарушающих законы и обычаи войны. Германское правительство заявило о своей неспособности обеспечить арест и сдачу союзникам обвиняемых и предложило, чтобы эти лица предстали перед верховным судом Германии в Лейпциге. Хотя союзники на это согласились, германское правительство продолжало прибегать, говоря словами лорда Керзона, к «увилыванию, проволочкам и отсрочкам»². Непосредственный ущерб французским интересам наносили нарушения договора со стороны Германии по поставкам угля и в деле разоружения. В первые месяцы 1920 г. поставки угля из Германии значительно

¹ «Chambre: Débats», Février 4, 1921, 2me séance, p. 225.

² «45 Lords Deb.», May 5, 1921, col. 210—214. Полный отчёт см. *Toynbee, Survey*, 1923, p. 96—99; *Lerner, K.*, Die Auslieferung der deutschen Kriegsverbrecher; *Schnee, H. und Draeger, H.*, Zehn Jahre Versailles, I, S. 15—29, и документы в «Cmd. 1325».

сократились по сравнению с количеством, на котором настаивала Ремонтная комиссия; в то же время дальнейшее существование в Германии к концу 1920 г. военных и полицейских формирований, организованных на армейский лад, свидетельствовало, с точки зрения французского правительства, о твёрдой решимости уклониться от выполнения статей о разоружении. Наконец, английское и французское правительства выступили против явного уклонения германского правительства от проблемы репараций вообще. Обеспокоенным французам казалось, что наступил какой-то паралич в исполнении договора.

Уклонение немцев выдвинуло на первый план проблему, которой уделялось слишком мало внимания во время переговоров 1919 г., но которая в течение более десяти лет оставалась кардинальным вопросом англо-французских отношений. Как намерены союзники обеспечивать выполнение статей договора, если Германия проявит нежелание выполнять их? Особенностью Версальского договора была постоянная актуальность вопроса о санкциях, ибо если договор, обеспечивающий равные выгоды для всех подписавших его сторон, может вызвать искреннее сотрудничество в его реализации, то договор, фиксирующий требования победителей, является жизнеспособным, лишь поскольку победители обладают мощью и волей для действительной реализации его условий. Едва договор вступил в силу, союзники оказались перед альтернативой — либо тотчас же изменить его, с тем чтобы расчистить путь для более дружественных отношений с Германией, либо снова прибегнуть к насилию, с тем чтобы реализовать договор в его первоначальной форме. Этот выбор более явно предстал перед союзниками в вопросе о репарациях. Остроту франко-английского конфликта по этому вопросу следует отнести за счёт того, что обе стороны осознали, что реализация договора в части репараций решительно повлияет на общее направление союзной политики.

В Великобритании скоро стали сомневаться в прочности любого соглашения, навязанного и поддерживаемого превосходящей силой. Английские государственные деятели склонны были начать переговоры, для того чтобы найти какую-то основу дружественного взаимопонимания с Германией. Наиболее отчётливое выражение их позиции можно найти в нотах, написанных лордом Керзоном во время конфликта с Францией по поводу оккупации Рура. Лорд Керзон в своей знаменитой ноте от 11 августа 1923 г. писал:

«Правительство его величества придерживается того мнения, что совсем иное дело — проводить мероприятие, на которое стороны свободно согласились, признав его справедливость

и разумность, и лойяльная реализация которого имеет лучшие перспективы, или осуществлять обязательство, подписанное в результате принуждения и ультиматума и опротестованное контрагентом в самый момент его подписания, поскольку не в его силах было вовсе отказаться от него»¹.

Хотя сохранение союза с Францией вынуждало английскую политику время от времени так или иначе отступать от курса, намеченного в этом заявлении, оно точно отражало ту линию, которую английское правительство стремилось проводить в союзной политике с первых же месяцев 1920 г. Во мнении англичан Версальский договор был опорочен с самого начала уже тем, что был навязан Германии под угрозой меча. Макдональд, закрывая Лондонскую конференцию, посвящённую плану Дауэса, пытался подчеркнуть отход от курса, принятого в 1919 г. «Мы предлагаем теперь соглашение, — заявил он, — впервые со времени войны заключённое действительно на основе переговоров. Каждая сторона, представленная здесь, морально обязана сделать всё, что в её силах, для того, чтобы осуществить его, так как соглашение наше не является результатом одностороннего ультиматума»².

Локарнский договор был встречен в Англии также благоприятно, ибо он явился результатом конференции, на которой страны, «бывшие ранее врагами, встретились на основе абсолютного равенства, располагая свободой уступить или отказаться в уступках, взять на себя обязательства или вовсе не брать их»³. В одной области за другой — сначала в отношении репараций, затем в отношении разоружения и, наконец, границ — англичане пытались заменить договор другими обязательствами, которые были бы приняты немцами добровольно, на основе признания справедливости и разумности этих обязательств.

Французам английская склонность к умиротворению давно казалась опасной, преждевременной и способной скорее возбудить в Германии систематическое сопротивление реализации договора, чем содействовать миру в Европе. Они считали, что сопротивление Германии, которое могло стать слабее в дальнейшем, было ещё очень сильным в самые первые годы, что для консолидации новых соглашений необходимо время и что было бы разумно внушить Германии, что договор отменить невозможно. В своём отношении к договору все французы руководились следующим: они видели в нём существенную

¹ «Cmd. 1943», p. 55.

² «Cmd. 2270», p. 96—97.

³ Chamberlain, Sir Austen, «188 H. C. Deb.», November 18, 1925, col. 421.

гарантию на будущее, а также гарантию для новых государств Восточной и Центральной Европы, с судьбой которых, им казалось, связана судьба самой Франции. Когда на карту был поставлен вопрос об уважении к договору такие разные люди, как Пуанкаре и Эррио, говорили одним языком. Отвечая лорду Керзону 20 августа 1923 г., Пуанкаре писал «Если Франция настаивает на том, чтобы договоры были реализованы просто и прямо, то она делает это не в силу своей юридической приверженности к букве и духу дипломатических документов... Франция опасается, что в результате краха Версальского договора будет создан опасный прецедент. Сен-Жерменский, Нейский и Трианонский договоры в таком случае скоро разделят его судьбу, и вся новая Европа будет потрясена до основания». В таком же духе Эррио говорил с германским послом накануне Лондонской конференции в июле 1924 г.: «Нашим твёрдым принципом явится отказ от всякого изменения мирного договора. По моему мнению, такая позиция будет на благо последующим поколениям, так как таким образом будет предотвращён риск новой войны, неразрывно связанный со всяким посягательством на договор»¹.

Этот духовный антагонизм между английской и французской политикой в значительной мере обусловил обострение англо-французских отношений в ходе конфликта по вопросу о репарациях между 1920 и 1924 г. Рассматривать этот спор исключительно как конфликт, возникший вокруг финансовой и экономической проблемы, значило бы рассматривать его под неверным углом зрения. Прения по вопросу о репарациях открыли возможность для столкновения между противоположными английской и французской концепциями о будущем месте Германии в системе государств Европы. Примирительные методы переговоров были, с точки зрения английского правительства, не только простым средством для разумного финансового соглашения о репарациях, точно так же как для французского правительства принуждение отнюдь не было направлено только к сохранению существующих репарационных обязательств Германии. Для английского правительства примирение было самоцелью, так же как для французского правительства принуждение было постоянным проявлением превосходства в силе; ибо одно из правительств желало ослабить, а другое усугубить вызванные войной различия между победителями и побеждёнными. Санкции следует рассматривать не только как средство взимания репараций, но и как важную проблему во франко-английских отношениях.

¹ *Stresemann*, I, p. 365—366.

История санкций может быть с достаточным основанием отделена от истории репараций, хотя обе они тесно связаны между собой. Изучение этого вопроса, естественно, распадается на две части. Первая касается мер воздействия, применявшихся в период между 1920 и 1923 г.; их результатом был пересмотр проблемы санкций на Лондонской конференции, обсуждавшей план Дауэса в 1924 г. Вторая часть посвящена оккупации Рейнской области как гарантии выполнения договора. Об оккупации Рейнской области как о мере по обеспечению безопасности речь будет идти у нас в главе XV.

Санкции для обеспечения репарационных платежей были предусмотрены § 18 приложения II к разделу о репарациях Версальского договора. Известность, приобретённая этим параграфом в 1923 г., станет понятна из приводимой нами ниже выдержки:

— «Меры, которые Союзные и Объединившиеся державы будут иметь право принять в случае намеренного уклонения Германии и которые Германия обязуется не рассматривать как враждебные действия, могут состоять в актах экономических и финансовых запретов и репрессалий и вообще в таких других мерах, которые соответствующие правительства сочтут, как вынужденные обстоятельствами».

Эта общая формулировка является результатом вильсоновской редакции французского предложения. В марте 1919 г. французский министр финансов Клоц выдвинул предложение о том, что отказ Германии от выплаты репараций должен быть встречен «повсеместной или частичной финансовой и экономической блокадой», или оккупацией дополнительных районов, имеющих стратегическое значение, или, наконец, «такой оккупацией территории, которая даст Репарационной комиссии финансовые и промышленные доходы, необходимые для погашения германского долга». Это предвосхищение «продуктивных залогов», предложенных Пуанкаре, оказалось приемлемым только для одних французов. Но когда настало время определить полномочия Репарационной комиссии, Клоцу удалось заручиться согласием своих английских и итальянских коллег в комитете, которому было поручено рассмотреть более скромное предложение о том, чтобы союзники подтвердили своё право в случае намеренного отказа выполнять обязательства прибегать к определённым мерам принуждения, как-то: запрещению связи и экономических сношений, захвату германских товаров и запрещению пользоваться всякими финансовыми возможностями. Союзники, кроме того, должны были сохранить за собой право прибегать и к другим мерам, которые не были оговорены. Но когда 23 апреля вопрос был передан

на рассмотрение Совета четырёх, президент Вильсон наряду с другими американскими членами комитета настаивал на исключении из договора всякого упоминания о конкретных мерах насилия и предложил формулу, содержащуюся в приведённом выше параграфе¹.

Было бы бесцельным останавливаться на полемике, поводом к которой послужило различное толкование этого текста. Её следует помнить в качестве классического примера того, к каким неприятным последствиям приводит непродуманное составление официальных текстов.

После того как договор вступил в силу, проблема санкций возникла впервые не в связи с репарациями, а в связи с демилитаризованной зоной. 13 марта 1920 г. законное германское правительство было изгнано из Берлина реакционными элементами рейхсвера, непосредственной целью которых было предотвратить реализацию военных условий договора. Триумф мятежников был непродолжительным. Всеобщая стачка парализовала их власть, и 17 марта их лидеры бежали из страны. Так закончился капповский путч. Но восстание дало толчок брожению в Руре, где коммунистические элементы, восставшие против реакционеров, сохранили своё оружие. Район, где возникли беспорядки, находился в демилитаризованной зоне, в которой согласно статье 43 договора Германии запрещалось иметь вооружённые силы. Союзные правительства санкционировали содержание 17 тысяч солдат в этой зоне до 10 апреля 1920 г., но немцы утверждали, что эти войска были недостаточными для подавления революционного движения. 15 марта 1920 г. правительство Каппа просило союзников санкционировать ввод дополнительного количества войск в эту зону. Через два дня эту просьбу повторило законное германское правительство в Штутгарте. В то время как английское и американское правительства были склонны согласиться на это, французское правительство считало, можно сказать не без оснований, что рейхсвер склонен избегать всякого мирного решения местного конфликта. Французское правительство отрицало необходимость военных действий, но готово было дать разрешение на вступление в Рур дополнительных германских военных контингентов при условии, что союзные силы в то же время оккупируют Франкфурт и Дармштадт в качестве гарантии отхода немецких войск тотчас же по подавлении ими революционного движения. Однако против этого предложения

¹ См. приложение VIII, глава IV проекта Клоца от 28 марта 1919 г. *Klotz, L., De la Guerre à la Paix*, p. 215—249; *Burnett, P., Reparation at the Paris Peace Conference*, I, p. 976, 998, 1006, 1099—1102.

выступило британское правительство. Лорд Дерби отказался даже поставить вопрос на обсуждение Совета послов. Таким образом, прошло дней пятнадцать. 3 апреля 20 тысяч германских войск вступили без разрешения в демилитаризованную зону. Три дня спустя Мильеран, не уведомив предварительно о своём намерении союзные правительства, направил французские войска во Франкфурт. Эти войска были отозваны 17 мая, когда рейхсвер эвакуировал демилитаризованную зону¹.

Вскоре после франкфуртского инцидента Верховный совет собрался на совещание в Сан-Ремо (19—26 апреля 1920 г.). На этом совещании Ллойд Джордж настаивал на организации конференции с немцами. Приняв это предложение, Мильеран потребовал в ответ согласия Англии на заключение до созыва подобной конференции предварительного соглашения между союзниками относительно мер принуждения, которые должны быть применены против Германии, если в этом представится необходимость².

В течение последующих месяцев этот принцип предварительного соглашения по вопросу о санкциях тщательно соблюдался. 26 апреля союзные правительства объявили о своём решении «принять все меры, вплоть до самых крайних, если это потребуется, и оккупировать германскую территорию в целях обеспечения выполнения договора»³.

В конце июня было указано о достижении соглашения по вопросу об оккупации Рура, если Германия немедленно не выполнит военных условий соглашения⁴.

Немцам открыто угрожали оккупацией Рура для того, чтобы заставить их подписать на конференции в Спа (5—16 июля 1920 г.) протоколы, касающиеся разоружения и поставок угля. Та же угроза была включена в эти протоколы в качестве карательного мероприятия в случае отказа от выполнения их постановлений. Более сложная схема санкций была составлена на Парижской конференции (24—30 января 1921 г.) для применения её по отношению к Германии в случае отказа

¹ Подробности об этом инциденте см. «The Times», March 24—April 13, 1920; выступление Мильерана от 13 апреля см. «Chambre: Débats», Avril 13, 1920, 2me séance, p. 723—727, и речь Бриана, произнесённая им девять лет спустя и помещённая в «Chambre: Débats», Novembre 8, 1929, p. 3052; «U. S. A.: Foreign Relations», 1920, II, p. 297—327; «Cmd. 1325», Docs. 72, 76, 92, 95; *Ronaldshay*, Curzon, III, p. 231—233.

² «Chambre: Débats», 2me séance, Avril 28, 1920, p. 1446.

³ «Cmd. 1325», p. 95.

⁴ «U. S. A. Foreign Relations», 1920, II, p. 394; Whitlock to Secretary of State, June 30, 1920.

последней выполнить постановления парижских резолюций по репарациям и разоружению¹.

Месяцем позже по вопросу о санкциях состоялись совещания Ллойд Джорджа и Бриана в Чекерсе (27 февраля 1921 г.) для подготовки ко второй конференции с немцами (Лондон, 1—14 марта 1921 г.) и затем вновь в Лимпне (23—24 апреля 1921 г.) для подготовки к союзной конференции в Лондоне (29 апреля — 5 мая 1921 г.)².

Согласие Ллойд Джорджа на то, чтобы предварительно формулировать меры принуждения против Германии, было дано в апреле 1920 г., без сомнения потому, что он верил в возможность примирить точки зрения союзников и немцев в ходе последующих конференций. Крушение этой его надежды на Лондонской конференции в марте 1921 г. заставило Ллойд Джорджа согласиться на применение санкций в соответствии с данным им французам обещанием. Санкции в этом случае были применены не потому, что был в какой-то мере и при этом явно нарушен Версальский договор, а под тем предлогом, что медлительное и частичное выполнение условий этого договора и в частности провал попыток достичь удовлетворительного соглашения по вопросу о репарациях явно показывали стремление Германии уклониться от выполнения своих обязательств³. Союзники оккупировали Дуисбург, Рурорт и Дюссельдорф; они установили таможенный кордон между оккупированной и неоккупированной зонами Германии; они передали Репарационной комиссии все таможенные доходы, собранные на внешних границах оккупированной зоны Германии; кроме того, они обложили особым сбором весь германский экспорт в союзные страны.

В результате всех этих мероприятий удалось вынудить немцев представить более удовлетворительные предложения по репарационному вопросу, которые всё же были отклонены союзными правительствами. Прибывший на Лондонскую конференцию (29 апреля — 5 мая 1921 г.) Бриан потребовал раз-

¹ «The Times», January 31, 1921.

² «Eur. Nouv.», Mars 19, 1921.

³ См. выступления Ллойд Джорджа на конференции от 3 и 7 марта, опубликованные в «Times» 4 и 8 марта. См. также его заявления в палате общин 3 и 10 марта 1921 г. «138 Н. С. Deb.», col. 2016; «139 Н. С. Deb.», col. 753 ss.; см. также меморандум британского посольства министерству иностранных дел США от 14 марта 1921 г.: «Ввиду отказа германского правительства принять парижские решения, касающиеся репараций, или выдвинуть удовлетворительное контрпредложение, межсоюзная конференция, заседающая в Лондоне, решила применить по отношению к Германии следующие санкции» («U. S. A. Foreign Relations», 1921. vol. II, p. 36).

решения на немедленную оккупацию Рурской области. Однако британские министры высказались за то чтобы направить Германии новые пересмотренные предложения с угрозой оккупации Рурской области союзными армиями, если Германия откажется от принятия этих предложений. Бельгийские представители пытались осуществить функции посредников между англичанами и французами. Они указывали, что французские войска не будут готовы к занятию Рурской области впредь до проведения к 12 мая подготовительных мер по мобилизации, а эта отсрочка могла бы быть использована для окончательного соглашения с Германией в соответствии с английскими пожеланиями ¹.

Бриан согласился с этим предложением. 5 мая германскому правительству было сообщено, что если в течение ближайших шести дней оно не согласится с общей схемой и сроками репарационных платежей, а также с парижской нотой от 29 января касательно разоружения, то союзники оккупируют Рурскую область. Предъявленный немцам ультиматум ускорил изменение состава германского правительства. Новый кабинет, сформированный доктором Виртом, принял 11 мая условия союзников, и, таким образом, буквально накануне намеченного срока оккупация Рура была предотвращена.

После соглашения с Германией английское правительство пожелало тотчас же аннулировать санкции, принятые ещё в марте. Сохранение этих санкций уже не казалось более целесообразным, учитывая добрую волю и энергию нового германского канцлера при выполнении им условий договора. Введённый союзниками особый сбор с германского экспорта был заменён согласно репарационной схеме взиманием репарационных платежей в сотрудничестве с германским правительством. Французское правительство вначале отказалось снять остальные санкции, учитывая резкие протесты, которые могло бы вызвать это мероприятие в палате депутатов. Однако 13 августа 1921 г., на последней сессии Парижской конференции, Лушер удивил англичан, предложив отказаться от экономических санкций, в то время как Бриан ещё ранее согласился на снятие военных карательных мероприятий ².

Таможенный кордон был действительно снят 1 октября 1921 г.; однако, ввиду того что во главе французского правительства вместо Бриана стал Пуанкаре, рурские города оставались оккупированными вплоть до августа 1925 г.

¹ «Chambre: Débats», Mai 24, 1921, p. 45.

² Allen, H. T., Rhineland Occupation, p. 214, 244.

Здесь следует несколько подробнее остановиться на проблемах, возникших в 1920—1921 гг. в связи с необходимостью применения принудительных мер, чтобы побудить Германию к выполнению договора. Наиболее острый вопрос заключался в том, должны ли карательные мероприятия по отношению к немцам применяться только союзными правительствами, действующими совместно, или каждому союзному правительству следует предоставить свободу действий. Французское правительство заявило о своём намерении предпринять независимые действия. В 1920 г. английское правительство, повидимому, опротестовало это заявление, однако не с точки зрения его законности, а лишь под углом зрения его политической целесообразности¹.

Ряд обстоятельств вызвал перемену в позиции Франции в 1919—1920 гг. В ходе мирной конференции французская делегация была сильно озабочена обеспечением солидарности союзников в деле применения санкций. «Не должно быть изолированной политики, — заявил Клоц 11 марта 1919 г., на заседании третьей подкомиссии по репарациям. — Германия всегда должна находиться перед лицом единства всех стран Антанты». С этой целью Клоц пытался организовать в рамках Лиги наций финансовое управление с полномочиями толковать финансовые и экономические условия договора, а также обращаться к союзным и объединившимся государствам с предложениями о применении мер принуждения в случае невыполнения означенных условий². Слабым отражением в договоре этого французского предложения явились полномочия, предоставленные Репарационной комиссии в смысле вынесения ею рекомендаций о необходимых мерах в случае отказа немцев от выполнения своих обязательств. Комиссия могла лишь рекомендовать такие меры, а правительства решали сами, следует ли их осуществить. В течение первых недель 1920 г. французские подозрения относительно склонности Англии к попустительству в отношении Германии перешли в опасение, что права французам, установленные договором, могут быть вообще нарушены, если осуществление их будет зависеть от участия англичан. Именно исходя из этого Франция и решила потребовать для себя права на независимые действия.

¹ 28 октября 1920 г. Остин Чемберлен указал в палате общин, что, по мнению английского правительства, каждое правительство могло самостоятельно решать, какие действия ему следует предпринять в силу указанного параграфа 18 приложения II к договору («133 H. C. Deb.», October 28, 1920, col. 1921).

² *Lapradelle*, IV (Réparations), II, p. 899, 901—902; *Lapradelle*, VII (Commission financière), p. 346—349, 373; *Miller*, XVI, p. 476—478.

Символическим выражением этого требования явилась оккупация Франкфурта. В создавшихся условиях английское правительство в свою очередь прибегло к принципу союзной солидарности; однако оно сделало это, скорее, для того, чтобы удержать Францию, а не для того, чтобы добиться объединённых действий с целью обеспечить выполнение договора в будущем. Ллойд Джордж публично и торжественно осудил французов; об этом от его имени Филипп Керр заявил 8 апреля 1920 г. на приёме представителей провинциальной прессы. Лорд Керзон заявил протест французскому послу, указав, что поведение Франции «несовместимо с существующими отношениями между обеими странами и что общие действия должны быть сохранены во имя устойчивости союза и безопасности Европы»¹. Лорду Дерби было предложено не принимать участия в работах конференции послов по вопросам, касающимся Германии, впредь до получения от Франции заверения в том, что она в дальнейшем будет действовать лишь в согласии с союзниками во всём, что касается выполнения договора. Мильеран представил такое заверение. В силу соглашения, достигнутого вскоре после этого в Сан-Ремо, британское правительство рассчитывало на то, что французы подчинят своё пристрастие к санкциям английской политике дружественных переговоров с Германией, в то время как французское правительство в свою очередь предполагало добиться участия англичан в мероприятиях по оказанию давления на Германию.

Учитывая расхождение во мнениях между обеими странами, англо-французские переговоры могли происходить в дальнейшем лишь на базе французских уступок британской политике примирения в обмен на английские уступки французской политике принуждения. В силу этого союзная политика приобрела характер неустойчивой игры, составные элементы которой оказывали по очереди господствующее влияние на её исход. В результате осуществлялась политика санкций, смешанная с политикой примирения путём переговоров. Это противоречие в рамках союзной политики отнюдь не имело бы дурных последствий и даже, напротив, могло бы оказаться весьма положительным, если бы цель союзной политики заключалась в том, чтобы добиться согласия немцев на разумные и вполне выполнимые требования. Дело в том, что точки зрения французов и англичан отнюдь не были несовместимы: они лишь дополняли друг друга. Если, с одной стороны, было необходимо преодолеть колебания французов в вопросе об участии в заседании за одним столом с немцами из страха, что совместное

¹ *Ronaldshay, Curzon, III, p. 232—233.*

обсуждение выявит противоречия в рядах союзников, то, с другой стороны, было необходимо напомнить англичанам, отнюдь не стремившимся более бряцать оружием, что в конечном счёте противника следует заставить выполнить условия договора, если вообще не хотят свести их на-нет.

В основе этой трагедии лежало то, что политика союзников была направлена к принуждению немцев — путём ли переговоров или политикой силы — согласиться в области выплаты репараций на невозможное. Союзники, лишив Германию её ликвидного имущества, намеревались в дальнейшем получать от неё систематические платежи, которые она могла производить лишь после известного периода экономического и финансового восстановления; абсолютную необходимость такого периода не принимали во внимание ни французские, ни британские политики того времени. Поскольку это обстоятельство, мешавшее немцам удовлетворить требования союзников, не принималось в расчёт, английская политика переговоров с Германией, конечно, никак не могла примирить германские предложения с союзными требованиями. В результате, как уже было упомянуто выше, в марте 1921 г. английские государственные деятели были вынуждены дать своё благословение на сочетание британской политики с политикой санкций, на случай, если их собственный политический курс не даст никаких результатов. Таким образом, санкции применялись по причинам, которых нельзя было точно объяснить, и в конечном счёте привели к подписанию соглашения, выполнение которого оказалось невозможным¹.

Наложение санкций в марте 1921 г. обнаружило наличие серьёзной бреши в условиях договора, или, вернее, в дополнительном соглашении по вопросу о Рейнской области. Верховный совет приказал установить таможенный кордон между оккупированной и неоккупированной зонами Германии. Совершенно неизбежно задача по организации этого кордона выпала на долю *Верховной межсоюзной рейнской комиссии* — высшего представителя союзных правительств на оккупированной территории. Однако эта комиссия могла осуществлять свою власть над германским населением и германскими властями лишь с помощью издания распоряжений. Масштабы её власти по изданию этих распоряжений были определены, а следовательно, и ограничены условиями соглашения по вопросу о Рейнской области. Это соглашение допускало издание распоряжений в той мере, в какой это являлось необходимым «для обеспечения сохранения безопасности и потребностей

¹ См. стр. 138.

вооружённых сил союзных и объединившихся держав». Подобное определение оказалось крайне эластичным. Оно фактически предоставило комиссии полную свободу действий в области введения нового законодательства¹. Все вопросы, касающиеся сохранения общественного порядка — забастовки, продовольственное снабжение, свобода собраний и т. п., — были тотчас же признаны входящими в сферу законодательной деятельности комиссии под тем предлогом, что всякое нарушение общественного порядка может отозваться на безопасности войск. Однако рейнское соглашение не наделило эту комиссию какой-либо властью в деле издания законодательных распоряжений по обеспечению выполнения условий договора. Это упущение отнюдь не было случайным. Первый проект рейнского соглашения, составленный не французами, а англичанами, предусматривал наделение комиссии подобными полномочиями. Но, настаивая тогда на принятии этого условия комитетом, выделенным для составления соглашения в июне 1919 г., лорд Роберт Сесиль заявил: «Я полагаю, что мы нуждаемся в гражданской власти, наделённой полномочиями определять, выполняются ли надлежащим образом условия договора. Если по истечении пятилетнего срока Германия откажется от выполнения условий договора полностью или частично, Верховная комиссия будет иметь право посредством собственных распоряжений закрыть границу между оккупированными районами и остальной частью Германии и, таким образом, оказать на Германию давление с целью заставить её выполнить свои обязательства». Однако Лушер, поддержанный Фошем и Вейганом, выразил протест, указав, что тем самым комиссии придётся слишком сильно вмешиваться во внутренние дела Германии. Лорд Сесиль признал правильность этих замечаний, и в результате комитет указал, что «наделение Верховной комиссии полномочиями издавать распоряжения о выполнении условий договора может повлечь за собой значительное расширение её функций, а потому комитет запрашивает Совет четырёх, действительно ли такое мероприятие входит в его намерения». В результате предложенный пункт был Советом четырёх вычеркнут².

Тем не менее Верховный совет неизбежно обратился к Рейнской комиссии для применения мер принуждения, объявленных им в марте 1921 г. Комиссия поступила так, как только

¹ Ireton, R. E., *The Rhineland Commission at Work*, «A. J. I. L.», vol. 17, 1923, p. 463.

² «Peace Conference 1919: Commission interalliée de la rive gauche du Rhin», p. 23—25, 31, 86—88.

и могла поступить, а именно, путём издания собственных распоряжений она ввела в действие решения Верховного совета. То же произошло и в 1923 г.: хотя и без участия британского представителя, Верховная комиссия ввела в Рейнской области путём издания «специальных распоряжений» те же меры принуждения, которые применили военные власти в Рурской области.

В течение 1921 г. французы соглашались, хотя и с возрастающим нетерпением, на координацию своей политики с политическим курсом англичан. Во всех обсуждениях в палате депутатов, каждое из которых носило более бурный характер, чем предыдущее, Бриан указывал на необходимость итти нога в ногу с Великобританией. Он предвидел, что независимые действия Франции окажутся особенно опасными с политической точки зрения и в конечном счёте поставят под угрозу экономическое и финансовое положение страны. «Недостаточно, чтобы Франция одна решила выполнить заключённый договор в соответствии с её собственными интересами. Необходимо постоянное обсуждение с союзниками, так как всегда следует стремиться к соглашению; в противном случае всё может рухнуть»¹.

Замена Бриана Пуанкаре в январе 1922 г. явилась результатом широко распространённого мнения о том, что политика Бриана угрожала поставить Францию в зависимость от Англии. Бунтарская нотка недовольства Англией впервые ясно прозвучала в речи Пуанкаре 24 апреля 1922 г. в Бар ле Дюке; он провозгласил тогда право Франции действовать независимо, применяя санкции против Германии с целью принудить её к уплате репараций. Согласно толкованию Пуанкаре всё того же знаменитого пункта 18 приложения II в разделе, посвящённом репарациям, Франция должна была иметь право, в случае соответствующего заявления Репарационной комиссии о преднамеренном невыполнении Германией её обязательств, применять против Германии не только финансовые и экономические репрессии, но и военные меры; при этом Германия не имела права рассматривать подобные шаги как военные действия. В конце 1922 г. Пуанкаре решил добиться от Репарационной комиссии заявления, которое в его глазах узаконило бы оккупацию Рура. 26 декабря 1922 г. Репарационная комиссия заявила, что Германия преднамеренно не выполнила поставок леса Франции в течение 1922 г. 9 января 1923 г. было объявлено, что Германия не выполнила угольных поставок Франции. В обоих случаях решение комиссии было принято большин-

¹ «Chambre: Débats», Octobre 18, 1921, p. 17—18.

ством голосов французского, бельгийского и итальянского делегатов против голоса английского делегата — сэра Джона Брэдбери. Эти решения явились прелюдией к оккупации Рура, которая началась 11 января 1923 г.

Изложение самого процесса оккупации Рура не входит в задачи нашего исследования. Здесь внимание должно быть обращено на пересмотр проблемы применения санкций в порядке принуждения к уплате репараций; санкции стали необходимы в результате решения о прекращении оккупации Рура, вынесенного на Лондонской конференции 16 июля — 16 августа 1924 г. Конференция была созвана в целях рассмотрения мероприятий, необходимых для проведения в жизнь плана Дауэса. Комитет Дауэса в лице финансовых экспертов, разработавших план, заявил, что успех этого плана зависит от принятия соответствующих предосторожностей для обеспечения того, что санкции не будут применяться «за исключением случаев явного невыполнения условий, принятых на основе общего соглашения». За этим предостережением скрывалось одно неоспоримое соображение. Целью плана было сделать возможной уплату репараций на основе восстановления кредита Германии, и при этом не просто в ближайшем будущем, а тотчас же, ибо сам план предусматривал немедленный приток иностранных займов для обеспечения средств, необходимых для уплаты репараций в наступающем году. Ни один заём не мог быть предоставлен, если финансовый мир не получит какого-то заверения, что впредь финансовая стабильность Германии не будет подрываться применением санкций в политических интересах Франции.

Необходимым условием успеха плана Дауэса, таким образом, являлось обеспечение гарантий против всякого произвольного заявления Репарационной комиссии о невыполнении Германией своих обязательств. Договор предусматривал — и это уместно здесь напомнить — санкции против Германии в случае заявления комиссии о том, что Германия преднамеренно не уплатит репараций. Но, по мнению английского правительства, которое разделяли также английские и американские банкиры, комиссия попросту превратилась в орудие франко-бельгийской политики». Накануне оккупации Рура комиссия придралась, по выражению сэра Джона Брэдбери, к «некоторому недовыполнению, которое, учитывая объём финансовых обязательств, предусмотренных договором, было почти микроскопическим»¹. При этом действия комиссии были подсказаны в значительной степени мотивами, имевшими

¹ «Rep. Comm. Report», 1920—1922, p. 253.

малое отношение к выплате репараций. Одной из главных задач Лондонской конференции было предотвратить повторение подобных действий, причём, конечно, сохранялась возможность применения санкций в случае отказа Германии продолжать уплату репараций, пока она была в состоянии их платить.

На конференции было достигнуто соглашение относительно двух гарантий: одной — терминологической, другой — процессуальной по своему характеру. Если бы когда-либо возникла необходимость применения этих гарантий, то первая из них почти наверняка оказалась бы призрачной. Союзники заключили соглашение о том, что не будут применять санкции, кроме случаев, упомянутых в плане Дауэса. Это место уже цитировалось нами. Его смысл заключался в замене словами «явное невыполнение» слов «преднамеренное невыполнение». Явное невыполнение, как английский премьер-министр сообщил палате общин, было «значительным общим невыполнением», которое свидетельствовало о наличии «заговора в правительственных кругах Германии, заговора с целью отказаться от своих обязательств». Но, несмотря на разъяснение Макдональда, новый термин всё же не был более точным и менее спорным, чем старый¹. Однако термин «явное» (невыполнение) представляет особый интерес, поскольку позднее он встречается также в Локарнском договоре о гарантиях.

Вторая гарантия заключалась в новой процедуре, рассчитанной на обеспечение в будущем беспристрастного рассмотрения вопроса о том, возникли ли обстоятельства, требующие применения санкций, т. е. имело ли место «явное невыполнение» обязательств. В ходе переговоров, предшествовавших Лондонской конференции, английское правительство выдвинуло предложение, по которому полномочие делать заявление о невыполнении обязательств было бы предоставлено какому-нибудь другому органу вместо Репарационной комиссии. Для этой цели предлагался финансовый комитет Лиги наций, объективный характер заключений которого обеспечивал бы всеобщее согласие. Предложение отеснить Репарационную комиссию, равносильное внесению поправки в договор, вызвало бурю критики во Франции, перед лицом которой английское правительство сочло разумным уступить. Поездка Макдональда в Париж, вызванная протестами французов, привела к заключению франко-английского соглашения о том, что Репарационная комиссия должна сохранить свои полномочия,

¹ См. *Stresemann*. I, p. 378; «Cmd. 2270», p. 73.

предоставленные ей Версальским договором, но что должны быть предприняты усилия для обеспечения присутствия в комиссии американского представителя каждый раз, когда обсуждался вопрос о невыполнении Германией своих обязательств. Однако это соглашение не обеспечило ещё окончательного решения вопроса, ибо полномочия американского представителя оставались весьма неопределёнными. В течение нескольких дней конференция находилась в тупике вследствие разногласий между банкирами и французскими представителями. В конечном счёте решено было, что если Репарационная комиссия при участии американского представителя не сможет достичь единодушного решения по вопросу о невыполнении обязательств, то любой член комиссии, участвовавший в голосовании, сможет апеллировать к Арбитражной комиссии, составленной из трёх беспристрастных и независимых лиц под председательством американца; решения этой комиссии должны были быть окончательными¹.

Это соглашение о решении путём арбитража всякого спора между союзниками по вопросу о невыполнении обязательств восполнило то, что на опыте оказалось серьёзным пробелом в договоре. Однако больше никогда уже не делалось предложений заявить о невыполнении Германией её обязательств, и, следовательно, ни разу не возникала необходимость передачи подобного предложения на решение арбитража. Главным образом по инициативе французского премьер-министра Эррио в соглашения, заключённые в 1924 г., было включено постановление об арбитражном решении для целого ряда других вопросов, которые могли возникнуть при осуществлении плана Дауэса. Эти дальнейшие решения об арбитраже на практике оказались весьма ценными. Наибольшее значение представляли решения об урегулировании споров в области истолкования того или иного пункта. Было сделано значительное отклонение от практики, установленной Версальским договором, в результате которой полномочия истолковывать статьи, касающиеся репараций, предоставлялись Репарационной комиссии — единственному органу союзников, решения которого не подлежали никакому обжалованию. Беспристрастность истолкования и применения плана Дауэса обеспечивалась соглашениями об арбитраже в случае споров между германским правительством, с одной стороны, и Репарационной комиссией, а также чиновниками, назначенными для наблюдения за осуществлением плана, с другой стороны. «Следует признать, — заявил видный английский юридический совет-

¹ «Cmd. 2184»; «Cmd. 2191»; «Cmd. 2270», p. 115—116; «Times», July 25, 1924.

ник комиссии, касаясь этих изменений, — что в каждый договор или международное соглашение необходимо включать тщательно составленный и всеобъемлющий пункт, предусматривающий методы юридического или арбитражного разрешения на законных основаниях разногласий, возникающих в ходе выполнения договора независимо от того, вызваны ли эти разногласия толкованием текста или его приспособлением к внешним обстоятельствам¹.

В качестве «гарантии выполнения настоящего договора Германией» Версальский договор предписывал оккупацию Рейнской области в течение 15 лет. Если бы статьи договора выполнялись Германией полностью, то северная часть оккупированной области, включая Кёльн, должна была быть эвакуирована по истечении 5 лет, а центральная часть, включая Кобленц, — по истечении 10 лет. Эвакуированная территория могла быть оккупирована вновь — либо на протяжении этих 15 лет, либо по истечении этого срока — в случае, если бы Германия отказалась выполнить свои обязательства по уплате репараций. В то же время, если бы Германия до окончания 15-летнего срока выполнила «все обязательства, предусмотренные настоящим договором», то оккупационные войска должны были быть отведены немедленно.

Рассмотрение вопроса о выполнении договора влечёт за собой анализ вопроса о том, в какой степени эти статьи оказались эффективными в качестве гарантии выполнения условий мира. Следует помнить, что пункты, касавшиеся оккупации, явились результатом длительных споров о безопасности Франции, а не следствием сколько-нибудь тщательного рассмотрения самой проблемы выполнения договора. До момента заключения локарнского пакта французы в отличие от англичан рассматривали оккупацию Рейнской области скорее как меру безопасности, нежели как гарантию выполнения договора. *Французская* политика в области санкций диктовалась поэтому в значительной степени желанием упрочить оккупацию Рейнской области как меру военных гарантий против Германии; вполне обоснованные опасения, что военные санкции укрепили бы контроль Франции над Рейнской областью, несомненно, в значительной мере обусловили колебания *Англии* приступить к их осуществлению.

Несостоятельность пунктов, касающихся оккупации как гарантии выполнения договора, иллюстрируется тем кризи-

¹ *Fischer Williams, J., A legal Footnote to the Story of German Reparations, «British Year Book of International Law», 1932, p. 37.*

сом, который пережила проблема санкций в 1920—1924 гг. План оккупации оказался на практике далеко не гибким. Психологическое и финансовое бремя, которое он накладывал на Германию, не являлось действенным фактором, а лежало на ней мёртвым грузом. Это бремя не представляло собой, как удачно выразился Жак Сейду, «непосредственной угрозы, которая вынуждала бы к действиям и толкала бы на выполнение договора». Опыт послевоенных лет показал, что выполнение пунктов, касающихся разоружения и репараций, требовало более гибкой системы гарантий, делающих возможным ослабление или усиление давления, в зависимости от того, перевыполняла ли Германия или недовыполняла обязательства, предусмотренные договором. Договор не предусматривал решения — или по крайней мере не предусматривал его в ясной форме — о том, чтобы в течение первых пяти лет условия оккупации являлись для Германии то бóльшим, то меньшим бременем. Хотя факт оккупации делал возможным исключительные меры принуждения, применявшиеся в 1921—1923 гг., союзные правительства могли найти законное оправдание своим действиям только — как это было в 1921 г. — в общем праве применять силу, помимо чисто военных действий, для того, чтобы заставить уважать обязательства, предусмотренные договором, или — как это было в 1923 г. — в спорном толковании неясного пункта раздела, посвящённого репарациям.

В 1925 г., по окончании первого пятилетнего периода, союзники воспользовались своим правом отложить эвакуацию Кёльнской зоны. Нежелание Германии выполнить военные условия договора послужило внешним оправданием этой отсрочки¹. Французы были действительно серьёзно обеспокоены невыполнением Германией своих обязательств в области разоружения. Хотя в Англии военное положение Германии не вызывало значительного беспокойства, единодушие Франции с Англией в этом вопросе было молчаливым условием франко-английского соглашения 1924 г. В соответствии с этим английское правительство согласилось отложить вывод союзных войск, для того чтобы обеспечить более полное осуществление военных условий. Колебания же французского правительства согласиться на эвакуацию Кёльнской зоны были явно вызваны сознанием того, что этот шаг в значительной степени ликвидировал бы военное значение оккупации¹. При таких обстоятельствах Остин Чемберлен, настаивая на том, что эвакуация Кёльнской

¹ См. стр. 173—174.

² См. стр. 235.

зоны должна зависеть только от выполнения Германией военных статей договора, стремился в то же время удовлетворить требования Франции о безопасности другими средствами помимо продолжения оккупации. Необходимое дополнение в области обеспечения безопасности Франции было внесено Локарнскими соглашениями, заключение которых дало возможность Остину Чемберлену добиться эвакуации Кёльна в декабре 1925 г., как только было достигнуто соглашение с Германией относительно выполнения военных статей. После этого принцип, согласно которому оккупация была единственной гарантией выполнения договора, перестал быть предметом спора.

Вначале оккупация оставалась только гарантией уплаты репараций. Она была введена специально для этой цели. Проверенный временем метод получения контрибуций заключается в размещении армий на вражеской территории и в отводе их по мере внесения платежей. Подобный метод заставляет побеждённое государство расплатиться по своим обязательствам возможно скорее, для того чтобы избавиться от иностранных войск. Такова была та процедура, к которой Германия прибегла в 1871 г. Таким же путём Пуанкаре предполагал провести эвакуацию Рура после 1923 г. Но оккупация Рейнской области не регулировалась таким образом, ибо в 1919 г. огромные размеры общей суммы репараций помешали заключению обычного соглашения. Англия и Америка решительно выступали против всякого предложения поставить оккупацию в зависимость от уплаты репараций, ибо подобное предложение открывало непривлекательную перспективу бесконечной продолжительности оккупации, политических последствий которой английские государственные деятели неизменно боялись. Таким образом, был установлен срок в 15 лет с оговорками об отводе войск и новой оккупации, о которых уже упоминалось.

Военная оккупация оказалась в лучшем случае некоторой гарантией денежных платежей в размерах, требуемых договором. Германия не могла последовать примеру Франции после франко-прусской войны, а именно: обеспечить себе займы для уплаты долга и, таким образом, добиться быстрой эвакуации, ибо финансовый мир не верил в способность Германии уплатить необходимую сумму. Трудность обеспечения платежей путём прямой эксплуатации промышленных ресурсов, находившихся под военным контролем, была явно доказана оккупацией Рура. Богатства современного общества зависят «от добровольного применения человеческих способностей и не создаются путём физического принужде-

ния»¹. Первым условием систематического внесения платежей была, таким образом, финансовая реорганизация Германии; военная оккупация могла, скорее, помешать ей, нежели помочь, ибо договор предусматривал приоритет оккупационных расходов над всеми другими платежами, которые требовались от Германии, а вначале суммы, фактически полученные от Германии, были едва-едва достаточны для покрытия оккупационных расходов. Только в марте 1922 г. оккупационные расходы были ограничены междусоюзным соглашением до определённых размеров, а именно до 240 миллионов золотых марок². Даже эта сумма не включала стоимости бесконечных услуг и оборудования, которых могли требовать оккупационные армии в соответствии со статьями 8—12 соглашения о Рейнской области, — порочная система, «которая, несомненно, превращала Рейнскую область в нечто сходное с представлением о земном рае в глазах военных властей союзников»³. Одним из достоинств плана Дауэса было то, что он впервые включил в общую сумму для каждого года стоимость всех оккупационных расходов всех армий вместе со всеми платежами, вносимыми в порядке репараций и возмещения убытков.

Такое решение вопроса о размерах платежей не уничтожило неблагоприятного влияния военной оккупации на репарации. Это проявилось вновь во время переговоров, которые привели к замене плана Дауэса планом Юнга. В течение четырёх лет план Дауэса являлся рабочим решением проблемы репараций. Этот план признавался временным решением вопроса; однако в 1928 г. ещё не было никаких настоятельных финансовых соображений, которые требовали бы пересмотра плана, и не было также никакого единодушия взглядов в кругах казначейства в пользу подобного курса. Пересмотр был произведён не вследствие того, что вообще настало время для выработки какого-то постоянного соглашения. Он был вызван взаимосвязью вопросов репараций и военной оккупации.

Непосредственной целью политики Штреземана в 1928 г. была эвакуация Рейнской области. Германский канцлер Герман Мюллер поставил этот вопрос перед Брианом в Женеве в сентябре. Бриан, повидимому, ответил Мюллеру так же, как Пуанкаре ответил Штреземану за месяц до того, а именно,

¹ *Fischer Williams, J.*, A legal Footnote of the Story of German Reparations, «British Year Book of International Law», 1932. p. 37. См. также стр. 210—211.

² См. *Toynbee*, 1920—1923, p. 167.

³ *McFadyean, A.*, Reparation Reviewed, p. 82.

что оккупация являлась гарантией уплаты репараций и что поэтому вопрос об эвакуации мог быть разрешён только в связи с вопросом о репарациях и долгах¹. Хотя Мюллер и отрицал законность этой точки зрения, он не мог не согласиться с тем, что фактическая связь между этими вопросами существует. В то время у него не было оснований страшиться перспективы окончательного соглашения, основанного на пересмотре способности Германии к внесению платежей. Генеральный агент по репарациям считал, что Германия поступила бы разумно, избавившись от ограничений плана Дауэса прежде, чем разразится экономический кризис. Мюллер сделал решающий шаг. 16 сентября 1928 г., после переговоров в Женеве (при этих переговорах не присутствовал ни один министр финансов, как об этом позднее напомнил Сноуден в палате общин), было объявлено, что достигнуто соглашение об открытии официальных переговоров по вопросу о скорой эвакуации Рейнской области и о создании комитета по подготовке окончательного соглашения о репарациях. Только тогда стало ясно, что способность Германии вносить платежи не будет критерием нового соглашения. Цена эвакуации обещала быть высокой. Несмотря на соблазн отказаться от всей затеи с эвакуацией, Штресман не имел другого выхода, как только продолжать свою политику. Отступление теперь сделало бы бессмысленным всё его предшествующее поведение. В результате переговоров возник план Юнга. Он потерпел крах в условиях мирового экономического кризиса, который план Дауэса мог бы ещё выдержать.

Заключение постоянного соглашения о репарациях в 1929 г. привело к эвакуации Рейнской области на пять лет раньше срока, предусмотренного договором. После этого военные ограничения, предписанные Германии, не опирались на какие-либо материальные гарантии. Версальский договор не предусматривал действий союзников, направленных к предотвращению перевооружения Германии. Статья 213 давала право Совету Лиги наций на основе большинства голосов допускать только расследование вопроса. Она ничего не говорила о последующих за расследованием действиях. Когда перевооружение Германии весной 1933 г. стало явным, генерал Темперли в ответ на вопрос сэра Джона Саймона посоветовал, если необходимо, произвести новую оккупацию предместных укреплений на Рейне². Это и была та мера предосторожности, которую

¹ *Stresemann*, III, p. 383.

² *Temperley*, A. C., *The Whispering Gallery of Europe*, p. 249.

Клемансо пытался обеспечить, но тщетно¹. Когда Германия открыто отвергла все статьи, касающиеся армии и авиации в марте 1935 г., Совет Лиги наций по требованию Англии, Франции и Италии торжественно осудил этот односторонний отказ от выполнения международных обязательств и поручил комитету рассмотреть экономические и финансовые мероприятия, которые могли быть применены в случае дальнейшего отказа от обязательств. Комитет не сделал ничего, кроме рассмотрения французских предложений о сокращении поставок вооружения и военных материалов всякому государству, «нарушающему обязательства, имеющие значение для международной безопасности»². Следующее подобное же нарушение обязательств произошло 7 марта 1936 г., когда германские войска вновь вступили в демилитаризованную зону.

Когда Бонар Лоу впервые познакомился с текстом условий мира, он предупредил Клемансо, что «15-летняя оккупация так же неспособна дать безопасность Франции, как и обеспечить выполнение договора»³. История оккупации Рейнской области подтверждает это мнение. Условия оккупации послужили источником многих неудачных компромиссов, которые характерны для Версальского договора. Договор отличался отсутствием равновесия между обязательствами, возложенными на Германию, и гарантиями, предусмотренными для обеспечения их выполнения. Он был построен на предположении, что после короткого периода времени побеждённое государство будет действовать в качестве собственного тюремщика во имя удобства победителей. В 1919 г. Англия и США с большей или меньшей готовностью объединились с Францией с целью наложить на Германию некоторые ограничения суверенитета, известное финансовое бремя и урезать её территорию. И Германия не могла не затаить злобу. Но только одни французы были готовы предусмотреть в договоре контроль за выполнением и наказание за нарушения договора, т. е. создать условия, необходимые для соблюдения договора; и только одни французы обладали волей, но, как показали события, не обладали силой, для того чтобы выполнять договор в том духе, в каком он был составлен. Английские и американские авторы договора отшатнулись от неприятной проблемы, как обеспечить его выполнение. Для этого требовалось более глубокое вмешатель-

¹ См. стр. 136.

² Обзор работы этого комитета см. у *Engel, S.*, *League Reform*, p. 31—33 (Geneva Research Centre: Geneva Studies, XI. Nos. 3—4).

³ *Tardieu, A.*, *Le Sleswig et la Paix*, p. 249.

ство во внутренние дела Германии, чем им того хотелось. Это противоречило их концепции будущей организации международных отношений.

Следствием этого нежелания англичан и американцев было возникновение в последующие годы длительного спора, касавшегося законности гарантий и санкций, необходимых для выполнения договора. «Только те договоры, которые государства считают для себя выгодными, будут сохраняться независимо от специальных санкций»¹; история Версальского договора не даёт никаких оснований для того, чтобы не согласиться с этим выводом, который подтверждается изучением всей проблемы о гарантиях выполнения договоров вообще.

¹ *Wild, P. C., Sanctions and Treaty Enforcements, p. 210.*

Г Л А В А VII

ПРИМИРЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ КОНФЕРЕНЦИЙ

Подобно тому как французская политика в первые годы мира находила своё выражение в разработке гарантий и санкций, английская политика выразилась в ряде конференций, которыми ознаменованы 1920—1922 гг. Эти конференции были тем средством, с помощью которого английское правительство пыталось не только сохранить дружественный контакт между державами-победительницами, но также способствовать более тесным отношениям между ними и Германией. Совет Лиги наций, который намечался в качестве инструмента такой политики, был бессилён принести пользу в этом деле, ввиду того что Германия не была членом Лиги. Следовательно, встречи представителей Германии с представителями союзных держав могли быть обеспечены лишь приобщением немцев к Верховному совету. Первый шаг в этом направлении был сделан в Сан-Ремо в апреле 1920 г., когда Ллойд Джордж убедил своих коллег пригласить германских министров встретиться с союзниками на конференции в Спа. Непосредственная цель начатой таким образом политики заключалась в том, чтобы добиться «германского сотрудничества в выполнении договора... насколько это возможно посредством прямой связи между германским правительством и союзниками»¹.

Настоящая глава посвящена развитию этой политики примирения с помощью конференций.

В предыдущей главе упоминалось об уступке (предшествовавшей соглашению по поводу «мер принуждения»), которой добился Мильеран в качестве цены за согласие французоз с этой политикой. Мильеран добился также принятия Ллойд Джорджем принципа, согласно которому перед встречей с немцами на конференции союзники должны были достичь между собой точного соглашения по всем объектам дискуссии. Этого

¹ «U.S.A. Foreign Relations», 1920, II, p. 435.

принципа придерживались затем на протяжении ближайших пяти лет. До 1925 г. каждой конференции с участием немцев предшествовали межсоюзные или англо-французские переговоры, проводившиеся в целях обеспечения единого фронта перед германской делегацией. Первой конференции с немцами в Спа (5—16 июля 1920 г.) предшествовали англо-французские конференции в Хайсе (15—17 мая 1920 г.), в Булони (21—22 июня 1920 г.) и межсоюзная конференция в Брюсселе (3 июля 1920 г.). Второй конференции с немцами, состоявшейся в Лондоне (1—14 марта 1921 г.), предшествовала межсоюзная конференция в Париже (24—30 января 1921 г.). Конференции в Каннах (6—13 января 1922 г.), на последних заседаниях которой присутствовал Ратенау, предшествовали англо-французские переговоры (18—22 декабря 1921 г.), имевшие целью установить условия частичного моратория по репарационным платежам. Лондонская конференция по вопросу о плане Дауэса (16 июля — 16 августа 1924 г.) была разделена на два этапа; причём германские министры не были приглашены для участия в первом этапе. Наконец, Чемберлен и Бриан постарались достигнуть между собой соглашения в 1925 г. по поводу проекта гарантийного пакта, прежде чем начать переговоры, закончившиеся заключением локарских соглашений.

Показателем успеха французов в установлении общего принципа необходимости для союзников предварительно договариваться между собой перед любыми переговорами с немцами может служить контраст между позицией Ллойд Джорджа в 1920 г. и позицией Рамзeya Макдональда в 1924 г. На конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г. Ллойд Джордж пожелал вызвать немцев для встречи с союзниками именно там и в то время; на межсоюзной конференции по вопросу о плане Дауэса Рамзей Макдональд после многодневных консультаций между союзными экспертами и министрами всё ещё говорил: «Пока мы не достигнем удовлетворительной степени согласия здесь и не сможем показать, что мы не поссоримся друг с другом, было бы чрезвычайно плохой политикой звать сюда каких бы то ни было представителей германского правительства»¹. Однако поправки Мильерана к политике Ллойд Джорджа тем самым лишили первые конференции их примирительного характера в отношении Германии. Ещё до конференций (в Спа и в Лондоне) были составлены репарационные планы союзников, с тем чтобы создать основу для сопоставления с любыми предложениями, которые может внести Германия;

¹ Riddell, *Intimate Diary*, p. 186—187; «Cmd. 2270», p. 37.

первый проект — булонский план от мая 1920 г. — хранился в секрете, но второй — парижские предложения от января 1921 г. — был передан в печать. С другой стороны, ожидалось, что германские делегаты начнут переговоры с представлениями детальных предложений. Провал конференций 1920—1921 гг. можно до некоторой степени отнести за счёт этой губительной процедуры, которая подчёркивала антагонизм сторон, ставя их по обе стороны баррикады, где каждая защищала собственный план.

Неразумная гласность увеличивала опасность этой рискованной процедуры. В 1920 г. началась мощная, пожалуй непреодолимая, реакция в пользу «открытой дипломатии»¹. Несмотря на вильсоновский рецепт «открыто принимаемых открытых уставов», при заключении мира следовали правилу секретности, а критика, поднявшаяся против этого договора, создала как в Англии, так и во Франции убеждение в том, что люди, заключавшие этот мир, поступили бы разумнее, если бы с большим доверием отнеслись к общественному мнению. Гласность началась со времени конференции в Спа. Ллойд Джордж по справедливости мог утверждать, что никогда не было ни одной международной конференции, о которой в печать давалось бы столько материалов не только по поводу решений, но и по поводу фактических переговоров². Следствием этого явились ещё большие затруднения для компромисса и соглашения. Сознание того, что каждое слово будет перетолковываться за пределами конференции, побуждало делегатов строить свои речи не столько в соответствии с требованиями дипломатических переговоров, сколько с учётом возбуждённого общественного мнения в собственной стране, и никакая позиция, занятая публично, уже не могла быть оставлена в дальнейшем без потери престижа.

Первая конференция с немцами в Спа (5—16 июля 1920 г.) закончилась полным фиаско. Германский канцлер Ференбах выразил удовлетворение по поводу перспективы встретиться с союзниками для переговоров «с возможностью аргументировать своё мнение лицом к лицу». В действительности такой возможности ему дано не было. Переговоров между союзниками в присутствии немцев избегали: для каждого вопроса было выделено по одному союзному представителю. Первым вопросом повестки дня стояло разоружение; однако германские министры, недавно очутившиеся на своих постах, не были

¹ См. Г. Никольсон, *Дипломатия*, «Библиотека внешней политики», Госполитиздат, М. 1941. — *Прим. ред.*

² «132 N. S. Deb.», col. 477, July 27, 1920.

хорошо информированы. Конференция без пользы тратила время в ожидании прибытия германских военных советников; затем 7 июля последовало откровенное заявление фон Секта, выявившее крайнюю медлительность в деле выполнения военных условий. Затем занялись проблемой угля; она вызвала дерзкий выпад Стиннеса. Несмотря на примирительное поведение Мильерана, влияние Стиннеса проявилось во всё возроставшей неуступчивости германской делегации. Союзники ответили угрозой оккупировать Рур, в случае если их требования в отношении поставок угля и разоружения не будут приняты. При таких обстоятельствах немцы подписали соглашение¹. Тем не менее французы покинули конференцию, будучи убеждены в том, что их обманули. Протокол, посвящённый вопросу об угле, предусматривал предоставление Германии займа, для того чтобы побудить её или хотя бы дать ей возможность продолжать поставки угля в соответствии с договором. Это соглашение было своего рода костью, застрявшей в горле французов; оно казалось им тем менее приемлемым, что, как им было известно, Великобритания настаивала в то же время на том, чтобы суда, поставленные Германией, шли в счёт репараций, следуемых Англии, по бросовым ценам, которые давали английские покупатели. Недовольство этими сделками значительно стимулировало протест французов против повторения таких конференций.

Первоначальная цель конференции в Спа заключалась в рассмотрении репарационных предложений, с которыми пригласили выступить Германию. Но германские предложения ограничились обсуждением общих принципов. Правительство не сделало никакого определённого предложения, ибо оно справедливо опасалось, что всякое упоминание о сумме, которая, по мнению немцев, соответствовала их платёжеспособности, должно возмутить общественное мнение Франции и Англии. Германские меморандумы были переданы в комитет для изучения, однако сумятица, характеризовавшая начальную стадию самой конференции, повторилась и в рамках этого более ограниченного в своём составе органа. Председатель потребовал заявления относительно минимальных размеров репараций; германские представители в комитете возражали, ибо они не были уполномочены на такой шаг. Совещание было отложено, для того чтобы дать немцам возможность проконсультироваться со своим правительством. На следующий день они дали знать о своём отказе назвать в данный момент определённую цифру, и вследствие этого комитет не возобновил своей работы.

¹ «The Times», July 3—19, 1920; «The Nation», July 10, 17, 24, 1920.

Тем не менее Ллойд Джордж выразил своё удовлетворение достигнутыми результатами и провозгласил германские предложения «весьма удовлетворительным документом», свидетельствующим о подлинных усилиях подойти к решению проблемы¹.

Когда после долгих оттяжек, вызванных сопротивлением французов, состоялась новая встреча союзных и германских представителей, то это была встреча экспертов, а не глав правительств. Союзные и германские специалисты встретились в Брюсселе в декабре и после некоторого перерыва продолжали свои переговоры неофициально в Париже в январе. В ходе этих переговоров представитель Франции выдвинул предложение отложить определение общей цифры репараций и принять временное соглашение, предусматривающее уплату Германией 3 миллиардов марок в течение пяти лет². Германское правительство неохотно согласилось с этим планом в результате представлений, сделанных в Берлине от имени английского и французского правительств. Однако на Парижской конференции союзников, состоявшейся в конце того же месяца, эта идея временного разрешения вопроса была Ллойд Джорджем отвергнута, и новый союзный план — парижские предложения — был выработан без участия немцев. Этот новый репарационный план вызвал в Германии бешеный взрыв протестов — зловещее предзнаменование для возобновления переговоров. Германия приняла приглашение на созванную вслед за этим Лондонскую конференцию на основе достигнутой о соглашения о том, что будут приняты в соображение германские контрпредложения; однако германское правительство отказалось от всякой предварительной консультации по поводу этих контрпредложений. Напрасно союзные эксперты предлагали продолжить переговоры с германскими экспертами. Неофициальные английские запросы с целью получить хотя бы общие сведения о намерениях немцев повлекли за собой лишь ответ, гласивший, что германские предложения представляют собой «крайний предел того, что может уплатить Германия»³.

Такое отсутствие контакта между Германией и союзниками привело к катастрофе. Германские контрпредложения к парижскому плану были изложены германским министром

¹ *D'Abernon*, I, p. 65—66; «U.S.A. Foreign Relations», 1920, II, p. 398—402; «132 H. C. Deb.», July 21, 1920, col. 491; *Kessler, H., Walter Rathenau*, p. 284—291.

² *D'Abernon*, I, p. 109—111.

³ *D'Abernon*, I, p. 113—125, 148; *Bergman, C., History of Reparation*, p. 55—59; «The Times», February 9 and 19, 1921.

иностранных дел доктором Симонсом на первом заседании Лондонской конференции 1 марта 1921 г. Они были немедленно отвергнуты. Симонс проявил неуместную изобретательность в критике парижских требований; кроме того, сомнительно, следовало ли ему сохранять за собой свободу маневра для дальнейших переговоров и скрывать то, что он намеревался предложить со своей стороны¹. На требование Симонса относительно того, чтобы германские предложения были зачитаны полностью, Ллойд Джордж как председатель конференции ответил, что это бесполезно: их изложение показывает, что они не заслуживают рассмотрения. На этом заседании прервалось. Никакого обсуждения германских предложений так и не состоялось. Вместо этого союзные министры обратились к рассмотрению репрессивных мер, которые предполагалось принять по отношению к Германии. Когда 3 марта немцы были снова вызваны к союзным министрам, Ллойд Джордж разразился резкой филиппикой против Германии, обвиняя её в недобросовестном выполнении условий договора. Он закончил свою речь заявлением о том, что если до 7 марта Германия не примет парижских решений или не представит равноценных им предложений, то к ней будут применены экономические и военные санкции. Этой угрозой закончилось второе заседание. Серьёзные переговоры между германскими и союзными министрами начались только 5 марта и продолжались до начала следующей недели. Ллойд Джордж теперь охотно вернулся бы к тому временному решению, на котором французы настаивали в январе. К несчастью, французская делегация уже не обладала правом заключать соглашения на этой базе, ибо её свобода в переговорах была к тому времени ограничена решением о том, что не следует заключать никакого соглашения, которое не обеспечивало бы преимуществ, равноценных парижским условиям. Никакого сколько-нибудь общего соглашения не могло быть достигнуто, и 7 марта Ллойд Джордж нехотя заявил, что санкции будут приведены в действие немедленно.

К 1 мая 1921 г. — крайнему сроку, установленному Версальским договором для того, чтобы довести до сведения германского правительства определённую схему платежей, — усилия, предусматривавшие достижение решения на базе какого-либо германского предложения, были по необходимости исчерпаны. Политика же, направленная к урегулированию проблемы репараций на основе переговоров, закончилась принятием схемы платежей, которая хотя и была составлена в соответствии с процедурой, предписанной договором, но

¹ *Bergmann, C., History of Reparation, p. 63—64.*

осуществлять которую приходилось прибегая к угрозе новых мер принуждения.

Можно задать вопрос, почему политика Ллойд Джорджа дала результаты, столь противоречившие его надеждам? Произошло ли это попросту потому, что пропасть между германской точкой зрения и взглядами французов и англичан по вопросу о том, что могут заплатить немцы, была слишком широка для того, чтобы эти взгляды можно было действительно примирить? Ясно, что это было главной проблемой. Но сама процедура, принятая на конференции, особенно подчеркнула пропасть, отделявшую представления немцев относительно разумного соглашения от представлений англичан и французов, и, таким образом, способствовала обострению положения. Германские государственные деятели, зависевшие в смысле политической поддержки от голосования партий в рейхстаге, вряд ли могли брать на себя ответственность за добровольное внесение предложений, которые должны были возложить на их народ тяжёлое бремя налогов с целью удовлетворения репарационных требований. Ллойд Джордж поддался заманчивой иллюзии, требуя, чтобы немцы своими предложениями сами положили начало конференции. Подготовительный обмен мнениями путём консультации союзников с германскими экспертами сделал бы доступной всю необходимую информацию относительно финансового и экономического положения Германии, и это показало бы невозможность примирения точек зрения союзников и немцев. Между тем конференции в Спа и Лондоне собрались, по выражению германского эксперта Бергмана, в то время, когда договаривающиеся стороны бродили в потёмках. Можно утверждать, с риском допустить замечание парадоксального характера (опыт, впрочем, доказал его справедливость), что самый характер указанных конференций исключал эффективную консультацию между их участниками. Противоречивость подхода сторон к вопросу исключала возможность подготовительных консультаций. Союзники начали разрабатывать планы того, что они предполагали потребовать, а немцы — планы того, что их финансовое положение делало для них возможным предложить. Для выполнения этих задач ни одна из сторон не нуждалась в помощи другой. Консультации во время конференций тормозились наличием окончательно сформулированных, противоположных друг другу планов, что должно было повлечь за собой одно из двух: или, как это было в Спа, обе стороны сохраняли полную тайну, и молчание тем самым оставалось нерушимым; или, как это было в Париже и Лондоне, обе стороны вынесли свои предложения на рассмотрение всего мира,

после чего разумные соображения потерпели крах, потонув в буре протеста. В 1924 г., вспоминая о конференциях в Спа и Лондоне, лорд д'Абернон пришёл к выводу, что присутствие германских министров «принесло им мало пользы и не способствовало успеху переговоров»¹.

О последующих конференциях нельзя составить себе столь полного представления, как это было возможно в отношении первых двух конференций с участием Германии. В дальнейшей конференции заседали с перерывами и не имеют поэтому систематической истории. Однако можно отметить, что преждевременное определение взглядов оказалось столь же роковым и для межсоюзных конференций 1921—1923 гг. Так, например, Лондонская конференция, собравшаяся в августе 1922 г., началась двумя заседаниями, на которых сначала Пуанкаре, а затем Ллойд Джордж выступили с пространными декларациями по поводу французской и английской политики. Оба премьер-министра заняли противоречивые позиции в вопросе о действительных гарантиях. На следующий день в печати появились полные отчёты об этих вступительных речах. После этого всякий компромисс, связанный с уступками, был в глазах общественности отступлением, и путь к соглашению стал более трудным. Аналогичная судьба ожидала Парижскую конференцию в январе 1923 г., непосредственно перед оккупацией Рура. Бонар Лоу прибыл в Париж с разработанным планом репараций, который он представил в первый же день. В ответ на это Пуанкаре выставил аналогичный французский план. Эти планы были разработаны каждым из двух правительств самостоятельно и немедленно преданы широкой гласности. Английский план был осуждён французской печатью, французский план — английской печатью. Конференция зашла в тупик. Вполне возможно, что никакое изменение процедуры не могло бы способствовать примирению столь сознательно противопоставлявшихся друг другу политических линий, как политика Франции и Великобритании в 1922—1923 гг. В августе 1922 г. Пуанкаре снял основную часть предложений, выдвинутых им вначале; конференция закончилась провалом, когда Ллойд Джордж потребовал полного отказа французов от их предложений. В январе 1923 г. Бонар Лоу и Пуанкаре в результате переговоров на предшествовавшей конференции в Лондоне осознали, сколь противоречивы их позиции: прошёл слух, что они решили встретиться в Париже скорее для того, чтобы констатировать свой разногласия, чем для того, чтобы возобновить поиски соглашения. Однако после трёхлетних

¹ D'Абернон, III, p. 78—79.

споров английские, французское и германское правительства должны были в конце концов понять, сколь опасно при встречах друг с другом представлять окончательно разработанные планы. Ход событий привёл лорда Керзона к следующему заключению: «Опыт показал, что лишённые всякой гибкости планы могут скорее помешать, нежели содействовать общему соглашению»¹.

Когда переговоры по вопросу о репарациях, прерванные оккупацией Рура, были возобновлены к концу 1923 г., заинтересованные правительства сознавали необходимость действовать с максимальной осмотрительностью. Последовательные попытки разработать план урегулирования вопроса о репарациях с помощью конференций привели лишь к обострению щекотливой по своему характеру обстановки. В 1924 г. была подвергнута испытанию новая процедура: попытка урегулировать вопрос, руководствуясь советами независимых экспертов. В период между 14 января и 9 апреля 1924 г. комитет Дауэса разработал план, оказавшийся приемлемым для всех. Хотя достижение решения нужно в первую очередь приписать благоприятным обстоятельствам, однако ясно, что самая процедура, принятая в комитете Дауэса, обладала достоинствами, значительно способствовавшими делу.

Одним из немаловажных обстоятельств, приведших к соглашению, была готовность Соединённых Штатов принять неофициальное участие в переговорах при посредстве нового дипломатического аппарата — экспертизы. Применение этого аппарата было впервые рекомендовано государственным секретарём США Юзом в последнем квартале 1922 г. Он неоднократно в неофициальной форме настаивал на этом предложении перед французским правительством². Лишь после того, как Юз убедился, что французский премьер-министр не расположен действовать в соответствии с этим предложением, он объявил о нём в своём хорошо известном выступлении в Нью-Хэвене 29 декабря 1922 г.

«Первое условие удовлетворительного разрешения вопроса заключается в том, чтобы тема эта была изъята из области политики... Должен быть намечен путь для соглашения между государственными деятелями о том, что может уплатить Германия, ибо, независимо от того, какие ей можно предъявить претензии, её реальные возможности служат пределом предъявляемых к ней требований... Почему не пригласить людей, обладающих величайшим авторитетом в области финансов в своих

¹ «Cmd. 1943», p. 18.

² «U.S.A. Foreign Relations», 1922, II, p. 128, 175, 182.

собственных странах, людей, обладающих таким престижем, опытом и репутацией, что достигнутые ими решения по поводу подлежащей уплате суммы и по поводу финансового плана обеспечения платежей были бы приняты всем миром как наиболее авторитетное и вполне реальное заявление? Правительства не должны связывать себя заранее относительно принятия этих рекомендаций, однако они могут по крайней мере сделать возможным такое изучение с их одобрения и освободить людей, могущих представлять их страны в подобной комиссии, от всякой ответственности перед министерством иностранных дел и от всякой обязанности подчиняться политическим инструкциям. Иными словами, они могут попросить ответа на этот трудный и неотложный вопрос у людей, занимающих такое положение и находящихся в таких условиях свободы, которые обеспечат ответ, основанный только на знаниях и совести. Я не сомневаюсь в том, что видные американцы будут готовы принять участие в такой комиссии»¹.

План, рекомендованный в этом выступлении, был снова поставлен на повестку дня американским правительством, после того как Германия отказалась от пассивного сопротивления. 11 октября 1923 г. президент Кулидж дал знать, что предложение Юза от 29 декабря 1922 г. попрежнему остаётся в силе. Поскольку политика Пуанкаре, казалось, свидетельствовала о нежелании притти к какому-либо соглашению с германским правительством, Юз предостерёг 22 октября французского поверенного в делах, что американское общественное мнение обратится против Франции в случае, если, сломив сопротивление Германии, Франция не проявит затем готовности оказать помощь в деле разработки финансового плана. Так огромное влияние американского правительства было использовано для того, чтобы добиться согласия французов на урегулирование проблемы посредством процедуры, не имеющей прецедента в международных делах.

Желательно подробнее остановиться на новшестве, которое Юз ввёл в так называемую «концепцию беспристрастного исследования»². Германское правительство время от времени предлагало представить проблему репараций на рассмотрение беспристрастной комиссии, выводы которой оно и, как предполагалось, другие правительства должны были заранее обязаться принять. Юз полагал, что ценность работы такой

¹ *Toynbee*, 1924, p. 341.

² Более вероятно, что эта честь принадлежит американскому неофициальному наблюдателю в Репарационной комиссии Роланду Бойдену, по предложениям которого, сделанным им во время отпуска, проведённого в США летом 1922 г., и действовал Юз.

комиссии повысится от того, что правительства не будут заранее обязаны соглашаться с её рекомендациями. Он был убеждён в том, что только при сохранении правительствами свободы действий в этом отношении они окажутся в состоянии дать экспертам возможность провести исследование без вмешательства со стороны. Он считал, что назначение независимого комитета экспертов является единственным путём избежать давления со стороны общественного мнения. Его идеи были хорошо сформулированы в памятной записке о его беседе с французским послом Жюссераном 7 ноября 1922 г. Юз заявил Жюссерану, «что он не думает, чтобы государственные деятели заинтересованных стран могли разрешить этот вопрос, встречаясь непосредственно или через делегатов, ответственных перед министерствами иностранных дел. Он сказал, что правительства связаны взятыми на себя обязательствами, что им приходится учитывать политическую обстановку в своих странах, и, следовательно, их свобода действий ограничена, и весьма трудно разрабатывать финансовый план, который соответствовал бы действительным экономическим условиям. Он выразил надежду, что в этих чрезвычайных обстоятельствах можно найти путь для привлечения к этому делу авторитетного мнения финансовых кругов, организовав встречу видных финансистов различных стран, которые опирались бы на симпатии и одобрение своих правительств, но действовали бы свободно в том смысле, что от них требовалось бы сформулировать свои взгляды относительно того, что должно быть сделано, вне всяких инструкций со стороны министерства иностранных дел. Этим путём можно было бы разработать финансовый план, который правительства могли бы принять, поскольку составленный таким образом план пользовался бы величайшим авторитетом и все могли бы склониться перед ним как перед неизбежностью. Подобное решение получило бы необходимую поддержку финансовых кругов в различных странах»¹.

За докладом Дауэса, законченным 9 апреля 1924 г., последовала Лондонская конференция, заседавшая с 16 июля по 16 августа 1924 г. Конференция повезло даже больше, чем комиссия, в смысле условий, в которых она собралась, ибо примирительно настроенный радикал-социалист Эррио заменил на посту премьер-министра грозного Пуанкаре. Однако до некоторой степени успех её следует приписать заботам, проявленным при подготовке и организации данной конференции в отличие от конференций, предшествовавших ей.

¹ «U.S.A. Foreign Relations», 1922, II, p. 179.

До того как собралась Лондонская конференция, заинтересованные правительства сообщили о принятии ими плана Дауэса. Следовательно, конференции не пришлось более обсуждать содержание плана; её задача заключалась в рассмотрении мероприятий, необходимых для его осуществления. Связанные с ним политические по своей сущности проблемы были уточнены в ходе министерских переговоров, закончившихся поездкой французского премьер-министра в Чекерс 22 июня и поездкой английского премьер-министра в Париж 8 июля. Последняя поездка оказалась необходимой, чтобы разъяснить недоразумение между Францией и Англией, возникшее в результате неопределённого характера переговоров между Эррио и Макдональдом в Чекерсе. Эти усилия, направленные к ликвидации франко-британских расхождений в области политики, значительно способствовали тому, чтобы обеспечить успешное начало конференции. Правительство Англии как державы, уполномоченной на рассылку приглашений на конференцию, в своих первоначальных пригласительных письмах, разосланных 23—25 июня, предложило такую форму соглашения с Германией, которая вызвала внезапный поворот в общественном мнении Франции, ибо эта форма, казалось, была связана с пересмотром Версальского договора¹. Результатом поездки Макдональда в Париж был франко-английский меморандум от 9 июля, который, перечислив основные вопросы, подлежащие рассмотрению на конференции, наметил повестку дня, предложенную не только приглашающей державой, но двумя главными участниками конференции. Этот меморандум не устранял их расхождений во мнениях, а лишь формулировал в более или менее нейтральных выражениях вопросы, ожидавшие решения.

Когда конференция открылась, Макдональд и Сноуден предложили начать с общего обсуждения на пленарном заседании основных политических проблем. Премьер-министр Бельгии Тенис, который проявил разумную инициативу в деле предварительных переговоров, возразил против этого, заявив, что если на пленарном заседании начнётся дискуссия по самым щекотливым проблемам, то может возникнуть угроза, что занятые сторонами позиции будут защищаться энергично, а затем сделаются настолько хорошо известны за пределами конференции, что достижение компромисса станет вообще затруднительным². Он настаивал на немедленной передаче всех подлежащих обсуждению вопросов на рассмотрение комитетам

¹ См. «Cmd. 2184».

² «Cmd. 2270», p. 16.

экспертов, с тем чтобы ведущие делегаты не могли занять вполне определённых позиций. Ценность подготовительной работы стала к тому времени очевидной, поскольку франко-английский меморандум содержал ответ на утверждение Сноудена, что лишь после формулировки отдельных вопросов в порядке общей дискуссии возможна передача их на рассмотрение экспертам. Меморандум перечислял проблемы, ожидающие урегулирования; поэтому их можно было распределить по комитетам, что и было сделано. То обстоятельство, что в состав комитетов наряду с экспертами входили министры, придавало больший авторитет, а по существу даже окончательный характер их рекомендациям. Некоторые вопросы особого значения были выделены для рассмотрения их на неофициальных закрытых совещаниях главных делегатов — так называемом Совете семи. Эта процедура оказалась настолько успешной, что, когда прибыла германская делегация, работа продолжалась тем же порядком. На всём протяжении конференции удалось избежать на пленарных заседаниях таких дебатов, которые угрожали бы перерасти в публичную схватку. Сколько бы ни говорили, будто одного плана Дауэса было достаточно для устранения ожесточённых споров, следует помнить, что в самом начале между Англией и Францией были серьёзные политические разногласия. В то же время если бы Штреземану было предложено открыть конференцию широкой декларацией, то ему пришлось бы включить в неё требование эвакуации Рура. Можно усомниться в том, пережила ли бы конференция непосредственное предъявление такого рода требования.

Лондонская конференция отличалась также от прежних конференций между союзниками и немцами в отношении той свободы действий, которая была предоставлена германской делегации. Такая перемена явилась результатом в первую очередь общего признания того факта, что навязывать план Дауэса Германии непозволительно и неразумно. Этот план, как подчёркивал Штреземан, мог быть осуществлён только в результате «переговоров, обсуждения и свободного принятия его Германией»¹. Основная цель Штреземана заключалась в том, чтобы расширить тему конференции за ранее намеченные рамки. Доклад Дауэса, хотя и требовал отмены всех преград в области налогового и экономического единства Германии, не предусматривал, однако, окончания военной оккупации Рура. Соответственно этому вопрос об эвакуации Рура не входил в первоначальную повестку дня конференции.

¹ *D'Abernon*, III, p. 78—79. См. стр. 159.

Такое ограничение приводило германское правительство в уныние, ибо эвакуация Рура представляла собой важнейшее политическое условие принятия плана Германией. Склонность Макдональда к частым и личным беседам дала Штреземану возможность (которую он сам искал) выдвинуть этот вопрос на первый план. В частной беседе со Штреземаном и Марксом в первый же день их прибытия Макдональд ободрил германских министров и посоветовал им обратиться к Эррио. За этим последовали переговоры между Эррио и Штреземаном 8 и 11 августа и встречи бельгийской, французской и германской делегаций 12—14 августа. Макдональд держался в стороне от этих переговоров, «с тем чтобы иметь возможность в конечном итоге бросить на чашу весов своё мнение». По существу он лично не был в состоянии настаивать перед французами на полном уходе из Рура, ибо в Чекерсе он дал понять, что не выдвинет никаких возражений по поводу продолжения военной оккупации, если та ограничится несколькими стратегическими пунктами. Успех всей конференции в целом стал, таким образом, зависеть от исхода переговоров по поводу Рура, поскольку по всем вопросам первоначальной повестки дня соглашение было сравнительно легко достигнуто. Эррио, остро чувствовавший изоляцию Франции в этом вопросе, испугался возможности поставить под угрозу весь успех конференции, если он будет настаивать на ограничении повестки дня. Ему пришлось пойти на уступки, хотя и менее значительные, чем те, которых надеялся добиться Штреземан. Была достигнута линия, дальше которой, как признавал Эррио, он не мог пойти, несмотря на всю свою добрую волю; в этот момент успешно вмешались Макдональд и американский посол Келлог (чем был недоволен ненавистник Франции Сноуден) и добились принятия немцами предложения Эррио¹.

Уроком конференций 1920—1921 гг. явилось то, что в тех случаях, когда заранее бывала сформулирована общая франко-английская программа, переговоры с германским правительством неизбежно срывались. На Лондонской конференции, на которой обсуждался план Дауэса, отсутствовала атмосфера, когда одному участнику что-либо предписывается другими, несмотря на то что в результате предыдущих переговоров франко-английское соглашение в значительной степени уже

¹ Об этих переговорах см. *D'Abernon*, III, p. 78—79; *Bardoux, J.*, *Le socialisme au pouvoir*, p. 248—261 (здесь приводятся отчёты генерала Дестикера маршалу Фошу); *Suarez, G.*, *Une Nuit chez Cromwell*, p. 49, 54, 60—61; *Stresemann, I.*, p. 360—362, 372—373, 381—403; *Snowden, Autobiography*, II, p. 675; *Toynbee*, 1924, p. 500—501 (приводятся ноты, которыми обменялись 16 августа); «The Times», July 30, August 14, 15, 1924.

было достигнуто. Тем не менее французский премьер-министр был поставлен в неловкое положение, когда ему предложили решать проблему, к которой Великобритания, во всяком случае на словах, не имела касательства; рассчитывали, что личный опыт Эррио поможет координировать французскую и английскую точки зрения, перед тем как состоятся какие бы то ни было дальнейшие переговоры с Германией.

В переговорах о локарных соглашениях можно различить шесть этапов¹.

Первый этап — секретная попытка начать переговоры со стороны Германии. Штреземан сообщил своё предложение о пакте относительно Рейнской области английскому правительству 20 января 1925 г., прося сохранить его в тайне. Остин Чемберлен, подозревая в этом желание вбить клин между Великобританией и Францией, отказался ответить без консультации с Эррио. В соответствии с этим 9 февраля Штреземан передал своё предложение французскому правительству. Второй этап — подготовка ответа Франции в согласии с Великобританией. Затруднение, которое следовало преодолеть при формулировке согласованного ответа, возникло вследствие стремления Франции взять на себя обязательства в отношении Польши и Чехословакии; этой готовности у Великобритании не было.

Первый проект Бриана предусматривал заключение широкого гарантийного пакта, который должен был содержать соглашения, касающиеся как Восточной, так и Западной Европы. Этот французский проект оказался слишком жёстким куском, чтобы англичане могли его переварить. Чемберлен начал исключать из него все предложения, связанные с иными обязательствами сверх тех, которые английское правительство готово было взять на себя. Французы в свою очередь не желали проглотить безвкусную бурду, которую им предлагали взамен французского вина. Бриан протестовал, заявляя, что сохранять молчание о решимости Франции защищать восточноевропейские государства значило бы подвергнуть себя «риску, что возникнут неправильные толкования пакта о Рейнской области и будут поощряться опасные стремления». Его поправки привели к представлению 16 июня Германии французской ноты, которая была послана с одобрения английского правительства. В то время как английский проект привёл бы к отсрочке подписания франко-польского и франко-чешского до-

¹ Полный обзор см. *Toynbee*, 1925, II, p. 25—66. Относящиеся к этому вопросу документы см. «Cmd. 2435» и «Cmd. 2468». В дополнение к указанным ссылкам см. *D'Abernon*, III, 121 et seq.

говоров, отложив их до новых переговоров, эта нота предусматривала заключение их одновременно с заключением гарантийного пакта западных держав. Третий этап — ответ Германии. Штресеман считал, что нота союзников является искажением его предложения и что она «крайне неудовлетворительна... ибо она показывает, как далеко зашла Англия в уступках Франции»¹. Ответ Германии от 20 июля указывал на недоверие немцев к общему направлению переговоров. Четвёртый этап — проект пакта был подготовлен французскими и английскими юристами; важные вопросы были урегулированы в переговорах между Брианом и Чемберленом, состоявшихся в Лондоне 11—12 августа. Пятый этап — конференция юристов. Юристы Германии и союзников встретились в Лондоне 1—4 сентября, чтобы рассмотреть проект. Остин Чемберлен придавал особое значение этому предварительному шагу. Немскому юристу, писал он, «можно было бы дать копию того документа, в котором мы изложили наши мысли, и ему могли бы быть представлены все разъяснения, которые ему могут понадобиться. Затем он мог бы вернуться в Берлин и обсудить в общих чертах наш план с Штресеманом». Он «прибудет сюда, чтобы получить информацию и чтобы выдвинуть, если пожелает, свои предложения, а главное, определить, каковы действительные намерения союзников, и тем самым избежать недоразумений, которые могут возникнуть в случае представления текста без какой бы то ни было возможности истолкования или разъяснения». Такой порядок «дал бы возможность Штресеману заранее узнать общий характер тех предложений, которые мы выдвинем, а также предоставил бы ему возможность проконсультроваться в случае необходимости с его коллегами в Берлине ещё до встречи с нами»². Шестой этап — Локарнская конференция. Во время англо-французских переговоров в Лондоне в августе сам Бриан, предвидя то, что скажет Чемберлен, настаивал на необходимости «подлинных переговоров с немцами с целью достижения взаимного соглашения, а не заключения какого-либо нового договора, навязанного союзниками Германии»³. В Локарно Штресеман был в состоянии обеспечить себе значительные политические уступки в качестве условия на согласие его с локарнскими соглашениями.

Таким образом, с самого же начала переговоров Франции была обеспечена поддержка англичан в вопросе, которому она

¹ *Stresemann*, II, p. 95.

² *Petrie*, C., *Austen Chamberlain, Life and Letters*, III, p. 281—283.

³ *Ibidem*.

придавала особое значение. Германия имела возможность участвовать в подготовительной работе и пользоваться полной свободой переговоров на заключительном этапе конференции. Тот факт, что Локарнский договор обсуждался свободно и без взаимных обвинений, был воспринят в Великобритании с особым удовлетворением. Английский народ, сказал лорд Бальфур, «всегда стремился к умиротворению»¹, инстинкт народа, добавил он, не обманывается, когда «рассматривает Локарнский договор как символ и доказательство значительного улучшения в общественной атмосфере Европы»². Наконец, Локарно представляло собой осуществление утопического плана, задуманного сэром Эдуардом Греем накануне войны, — соглашение, которое должно было покончить с разделом европейских держав на враждебные группы и объединить их на основе взаимного доверия и веры³.

Следствием подписания Локарнского договора было вступление Германии в Лигу наций с постоянным представительством в Совете Лиги. С самого же начала переговоров Бриан и Чемберлен настаивали на участии Германии в Лиге в качестве «абсолютно необходимого условия заключения какого бы то ни было пакта»⁴. Их настояния возникли отчасти вследствие необходимости согласовать договор между западными европейскими государствами с общими обязательствами, вытекающими из устава Лиги наций, а также с особыми узами, связывавшими Францию с Польшей и Чехословакией. Более общим мотивом было стремление установить постоянный личный контакт между германскими государственными деятелями и представителями бывших союзных правительств. Можно было надеяться на то, что впредь Совет будет иметь возможность функционировать так, как это было задумано его британскими творцами, т. е. в качестве орудия для регулярных совещаний великих держав.

Следствием этого, однако, не было превращение Совета Лиги в орган, где в течение трёх последующих лет велись бы переговоры между локарнскими державами. Положение его было — не без остроумия — следующим образом охарактеризовано одним американским исследователем: «Во время последующих

¹ В английском тексте — «appeasement»; повидимому, это и есть первое упоминание пресловутого термина, восходящего, таким образом, к 1925 г. и к лорду Бальфур, консервативному министру иностранных дел на Парижской мирной конференции. — *Прим. ред.*

² «62 Lords Deb.», November 24, 1925, col. 838.

³ О предложении сэра Эдуарда Грея в 1914 г. см. *Zimmern, A., The League of Nations and the Rule of Law*, p. 80—81.

⁴ *Petrie, C., Austen Chamberlain, Life and Letters*, p. 272—274.

сессий Совета Лиги Бриан, Чемберлен и Штреземан в качестве министров иностранных дел честно стремились найти компромисс в вопросе о Рейнской области и обсуждали его в частных кабинетах женевской гостиницы, а за столом Совета Лиги они торжественно обсуждали столь важные вопросы, как основные цели правления Международного кинематографического института воспитания в Риме»¹. Наряду с самим Советом создавалась, по выражению сторонников Лиги, камарилья великих держав; это был своего рода «верховный совет локарнских держав», куда Япония была принята ввиду её участия в конференции послдов.

Объяснение этому следует отчасти искать в особой ситуации, создавшейся в марте 1926 г. Когда 8 марта специальная Ассамблея собралась с целью принять Германию в Лигу наций, то сначала этот вопрос был отложен, а затем принятию Германии в Лигу временно помешали претензии на постоянное место в Совете, выдвинутые другими государствами. Вследствие этого вступление Германии в Лигу затянулось до 8 сентября 1926 г. Здесь нет необходимости вновь рассказывать подробности этого кризиса и излагать выдвинутые требования и предложенные решения², — интерес представляет тот способ, которым разрешался этот вопрос. Тогда проявилось широкое недовольство частными закрытыми переговорами и промежуточными совещаниями, в процессе которых локарнские державы пытались развязать запутанный узел противоречивых требований. Чувствовалось, что этот вопрос должен был быть представлен с самого начала специальной сессии Ассамблеи, где широкая гласность была бы наиболее верным средством против необоснованных претензий. Сэр Остин Чемберлен опасался, что такая процедура может привести к ухудшению отношений с Германией. Он в первую очередь стремился сохранить контакт именно с германской делегацией. Германия ещё не была членом Лиги и, следовательно, не входила в Совет или в Ассамблею. Соглашения были достигнуты в соответствии с желанием сэра Остина, а также с желанием германского правительства встретиться с западными локарнскими державами заранее, т. е. до собрания первой Ассамблеи, с тем чтобы свободно обменяться взглядами «в развитие тех свободных и дружественных переговоров, которые происходили в Локарно»³. Эти частные переговоры продолжались на протяжении всего

¹ *Morley, F.*, *The Society of Nations*, p. 385.

² Подробности см. у *Toynbee*, 1926, p. 161—171; *Scelle, G.*, *Une Crise de la Société des Nations*, p. 1—48.

³ «192 H. C. Deb.», March 4, 1926, col. 1664.

периода кризиса. В этой процедуре сэр Остин Чемберлен видел наилучшее средство избежать каких бы то ни было действий, которые поставили бы под угрозу хорошие отношения между Германией и другими локарнскими державами. «Разногласий в Совете, — докладывал он премьер-министру, — следовало избежать едва ли не любой ценой; однако разногласия, которые раскололи бы локарнские державы на два лагеря по старому образцу, были бы... бедствием, по масштабу не имеющим себе равного»¹.

Пропасть между локарнской камарильей и Советом Лиги продолжала существовать по другим причинам, нежели те, которые привели к её образованию вначале. Считалось, что локарнская камарилья, возможно, обладала своей сферой компетенции, отличной от сферы Совета Лиги. «У нас были специальные вопросы, которые мы должны были разрешить между собой; они не входили в компетенцию Лиги, поскольку Лига является окончательной кассационной инстанцией, — писал Штреземан. — В вопросах, которые касаются только нас как локарнских держав, но не связаны с Лигой, мы достигаем соглашения сами»². Встречи локарнских держав в действительности были посвящены ликвидации карательных статей Версальского договора; соглашение по этому вопросу было частью достигнуто, частью подразумевалось ещё в Локарно. «Специальные вопросы», которые локарнские державы должны были «разрешить между собой», охватывали значительную часть всей компетенции европейской дипломатии вообще; они включали такие относительно второстепенные вопросы, как укрепления в восточной Германии, и такие важные проблемы, как эвакуация Рейнской области или заключение окончательного соглашения о репарациях. Кроме того, локарнские державы убедились в необходимости распространить свои частные переговоры на вопросы, входившие в компетенцию Совета, в тех случаях, когда эти вопросы оказывали существенное влияние на их собственные отношения. Расследование обстоятельств сен-готтардского инцидента — обнаружение заказа на части пулемётов в Венгрии — бесспорно относилось к компетенции Совета Лиги. Тем не менее и ввиду того, что решение по поволу расследования в Венгрии создало бы прецедент для расследований в Германии, вопрос о мерах, которые должны были быть в данном случае приняты, был урегулирован между локарнскими державами, прежде чем он был поставлен перед

¹ *Petrie, C., Austen Chamberlain, Life and Letters, II, p. 298—302.*

² *Stresemann, III, p. 227.*

Лигой¹. Правительства, зависящие в осуществлении своей власти от поддержки представительных органов своих собственных народов, неизбежно предпочитали урегулировать между собой путём переговоров и компромиссов те вопросы, с которыми были связаны их жизненные интересы. Для того чтобы подобные вопросы нормально разрешались не как частные дела непосредственно заинтересованных государств, а как дело всего сообщества государств, бесспорно необходима была бы более тесная политическая организация, чем это предусматривалось уставом Лиги.

К концу великой войны было выдвинуто два особых средства для исправления дефектов «старой дипломатии». Первое из них — «открытая дипломатия» — являлось непосредственной реакцией на тайные договоры и соглашения, с помощью которых правители Европы — в равной мере правители демократические и самодержавные — вовлекли своих соотечественников в войну. Открытая дипломатия была также выражением веры в умиротворяющее влияние доброй воли и здравого суждения граждан демократических стран. В Четырнадцати пунктах Вильсона лозунг «открытой дипломатии» занимал первое место. «Открытые мирные договоры, открыто обсуждённые, после которых не будет никаких тайных международных соглашений, а дипломатия всегда будет действовать открыто и на виду у всех». Второе средство было выдвинуто на основе опыта междусоюзных переговоров во время войны. «Общественное мнение мира требует, чтобы катастрофа 1914 г. никогда не повторилась. Нет единой панацеи; однако вся надежда, видимо, возлагается на здоровое развитие дипломатии посредством регулярных конференций», — таков был вывод, который извлёк сэр Морис Хэнки из своего общего анализа работы Верховного военного совета².

К 1929 г. опыт целого десятилетия показал пределы «открытой дипломатии» и «дипломатии путём конференций». Вера президента Вильсона в благотворное влияние открытой дипломатии вытекала из его убеждения в существовании известной общности мыслей и целей у народов всего мира. Однако на протяжении послевоенных лет национальное чувство оставалось преобладающей силой в формировании взглядов рядовых людей, а более широкий интерес к проблемам внешней политики, бесспорно, затруднял государственным деятелям

¹ См. *Ray, J.*, *Commentaire du Pacte*, p. 186, и *Stresemann*, III, p. 361—363.

² *Hankey, M.*, *Diplomacy by Conference*. С этим документом можно ознакомиться в журнале «*Bound Table*», March 1921.

проведение политики умиротворения в их переговорах с другими странами. Было бы нетрудно проиллюстрировать фактами из истории этих 20 лет правдивость замечания Анри де Жувенеля: «Международный мир является главной жертвой внутренней политики»¹.

Этот опыт также проиллюстрировал то значение, которое сэр Морис Хэнки придавал «здоровому развитию дипломатии путём конференций». Как обнаружилось, новая дипломатия требовала не менее умелой и гибкой техники, нежели старая дипломатия. До тех пор пока эта техника не была разработана и понята, конференции оставались мало продуктивными. Урок, извлечённый из опыта, не всегда остаётся в памяти. Интересно суммировать выводы, сделанные из провала Женевской морской конференции одним лицом, весьма осведомлённым о переговорах, касавшихся международных соглашений². Конференция, отмечал сэр Артур Солтер, должна проходить определённые этапы: первый — это частный обмен мнениями между участниками, с тем чтобы убедиться, достаточно ли согласованы их общие принципы для того, чтобы было обеспечено соглашение; в начале конференции — общие декларации о широкой политике, а не о деталях; вслед за тем — переход к частным обсуждениям между главными делегатами одновременно с обсуждением в специальных комитетах технических вопросов и, наконец, созыв пленарных заседаний на соответствующих этапах для доклада о достигнутых в промежутке результатах. Такой продуманный порядок дел облегчает компромисс и в то же время даёт общественному мнению возможность прийти к выводу по главным рассматриваемым вопросам.

Не менее ясно, что дипломатия посредством конференций строго ограничена в своём значении. Её главный смысл с полным основанием можно усматривать в возможности установления личных отношений между главными государственными деятелями различных стран. Локарнский этап 1925—1929 гг. достаточно показывает, какой ошибкой было бы преуменьшать значение, которое имеет доверие, основанное на личном знакомстве, для успешного разрешения щекотливых вопросов. Однако конференции ведущих государственных деятелей неизбежно бывают поспешными и краткосрочными. В этой связи можно обратить внимание на прекрасную книгу М. Буркена, к несчастью, не вызвавшую к себе того интереса, которого

¹ «France et Allemagne», «Revue de Paris», Juillet 1, 1935, p. 81.

² Salter, A., The Technique of Open Diplomacy, «Political Quarterly», January—March, 1932.

она заслуживает ¹. «Практика конференции, — пишет М. Буркен, — перестаёт быть эффективной и становится даже опасной, когда применяется систематически для урегулирования политических затруднений». Государственные деятели озабочены тем, чтобы поскорее возвратиться к себе домой; лихорадочная атмосфера, в которой ведутся переговоры, нередко бывает причиной поверхностного характера решений. Как отмечает М. Буркен, на таких конференциях часто наблюдалась тенденция скорее удовлетвориться той или иной формулой, нежели терпеливо разработать радикальное средство лечения. Дипломатия путём конференций не в состоянии обеспечить то длительное и тщательное изучение вопроса со стороны международной организации, которое необходимо для разработки какого бы то ни было детального и действенного решения, способного выдержать испытание временем. С этой точки зрения поучительно решение проблемы репараций в годы, последовавшие непосредственно за окончанием войны.

¹ Bourquin, M., *Dynamism and the Machinery of International Institutions* (Geneva Research Centre, Geneva Studies, vol. XI, № 5, 1940).

ИСТОРИЯ РЕПАРАЦИЙ

Статьи Версальского договора о репарациях завоевали в Англии незавидную репутацию вследствие трёх своих недостатков. Во-первых, в договоре не было указано никакой общей суммы, которую Германия должна была выплатить путём репараций, а были попросту указаны различные виды убытков, которые должна была возместить Германия. Они были перечислены в приложении I к части VIII договора, раздел репараций. Во-вторых, некоторые виды убытков, за которые требовалась компенсация, в частности стоимость пенсий и оплата отпусков, можно было, по правде сказать, лишь путём софистических аргументов подвести под обязательство возмещать убытки, причинённые жизни и собственности гражданских лиц. Признание именно такого обязательства со стороны Германии требовалось в ноте Лансинга от 5 ноября 1918 г. В-третьих, слишком мало была принята во внимание, по крайней мере по мнению англичан, платёжеспособность Германии. Договор поручал Репарационной комиссии определить размеры убытков. Она должна была закончить свою работу к 1 мая 1921 г. В то же время она должна была установить схему выплаты всего репарационного долга в течение 30 лет. После этого комиссия могла санкционировать отсрочку выплаты или изменить форму платежей. Однако она не могла без специальных полномочий от правительств, представленных в комиссии, аннулировать какую бы то ни было часть долга Германии.

Объяснение спора, который лежал в основе статей о репарациях, должно начинаться с обзора переговоров о репарациях, происходивших в 1919 г. Соответствующий анализ этих переговоров можно найти во введении к прекрасному сборнику документов, составленному г. Барнеттом¹. Ниже мы вкратце излагаем историю этого вопроса.

¹ *Burnett, P. M.*, *Reparation at the Peace Conference*, 2 vols, N. Y. 1940.

Рассмотрение проблемы репараций на мирной конференции было поручено вначале комиссии, созданной 25 января 1919 г. и составленной из представителей великих и малых союзных наций. Поскольку переговоры в этом громоздком органе угрожали стать бесконечными, Ллойд Джордж, Клемансо и полковник Хауз 10 марта решили, что каждый из них назначит по одному представителю в небольшой тайный комитет с поручением представить доклад о той сумме, уплаты которой можно ожидать от Германии. Этот Комитет трёх закончил свою работу в течение пяти дней. Его члены рекомендовали определённую цифру — 6 миллиардов фунтов стерлингов, как максимальную сумму, на которую можно было рассчитывать; половина её должна была быть выплачена в марках. Предшествовавшие подсчёты казались в тот момент огромными; некоторые из них достигали поистине астрономических чисел. Доклад Комитета трёх являлся тогда торжеством умеренности и был результатом успешных усилий американского члена комитета Нормана Дэвиса, который убеждал своего французского коллегу Луи Лусера придерживаться реалистического взгляда, не принимая желаемое за возможное. Ллойд Джордж и даже Клемансо вначале склонялись к принятию выводов Комитета. Однако Ллойд Джордж, прежде чем взять на себя определённое обязательство, хотел обеспечить «во имя защиты своих позиций и самооправдания»¹ поддержку лордов Сэмнера и Кенлиффа — сторонников выплаты значительно большей суммы. Оба лорда остались непреклонными, и, таким образом, мелькнувшая возможность соглашения о сумме в 6 миллиардов фунтов стерлингов отпала.

После этого влияние умеренных ослабло. 26 марта Клемансо предпринял меры, которые повели конференцию по противоположному курсу². С этого времени сторонник крайних цифр Клоц в большей степени, нежели умеренный Лусер, играл в Совете четырёх роль первого французского ходатая по финансовым вопросам. О его настойчивости президент Вильсон заметил несколько недель спустя: «Мы и думать ни о ком не можем, кроме Клоца»³. Через несколько дней Ллойд Джордж начал понимать, что всякое умеренное решение натолкнётся на противодействие парламента. Недовольство премьером в палате общин достигло кульминационного пункта и нашло себе выражение в телеграмме, отправ-

¹ *Baker*, III, p. 383.

² *Mordacq, gen., J. J. H., Le Ministère Clemenceau*, III, p. 184. Ср. *Thompson, C. T., The Peace Conference*, p. 277.

³ *Baker*, III, p. 480.

ленной 8 апреля за подписью 233 членов парламента, в которой Ллойд Джорджа призывали «заставить Германию признать свой долг, а затем уже приступить к обсуждению методов и средств его получения».

Новая французская кампания началась 28 марта, когда Клоц представил полный план репараций. Ллойд Джордж с неудовольствием смотрел на этот сложный документ. 29 марта он представил своим коллегам собственный краткий меморандум¹. Непосредственно из этого меморандума были составлены статьи Версальского договора о репарациях. Пункты, возбуждавшие разногласия, обсуждались на целом ряде горячих и даже бурных совещаний английских, французских, итальянских и американских экспертов, происходивших между 31 марта и 3 апреля²; и всё-таки после всех этих заседаний соглашение не казалось ближе. Атмосфера несколько разрядилась только после того, как Совет четырёх вернулся к этому вопросу 5 и 7 апреля. Ллойд Джордж присоединился к мнению французов, а президент Вильсон ввиду своей болезни был заменён в Совете более примирительно настроенным Хаузом³.

К 12 апреля были выработаны основы соглашения о репарациях.

С самого начала этих переговоров французы энергично настаивали на том, чтобы в договоре не были выражены в окончательной форме денежные требования, в то время как американцы с такой же энергией возражали против этого. Решающее значение имела в этом отношении поддержка французского требования Ллойд Джорджем в его меморандуме от 29 марта. Даже в первых числах июня, настаивая на пересмотре пунктов о репарациях, он всё ещё отказывался допустить в договор хотя бы определение общей суммы репараций, как того желали американцы. По его словам, назвать определённую цифру было бы всё равно, что «справляться у человека, упавшего в Ниагарский водопад, за сколько он продал бы свою лошадь»⁴. Результатом последних усилий Ллойд Джорджа добиться пересмотра этих пунктов было решение предложить Германии назвать в течение четырёх месяцев после подписания договора общую сумму, которую следовало бы уплатить по всем её долгам. На этом предложении покоилась вся

¹ Проект Клоца см. *Klotz, L., De la Guerre à la Paix*, p. 215—249; перепечатан у *Burnett, P. M., Reparation*, I, p. 726—754; проект Ллойд Джорджа см. *Miller, XIX*, p. 288—303, и *Burnett, P. M., Reparation*, I, p. 754—756.

² Об этих совещаниях кроме работы Барнетта см. *Crespi, S., Alla Difesa d'Italia*, p. 374 et ss.

³ См. *Mordacq, gen., J. J. H., Le Ministère Clemenceau*, III, p. 211.

⁴ *Miller, XIX*, p. 280.

политика, которой Ллойд Джордж следовал по вопросам о репарациях непосредственно после подписания договора.

Нежелание определить в самом договоре окончательную сумму денежных требований, несомненно, вызывалось политическими соображениями. Положение в союзных странах было неопределённым. Народы этих стран рассчитывали, что военные расходы будут возложены на неприятеля, и политические деятели опасались разочаровывать народ в отношении той суммы, которую, как ожидали, мог заплатить неприятель. Однако это было не единственной причиной. Французы выдвигали и совсем другие соображения. С одной стороны, они доказывали, что было бы совершенно невозможно до подписания договора определить в денежных суммах тот ущерб, который должны были возместить немцы. С другой стороны, они настаивали, что если поставить сумму, которую должны были заплатить немцы, в зависимости от платёжеспособности Германии, то ведь об этой последней нельзя было судить на основании положения Германии в тот момент или даже до войны. Никто не мог бы точно определить, сколько могла заплатить Германия в течение последующих лет. Экономически Германия могла быстро окрепнуть. Определение суммы репараций на основании информации, имевшейся в тот момент, могло бы освободить Германию от долгов, которые она вполне могла бы покрыть на основании данных, полученных впоследствии. Поэтому французы настаивали, чтобы обязательства Германии были выражены в эластичной форме, с тем чтобы обеспечить в дальнейшем полное использование всех её будущих возможностей для возмещения огромного ущерба, который она нанесла. Подобную точку зрения разделял и лорд Кенлифф. В этом отношении отказ от немедленного определения окончательной суммы репараций вызывался не только политическими соображениями, но и самой природой всего вопроса. К этому можно прибавить, что в момент, когда финансовое положение самой Франции было крайне расстроено, она проявляла наименьшую снисходительность к германскому долгу, поскольку все её настояния о подобном же снисходительном отношении к её собственным долгам отклонялись.

Точно так же и Ллойд Джордж действовал, конечно, не только под влиянием нежелания рисковать своим политическим положением. Он считался с возможностью, что окончательные подсчёты установят, что меньшая сумма, чем казалось возможным назначить в тот момент, будет достаточной для покрытия репараций ¹.

¹ Miller, XIX, p. 278—281.

Дальнейшие события оправдали эти ожидания, ибо когда в апреле 1921 г. Репарационная комиссия закончила определение нанесённого Германией ущерба, то общая сумма не намного превышала ту, которой Комитет трёх в марте 1919 г. определял платёжеспособность Германии. Правда, против отказа от определения в договоре окончательной суммы репараций можно было представить неопровержимый экономический аргумент. Этот вопрос был хорошо разъяснён Норманом Дэвисом в меморандуме, представленном им президенту Вильсону 1 июня 1919 г.¹ Если не потребовать определённой суммы в тех пределах, которые сами немцы считали для себя возможными, то у Германии пропадёт стимул делать необходимые усилия; пока же она будет страдать под тяжестью долгов, уплатить которые она считает для себя невозможным, она лишится финансовой поддержки со стороны, её экономическое возрождение будет затруднено, а её платёжеспособность останется невысокой. Эта точка зрения не привлекла к себе внимания ни деловых кругов, ни политических деятелей до тех пор, пока в начале следующей зимы не появились признаки финансового кризиса. Это обстоятельство побудило тогда Ллойд Джорджа сделать новую попытку ускорить определение суммы германской задолженности. Вызванные этим длительные споры привели лишь к тому, что снова было принято только временное решение.

Когда американские специалисты убедились, что им не удастся включить в договор всю сумму, соответствующую способности Германии уплатить долг, они попытались добиться своей цели другим способом. Они предложили, чтобы постоянной Репарационной комиссии было дано указание потребовать от Германии платежа не в размере всей суммы предъявляемых к ней претензий, но в размере того, что Германия способна уплатить в течение ближайших 30 лет. Это была бы меньшая сумма.

Это предложение—заменить подсчёт ущерба подсчётом платёжеспособности в течение определённого срока—долго обсуждалось союзными специалистами на совещаниях с 31 марта по 3 апреля. Французы сразу отказались от этого предложения. Представители Англии колебались между этими двумя противоположными лагерями. Ллойд Джордж в своём меморандуме, составленном 25 марта в Фонтенбло, заявил, что

¹ *Burnett, P. M., Reparation, I, p. 101.* См. также *McFadyean, A., Reparation Reviewed, p. 56—59.* К этой работе следует обращаться для знакомства со всеми спорами по поводу репараций в период с 1919 по 1929 г. Она не имеет себе равных в толковании событий за указанный период.

платежи репараций, «по возможности, не должны превышать продолжительности жизни поколения, участвовавшего в войне». Он был готов согласиться на определённый период времени, но всё же колебался предоставить Репарационной комиссии право с самого начала требовать только ту сумму, которую, по мнению комиссии, Германия была способна заплатить в течение определённого периода времени. По этому пункту Ллойд Джордж присоединился 5 апреля к мнению французов. Совет четырёх решил потребовать от Германии, чтобы та в течение 30 лет сделала всё возможное для покрытия всего нанесённого ею ущерба. Таким образом, союзники отказались от самой сути американского предложения¹.

Решение требовать полной уплаты репараций привело к тому, что перечень убытков оказался решающим фактором при определении финансового бремени, которое должно было быть возложено на Германию. Критика этого перечня убытков сосредоточивалась на вопросе о возмещении расходов по выдаче пенсий и других пособий. Ллойд Джордж объяснил, что он поддерживает это требование потому, что таким путём Англии обеспечивается получение большей доли германских платежей, чем при всяком другом порядке. Впрочем, вопреки распространённому мнению не он первый выдвинул это требование. Французы с самого начала поддерживали подобные требования, хотя в то же время они надеялись обеспечить свои особые интересы, добившись приоритета по получению платежей на восстановление своих опустошённых областей. Президент Вильсон, вначале относившийся с сомнением к этому пункту, признал законность данной претензии после доказательств, представленных генералом Смэтсом. Пособия семьям военнослужащих, которые выплачивались жёнам и детям, и пенсии, выплачиваемые инвалидам после их увольнения из армии, вдовам и сиротам военных, должны были войти, по мнению Смэтса, в сумму убытков гражданского населения, подлежащих возмещению. Меморандум Смэтса убедил Вильсона, что суммы, о которых шла речь, действительно составляли часть убытков, по которым следует требовать репарации в соответствии с принятыми условиями мира; Вильсон заявил об этом и американским специалистам².

В тот момент (1 апреля) американские специалисты менее всего склонны были протестовать против этого решения Виль-

¹ *Burnett, P. M., Reparation, I, p. 779—836; Klotz, L., De la Guerre à la Paix, p. 140—141.*

² *Burnett, P. M., Reparation, I, p. 755—756.* Другое заявление по этому поводу, сделанное позднее, см. *Miller, XIX, p. 295.*

сона, поскольку казалось, что переговоры велись в том направлении, что обязательства Германии будут определены в соответствии с её платёжеспособностью. Через четыре дня Совет четырёх лишил Репарационную комиссию права сокращать сумму, которая будет названа. Ллойд Джордж, настаивавший на претензии по уплате пенсий, оказал большое влияние с целью добиться умеренности при составлении перечня убытков. С помощью Клемансо ему удалось настоять на отказе от некоторых неопределённых претензий, на включении которых настаивали американцы. «Я возражаю, — заявил он, — против этих небольших претензий, которые так легко могут превратиться в огромную сумму»¹.

Эти претензии касались главным образом косвенных убытков, которые потерпели частные граждане в связи с потерей работы или в связи с разрушением их собственности. Нет ничего невероятного в том, что из двух проектов приложения I — английского и американского — последнее, если бы оно было принято, фактически наложило бы на Германию более тяжкое бремя.

В пояснение к следующим главам, посвящённым анализу английской и французской точек зрения на репарации, будет полезно наметить основные этапы развития этой проблемы за последующие годы.

В начале 1920 г. английский премьер-министр приступил к определению в возможно краткий срок окончательной суммы репараций на основе германского предложения. Уже истёк четырёхмесячный период, в течение которого Германия должна была согласно ноте союзников от 16 июня 1919 г. предложить общую сумму репараций; но в ответ на настояния Ллойд Джорджа союзники выразили в меморандуме от 8 марта 1920 г. свою готовность увеличить этот четырёхмесячный срок².

Затем Ллойд Джордж созывал ряд совещаний то с участием одних только союзников, то с участием также и представителей Германии. Французы неохотно шли на это и заявляли, что, поскольку Ллойд Джордж предлагает дружественно относиться к Германии, если та готова внести честное предложение, он должен также согласиться на применение к Германии силы в том случае, если она не проявит такого намерения.

Таким образом, примирение и принуждение применялись разом и мешали последовательной политике в том или

¹ *Miller*, XIX, p. 320.

² «*The Times*», March 10, 1920;

другом направлении. Наконец, принуждение победило. 8 марта 1921 г. в результате германского предложения, которое вызвало недовольство в Англии и привело в ярость Францию, были применены санкции.

Применение этих принудительных мер против Германии знаменовало собой провал усилий Ллойд Джорджа обеспечить соглашение о репарациях между Германией и союзниками без осуществления политики силы. В короткий промежуток времени, до 1 мая 1921 г., разумного соглашения можно было бы достигнуть лишь путём новых усилий примирить французскую точку зрения с британской. И действительно, в этом направлении Ллойд Джорджу удалось всё-таки достигнуть некоторых успехов. 30 апреля 1921 г. в Лондоне собрался Верховный совет. За три дня до этого Репарационная комиссия объявила, что возмещение убытков, которое по договору должна была сделать Германия, достигло суммы 6 600 миллионов фунтов стерлингов. Должна ли Германия погашать эту сумму и платить таким образом, чтобы обеспечить выполнение всех обязательств в течение 30 лет, как то было предусмотрено по договору? Верховный совет решил не предъявлять Германии такого невозможного требования. План платежей, опубликованный Репарационной комиссией 5 мая 1921 г. и принятый Германией под угрозой оккупации союзниками Рура, фактически представлял собой снижение требований союзников.

Лондонский план от 5 мая 1921 г. номинально сохранял обязательства Германии уплатить репарации в сумме 6 600 миллионов фунтов стерлингов. Однако эта сумма была разделена на две части. В отношении большей из этих частей — облигаций «С» на сумму 4 100 миллионов фунтов стерлингов — не требовалось немедленной уплаты. По облигациям же «А» и «В» на общую сумму 2,5 миллиарда фунтов стерлингов требовалась уплата процентов и фонда погашения в следующем порядке: в течение 25 дней Германия должна была уплатить наличными 50 миллионов фунтов стерлингов; эта сумма и была уплачена; затем Германия должна была платить точно фиксированную ежегодную сумму в 100 миллионов фунтов с разбивкой поквартально начиная с 15 января 1922 г. и, кроме того, переменную ежегодную сумму, равняющуюся 26% стоимости германского экспорта, уплачиваемую также поквартально, но начиная уже с 15 ноября 1921 г.

Этот план потерпел крах ещё до конца года. Первый взнос переменной ежегодной суммы был покрыт натурой. Однако 14 декабря 1921 г. германское правительство уведомило Репарационную комиссию, что оно не сможет уплатить более 10 мил-

лионов фунтов по двум взносам—15 января и 15 февраля 1922 г. Предоставление Германии частичного моратория обсуждалось британскими и французскими министрами сначала на конференции в Лондоне (18—22 декабря 1921 г.), а затем вместе с другими союзниками на межсоюзной конференции в Каннах (6—13 января 1922 г.). Союзники почти договорились о плане сокращения платежей на 1922 г., когда конференция была преждевременно прервана вследствие наступившего во Франции политического кризиса. Роспуск конференции обусловил передачу дела в Репарационную комиссию. После длительных переговоров между комиссией и германским правительством комиссия 21 марта одобрила сокращение германских платежей на 1922 г. наличными и натурой до общей суммы в 108 500 тысяч фунтов.

Полученное Германией таким путём облегчение в скором времени оказалось недостаточным. 12 июля 1922 г. Германия попросила полной отсрочки платежей наличными не только на остаток текущего года, но также и на два последующих года. На Лондонской конференции (7—14 августа 1922 г.) союзники не смогли прийти к соглашению относительно условий, на которых мог бы быть предоставлен дальнейший мораторий. Угроза отказа от уплаты была снова предотвращена временной мерой, принятой Репарационной комиссией. На остаток 1922 г. были приняты в счёт уплаты наличными казначейские обязательства сроком на шесть месяцев. Предоставленная таким образом передышка была и краткой и частичной, ибо репарации натурой должны были продолжаться, и если бы к январю 1923 г. не было достигнуто урегулирование на более длительный срок, Германия автоматически должна была бы начать платежи в согласии с полным лондонским планом платежей.

Невозможность достигнуть сколько-нибудь прочного урегулирования вопроса в августе сделала почти неизбежным наступление ещё более серьёзного кризиса. 14 ноября согласно рекомендациям Комитета международных финансовых экспертов Германия испросила следующие условия, необходимые для стабилизации марки: полный мораторий по всем платежам наличными и поставкам натурой на три или четыре года и фиксацию обязательств Германии «в виде суммы... которая могла бы быть уплачена из бюджетных излишков». Когда союзные правительства встретились на Лондонской конференции (8—11 декабря 1922 г.) и на последующей Парижской конференции (2—4 января 1923 г.), чтобы поделиться своими взглядами, открытое обсуждение англо-французских противоречий показало наличие пропасти между ними, и через эту пропасть, как

с прискорбием заметил Бонар Лоу, нельзя было уже перебраться мост.

11 января 1923 г. французские и бельгийские войска вступили в Рур. Официальной целью франко-бельгийской политики было добиться уплаты репараций путём установления непосредственного контроля над германской промышленностью в Руре. До 28 сентября этот контроль был сведён к нулю пассивным сопротивлением немцев, но после прекращения пассивного сопротивления контроль эффективно осуществлялся до октября 1924 г. Британское правительство, покончив с охватившим его вначале настроением беспомощности, в котором оно само признавалось, стремилось вмешаться во франко-германскую борьбу в качестве посредника. Первым усилием британской дипломатии, направленным на возобновление переговоров о репарациях, была речь лорда Керзона в палате лордов 20 апреля; это усилие временно потерпело неудачу из-за непримиримого тона германской ноты от 2 мая. Следующий шаг, облегчённый более обнадеживающей германской нотой от 7 июня, также провалился из-за категорического отказа Пуанкаре вступать в какие-либо переговоры с Германией до прекращения пассивного сопротивления. Британская попытка посредничества закончилась нотой Керзона от 11 августа и ответом Пуанкаре от 20 августа, проникнутым открытой враждебностью. После прекращения пассивного сопротивления новый и более дипломатический путь к соглашению был открыт возобновлением 11 октября американского предложения о передаче вопроса о репарациях в руки независимого Комитета экспертов. Это предложение впервые было сделано до оккупации Рура. Поддержанное британским правительством и американцами, предложение оказалось первой «вехой» на пути из Рура. 30 ноября Репарационная комиссия решила создать два комитета экспертов. Первый комитет провёл своё первое заседание под председательством генерала Дауэса 14 января 1924 г. и представил свой отчёт 9 апреля. Все заинтересованные правительства, приняв предварительно рекомендации комитета, собрались на Лондонскую конференцию, происходившую с 16 июля по 16 августа, для того чтобы обсудить, как провести эти рекомендации в жизнь. Конференция достигла успеха в урегулировании мероприятий не только по ликвидации экономического контроля в Руре, но также и по эвакуации из него вооружённых сил.

План Дауэса действовал с октября 1924 г. по май 1930 г. В течение этого периода он выполнялся без всяких перебоев. В политическом отношении о плане Дауэса ничего нельзя сказать другого, кроме того, что он породил незадачливого

преемника — план Юнга, в основе которого, повидимому, лежали политические и экономические мотивы¹.

В противоположность плану Дауэса, считавшемуся мерой временного характера, которую, впрочем, можно было продолжать до бесконечности, план Юнга был составлен с целью полностью и окончательно разрешить проблему репараций. Комитет экспертов, которому была поручена подготовка этого плана, начал работу 11 февраля и подписал свой отчет 7 июня 1929 г. Первая Гаагская конференция, заседавшая с 6 по 31 августа 1929 г., отличалась от Лондонской конференции, рассматривавшей план Дауэса, тем, что участвовавшие правительства заранее не обязывались соглашаться с докладом экспертов. Конференция собралась с тем, чтобы прежде всего рассмотреть самый доклад, а затем уже рассматривать мероприятия, необходимые для проведения его в жизнь. Спор, вызванный стремлением Сноудена изменить предложенное в докладе распределение германских платежей в пользу Великобритании, помешал конференции перейти ко второй части повестки дня, которая поэтому была отложена до второй конференции в Гааге, состоявшейся с 3 по 20 января 1930 г. На этой второй конференции был урегулирован вопрос о применении санкций в случае отказа Германии от уплаты. План Юнга вошел в силу с 9 мая 1930 г.

Этот новый план, успешное действие которого зависело от непрерывного расширения торговли, в самом начале своего существования пал жертвой мирового экономического кризиса. 20 июня 1931 г., поставленный перед неизбежной перспективой краха германских финансов, президент Гувер поразил весь мир своим предложением моратория на один год для всех межгосударственных военных долгов и для платежей по репарациям. Мы не намерены здесь останавливаться на последующих переговорах, связанных с развитием экономического кризиса.

¹ См. стр. 105—106.

РЕПАРАЦИИ: ФАКТОРЫ РАЗНОГЛАСИЙ

В течение пяти лет разочарований, которые последовали за подписанием мирного договора, репарации играли в англо-французских отношениях роль, намного превышавшую значение всех других проблем. В предприятии, успешное проведение которого всецело зависело от их чистосердечного сотрудничества, Англия и Франция оказались неспособными согласовать политику, которую можно было бы проводить в течение определённого периода времени. Не раз обе стороны неудачно начинали дело сызнова, а затем всё более резко обвиняли друг друга, что привело в конце концов к атмосфере подозрительности и даже вражды. Только в 1924 г., когда план Дауэса, наконец, предоставил союзным государственным деятелям передышку в их сизифовом труде, репарации уступили главное место в англо-французских отношениях другим вопросам. В течение второго периода такой же продолжительности (примерно пять лет затишья) репарационный вопрос разрешался без затруднений и не был вопросом борьбы на политической арене. В 1929 г. этот вопрос с новой силой вернулся в сферу политики и при обстоятельствах, напоминавших первые годы его существования. В 1932 г. наступила преждевременная кончина репарационной проблемы, оплаканная Францией и вызвавшая вздох облегчения у Англии.

Для автора, анализирующего не экономическую сторону, а политический характер репараций, наибольший интерес представляют первые годы споров: 1920 — 1924 гг. Одна из основных особенностей этого раннего периода выделена мною для рассмотрения в другом месте. Британское стремление притти к непосредственному соглашению с Германией по вопросу о репарациях нашло своё отражение в ряде конференций, история которых изложена в главе VII. В данной главе мы делаем попытку выяснить причины англо-французских столкновений, начавшихся в последние дни мирной конференции и закончившихся принятием плана Дауэса.

Ни один фактор не влиял в большей степени на неспособность Великобритании и Франции сформулировать общую политику, чем контраст между теми формами, которые в этих странах приняла проблема реконструкции. Главным бременем войны для Великобритании была потеря зарубежных рынков, что привело к безработице. Возрождение торговли стало основным принципом британской политики в Европе. Однако все дороги к этой цели вели через джунгли репараций, а здесь путь был преграждён столкновением британских и французских планов, ибо экономическое возрождение зависело от прекращения военной лихорадки, которая угрожала стать вечной из-за склонности Франции к применению санкций. Именно для того, чтобы заложить основы экономического восстановления, Ллойд Джордж в 1920 г. стремился обеспечить урегулирование вопроса о репарациях. Поскольку французы в то время согласились последовать за ним, антагонизм между французскими и британскими взглядами по-настоящему обострился лишь после резкого обесценения марки в сентябре — ноябре 1921 г. и последовавшего за ним провала лондонского плана. Великобритания прежде всего нуждалась в стабилизации валюты и главным образом марки. Для этой цели исключительно важное значение имел мораторий платежей по репарациям и, как полагали очень многие, сокращение общих финансовых обязательств.

Франция со своей стороны в первые месяцы 1922 г. переживала блестящий экономический расцвет. В её промышленности не было безработицы главным образом благодаря необычному спросу на рабочую силу для восстановительных работ. Но Францию подавляло финансовое бремя, которое она считала невыносимым. Расход на выплату пенсий и на реконструкцию опустошённых районов составлял половину годовых расходов правительства¹.

Эти расходы, называвшиеся «возместимыми», ввиду того что предполагалось их возмещение Германией, покрывались исключительно путём займов. Кроме того, французов преследовала мысль о военных долгах, хотя фактически они не составляли финансового бремени, ибо в данный момент платежи по ним не производились. Исходя из всего этого, Франция требовала немедленных германских платежей в интересах своей собственной финансовой устойчивости, тогда как Великобритания просила об отсрочке германских платежей

¹ К концу 1923 г. на реконструкцию было затрачено 1 140 миллионов фунтов стерлингов, а на пенсии — 950 миллионов фунтов стерлингов. Полагали, что предстояло ещё затратить соответственно 504 миллиона фунтов стерлингов и 470 миллионов фунтов стерлингов (*Furst, G. A., De Versailles aux Experts, p. 319*).

в интересах экономического возрождения Германии и, следовательно, всей Европы.

Однако в последние месяцы 1922 г. британские государственные деятели могли с достаточным основанием заявлять, что если главным требованием Франции являются репарации, то экономические предпосылки их политики соответствуют французским интересам не меньше, чем британским. Стабилизация марки была необходимым условием получения Францией репараций точно так же, как и возрождения британской торговли. Снижение основного долга до суммы, которую Германия была в состоянии уплатить, было в 1922 г., как это показал доклад комитета банкиров, основным условием восстановления германского кредита, а без этого Франция не могла надеяться на получение результатов от германского займа, заключённого для того, чтобы уплатить долг по репарациям. На вопрос, почему французское правительство не хотело согласиться с британским относительно практического применения этих простых экономических истин, ответа можно искать в трёх направлениях.

Во-первых, можно предположить, что для французского мышления экономика продолжала оставаться туманной областью. Во-вторых, следует обратить внимание на расхождение французских и британских политических взглядов относительно предложений по восстановлению финансовой устойчивости Германии. В-третьих, можно полагать, что Франция под видом репараций преследовала политику собственной безопасности. На последующих страницах будут разобраны два первых предположения, тогда как третьего мы коснёмся в конце следующей главы.

Главной трудностью в решении проблемы репараций было нежелание Франции снизить основной долг. Номинально Германия была обязана уплатить 132 миллиарда марок. Фактически было совершенно невероятно, чтобы она могла уплатить и половину этой суммы. Экономические превратности с исключительной быстротой научили членов палаты общин умерять жажду правосудия и возмездия холодным экономическим анализом. Однако французские депутаты под руководством различных лидеров долгое время продолжали лелеять те надежды, которые в 1919 г. разделялись их британскими коллегами. Поэтому случилось так, что в умах даже самых доброжелательных французских государственных деятелей возникала неприятная перспектива политических затруднений, как только их британские коллеги при поддержке экономических и финансовых авторитетов ставили вопрос о платёжеспособности Германии.

С 1920 по 1924 г. британская политика в отношении репараций основывалась на предпосылке, что экономическое восстановление Германии и, следовательно, Европы станет возможным лишь при условии, если сумма финансовой задолженности Германии по репарациям будет зафиксирована раз и навсегда в пределах платёжеспособности Германии. К этой предпосылке присоединялось убеждение, что путём объективных исследований можно точно определить ту максимальную сумму, которую в состоянии уплатить Германия. Сомневаться в справедливости этой доктрины или опровергать её означало, с британской точки зрения, грешить против абсолютной истины. С уверенностью в своей правоте, свойственной людям непоколебимой веры, британские государственные деятели ставили необходимым условием удовлетворительного разрешения вопроса отказ от всяких претензий сверх уровня германской платёжеспособности.

Франция без всякого сочувствия относилась к этим основным убеждениям Англии. Французы остались безусловно верны еретическим взглядам, которые они впервые провозгласили на Парижской конференции. Они отвергали практический смысл назначения общей суммы, которая должна была служить окончательным определением всех обязательств Германии. Они придерживались этой своей негативной уверенности с крайним упорством, несмотря на то что аргументы, которыми они её защищали, отличались большим разнообразием. В начале 1919 г. французские специалисты возражали против включения в договор какой бы то ни было общей суммы, ссылаясь на невозможность к моменту подписания договора определить в денежной форме весь причинённый ущерб. Французские государственные деятели в тот момент и впоследствии опасались также возмущения парламента против всякой политики, подрывавшей основу народных чаяний. К этим соображениям внутренней политики добавлялось ещё одно, касавшееся внешнеполитических отношений и возникшее в момент, когда уже велись переговоры с Германией; отсрочка определения общей суммы казалась разумной, поскольку никакая сумма, удовлетворявшая Францию, не могла быть тогда принята Германией. Но в конце концов французы остановились на аргументе, известном им ещё в 1919 г., но который приобрёл более отчётливые формы в процессе обсуждения. На утверждение англичан о том, что определение платёжеспособности Германии было «вопросом установления факта»¹, французы отвечали, что уровень германской платёжеспособности будет изменяться с

¹ Нота Керзона от 11 августа 1923 г. см. «Cmd. 1943», р. 50.

изменением условий в будущем и поэтому не может быть установлен раз и навсегда ¹.

Историк, воздерживаясь от суждения по поводу этих двух противоположных точек зрения, может отметить, что британская политика в результате, неизменно ссылаясь на экономические основы, приобретала оттенок жёсткости, который, может быть, напрасно подчёркивал наши разногласия с Францией. В 1924 г. специалисты Комитета Дауэса нашли возможность обойти спорный тезис. Эксперты определили ежегодную сумму платежей, которую должна была вносить Германия, не касаясь общей суммы её обязательств. Они избежали трудности определения ежегодных платежей в соответствии с изменяющимися в Германии балансом иностранных платежей, внося оговорку о том, что Германия будет платить в своей валюте. План Дауэса представлял собой временное соглашение, срок которого можно было увеличивать до бесконечности и которое обходило препятствия, возникавшие из нежелания французов уменьшить сумму основного долга. Вплоть до 1924 г. английское правительство не проявляло желания рассматривать подобный компромисс, исходя из убеждения, что временного соглашения для восстановления германского кредита недостаточно.

Вопрос о преимуществе временного или постоянного соглашения возник ещё в самом начале 1921 г. Союзные правительства собрали в декабре 1920 г. совещание союзных и германских экспертов в Брюсселе для совместного рассмотрения проблемы репараций. После некоторого перерыва переговоры возобновились затем в неофициальном порядке в Париже в январе 1921 г. По инициативе французского представителя Сейду союзные эксперты единогласно выразили пожелание о том, чтобы определение окончательной суммы было отложено и чтобы было принято временное соглашение о выплате Германией 3 миллиардов марок в течение пяти лет. На принятии этих пожеланий Бриан настаивал затем на Парижской конференции (с 24 по 30 января 1921 г.). Он заявил, что Франция не могла согласиться на то, чтобы «поставить под угрозу своё будущее, заключив в настоящее время постоянное соглашение, которое она считала бы неудовлетворительным». Однако он добавил, что Франция готова временно согласиться на определённые ежегодные платежи, пока будет изучен вопрос об окончательной сумме репараций. «Осуществляя такую политику, французский народ постепенно познакомился бы с действительным положением вещей и, возможно, убедился бы в не-

¹ Ср. ноту Пуанкаре от 30 июля 1923 г., «Смд. 1943», р. 31.

обходимости согласиться на более скромную цифру, чем та, на которую он рассчитывал в своё время»¹. Ллойд Джордж, однако, отверг пожелания экспертов и продолжал настаивать на разработке парижских предложений, направленных к выработке постоянного соглашения. Тем самым Ллойд Джордж был непроизвольно втянут в водоворот лондонских санкций.

Дабы не создалось впечатления, что сторонники временных соглашений попросту исходили из соображений политической целесообразности, следует отметить, что со времени конференции в Спа к их числу примкнул лорд д'Абернон. «Впредь до стабилизации валюты, — писал он 30 июля 1920 г., — нельзя делать серьёзных предположений относительно будущего финансового положения Германии», а 26 января 1921 г. он писал: «Все считают, что восстановление Германии невозможно до тех пор, пока не будет установлена общая сумма германского долга. С моей точки зрения, это глубочайшее заблуждение»². Принятие точки зрения д'Абернона помогло разрядить напряжённую атмосферу в 1924 г.

Конфликт по поводу общей суммы, которую должна была уплатить Германия, обострился в значительной мере под влиянием разногласий относительно распределения германских платежей между союзниками. В июле 1920 г. в Спа эти доли были определены следующим образом: Франция должна была получить 52%, Британская империя — 22%. Французская претензия на приоритет в получении компенсации за разорённые районы не была признана. Французы были единодушно убеждены в справедливости этого своего требования. Мильеран настаивал на нём в Хайсе в мае 1920 г. Однако Ллойд Джордж отказался идти на какие бы то ни было уступки. Таким образом, стоимость восстановления разорённых областей плюс сумма, необходимая для оплаты военной задолженности Франции, составляли, с точки зрения последней, минимальную сумму, ниже которой Франция отказывалась определить свои претензии к Германии. Всякое предложение о снижении германского долга наталкивалось на вопрос о том, будет ли в состоянии уменьшенная доля Франции покрыть это минимальное требование. Таким образом, два соображения могли побудить Францию согласиться на снижение суммы долга: специальное рассмотрение вопроса о разорённых районах или соглашение о снижении её собственного военного долга.

¹ *Lloyd George, The Truth about Reparations and War Debts*, p. 53, См. также *Bergmann, C., History of Reparations*, p. 527; *D'Abernon*, I, p. 109—122.

² *D'Abernon*, I, p. 72, 118, ср. также II, p. 128, 237.

Целесообразность пойти навстречу французской претензии на особое рассмотрение вопроса о разорённых районах получала всё большее признание в Англии вплоть до оккупации Рура, поскольку стал оспариваться вопрос о законности включения пенсий в сумму германских возмещений. Требование включить пенсии явилось главным фактором, в силу которого сумма обязательств Германии превысила уровень германской платёжеспособности. Основательным было и соображение о том, что сокращение общей суммы германских платежей следовало осуществить параллельно с пересмотром порядка распределения их между союзниками, с тем чтобы обеспечить по крайней мере возмещение расходов по восстановлению¹. Отказ английского правительства от подобного соглашения произвёл на французов впечатление мелочности, проявленной англичанами при поддержке второстепенных претензий; и это плохо согласовалось с призывами, обращёнными к французам, согласиться на мероприятия, способные поставить под угрозу удовлетворение их собственных и жизненно важных требований.

Отказ английского правительства от изменения процентного распределения, принятого в Спа, сосредоточил внимание на вопросе о военных долгах. «В то время как неприятель должен мне много денег, я также задолжал некоторым из своих друзей. Что касается соглашений, которые могут быть достигнуты с неприятелем, то мне приходится считаться с тем, что сделано моими друзьями», — так заявил Клоц уже в первые дни мирной конференции. Однако американское казначейство в своей ноте от 8 марта 1919 г. наложило суровое вето на всякое обсуждение, клонящееся к перераспределению долгового бремени. Таким путём проблема военных долгов — по крайней мере с точки зрения политической — была отделена от проблемы

¹ Лорд Керзон утверждал в августе 1923 г., что «доля репараций, предназначенная Англии, не потерпит серьёзного изменения в результате признания приоритета по возмещению материального ущерба («Cmd. 1943», p. 52). Правильность этого утверждения, очевидно, может вызывать споры. Не было опубликовано никаких авторитетных данных относительно распределения общей суммы в 132 миллиарда. Ноэль в своей книге «Германия и репарации» (Noel P., L'Allemagne et les réparations) на странице 25 приводит следующий подсчёт убытков, произведённый Репарационной комиссией:

	Великобритания (в миллиардах золотых марок)	Франция
Убытки, причинённые имуществу . . .	5,5	35
Убытки, причинённые отдельным лицам (Англия) } . . .	22,2	30,5
Пенсии и пособия (Франция)		

репараций в той мере, в какой это касалось Соединённых Штатов¹.

Тем не менее с 1920 по 1924 г. англо-французское соглашение по вопросу о репарациях, казалось, постоянно обуславливалось урегулированием вопроса о французской военной задолженности Англии. Когда в 1920 г. Ллойд Джордж настаивал на том, чтобы Мильеран согласился на определение окончательной суммы репараций, последний воспользовался случаем, чтобы снова поставить вопрос о рассмотрении репараций и военных долгов в качестве неразрывных элементов одной и той же проблемы². Он стал проводить политику отказа от всякого сокращения германских обязательств ниже суммы, установленной в договоре, если только одновременно не будут снижены и французские военные долги. Преемники Мильерана выставляли по обыкновению те же требования как, так и раз, когда угроза невыполнения Германией своих обязательств требовала пересмотра финансового бремени, наложенного на Германию. Так, например, Лусер привёз с собой подобный план с целью предъявить его Ллойд Джорджу во время Лондонской конференции, заседавшей с 18 по 22 декабря 1921 г.³ В кульминационный период Каннской конференции было широко, хотя, может быть, и без достаточных оснований распространено убеждение, что по этому вопросу будет всё же достигнуто англо-французское соглашение. Некоторые указания на то, что план Лусера вызвал к себе самое серьёзное отношение, могут быть найдены в предложениях относительно изменений в этом плане, сделанных сэром Робертом Хорном на совещании союзных министров финансов в Париже в марте 1922 г.⁴ Сам Пуанкаре принял в июле 1922 г. тезис об одновременном урегулировании репараций и межсоюзных долгов, а французский кабинет одобрил 28 июля исчерпывающий план по этому вопросу⁵. Нота Бальфура от 1 августа 1922 г., однако, имела целью воспрепятствовать представлению этого плана на Лондонской конференции. Тем не менее французы продолжали надеяться на созыв новой конференции всех союзных держав, великих и малых, с целью рассмотрения этих двух вопросов. Именно с целью подготовки подобной конференции состоялась встреча французских, английских, итальянских и бельгийских министров в

¹ *Lapradelle*, VII (Commission financière), p. 348—350, 365—366; *Nonu, J. M.*, Le Problème des dettes interalliées, p. 450—545.

² *Toynbee*, Survey, 1920—1923, p. 117.

³ «Eur. Nouv.», F.vrier 18, 1922.

⁴ «Eur. Nouv.», Mars 18, 1922; «Economist», March 18, 1922.

⁵ *Calmette, C.*, Les Dettes interalliées, p. 160—163; «The Times», July 29, 1923.

декабре 1922 г. в Лондоне и в январе 1923 г. в Париже. К несчастью, к тому времени, когда состоялись эти встречи, французская политика решительно отклонилась от курса, намеченного предыдущим летом, и Пуанкаре с презрением упустил эту последнюю возможность одновременного англо-французского урегулирования вопросов о репарациях и военных долгах. Когда в 1924 г. вопрос о репарациях снова обсуждался на конференции, участие американцев привело к тому, что, как это затем с неудовольствием признал Эррио в Чекерсе, обсуждение вопроса о репарациях впервые происходило вне связи с вопросом о военных долгах; а это, по мнению Эррио, помогло бы делу.

Подробное изложение хитроумных комбинаций, приведших к возникновению ряда неудачных проектов 1921—1922 гг., кажется нам беспредельным. Все они исходили из основной идеи о погашении военных долгов путём трансферта странам-кредиторам следуемой странам-должникам доли потерявших всякую цену германских облигаций «С» — косвенное средство ликвидации военных долгов. Все эти предложения были вариациями на французскую тему о том, что, поскольку Франция предполагала получить с Германии все суммы, которые та должна была уплатить, то первым шагом к облегчению положения Германии должно было быть снижение французских долгов. Однако нужно обратить внимание на контраст между французскими предложениями от июля 1922 г. и теми, которые выдвигались шесть месяцев спустя. В июле 1922 г. кабинет Пуанкаре принял план, который в основном сводился к следующему: полное уничтожение облигаций «С» обуславливалось ликвидацией межсоюзнических долгов и задолженности европейских стран Соединённым Штатам. Английская доля в 50 миллиардов марок, составлявших неоплаченный долг Германии, должна была сократиться на 90%. Германии должен был быть предоставлен мораторий, с тем чтобы облегчить ей выпуск займов в целях уплаты репараций. Сравнение предложений, сделанных Пуанкаре перед оккупацией Рура, с этим планом показывает, что Пуанкаре потерял всякий интерес к разрешению вопроса в указанном направлении. Он был готов согласиться на погашение облигаций «С» лишь до номинальной суммы, соответствующей французской задолженности Англии и задолженности малых союзных стран Франции, которая также должна была быть погашена одновременно.

Английское правительство колебалось заключить по вопросу о военных долгах соглашение только между Францией и Англией, как того хотели французы. Хотя английское правительство в общем относилось благосклонно к ликвидации всех военных долгов, оно считало, что финансовое положение

Англии было слишком неустойчиво, чтобы допустить отказ от французских долгов вообще, а не в качестве одного из элементов общего соглашения, которое коснулось бы также английского долга Америке. Попытка Ллойд Джорджа сделать подобное предложение президенту Вильсону в августе 1920 г. получила решительный отпор. Таким образом создавался роковой порочный круг. Соединённые Штаты отказывались простить Англии её задолженность; неся подобное бремя, Англия отказывалась ликвидировать задолженность Франции; не получая никакой помощи в этом направлении, Франция отказывалась в свою очередь облегчить бремя Германии. Этот порочный круг, хотя со временем и утратил своё значение, не был полностью ликвидирован до тех пор, пока мировой экономический кризис не порвал последовательно всех долговых пут. Английская политика была сформулирована в ноте Бальфура от 1 августа 1922 г. В ней содержалось предложение Англии собрать с Германии и с Союзных стран сумму, достаточную для покрытия английской задолженности Соединённым Штатам. По всей вероятности, ни одна другая дипломатическая декларация не дала повода для столь различных оценок. По внешности она являлась благородным жестом, ибо, принимая во внимание сумму задолженности Англии и сумму предоставленных ею кредитов, из этой ноты вытекала ликвидация трёх четвертей английских претензий по отношению к континентальным странам. Однако с точки зрения англо-французских отношений это предложение создавало впечатление очень неудачного маневра. Непосредственный результат ноты Бальфура сводился к тому, что Пуанкаре получил предупреждение относительно того, как собирался действовать Бальфур. Лондонская конференция, которая, по мнению одного корреспондента, могла оказаться «наиболее важной со времени подписания Версальского договора», превратилась в конфликт по поводу неприемлемой отныне программы Пуанкаре об обязательствах Германии. Хотя в январе 1923 г. Бонар Лоу предложил фактически отказаться от долгов европейских государств Великобритании по займам, заключённым до перемирия, с тем чтобы окончательно урегулировать и вопрос о репарациях, Пуанкаре к этому времени бесповоротно решил оккупировать Рур.

Англо-французские отношения, связанные с репарациями и военными долгами, были до некоторой степени аналогичны отношениям обеих стран в вопросах безопасности. Находясь между Европой и США, Великобритания не желала становиться на сторону европейских стран таким путём, который мог повлиять в дурную сторону на её отношения с США. Британское стремление к широкому финансовому урегулированию

вопроса поневоле зависело от сотрудничества Америки, на которое вряд ли можно было рассчитывать. Американское правительство было связано требованием конгресса не допускать никакой связи между переговорами о репарациях и урегулированием военных долгов. Это ограничение сопровождалось вполне правдоподобным заявлением, что «Германия не может платить ни одной марки больше или меньше в зависимости от того, сколько взяла на себя долгов Франция, а Франция не может получить то, что не в состоянии заплатить Германия»¹. Отказ связать репарации с военными долгами временно создал политический тупик. Французские государственные деятели спрашивали себя, почему Франция должна взять на себя обязательство применять к германским долгам принцип платёжеспособности без какого-либо заверения в том, что этот принцип будет применён к её собственным долгам; подобных заверений они не получили ни от Англии, ни от Америки². По мнению французов, британская политика должна потерпеть поражение, если только Великобритания не решится действовать независимо от сотрудничества Америки³. Нет отказа от военных долгов — нет и урегулирования репарационной проблемы; нет урегулирования репарационного вопроса — нет и экономического возрождения. Эти мотивы составляли одно целое, одну песню, и лишь в 1924 г. можно было написать для неё другой, лучший текст.

¹ Письмо Юза Геррику 17 октября 1922 г. см. «U. S. A. Foreign Relations», 1922, II, p. 169.

² 14 октября 1922 г. Бойден писал Юзу, что, по его мнению, имеется много шансов на то, что Франция согласится обсуждать репарации на основе общего принципа платёжеспособности, «если бы его можно было применить к общему урегулированию, включая межсоюзные долги» («U. S. A. Foreign Relations», 1922, II, p. 168).

³ В начале 1922 г. планы одновременного отказа от военных долгов и пересмотра германской задолженности были оставлены, повидимому, потому, что нельзя было обеспечить участие США в этом деле, а Великобритания без США отказывалась действовать. Вызванное этим исключение вопроса о военных долгах из предполагаемой повестки дня Генуэзской конференции способствовало решимости Франции исключить обсуждение проблемы репараций на конференции и таким путём умалить её значение и шансы её на успех. Британское правительство, писал Филипп Милле, «ждёт сотрудничества от Америки, прежде чем согласиться на отказ от европейских долгов. Оно имеет право на это. Однако в таком случае пусть британское правительство перестанет верить в то, что Генуэзская конференция может хотя в малейшей степени облегчить экономический кризис, от которого страдает Великобритания» («Eur. Nouv.», Février 18, 1922). Ср. также статью «Un Européen» (Вильяма Мартина) в «Revue de Genève», Mai 1923: «Les Responsabilités du monde anglo-saxon», которая заканчивалась словами: «Тайну Рура нужно искать в долине Миссисипи».

Г Л А В А X

РЕПАРАЦИИ: ПРОБЛЕМА ГАРАНТИЙ

Возмещение военных долгов и сокращение основной задолженности по репарациям составляли две темы из трёх проблем, которые, зародившись в 1919 г., подвергались обсуждению во время каждого связанного с репарациями кризиса за период с 1920 по 1923 г. Третьей темой была проблема гарантий и санкций в связи с неизменно выдвигавшимся французами утверждением о том, что Германия лишь по принуждению будет выполнять свои обязательства. Логически между гарантиями и санкциями можно провести ясную разграничительную линию. Гарантиями являются меры, нормально применяемые и имеющие целью надлежащее выполнение обязательств. Санкции представляют собой меры карательные, исключительные по своему применению и вступающие в силу в случае невыполнения обязательств. В действительной истории репараций эта разница менее заметна. Меры, принятые в виде санкций, продолжали действовать как гарантии, а гарантии временами нельзя было отличить от санкций. Несмотря на это смешение, вышеупомянутое логическое разграничение имеет достаточное практическое значение, для того чтобы оправдать раздельный анализ этих двух аспектов французской политики. Связанные с репарациями санкции изучались в одной из предшествующих глав, в которой этот вопрос рассматривается как одна из сторон более широкой проблемы проведения в жизнь обязательств мирного договора¹.

Последовательность французской политики до и после Версальского договора нигде не была столь заметной, как в требовании о гарантиях. В течение всех переговоров, касавшихся мирного договора, французская делегация намечала два вида гарантий уплаты репараций. Первая форма гарантий следовала освящённому веками методу, а именно, предусматри-

¹ См. главу VI.

вала расквартирование оккупационной армии на вражеской территории. Результатом этого явился плохо продуманный план оккупации, непригодный как с точки зрения обеспечения уплаты репараций, так и с точки зрения обеспечения безопасности; он составляет часть XIV общего договора¹. Здесь необходимо дать подробный разбор намечавшегося французами второго вида гарантий, который довольно удачно называют системой «оттоманизации», т. е. применения к Германии, хотя и в видоизменённой форме, методов иностранного финансового контроля, некогда применявшихся для обеспечения уплаты внешних займов в Турции, Египте и Греции².

Прототип французских предложений о гарантиях можно найти в весьма претенциозном плане, который тщетно выдвигался французским министром финансов Клоцем на самой мирной конференции. Этот план предусматривал присвоение в качестве обеспечения уплаты репараций целого ряда германских доходов: акцизных сборов, таможенных пошлин, прямых налогов, экспортного двадцатипроцентного налога и дохода от государственных предприятий, например шахт и железных дорог. Он предусматривал также создание межсоюзной финансовой комиссии для контроля над этими доходами. Одновременно эта комиссия вместе с финансовым отделом Лиги наций должна была стать главной пружиной в механизме санкций. Этот план был формулирован во Франции ещё до начала конференции³. Он был представлен 12 марта 1919 г. третьей подкомиссии по репарациям, которая была создана по настоянию Клоца для рассмотрения «гарантий по обеспечению уплаты». Наконец, он был включён Клоцем в его план репараций, представленный 28 марта Совету четырёх. Однако все усилия Клоца были напрасны. Уже в то время было очевидно, что основной проблемой является проблема трансферта: присвоение доходов не помогло бы разрешить её. Когда 5 апреля Клоц предложил, чтобы союзники установили «налог на доходы от железных дорог, портов и таможен», Ллойд Джордж ответил: «Я не вижу

¹ См. стр. 103—106 и 232—235.

² Следует, возможно, подчеркнуть разницу между английской и французской концепцией понятия о «контроле». Английский термин подразумевает полномочия издавать приказы и, следовательно, административное вмешательство; французский термин значительно мягче и означает инспектирование или надзор. Англо-французские недоразумения временами усиливались, вероятно, под влиянием того, что, когда французы говорили о контроле в своём понимании этого слова, англичане подразумевали под этим то, что они сами вкладывали в это понятие.

³ Меморандум Камбона от 26 ноября 1918 г. см. *Miller*, II, p. 206—214.

в этом никакой выгоды. Что получили бы мы, если бы забрали себе пошлины?»¹.

Самым ярким свидетельством поражения Клоца в 1919 г. служит первоначальный вид финансовых гарантий, предусмотренных мирным договором². Из них следует рассмотреть лишь статью 248. Она предусматривает, что репарации должны были иметь приоритет перед всеми другими платежами из доходов Германской империи и входящих в неё государств. Репарационная комиссия имела право одобрять исключения из этого правила приоритета. При буквальном истолковании статья 248 могла, возможно, лишить германское правительство права принимать какие-либо решения по финансовым вопросам без предварительного одобрения комиссии. Однако эта статья имела одно значение для английского юриста и другое — для французского, хотя ни тот, ни другой не мог быть полностью уверен в её точном значении даже с точки зрения его собственной юридической подготовки. Репарационная комиссия не имела права истолковывать эту статью, ввиду того что она была включена в финансовую, а не в репарационную часть договора. Статья 248 оказалась в действительности неудачным постановлением³.

Отсутствие требования точных гарантий платежей вызвало во Франции критику тотчас же после опубликования условий мира. Во всех случаях, когда проблема репараций вновь подвигалась обсуждению в 1920—1924 гг., французская политика прибегала к предложениям, родственным первым предложениям Клоца 1919 г. Послевоенная история репараций имеет своей основной темой снижение платежей и усиление гарантий, для того чтобы установить правильные взаимоотношения между обеими сторонами проблемы.

После подписания договора французские требования о более точном определении гарантий и санкций стали ещё настоятельнее в связи с убеждением, что Германия стремится избежать уплаты репараций путём умышленного создания у себя финансовой разрухи. Это обвинение представляет собой один из многих примеров различия между французской и британской оценкой событий в Германии. В действительности же положение, повидимому, сводилось к тому, что правительство новорождённой Германской республики имело мало авторитета для проведения финансовой реорганизации, которая так или

¹ *Burnett, P. M.*, *Reparation*, I, p. 835.

² Статьи 234, 241, 248 и § 12 в Приложении 2 к части VIII.

³ См. *Fischer Williams, J.*, *A Legal Footnote to the Story of German Reparations*, «*British Year Book of International Law*», 1932, p. 24—26; *Noel, P.*, *L'Allemagne et les réparations*, p. 137—139.

иначе была необходима, и эта задача республиканского правительства стала совершенно безнадёжной из-за беспощадного давления на Германию со стороны союзников. Тем не менее французы находились в состоянии крайней ярости, будучи убеждены, впрочем далеко не безосновательно, что ведущие германские промышленники вовсе не желали прекращения инфляции и использовали своё влияние, чтобы саботировать уплату репараций¹. Если надо считать чистой фантазией приписывание германскому правительству намеренной финансовой разрухи, то представляется разумным предположить, что проведение конструктивной политики было невозможно без изменения позиции обструкционистских элементов в кругах германской промышленности и финансов. Пуанкаре, оккупировав Рур, достиг по крайней мере этой цели. Когда Комитет Дауэса посетил Берлин, Штреземан просил Оуэна Юнга попытаться «привлечь промышленников, ибо если Германия должна сделать честные усилия», они могут «стать преградой». Встретившись со Стиннесом и другими промышленниками, Юнг добился их согласия, прямо объяснив им, что приходится выбирать между экономическим урегулированием, которое будет предложено Комитетом, и сохранением французской оккупации².

В выработке гарантий дополнительно к договору можно различить четыре этапа. Первый отмечен лондонской схемой платежей от 5 мая 1921 г.; второй — усилением надзора взамен предоставления частичного моратория в начале 1922 г.; третий — интермеццо с так называемыми продуктивными залогами: эта схема была выдвинута по инициативе Пуанкаре на Лондонской конференции и открыла путь к оккупации Рура в 1923—1924 гг.; четвёртый этап ознаменовался системой, действовавшей с 1924 по 1929 г. и составлявшей часть плана Дауэса. Тогда как эксперимент с продуктивными залогами должен быть отложен для отдельного рассмотрения, общий характер гарантий, созданных на других этапах, оправдывает их анализ в целом.

¹ Следует отметить, что в то время английские политики отрицали всякую основательность за этими, без сомнения, справедливыми утверждениями Франции; Джордан, впрочем, не останавливается на социальном смысле германской инфляции, поведшей за собой ограбление широких масс трудящихся в пользу монополистического капитала. — *Прим. ред.*

² *Dawes, C., Journal, p. 77. Ср. Bonn, M., Der neue Plan, p. 8—10; «Department of Overseas Trade: Report on the Economic and Financial Conditions in Germany to March 1922», by Thelwall, J. W. F., p. 9—23; D'Abernon, II, p. 120.*

Лондонская схема платежей явилась дополнением к Версальскому договору, не только определив платежи Германии, но и предусмотрев использование германских доходов в уплату репараций и учреждение первоначального надзора за германскими финансами. Для исчисления репарационных платежей от Германии потребовали представить сведения обо всех важнейших импортных и экспортных пошлинах вместе с поступлением двадцатипятипроцентного налога на весь ценностный объём германского экспорта¹. Для наблюдения за распределением этих доходов был создан Гарантийный комитет. На комитет было возложено также обеспечение выполнения статей 241 и 248 Версальского договора, т. е. наблюдение за приоритетом уплаты репараций из германских доходов и за германским законодательством, направленным на выполнение статей договора, касающихся репараций. К возмущению французов, этот комитет продолжал оставаться в Париже и только изредка выезжал в Берлин в целях установления более тесных связей с германским правительством, когда возникали проблемы, требовавшие особого внимания².

В мае 1922 г. этот ограниченный контроль над германскими финансами был распространён на весь германский бюджет. Это распространение контроля было выставлено Репарационной комиссией в качестве условия предоставления Германии частичного моратория, о котором она просила 14 декабря 1921 г. Германскому правительству было предъявлено требование о введении новых налогов и принятии мер по сокращению расходов, об осуществлении эффективных мероприятий, предупреждающих утечку капитала; оно должно было также возобновить опубликование необходимых экономических и финансово-статистических данных. Гарантийному комитету должны были предоставляться все возможности для полного контроля над проведением всех этих реформ³.

Эти меры контроля были введены по требованию французов. Что же касается англичан, то они неохотно на них согласились. «Вопрос о гарантиях, — настаивал Лusher на Лондонской конференции (май 1921 г.), — является для Франции условием *«sine qua non»*⁴. Гарантийный комитет давал фран-

¹ В дальнейшем были допущены смягчения этих условий. См. «Rep. Comm. Report», 1920—1922, p. 152—153, и «Rep. Comm. Official Documents», III, p. 42—43, 48.

² «Rep. Comm. Official Documents», I, p. 22—24; «Rep. Comm. Report», 1920—1922, p. 149—150.

³ «Rep. Comm. Report», 1920—1922, p. 154—156, 267—277; «Rep. Comm. Official Documents», I, p. 118—144.

⁴ *Barnich, G.*, Comment faire payer l'Allemagne, p. 25.

пузам истинное удовлетворение, однако ненадолго. Сейду приветствовал его, усматривая в нём применение к Германии системы, «спасшей в своё время Египет, Турцию и Грецию от банкротства». Впрочем, достаточно было одного месяца, чтобы он разочаровался. В июне он уже заявлял, что «Гарантийный комитет не таков, как мы его себе представляли; Франция ожидала другого»¹. В декабре 1921 г. Бриан и Лушер на просьбу Германии о моратории немедленно представили планы усиления контроля; эти планы были одобрены английскими министрами на Лондонской конференции и составили основу резолюций, которые не были осуществлены лишь вследствие преждевременного роспуска Каннской конференции². Более суровый контроль, введённый Репарационной комиссией в мае 1922 г., явился результатом предложений, внесённых французской делегацией в комиссию 15 марта по требованию Пуанкаре. Стремления остальных делегаций были направлены к тому, чтобы смягчить французские требования. В 1922 г. повторилась история 1921 г. Не успели войти в силу новые мероприятия, как французское общественное мнение опять стало выражать недовольство по поводу неспособности Гарантийного комитета предотвратить финансовую разруху в Германии. По мере того как курс марки падал, мероприятия по контролю над германскими финансами получали всё более низкую оценку на французском политическом рынке, и французское правительство стало обсуждать вопрос о желательности «специальных обязательств, способных принести реальные плоды».

Французская политика «оттоманизации», несомненно, должна была рухнуть, натолкнувшись на два препятствия, одно — юридического, а другое — практического характера. В Египте, Турции и Греции хорошо разработанные системы финансовой администрации вводились при условии, что руководителями назначались иностранные эксперты. Такой порядок был неприменим к Германии³. Версальский договор не давал никакого права ни союзным правительствам, ни Репарационной комиссии вмешиваться в финансовое управление Германии. В результате этого Гарантийный комитет должен был удовлетворяться меланхолическим наблюдением за финансовыми методами Германии; он не имел возможности ни давать пред-

¹ *Seydoux, J.*, De Versailles, p. 55, 60. Cp. *Millet* в «Eur. Nouv.», Juillet 22, 1922.

² Текст в «D. D. Documents relatifs aux Réparations», I, p. 178—179; см. также «Eur. Nouv.», Janvier 21 et Février 4, 1922.

³ Ниже автор показывает, что этот порядок был всё же затем применён в Германии в соответствии с планом Дауза. — *Прим. ред.*

писания германским чиновникам, ни смещать их. Англичане стали подвергать сомнению законность далеко идущих методов вмешательства в финансовые вопросы, к которым стремились французы. В 1924 г. правильность английского понимания возникшей юридической ситуации была установлена отчётом Юридической комиссии Лондонской конференции. В этом отчёте говорилось:

1. В мирном договоре не содержится никаких указаний, предоставляющих союзным правительствам право вмешиваться в осуществление Германией своих суверенных прав в отношении методов, с помощью которых германское правительство будет получать суммы, необходимые для уплаты репараций...

3. Репарационная комиссия не имеет права требовать от германского правительства использования тех или иных источников дохода или принятия тех или иных мер в целях сбора сумм, необходимых для погашения задолженности. Договор не даёт комиссии права диктовать Германии её внутреннее законодательство, предписывать введение и сбор налогов или определять характер германского бюджета (см. ответ союзников Германии от 16 июня 1919 г., стр. 33).

4. В соответствии со статьями договора, предусматривающими передачу определённых доходов... Германия сохраняет полную свободу в выборе средств, с помощью которых она будет получать суммы, необходимые ей для выполнения её обязательств»¹.

Политические последствия этого постановления заключались в том, что если в 1921 и 1922 гг. требование о предоставлении гарантий было предъявлено Германии на юридических основах, которые здесь нет надобности обсуждать, то принятие системы контроля по плану Дауэса явилось предметом свободного соглашения с Германией.

Независимо от этого юридического препятствия, самая польза от непосредственного вмешательства в управление германскими финансами возбуждала сомнение. Иностраный административный контроль может быть быстро сведён на-нет, если только страны-кредиторы не готовы поддерживать свои требования применением значительных вооружённых сил и если они не приступят к полной смене административного персонала. Поэтому английские колебания относительно методов контроля возникали не только из юридических соображений, но также из предвидения того, что союзники могут быть поставлены перед необходимостью взять на себя прямую ответ-

¹ «Cmd. 2270», p. 132.

ственность за ведение внутренних дел Германии без того, чтобы это компенсировалось возросшими платежами. Англичане твёрдо придерживались того убеждения, что регулярные платежи могут быть обеспечены только честным сотрудничеством Германии в этом деле и что подобное сотрудничество может быть достигнуто лишь после того, как бремя репараций будет сведено до уровня германской платёжеспособности.

Однако подобный взгляд не приводил англичан к заключению о том, что меры контроля во всех случаях бесполезны. Хотя первоначально контроль и возбуждал в англичанах отвращение, необходимость подобных мероприятий была, правда постепенно, но в конце концов всё же признана полностью. Было установлено, что контроль может иметь практическое значение в качестве символа, выражающего готовность союзников прибегнуть к карательным мерам, если Германия не обнаружит стремления к сотрудничеству после того, как ей будут предъявлены обязательства, отвечающие её возможностям. Такие взгляды привели к выработке плана контроля, представленного Бонар Лоу на Парижской конференции 1923 г. В нём предусматривалось создание иностранного финансового совета, имеющего право предписывать общие линии германской финансовой политики, не вмешиваясь в детали управления, и применять принудительные меры в тех случаях, если Германия сознательно воспротивится стабилизации своей валюты или сознательно будет уклоняться от умеренных платежей после предоставления ей четырёхлетнего льготного периода восстановления.

Длительная дискуссия в 1921—1923 гг. о контроле над германскими финансами закончилась созданием сети контрольных органов, которые действовали в Германии с 1924 по 1930 г. в качестве одного из элементов плана Дауэса. По этому плану были выделены специальные доходы, предназначенные для оплаты репараций. Это были так называемые «подконтрольные доходы», выделенные из германского бюджета, — пошлины и акцизные сборы со спирта, табака, пива и сахара, специальный транспортный налог, до тех пор не взимавшийся, проценты и амортизация с 16 млрд. марок железнодорожных и промышленных облигаций. Система контроля была предназначена для наблюдения за периодической уплатой репарационных сумм из перечисленных источников. В целях обеспечения стабильности марки Рейхсбанк был реорганизован в отдельный институт, независимый от государства и получивший монопольное право выпуска банкнот. Управление банком оставалось всецело в германских руках, хотя и было подчинено

верховному наблюдению Генерального совета, состоявшего наполовину из иностранцев. В целях повышения доходности германских железных дорог управление ими было изъято из ведения правительства и передано новой акционерной компании. В её правлении было семь иностранцев. Одному из них — уполномоченному по германским железным дорогам — было предоставлено специальное право наблюдения за управлением железными дорогами. В целях наблюдения за регулярным поступлением сумм, получаемых с железнодорожных и промышленных акций, были назначены два уполномоченных: один по железнодорожным акциям и другой — по акциям промышленным. Ещё один уполномоченный занимался общим наблюдением над поступлением подконтрольных доходов. Покупка иностранной валюты для выплаты репараций была изъята из ведения германского правительства. Она была поручена Трансфертной комиссии, на которую, таким образом, легла значительная доля ответственности по поддержанию устойчивости на германской бирже. Координация действий всей этой организации и система контроля была поручена Генеральному агенту по репарациям.

Этот общий набросок контроля, введённого согласно плану Дауэса, может легко создать преувеличенное представление о степени вмешательства в административную жизнь Германии. Поэтому необходимо остановиться на его пределах. В отношении бюджета вмешательство не шло дальше выделения некоторых доходов в целях уплаты репараций. Во всех остальных отношениях Германии была предоставлена свобода в смысле сбора налогов и расходов. Больше того, до тех пор пока платежи по репарациям вносились аккуратно в срок, контроль сводился лишь к общему наблюдению за соответствующими областями германской административной и экономической жизни, и не имелся в виду контроль в смысле отдачи распоряжений. Права уполномоченных должны были быть расширены за пределы этой ограниченной системы контроля только в случае неаккуратного поступления репарационных платежей. Различный национальный состав представителей союзников, а больше всего назначение американца на пост генерального уполномоченного обеспечивали то, что контроль не будет использован в политических интересах какой-либо одной страны. Здесь уместно добавить, что, по мнению вполне авторитетных лиц, все эти мероприятия с финансовой точки зрения представляли собой только внушительный фасад, за которым отсутствовало содержание. «Контроль мог быть неприятен германскому народу и германскому

правительству и даже помешать его деятельности, — заявлял сэр Эндрю Макфейден, — но он не мог дать денег»¹.

Французы приветствовали установление контроля, введённого Комитетом Дауэса, как оправдание их позиции. В этом отношении сделанные комитетом рекомендации можно приписать как политическим, так и экономическим соображениям. Во-первых, они служили ответом на вопрос, как побудить Францию отказаться от того насильственного подчинения германской экономики, которое Франция могла осуществить благодаря оккупации Рура. Не последними ценными качествами генерала Дауэса был его политический реализм и его внимание к эмоциям французов. В его дневнике записано его собственное решение проблемы: «Ясно, что мы должны признать принципы гарантий, для того чтобы разрешить проблему Рура в интересах восстановления экономики Германии»². Второе политическое преимущество контроля было подчёркнуто в самом докладе Комитета Дауэса: Германия освободится от главного источника внутренних политических противоречий, если выплата репараций перестанет зависеть от постоянной перемены правительственных решений. В-третьих, контроль покончит с проблемой определения суммы, которая была бы по силам Германии и одновременно удовлетворяла бы Францию и Англию. Эксперты отказались от разрешения этой проблемы и предложили в качестве практического выхода возложить ответственность за перевод германских платежей в иностранную валюту на союзное учреждение, которое было бы частью контрольной организации.

Доклад Комитета Дауэса отстаивал концепцию контроля, как таковую, но осуждал ту форму гарантий, которую избрал Пуанкаре с июля 1922 г., форму, весьма далёкую от наблюдения за германскими финансами. На Лондонской конференции в августе 1922 г. Пуанкаре отказался предоставить Германии частичный мораторий по репарационным платежам до тех пор, пока в качестве условия моратория не будут обеспечены особые и эффективные гарантии союзников. На позднейших конференциях — в Лондоне и Париже, — где Германия потребовала от союзников полного моратория, Пуанкаре не захотел отказаться от этой политики. Проведение её привело Францию к безрассудной оккупации Рура. Действие «продуктивных залогов» могло начаться только после прекращения пассивного сопротивления. Два вопроса выделены нами здесь для рассмотрения: во-первых, что имел в виду Пуанкаре под

¹ *McFadyean, A., Reparation Reviewed, p. 79.*

² *Dawes, C., Journal, p. 82 (February 8, 1924).*

«продуктивными залогами»? Во-вторых, почему он их потребовал?

Продуктивные залоги предусматривали контроль союзников над рядом немецких предприятий и административных учреждений с целью использовать их деятельность и продукцию для обеспечения выплаты репараций. В августе 1922 г. минимальным требованием Пуанкаре была передача государственных шахт в Руре и лесов на оккупированных территориях в ведение союзных чиновников, которые бы имели право распоряжаться добычей угля и лесоматериалами и увольнять немецкий административный персонал. На Парижской конференции 2—4 января 1923 г. минимальные требования Пуанкаре были уже менее скромными; он дополнительно предложил установить налог на германский экспорт и конфисковать таможенные сборы и доходы от налогов на уголь в Рейнской области и в Руре. Без согласия англичан 11 января 1923 г. в Рур была послана франко-бельгийская техническая комиссия¹ для контроля над угольным синдикатом и «принятия всех мер, необходимых для обеспечения выплаты репараций». Туда же было послано 10 тысяч солдат, что сделало всё это мероприятие мало чем отличающимся от военной оккупации.

Всеобщая стачка и рабочих и нанимателей в знак протеста против этой комиссии подорвала в корне «продуктивные залоги». Оккупационные власти постарались найти компенсацию в захвате промышленных запасов, а также таможенных и акцизных сборов. Неоккупированная Германия была отделена таможенной границей от оккупированной территории, и франко-бельгийская администрация взяла в свои руки железные дороги Рейнской области и Рура. Всё это, однако, было только карательной мерой, если не считать управления железными дорогами, которое считалось средством обеспечения безопасности Франции².

Только после прекращения пассивного сопротивления, 27 сентября 1923 г., стала возможной организация «продуктивных залогов». Были подписаны соглашения с различными отраслями германской промышленности в Рейнской области и в Руре, согласно которым они должны были предоставлять неоплачиваемые поставки. Ярким примером таких соглашений является соглашение об угле. Углепромышленники согласились предоставлять уголь и кокс в соответствии с репарационными требованиями, погасить задолженность по угольным налогам, достигающую 15 миллионов долларов, и выплачивать

¹ «Mission interalliée de contrôle des usines et des mines» (MICUM).

² См. стр. 235—236.

этот налог в будущем в размере не более $2 \frac{2}{3}$ золотых марок с тонны. В основном это бремя легло на рабочих путём удлинения рабочего дня и снижения заработной платы. Результатом таких соглашений было превращение Рейнской области и Рура «в репарационную провинцию», где Франция и Бельгия извлекали из частной германской промышленности те платежи, которые им было обьязано производить правительство всего германского государства¹. С целью покончить с подобными соглашениями и добиться снятия таможенных барьеров между оккупированной и неоккупированной Германией эксперты Дауэса настаивали на восстановлении экономической целостности Германии, как на непременном условии введения в действие их плана. В соответствии с этим «продуктивные залого» были ликвидированы осенью 1924 г.²

Трудно объяснить на основании одного какого-либо мотива, почему Пуанкаре настаивал на «продуктивных залогах». Исторiku следует внимательно изучить различные мотивировки, выдвигавшиеся Пуанкаре в разное время. В августе 1922 г. он указывал на необходимость обеспечить бесперебойность поставок угля и лесоматериалов. Тем не менее, он отверг прекрасную гарантию этого, предложенную германским правительством, — залог в сумме 50 миллионов золотых марок в иностранных ценностях на покрытие возможной неустойки. В конце года, когда обсуждался вопрос о всеобщем моратории, включая и товарные поставки, Пуанкаре потребовал более широких гарантий. Бонар Лоу резонно возразил ему, что требования Франции свели бы на-нет мораторий и создали бы непреодолимые препятствия к восстановлению германского кредита.

Таким образом, приходится сделать заключение, что если накануне оккупации Рура невозможно было согласовать политику Англии и Франции, то причиной этого было противоречие в их основных целях. Для Англии главной целью было экономическое возрождение Германии и стабилизация её валюты; необходимым условием был длительный мораторий. Между тем Франция боялась, что в конце моратория она, ослабленная затратами на восстановление разорённых районов, может оказаться лицом к лицу с процветающей и воинственной Германией, менее склонной платить, чем когда бы то ни было. Настояния Пуанкаре на «продуктивных залогах» вернее всего объясняются стремлением получить для Франции залог того, что

¹ *Toynbee, Survey, 1924, p. 300.*

² О соглашениях М. I. C. U. M. см. «Department of Overseas Trade; Report on Economic Conditions in Germany to April 1924», p. 118—129; *Toynbee, Survey, 1924, p. 287—300; Stresemann, I, p. 135—136, 152, 173—175, 196—197, 258—259, 273.*

репарационные платежи возобновятся, когда Германия снова окажется в состоянии их платить. В первую очередь Пуанкаре нужна была гарантия против заговора германских промышленников, которые, по мнению Пуанкаре и многих французов, стремились уклониться от выполнения законных требований Франции. Но ему нужна была также гарантия против опасности, что в конце моратория Англия может попытаться помешать Франции получить то, что ей причитается с Германии, в случае если последняя не будет склонна платить без угрозы оружием.

Более того, не приходится сомневаться в том, что Пуанкаре, несмотря на его заверения в обратном, стремился замедлить, а не ускорить экономическое восстановление Германии, будучи убежден, что оно опасно для его собственной страны. Англия, писал он, «не думает о будущем; она не считается с поистине ужасной опасностью, которая грозит не только Франции и Бельгии, но также Англии и всей Европе. Это — экономическая гегемония, которая обнаружится внезапно и которая даст Германии всё то, что она рассчитывала получить от войны в случае, если бы она её выиграла. Не рискуя нашей независимостью, мы не можем разделять взгляды английского правительства»¹.

Вопросу о гарантиях мы уделили так много внимания по двум причинам: во-первых, потому что до сих пор с ним мало считались, как с фактором затяжных противоречий по вопросу о репарациях. Это противоречие станет более понятным, если сделать соответствующее ударение на гарантиях, как на одной из жизненно важных проблем, по которой не было согласия между Англией и Францией, медленно находившими путь к соглашению по этому вопросу. И, во-вторых, последовательные эксперименты с различными формами гарантий и дискуссии, которые возникали в связи с этим, весьма интересны для рассмотрения общей проблемы иностранного вмешательства в финансовую, административную и экономическую жизнь современного государства.

¹ Пуанкаре Сент-Олеру, см. «D.D. Documents relatifs aux notes allemandes de 2 mai et 5 juin sur les réparations» (Paris 1923), p. 52. Ср. «Economist», January 6, 1923 (французский корреспондент): «На заявление англичан, что Германии следует дать возможность снова стать на ноги, средний француз возражает так: «Нет никаких оснований к этому, ибо Германия наверняка использует свои укрепившиеся силы только для того, чтобы вновь стать военной и экономической угрозой для всех остальных стран мира. Разумеется, это мнение не из тех, которые будут распространяться с амвона...»

НА ПУТЯХ К РАЗОРУЖЕНИЮ

I. КАК РАЗРАБАТЫВАЛИСЬ СТАТЬИ
О РАЗОРУЖЕНИИ

Разоружение Германии было одним из первых вопросов, которые обсуждались на мирной конференции. Этот вопрос выдвинул Ллойд Джордж. Быстрое разоружение Германии представлялось ему в январе 1919 г. неотложной политической проблемой. Её срочность была своего рода наказанием для него за согласие, данное им на условия перемирия, предложенные Фошем. Фош не считал целесообразным настаивать на таком разоружении и демобилизации германской армии, каких желали генерал Блисс и военные советники Верховного военного совета. В первые два месяца 1919 г. руководящие деятели союзных держав почувствовали, что германская армия всё ещё является силой, с которой следует считаться. И всё же Ллойд Джордж, видимо предвидя заключение предварительного мира в течение ближайших недель, возбудил в английском общественном мнении надежды на скорую демобилизацию британских вооружённых сил. Но демобилизация британских сил в то время, как Германия оставалась достаточно сильной, чтобы возобновить борьбу, могла бы привести к тяжёлому бедствию. Поэтому, чтобы сделать возможной английскую демобилизацию, Ллойд Джордж настаивал на немедленном разоружении Германии.

Единственным непосредственным результатом этого было выявление реальных трудностей такого разоружения. Для исследования этого вопроса были назначены один за другим два комитета. Первый, руководимый Лушером, сделал доклад 7 февраля; второй, состоявший из Лансинга, Мильнера и Тардье, — 8 февраля. Трудность была в том, что союзники не знали точно, каким количеством военных материалов располагает противник. Поэтому они не могли установить, что должна сдать им Германия для того, чтобы быть разоружённой до намеченного уровня. Они могли только потребовать, чтобы Германия сдала все материалы свыше определённой нормы.

Однако Вильсон настаивал на том, чтобы потребовать от Германии сдачи определённого количества материалов. Только после этого Германия сможет получить продовольствие. Вильсон опасался, что неопределённое требование сдачи всех материалов свыше установленного контингента поведёт к бесконечным спорам о том, не оставила ли себе Германия чего-либо сверх этого. Была и другая трудность: как предотвратить пополнение военных запасов дальнейшим производством вооружений в Германии? Комитет Лусера выдвинул два предложения: военная оккупация Рура или контроль специальных союзных комиссий над всеми важнейшими военными заводами Германии. Каждое из этих предложений сделало бы условия перемирия более суровыми, что Вильсон считал неоправданным. По его мнению, немцы могли отказаться от новых условий, и тогда война бы возобновилась. В конце концов было решено, что в связи с предстоящим возобновлением перемирия следует запросить у Германии информацию о количестве военных материалов, которыми она располагает. Это требование было предъявлено, но никакого ответа, повидимому, на него не последовало ¹.

Несколькими днями позже вновь возникла идея немедленного разоружения Германии, но на этот раз уже в ином освещении. 10 февраля Клоц и Бальфур указывали, что Германия не выполняет финансовых и военно-морских условий перемирия. Был назначен комитет для изыскания методов принуждения Германии. Его доклад от 12 февраля был не очень обнадеживающим. Экономические советники объяснили, что можно было бы применить блокаду, но рекомендовали не предпринимать такого шага, если только не возникнет «решительного раскола по важнейшим пунктам соглашения о перемирии». Военные эксперты советовали, чтобы союзники в качестве условия возобновления перемирия потребовали ограничения германской армии. Если Германия откажется, военные действия будут возобновлены. Таким образом, опять возникла угроза продолжения войны, для того чтобы сделать условия перемирия более суровыми.

Комитет, однако, предложил выход из тупика: военно-морские и военные условия мира следовало разработать немедленно и заставить противника их принять. Морское командование и в особенности первый морской лорд адмирал Уимисс в течение некоторого времени настаивали на этом предложении;

¹ *Miller*, XIV, p. 236—273, 279—285; *Nudant, gen.*, A Spa: L'Armistice, 1918—1919, «Revue de France», Mars—Avril 1925, p. 293.

эти власти стремились освободить военно-морской флот отременительной задачи поддерживать блокаду. Рекомендации относительно условий мира на море были представлены Совету десяти уже 8 февраля. «Адмиралы точно знают, чего они хотят и что они могут получить, — сказал Уимисс и затем добавил: — адмиралы союзников пришли к выводу, что они сейчас же могут установить, каково должно быть положение германского флота в мирное время».

В тот день ни Вильсон, ни Бальфур не отнеслись ещё сочувственно к этому предложению. «Нельзя, — возразил Вильсон, — заранее определять условия мира при возобновлении перемирия». Однако 12 числа Вильсон горячо приветствовал то же предложение, выдвинутое Комитетом по осуществлению условий перемирия, ибо оно представляло собой выход из затруднительного положения. Вильсон сказал, что не может согласиться на возобновление военных действий только из-за того, что немцы отказались выполнить некоторые мелкие статьи перемирия; однако для того, чтобы заставить противника выполнять окончательные военные и морские условия, он готов использовать всю мощь американской армии. Бальфур охотно согласился. Клемансо вначале не хотел на это идти, но затем присоединился к другим. Итак, 12 февраля было решено назначить новый комитет для разработки окончательных морских, военных и авиационных условий мира ¹.

Комитет, назначенный для разработки военных условий, включал людей весьма достойных, в том числе Фоша и сэра Генри Вильсона, начальника генерального штаба. Их рекомендации были представлены Совету десяти 3 марта; однако обсуждение было отложено до 6 марта, и к этому времени Ллойд Джордж возвратился из Англии. Он немедленно решил, что рекомендации комитета Фоша вызывают серьёзные возражения в одном отношении: согласно этим рекомендациям сохраняется система воинской повинности в Германии; Ллойд Джордж настаивал на её устранении. Резкий спор возник между Фошем и английским премьер-министром по вопросу о методе набора в германскую армию. Клемансо в заключение дискуссии заметил, что «окончательно решить этот вопрос — обязанность руководителей правительств». Вопрос действительно и был урегулирован на следующее утро на частном совещании между Ллойд Джорджем, Клемансо и Хаузом. После полудня военным экспертам были даны инструкции разработать проект

¹ *Miller*, XIV, p. 285—287, 301—310, 334—343, 352—355, 374—381; *Wemyss*, *Life and Letters*, p. 416—418.

вербовки в германскую армию на добровольной основе. Пересмотренный проект был представлен Совету десяти 10 марта. Хотя Фош и добился сокращения германской армии до 100 тысяч человек, он и присутствовавшие французские генералы были вне себя от ярости. Клемансо в качестве председателя прекратил дальнейшие дискуссии замечанием, что он может лишь удовлетворить генералов тем, что зафиксирует их протест. Затем он закрыл заседание ¹.

К 12 марта военные, морские и авиационные условия были переданы редакционной комиссии. Когда Вильсон возвратился из Америки, в пятницу 14 марта, он обнаружил, что работа по составлению условий разоружения была уже почти закончена. Это соответствовало желанию, которое он выразил накануне отъезда из Европы. Совет десяти решил в субботу пополуночи полностью закончить разработку условий разоружения. Совет собрался при участии всех военных и морских экспертов в 3 часа пополуночи. К возмущению всех его коллег, Вильсон не присутствовал на заседании; однако он направил Совету послание, настаивая на том, чтобы обсуждение было отложено, поскольку у него не было времени просмотреть проект. Таким образом, совещание не состоялось до 17 марта. Говорили, что Вильсон перед совещанием сообщил о своём намерении оспаривать самый принцип ликвидации воинской повинности. Более вероятно, что он под влиянием генерала Блисса был серьёзно озабочен небольшой численностью предполагаемой германской армии, ибо это было единственным общим вопросом, поднятым им во время заседания, на котором в основном обсуждались детали. Жюль Камбон заявил: «Ни об одной из статей, представлявших какие бы то ни было трудности, на заседании не было и речи. Поэтому после трёхчасовой дискуссии мы сделали немного, но все очень устали» ².

В действительности формулировка военных, морских и авиационных условий перестала уже быть срочным вопросом. Правда, Фош всё ещё настаивал на немедленном предъявлении условий немцам. Военные соглашения, заключённые между союзниками в январе, казались ему гарантией превосходящей мощи находившихся под его командованием армий до 1 апреля,

¹ *Miller*, XV, p. 134—144, 177—184, 244—248, 287—300; *Lloyd George*, *Peace Treaties*, I, p. 285; *House*, IV, p. 369; *Palmer*, F., Bliss, p. 374—375; *Callwell*, C. E., *Sir Henry Wilson*, II, p. 173.

² *Miller*, XV, p. 299, 340—361, 367—401; *Callwell*, C. E., *Sir Henry Wilson*, II, p. 174; *Riddell*, *Intimate Diary*, p. 32; *Cambon*, J., *La Paix*, «*Revue de Paris*», Novembre, 1937, p. 21.

но не дальше этого срока. До этого срока он хотел окончательно урегулировать главные проблемы отношений с Германией¹. Однако для Ллойд Джорджа и Вильсона быстрое урегулирование вопроса о разоружении Германии не казалось уже столь существенным. В соответствии с резолюцией Бальфура от 24 февраля статьи, касавшиеся репараций и границ Германии, должны были быть вместе с военными, морскими и авиационными условиями включены в предварительный договор с Германией. В то же время решение вопроса о репарациях и западных границах Германии почти не двигалось вперёд. Во всяком случае Вильсон сомневался, совместим ли проект заключения предварительного договора с требованиями американской конституции. Для этого потребовалась бы ратификация сенатом, а сенат нельзя было торопить². Для Ллойд Джорджа положение тоже изменилось. В палате общин в условиях резкой оппозиции проходил законопроект, предусматривавший продление конскрипции до апреля 1920 г. Конскрипция ещё не должна была исчезнуть из политической жизни Англии. Иначе не была бы обеспечена военная мощь Англии; тем меньше было надобности настаивать на немедленном сокращении германской армии.

Тем не менее военные, морские и авиационные условия были в основном составлены к 17 марта. Самым роковым добавлением оказалось впоследствии введение к ним. В последний момент вновь вспомнили о Четырнадцати пунктах. Ввиду того что этот раздел договора силой обстоятельств был выдвинут на первое место в ответ на необходимость срочно разрешить проблемы перемирия, связь его с вильсоновской основой соглашения была в известной мере забыта. 26 апреля президент Вильсон заявил своим коллегам, что условия разоружения были бы «более приемлемыми для противника, если бы они были представлены как подготовка к общему ограничению вооружения всех наций». Согласие Ллойд Джорджа, несомненно, было охотно дано; он сам сделал аналогичное предложение ещё месяц назад. В своём меморандуме в Фонтенбло он настаивал на том, что только всеобщее ограничение вооружений может обеспечить длительный мир или возможность установить постоянное наблюдение за ограничением вооружений Германии. Кле-

¹ Заявление в Совете четырёх 3 марта (*Miller*, XV, p. 138—139). Его выступление в защиту немедленного заключения предварительного договора в меморандуме от 18 февраля, *Lloyd George*, *Peace Treaties*, I, p. 389.

² Заявление в Совете десяти от 17 марта (*Miller*, XV, p. 394—395).

мансо осторожно ответил Вильсону, что он хотел бы видеть текст предложенной формулировки, прежде чем дать своё согласие. До того как они договорились, Совет четырёх согласился на принятие следующего введения:

Для того чтобы сделать возможной подготовку общего ограничения вооружений всех наций, Германия обязуется строго соблюдать указанные ниже военные, морские и авиационные условия ¹. Это была мысль, пришедшая слишком поздно, и в целом мысль неудачная. Хотя на словах отдавалось должное вильсоновским целям, но вряд ли удалось даже на шаг продвинуть вперёд общее разоружение; зато в договор была включена ещё одна неточная формулировка — постоянный источник споров в последующие годы.

Нет никакого смысла рассматривать здесь более или менее подробно содержание военных, морских и авиационных условий, составляющих часть Версальского договора. Анализ их публиковался часто ², а для полного понимания их следует обращаться к самому договору. Поэтому мы ограничимся здесь самыми краткими замечаниями. Не только была установлена численность германской армии в 100 тысяч человек, но и в мельчайших деталях была предписана её организация. Её вооружение и снаряжение было ограничено как в количестве, так и в качестве. Пользование или обладание некоторыми из наиболее опасных современных видов оружия — танками, бронемашинами, отравляющими газами — было строго-настрого запрещено. На западной границе Германия была обязана создать демилитаризованную зону. Военно-морской флот Германии был ограничен 6 линкорами, 6 лёгкими крейсерами, 12 эсминцами и 12 торпедными катерами. Все другие боевые корабли должны были быть переданы союзникам. Обладание подводными лодками было Германии запрещено. Предусматривалась ликвидация военно-воздушных сил Германии. Были установлены предельные сроки, к которым Германия должна была свести свои вооружённые силы до предписанного уровня. Наблюдение за этим было поручено межсоюзническим контрольным комиссиям.

¹ *Miller*, XIX, p. 208; *Baker*, I, p. 375.

² *Temperley*, H. V. W., History of the Paris Peace Conference, II, p. 131—136, 149—152; *Chaput*, R. C., Disarmament in British Policy, p. 56—64, 258—265.

П. КАКИМ ОБРАЗОМ ПРОВОДИЛОСЬ РАЗОРУЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ

После Великой войны разоружение Германии было единственным вопросом, в котором английская и французская политика в основном оставались единодушны. Несмотря на первоначальные сомнения в том, действительно ли германская армия оставалась достаточно мощной, английское правительство поддержало требования французов о строгом соблюдении Германией военных условий договора. Усилия немцев добиться изменения этих условий вызвали резкий отпор в булонской ноте от 22 июня 1920 г. Правительства союзников единодушно решили сохранить в неизменном виде условия договора с Германией, касающиеся её разоружения... «Они также ожидают, что германское правительство не будет более обращаться к ним с просьбами об изменении военных условий договора, поскольку подобные просьбы могут получить лишь отрицательный ответ и привести к дальнейшей и бесплодной потере времени»¹. Порядок выполнения военных условий был предусмотрен в протоколе, составленном в Спа 9 июля 1920 г., и в парижских резолюциях от 29 января 1921 г.²

На протяжении лета, осени и зимы 1921 г. постепенно проводилось разоружение Германии, и к весне 1922 г. оно приблизилось к завершению. Аэронавигационная контрольная комиссия закончила свою работу и была распущена 5 мая 1922 г. Союзники были готовы отозвать морскую комиссию летом, хотя в конечном счёте она не была распущена до 30 сентября 1924 г. 14 апреля 1922 г. и вновь 29 сентября 1922 г. правительства союзников сообщили о своей готовности отозвать военную комиссию, как только наметилось окончательное разрешение пяти наиболее важных вопросов. Поскольку в ответах немцев не было обещания удовлетворить требования, касающиеся этих пяти пунктов, союзники информировали германское правительство 17 ноября 1922 г., что военная комиссия будет продолжать функционировать до тех пор, пока не будут урегулированы эти вопросы³.

Затем последовала оккупация Рура. Пока продолжалось пассивное сопротивление, не могло быть никакого прогресса в урегулировании наиболее важных военных вопросов. Стрелка часов истории шла, казалось, в обратном направлении.

¹ «Cmd. 1325», p. 150.

² Текст протокола конференции в Спа см. «Cmd. 1325», p. 171; Парижские резолюции см. *Honnorat, A., Le Désarmement de l'Allemagne*, p. 68—74.

³ *Honnorat, A., Le Désarmement de l'Allemagne*, p. 68—74.

На протяжении 1923 г. германское правительство препятствовало инспекционным посещениям армейских корпусов и лишь позволяло посещать заводы английским и итальянским офицерам. Совет комиссии отказался санкционировать посещение заводов офицерами только этих двух стран и настаивал на возобновлении контроля в полном объёме. Это решение было поддержано Конференцией послов. Наконец, 11 ноября 1923 г. германское правительство ответило, что возобновление контроля усложнило бы внутреннее положение в Германии; правительство просило Конференцию послов «отказаться от своих требований под давлением обстоятельств». Эта просьба встретила отказ, и германское правительство с неохотой согласилось на инспекционные посещения, которые состоялись 10—12 января 1924 г. Эти посещения, полагал Штреземан, должны были быть последними¹.

Но надежды Штреземана не оправдались. В ноте от 6 марта 1924 г. союзные правительства настаивали на окончательном общем инспектировании; если бы это требование было удовлетворено, контроль, возможно, был бы впоследствии ограничен до пяти пунктов, указанных в ноте от 29 сентября 1922 г. Существовали подозрения, что в 1923 г. Германия усилила свою армию. Германское правительство воспротивилось требованию союзников об общем инспектировании германской армии и отказывалось дать своё согласие до 30 июня 1924 г. Инспектирование началось лишь 8 сентября и закончилось 25 января 1925 г. Таким образом, пропал целый год. 18 декабря 1924 г. лорд Керзон сообщил, что работа комиссии затянулась «вследствие помех, постоянно и настойчиво чинимых немцами». Через десять дней Конференция послов решила отложить эвакуацию Кёльнской зоны.

Отчёт Контрольной комиссии в конце концов был представлен 17 февраля 1925 г. Лишь 4 июня нота союзников о результатах инспектирования была представлена Германии. В ней содержались тяжёлые обвинения. В ноте имелся детальный список мер, которые должны быть приняты Германией по тем пунктам, по которым Германия до сих пор не удовлетворила предъявленных к ней требований. Союзники давали заверения в том, что когда перечисленные нарушения договора будут устранены в предложенном ими порядке, Кёльнская зона будет эвакуирована и Военная комиссия отозвана. Ответ германского правительства был получен лишь 23 октября, через

¹ *Nollet, gen. C. N. E., Une Expérience de désarmement, p. 146—153; Honnorat, A., Le Désarmement de l'Allemagne, p. 75—88. Stresemann, I, p. 257, 294.*

неделю после окончания Локарнской конференции (5—16 октября 1925 г.). В нём сообщалось, в какой мере требования союзников были выполнены или будут вскоре выполнены. Было выставлено пять вопросов, представлявших особые затруднения и требовавших дальнейшего обсуждения. К ним относятся:

1. Организация полиции.
2. Верховное командование.
3. Запрещение обучения пользоваться некоторыми видами оружия.
4. Артиллерийское вооружение Кёнигсбергской крепости.
5. Военные союзы.

Ответ союзников был послан с необычной быстротой. 6 ноября Конференция послдов предложила германскому правительству представить предложения, касающиеся урегулирования этих особо трудных вопросов. Союзные правительства были бы счастливы, добавляли послы, если бы ответ Германии носил такой характер, который дал бы им возможность наметить начало эвакуации Кёльнской зоны на 1 декабря. Нота Германии от 23 октября и ответ союзников от 6 ноября были, по существу, согласованы между Штреземаном, Брианом и Чемберленом в Локарно¹. Хотя ответ Германии немногим отличался от повторения точки зрения немцев на пять наиболее важных вопросов, Конференция послдов имела возможность заявить 16 ноября, что по всё ещё спорным пунктам с Германией достигнуто полное соглашение и что эвакуация Кёльнской зоны начнётся 1 декабря 1925 г. 1 января 1926 г. было дополнительно сообщено, что штат Военной комиссии будет сокращён и что её местные органы, за исключением отделений в Мюнхене и Кёнигсберге, будут распущены.

Несмотря на такой прогресс, Военная комиссия существовала ещё один год. В конце января 1926 г. комиссия сообщила, что не достигнуто никаких успехов в урегулировании тех пяти особо трудных пунктов, которые были перечислены в ноте Германии от 23 октября 1925 г. В течение лета и осени происходили переговоры между комиссией и немецкими военными экспертами. 24 ноября 1926 г. Штреземан доказывал английскому послу, что «вся политика взаимопонимания между союзниками и Германией будет поставлена на карту, если с вопросом о военном контроле не будет покончено». Посол заверил его в том, что английский министр иностранных дел уже рекомендовал Франции и Италии отозвать комиссию². В действитель-

¹ *Stresemann*, II, p. 187.

² *Ibid.*, II, p. 59, 69.

ности Бриан придавал мало значения ещё не урегулированным пунктам за исключением одного — проблемы военных союзов. Основа соглашения была заложена в переговорах между локкарнскими державами, состоявшихся 5—11 декабря в Женеве, и 31 января 1927 г. Военная комиссия была отозвана.

III. ОБЩЕЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ

История переговоров об общем ограничении вооружений слишком часто уже излагалась и в общих своих чертах и в деталях, поэтому нет надобности повторять её здесь. Тем не менее, возможно, стоит напомнить о конференциях и комиссиях, созданных для разрешения вопросов, о которых будет упоминаться в последующих главах.

Изучение проблемы вначале было поручено Советом Лиги двум органам:

1. Постоянная консультативная комиссия, созданная 17 мая 1920 г. и составленная из военных, морских и авиационных экспертов. В 1926 г., включив в свой состав представителей Германии и Соединённых Штатов, она работала под названием Подкомиссии А Подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Её главной работой был доклад Подкомиссии А, который представляет собой исчерпывающий отчёт экспертов по вопросу об общем разоружении.

2. Временная смешанная комиссия, созданная 25 февраля 1921 г., в состав которой входили как гражданские, так и военные представители. В результате её заседаний, которые были посвящены проблеме безопасности, в сентябре 1923 г. возник проект Договора о взаимной помощи.

Сосредоточение внимания на проблеме безопасности привело к тому, что вопрос об общем разоружении оказался в 1924—1925 гг. в тени.

Возобновление дискуссий началось 12 декабря 1925 г., с момента создания нового органа — Подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Было шесть сессий комиссии. На последней сессии, длившейся с 6 ноября по 9 декабря 1933 г., она закончила разработку проекта методов ограничения вооружений и тем выполнила свою задачу.

Международная конференция по разоружению открылась 2 февраля 1932 г. Англо-французские переговоры во время этой конференции и накануне её будут рассмотрены в последующих двух главах.

Г Л А В А X I I

ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ

В 1919 г. предполагалось, что разоружение Германии основано на принципе, предусмотренном в статье 160 Версальского договора, а именно, что германская армия должна существовать исключительно «для поддержания порядка на своей территории и для наблюдения за безопасностью границ». Автором этого принципа был Вильсон. Его Четырнадцать пунктов призывали к уменьшению национального вооружения «до предельного уровня, совместимого с государственной безопасностью». Прибыв в Европу, президент Вильсон охотно согласился с тем, чтобы запутанные проблемы всеобщего разоружения не разрешались на самой мирной конференции и чтобы Германия первая подверглась разоружению. 12 февраля 1919 г. Вильсон указывал в Совете десяти, что, поскольку в данное время не приходится ожидать от Германии, что она сможет участвовать в Лиге наций, нужно принимать в расчёт только «численность вооружённых сил, потребных Германии для поддержания внутреннего порядка и подавления большевизма». В связи с этим комиссия Фоша основывала свои рекомендации на предположении, что германская армия не должна иметь «иных функций помимо поддержания внутреннего порядка и, в случае необходимости, осуществления полицейского контроля над границами»¹. Что подразумевалось под «полицейским контролем над границами», не было уточнено.

Хотя руководящий принцип был таким образом установлен, однако характер германской армии в действительности диктовался совсем иными соображениями: её состав определялся английским предубеждением против воинской повинности, а её размеры — страхом французов перед регулярной германской армией. Фош предложил, чтобы германская армия состоя-

¹ *Lloyd George, Peace Treaties, I, p. 187; Borden, H., Robert Laird Borden, II, p. 889; Miller, XIV, p. 375; XV, p. 199.*

ла из 200 тысяч человек с одногодичным периодом военной службы. Солдаты должны были набираться путём рекрутского набора. Фоша иногда обвиняют в том, что он пытался сохранить в Германии воинскую повинность, опасаясь, что её ликвидация в Германии явилась бы прецедентом для такой же ликвидации во Франции. Это, безусловно, неверное представление. Краткосрочная военная служба требовала какой-то формы воинской повинности, ибо Германия не могла набирать 200 тысяч солдат ежегодно в качестве добровольцев. Фош был готов разрешить Германии создать свою армию в соответствии с любой избранной ею системой при условии, что солдаты будут служить только один год. Он выступал за краткосрочную службу, потому что опасался, что армия с длительным сроком службы, являющаяся естественным следствием принципа добровольности, может создать кадры, способные развернуться затем в крупные вооружённые силы.

Оппозиция Ллойд Джорджа плану Фоша вытекала в первую очередь из его отрицательного отношения к воинской повинности. В своих предвыборных речах он обязался добиться отмены её во всех странах. В представлении англичанина воинская повинность является движущей силой милитаризма. Её ненавидели как нарушение индивидуальных прав, и осуждали как угрозу миру, так как в ней видели принципы вооружённого народа. Точно так же она не удовлетворяла требованиям имперской обороны; Великобритании нужна была армия, готовая к службе за морем, следовательно — армия профессиональная. Вряд ли необходимо подчёркивать совершенно отличное отношение к воинской повинности, господствовавшее во Франции. Наследие революции, воинская повинность в течение долгого времени получала одобрение как демократический институт. Великий социалистический лидер Жорес, убийство которого в 1914 г. было, пожалуй, ещё большей потерей для Европы, чем даже для самой Франции, считал самой подходящей формой военной организации во Франции армию граждан, созданную по образцу швейцарской милиции и обеспечивающую периодическую военную подготовку для всех граждан, начиная с подростков и кончая людьми среднего возраста. Чем больший сдвиг влево наблюдался во Франции, тем упорнее цеплялась Франция за такую именно форму организации армии. Различие между английскими и французскими взглядами определялось различием в географическом положении, создаваемом Ламаншем. Как заметил бельгийский социалист Луи де Брукер в подготовительной комиссии в 1927 г., «история показывает нам совершенно ясно, что демократии, подвергавшиеся вторжению, всегда имели воинскую повинность,

тогда как демократические государства, более счастливо расположенные и не нуждавшиеся, таким образом, в армиях, иначе как для защиты отдалённых интересов, никогда воинской повинности не имели»¹.

Однако Ллойд Джордж оспаривал предложения Фоша, исходя не только из политических, но также и из военных соображений. Он настаивал на том, что ежегодный набор 200 тысяч человек позволит Германии создать огромные резервы. Офицеры, накопившие опыт на войне, будут находиться в распоряжении государства в течение 25 лет. Они всегда будут готовы к борьбе во имя реванша при первом удобном случае. Ему «было бы крайне жаль оставить Францию после подписания мира перед лицом угрозы из-за Рейна»². Действительно, доводы Ллойда Джорджа не были лишены убедительности с военной точки зрения.

Решение отменить в Германии воинскую повинность имело своим следствием значительное уменьшение размеров германской армии. Фош предлагал создать армию в 200 тысяч человек со сроком службы в 1 год, при наличии 9 тысяч офицеров, служащих 25 лет. Ллойд Джордж утром 7 марта предложил допустить увеличение численности армии до 250 тысяч человек всех рангов, со сроком службы в 12 лет, однако, по настоянию Клемансо, он согласился на уменьшение этой цифры до 200 тысяч. Три дня спустя военные эксперты рекомендовали дальнейшее уменьшение численности армии до 140 тысяч человек. По их мнению, постоянная армия таких размеров будет равноценна 200 тысячам человек, служащих по 1 году, поскольку в армии с коротким сроком службы значительная часть личного состава будет постоянно проходить обучение, тогда как в профессиональной армии все солдаты будут полностью обучены. Фош потребовал дальнейшего уменьшения численности армии до 100 тысяч человек. В этом пункте его поддержал Клемансо. Ллойд Джордж и Лансинг согласились с ними, несмотря на оппозицию сэра Генри Вильсона и генерала Блисса. Если Франция энергично настаивает на этом, заметил Ллойд Джордж, то он не считает, что английские и американские делегаты вправе возражать против её точки зрения³. Таким образом, была принята цифра в 100 тысяч человек.

Затем во время мирной конференции среди всех, за исключением французской делегации, преобладало мнение, что германская армия будет слишком малочисленна. 17 марта Вильсон

¹ «P. C. D. C.», IV, p. 50.

² *Miller*, XV, p. 180—181.

³ *Ibid.*, XV, p. 291.

потребовал заверения относительно того, что военные эксперты при установлении общей численности личного состава армии учитывали опасность извне, т. е. со стороны России. Фош дал требуемые заверения. Другие были менее доверчивы. Военные условия, по мнению сэра Генри Вильсона, были «слишком суровыми, однако французы на них настаивали, и штаффики на это согласились»¹.

Через два месяца после того как военные условия договора для Германии были сформулированы, тот же вопрос снова стал на очередь в другой связи. 15 мая обсуждению подверглись военные условия для Австрии. Военные советники рекомендовали армию в 40 тысяч человек, как необходимую для охраны внутреннего порядка и для контроля, но не для обороны границ. Клемансо запротестовал. Если Австрия с населением в 6 миллионов человек должна иметь армию в 40 тысяч человек, спрашивал он, то как может быть оправдано уменьшение численности армии до 100 тысяч человек для Германии? Вильсон вставил замечание: «Быть может, маршал Фош был прав, рекомендуя для Германии армию в 200 тысяч человек?» «Я абсолютно отказываюсь снова поднимать этот вопрос», — возразил Клемансо. Спустя ещё 8 дней генерал Блисс в пространном и красноречивом выступлении перед Советом четырёх доказывал, что в случае сокращения армий в соответствии со стандартом, принятым для Германии, в Восточной и Юго-Восточной Европе не будут обеспечены надлежащие условия сохранения порядка. «Представляется бесполезным повторять, — указывал он, — что цифра, установленная для Германии, не была основана на мнении военных экспертов... Мне никогда не приходилось слышать доводов, которые могли бы убедить меня в том, что цифра в 100 тысяч человек является сколько-нибудь обоснованной с военной точки зрения». Ллойд Джордж выразил своё согласие с генералом Блиссом. «По моему мнению, — сказал он, — немцы никогда не согласятся с этой цифрой»².

Несмотря на эти опасения, германская делегация не протестовала, когда ей были представлены условия мира. Однако 20 апреля 1920 г. германское правительство просило согласия союзников на сохранение постоянной армии в 200 тысяч

¹ *Callwell, C. E.*, *Sir Henry Wilson*, II, p. 174.

² *Aldrovandi, L.* *Guerra Diplomatica*, p. 343—352, 395—399. 4 июня было решено, что Австрия должна иметь армию в 30 тысяч человек. По поводу этого заседания и по поводу дальнейшей дискуссии по вопросу о малых государствах см. *Aldrovandi, L.*, *Le ultime sedute dei Quattro* в «*Nuova Antologia*», May I 1937, p. 95 et seq. См. также *Baker*, I, p. 400—407.

человек. Под этой вывеской генерал фон Сект намеревался сохранить структуру старой армии со всеми её возможностями развёртывания и мобилизации. Это требование было безоговорочно отвергнуто союзниками в булонской ноте от 22 июня 1920 г.¹

Эти дискуссии вращались как вокруг политической, так и военной проблемы. Политическая проблема заключалась в том, каким образом помешать росту военного влияния в политической жизни Германии, военная — в том, какой тип германской армии окажется менее опасен для соседних государств: армия ли, основанная на принципе краткосрочной службы, или армия, основанная на длительном сроке службы. Союзникам не удалось удовлетворительно разрешить ни той, ни другой проблемы.

Противники воинской повинности упустили из виду опасность укрепления в Германии (в результате создания профессиональной армии) авторитета той самой военной касты, которая, как внушал лорд Холден английскому кабинету в 1915 г., должна «быть свергнута с пьедестала», для того, чтобы Германия никогда снова не могла вступить в борьбу за вооружённую гегемонию². Помимо того, самый характер военной организации, навязанной Германии, вызвал во Франции ужас. «Эту армию Германия превратит в подлинный алмаз», — заявил Андре Лефёвр³. Нам нет необходимости подробно останавливаться на этом пророчестве, осуществившемся благодаря фон Секту. Во время конференции по разоружению стало очевидно, что основой любого франко-германского соглашения по вопросам вооружения должно быть нечто противоположное решению от марта 1919 г., которое было инспирировано англичанами. Спустя 14 лет английский премьер-министр от себя предложил заменить германскую армию, установленную в Версале, милицией численностью в 200 тысяч человек⁴.

В задачу настоящего исследования не входит подробное рассмотрение технических затруднений, встретившихся при проведении в жизнь военных условий договора. Заслуживают внимания лишь политические вопросы, касавшиеся англо-французских отношений. В этой связи можно выделить три вопроса: во-первых, уступки, сделанные во имя охраны внут-

¹ (Cmd. 1325), p. 89—93, 150—151; *Morgan, J. H.*, *The Disarmament of Germany*, «Quarterly Review», October 1924.

² *Mauve, F.*, Haldane, II, p. 15.

³ «Siambre: Débats», Décembre 24, 1920, p. 708.

⁴ См. стр. 191.

ренного порядка в Германии; во-вторых, проблему контроля; в-третьих, продолжительность одностороннего разоружения Германии.

В 1920 г. и в последующие годы германское правительство неоднократно жаловалось, что договор оставил в распоряжении правительства недостаточные силы для подавления революционных движений. Эта жалоба была выдвинута в марте 1920 г. для того, чтобы оправдать организацию гражданской гвардии (отряды самообороны, «эйнвонервер»), в апреле 1920 г. для того, чтобы оправдать сохранение армии в 200 тысяч человек, вооружённой тяжёлой артиллерией и, временно, военными самолётами; а в последующие годы для того, чтобы оправдать сохранение специальных полицейских сил, расквартированных в казармах под централизованным контролем. Уступки были сделаны союзниками только в отношении полиции.

Договор предусматривал, что германская полиция должна превышать численность полиции 1913 г. только в соответствии с приростом населения. Однако в 1919 г. германское правительство в дополнение к старым полицейским силам, т. е. «полиции порядка» («орднунгсполицей»), находившейся под контролем местных властей, создало новую полицейскую силу — «полицию безопасности» («зихерхейтсполицей»), находившуюся под государственным контролем. Эта «полиция безопасности», насчитывавшая 60 тысяч человек, была хорошо вооружена и представляла собой, по существу, воинскую силу. В июле союзники потребовали её роспуска. Признавая, однако, «необходимость оставления в распоряжении германского правительства достаточных полицейских сил для обеспечения поддержания внутреннего порядка», они согласились на увеличение «полиции порядка» с 92 тысяч до 150 тысяч человек. Этим силам было разрешено иметь оружие, которым они не обладали в 1914 г., в частности тяжёлые пулемёты и автоматы. Однако союзные правительства в ряде случаев в период между 1920—1925 гг. настаивали на том, чтобы германская полиция была организована, как и в 1914 г., под местным, а не под государственным контролем. Германское правительство, привествуя увеличение численности «полиции порядка», уклонилось от выполнения требования относительно ликвидации «полиции безопасности», преобразовав её в «защитную полицию» («шццполицей»), а именно в полицейские силы военизированного характера, состоящие из подразделений, расквартированных в казармах, имеющих специальные штабы и проходящих коллективное военное обучение. В июне 1925 г. союзники отказались от требования полной ликвидации этих мощных

сил, хотя и настаивали на некоторых изменениях в их организации.

Германскому правительству было разрешено содержать в определённом числе крупных городов государственную полицию, которая до того времени была запрещена. В более крупных городах известные соединения этой государственной полиции могли быть расквартированы в воинских казармах. В 1925 г. спор между Военной комиссией и германским правительством в части, касавшейся полиции, концентрировался главным образом вокруг вопроса о численности таких полицейских сил, которые должны быть размещены в казармах. Германское правительство требовало 35 тысяч человек; Военная комиссия санкционировала только 20 тысяч человек. В ноябре 1925 г. Конференция послов согласилась на 32 тысячи человек при сроке службы в 12 лет ¹.

Ещё более серьёзным поводом для тревоги, чем германская полиция, была проблема нерегулярных воинских частей. Предшественником этих частей был «эйнвоервер» — гражданская гвардия, организованная в местном порядке, вооружённая винтовками и пулемётами, сформированная в последние месяцы 1919 г. «любящей порядок частью населения». Союзные правительства потребовали роспуска и этих отрядов. Однако проводившаяся этой организацией работа по военному обучению была продолжена многочисленными союзами, возникшими по всей Германии: «Стальным шлемом», «Вервольфом», «Орденом молодых германцев». В ноте от 24 июня 1924 г. Макдональд и Эррио выразили свою озабоченность по поводу «весьма тревожных сообщений... о непрерывной и возрастающей активности националистических и милитаристских организаций, которые более или менее открыто организуют военные силы для ускорения нового вооружённого конфликта в Европе». В Туари заявления Бриана по этому поводу вызвали следующий ответ Штреземана:

«Республика в Германии недоучла психологическую потребность народных масс. Она одета в скучный чёрный пиджак повседневной жизни. Люди желают ярких красок, радости и движения. Вот в чём успех «Стального шлема», с одной стороны, и «Рейхсбаннера» — с другой. Эти организации, быть может, представляют собой угрозу в области внутренней политики... Однако с военной точки зрения они ничего собой не представляют» ². В результате представлений, сделанных

¹ См. «Cmd. 1325», p. 153; «Cmd. 2429», p. 17—21, 43; *Toynbee*, 1920—1923, p. 104—110; *ibid.*, 1925, II, p. 190; *Roques, P.*, *Le Contrôle militaire*, p. 60.

² *Stresemann*, III, p. 21.

союзниками, германское правительство издало в феврале 1926 г. декреты, запрещавшие военное обучение в таких организациях. Одна-две небольшие организации этого типа были распущены. Однако германское правительство не имело ни желания, ни власти осуществить их общую ликвидацию.

Эти проблемы не вызывали никаких расхождений между Францией и Великобританией. Однако вряд ли можно утверждать, что обе страны относились к ним одинаково. Французы с тревогой наблюдали за расширением германских полицейских сил и за созданием военных организаций, потому что, как сказал Бриан Штреземану, «их рассматривали, как армию миллионов, которые пополнят рейхсвер, когда наступит время». Французы склонны были преувеличивать эту военную угрозу и считать, что угроза большевизма в Германии является попросту пугалом. Некоторые англичане (пусть их было и не так много) относились к опасности большевизма в Германии весьма серьёзно и склонялись в пользу уступок с целью облегчить подавление коммунизма. Английский генеральный штаб вначале склонялся в пользу того, чтобы согласиться на германское требование об армии численностью в 200 тысяч человек. Точно так же английские представители в Германии возражали против полной ликвидации «эйнвоервера». «Я считаю требование французов о полном разоружении всей гражданской гвардии и аналогичных организаций безумием», — писал лорд д'Абернон в ноябре 1920 г. «Вы подрезаете сук, на котором сидите. Французы, повидимому, не понимают, что военная угроза со стороны Германии миновала и что подлинной опасностью для Германии являются коммунистические беспорядки». Нет никаких оснований подробно останавливаться на этих заблуждениях; однако они объясняют распространённое во Франции мнение, согласно которому английские представители в Германии после войны проявляли мало внимания к интересам Франции и что англичане в общем недооценивали опасность организации резервов национальной армии, проводимой втайне¹.

Вторая и постоянная проблема разоружения Германии, если подходить к нему с точки зрения англо-французских отношений, вытекала из настойчивости французов, требовавших создания какой-то постоянной организации для контроля за германскими вооружениями. Газета «Тан» в 1919 г. выразила

¹ *Morgan, J. H.*, Disarmament of Germany, «Quarterly Review», October 1924, p. 438; *D'Abernon, I.*, p. 287; *Benedict*, Comment l'Allemagne peut désarmer, «Eur. Nouv.», Janvier 9, 1921. Cp. *Stresemann, II*, p. 185.

широко распространённую во Франции точку зрения, заявив: «Мы получим лишь временную гарантию, если не будем осуществлять постоянного контроля»¹.

В Военном комитете, наметившем военные условия мира в 1919 г., маршал Фош настаивал в своё время на создании в Германии постоянной Военной комиссии. По поводу возникших в связи с этим дискуссий почти ничего неизвестно, ибо протоколы заседаний этого комитета не публиковались. Тот факт, что предложение Фосша было отклонено из-за оппозиции американцев, ясно вытекает из письма генерала Блисса. «Это означало бы, — писал Блисс 25 февраля, — что через десять лет Соединённые Штаты могут быть вовлечены в войну из-за какого-либо пустого конфликта в Европе. Я заявил маршалу, что с его стороны было бы глупо ожидать, что я соглашусь на это, поскольку это не принесло бы пользы в случае отклонения сенатом... Сегодня он уступил, и мы пришли к соглашению по поводу проекта»². В результате проект военных условий, представленный Фосшем 3 марта, содержал лишь две весьма скромно сформулированные статьи о контроле.

Из этих двух статей главная предусматривала создание временной контрольной комиссии. Комиссия должна была существовать только до тех пор, пока это признавалось необходимым; её задачей должно было быть сокращение германской армии и её вооружения до предписанного договором уровня. Было предложено создать аналогичные комиссии контроля для военно-морского флота и авиации. Однако когда этот текст вернулся из редакционной комиссии 16 марта, он уже больше не подчёркивал временного характера контрольной комиссии, хотя никаких изменений не было допущено. В Совете десяти Бальфур выразил мнение, согласно которому контрольные комиссии должны были сохранять своё существование по крайней мере в течение некоторого времени после завершения самого процесса сокращения кадров. Вильсон возражал против этого. Для того чтобы удовлетворить пожелания американцев, статья была исправлена и приняла следующий вид: «Все пункты договора, касающиеся армии, флота и авиации... для выполнения которых установлены сроки, будут выполняться Германией под контролем межсоюзных комиссий...» Это стало статьёй 203, хотя и было неудачной импровизацией. Никакой предельный срок не предписывался для выполнения многих

¹ «Temps», Mars 19, 1919. Цит. у Noble, G. B., Policies and Opinions at Paris, p. 180.

² Palmer, F., Bliss, p. 372.

пунктов, например для отмены обязательной военной повинности. Конечно, германское правительство потребовало, чтобы такие пункты были изъяты из-под контроля. А комиссии, которые, по предложению Фоша, должны были существовать три месяца, просуществовали различные периоды времени, достигавшие семи лет. Этого наверняка не предполагали в 1919 г.¹

Но разве в 1919 г. не было стремления установить более постоянный контроль, чем тот, для осуществления которого назначались комиссии всего на несколько месяцев? Фош желал этого, да и Ллойд Джордж и Бальфур склонялись в пользу того же. 10 марта Ллойд Джордж выразил сожаление, что не намечено «никаких определённых мероприятий для продолжения контроля на протяжении 10, 20 или 30 лет». Он считал, что «надзор должен быть организован и осуществлён союзными и объединившимися державами».

17 марта Бальфур задал вопрос: «Разве не представится необходимым продолжать осуществление надзора над германской армией и её вооружениями, с тем чтобы обеспечить сохранение их на обусловленном уровне?» Он предлагал, чтобы этот надзор продолжался в течение неопределённого, но не бесконечного периода времени. Орландо выразил ту же точку зрения, но более убедительно. По его словам, необходимо точно определить, какие гарантии получают союзники относительно сохранения Германии в состоянии разоружения. «На комиссии нельзя возлагать эту обязанность, так как в результате этого Германия навсегда осталась бы под контролем таких комиссий. Он лично не возражал бы против такого рода предложения. Однако он не думает, чтобы оно было принято... Следовательно, нужно создать какой-то межсоюзный орган». Возражения были выдвинуты президентом Вильсоном. «Надзор такого характера, — заявил он, — стал бы бесконечным». Таким образом, в этот момент идея постоянного контроля была оставлена².

Однако почти немедленно Клемансо и Тардье снова подняли этот вопрос в связи с переговорами по поводу англо-американского гарантийного договора, предложенного Франции взамен оккупации Рейнской области. Для начала Клемансо и Тардье потребовали создания франко-англо-американской инспекционной комиссии в демилитаризованной зоне. Они предлагали возложить на эту комиссию обязанность сообщать не

¹ Miller, XV, p. 397; XIX, p. 243; Roques, P., Le Contrôle militaire, p. 10—11.

² Ibid. XV, p. 287—300; 395—397.

только о нарушениях режима в демилитаризованной зоне, но также об общем выполнении статей, касающихся армии, флота и авиации. В случае, если от комиссии поступят сведения о нарушении этих статей, Франция получала право занять линию Рейна и предместные укрепления. Это предложение потерпело неудачу лишь вследствие нежелания «англо-саксонцев» санкционировать какое-либо вмешательство в суверенные права Германии.

Затем форма французских требований была изменена. 22 марта Тардье призывал к тому, чтобы в договор по крайней мере был включён пункт, уполномочивающий Лигу наций создать в случае необходимости комиссию для проверки соблюдения Германией её обязательств в области разоружения. Отказавшись от этого, утверждал Тардье, мы допустим то, что разоружение Германии не будет носить постоянного характера. Только таким путём союзники обеспечат в будущем единство взглядов по поводу состояния германских вооружений. Всё же согласие дано не было.

Наконец, в середине апреля Вильсон уступил в этом, как и в других вопросах. 17 апреля он предложил следующую формулу: «До тех пор, пока настоящий договор останется в силе, Германия обязуется подвергаться всем расследованиям, которые Совет Лиги наций счёл бы необходимыми».

Эта формула была принята. 28 апреля по требованию Клемансо было установлено, что по этому вопросу решение Совета будет приниматься большинством голосов. С этим изменением формула и была внесена в договор, как статья 213¹. Отсутствие в договоре какого-либо пункта, предусматривающего постоянный контроль, вызвало резкое недовольство во Франции, как только договор был предан гласности. В отсутствие более солидных гарантий надежды возлагались именно на статью 213, — «основную статью договора», как выразился в палате депутатов докладчик по военным условиям Анри Патэ. Статья 213 оказалась ненадёжной опорой. Её историю рассказать недолго. В сентябре — декабре 1924 г. и в марте 1925 г. Совет в соответствии со статьёй 213 принял план организации Лигой расследования в области германских вооружений. 11 декабря 1926 г. Совет расширил этот план принятием дополнительных разъяснительных параграфов². После этого план остался мёртвой буквой.

Сменявшиеся последовательно с 1922 по 1929 г. французские

¹ Miller, XIX, p. 246; «Anglo-French Negotiations», p. 75—76. Tardieu, A., La Paix, p. 151—156.

² Текст см. «League Documents», 1926 (С. 729), IX, p. 17.

правительства напрасно пытались добиться установления какого-то постоянного контроля. Сначала их усилия опирались до некоторой степени на поддержку Англии. «Я опасаясь того периода, когда Военная комиссия будет ликвидирована», — писал лорд д'Абернон 7 февраля 1923 г. С апреля 1922 г. по март 1924 г. каждое предложение союзников ликвидировать Контрольную комиссию ставилось в зависимость от согласия немцев на создание гарантийного комитета, который продолжал бы наблюдать за отдельными сторонами разоружения Германии. Макдональд и Эррио отказались в июне 1924 г. от этого настойчивого требования по поводу гарантийного комитета. Затем французы потребовали создания в Рейнской области постоянной следственной комиссии. Они основывали это требование на том пункте плана Лиги наций, который касался применения статьи 213. Однако с точки зрения немцев, а также англичан эта статья нисколько не оправдывала такого рода требования. Штреземан высказал в Локарно свои возражения против плана Лиги наций, которые он повторил в письме генеральному секретарю Лиги в январе 1926 г. В декабре Бриана заставили согласиться с английским и германским толкованием статьи 213 и в соответствии с этим Совет Лиги 11 декабря 1926 г. включил в «разъяснительную часть» своего плана расследований параграф, указывавший, что этот план не предусматривает создания в демилитаризованной зоне «какого-либо специального контроля, осуществляемого местными, стационарными и постоянными группами». На протяжении последующих трёх лет Бриан пытался добиться добровольного согласия немцев на создание комиссии по делам Рейнской области. Он, повидимому, имел в виду создание особого «комитета проверки и примирения» для немедленного расследования в случае появления угрозы нарушения договорного режима демилитаризованной зоны. Предполагалось, что этот комитет будет работать по обе стороны границы и что в него войдёт представитель Германии. Сначала Штреземан готов был обсудить проект, однако лишь в порядке компенсации за эвакуацию Рейнской области и при условии, что этот комитет будет существовать только до 1935 г. Но на Гаагской конференции в августе 1929 г. Штреземан добился эвакуации Рейнской области, в то же время окончательно отвергнув французское предложение.

Таким образом, после января 1927 г., когда Военная контрольная комиссия была распущена, уже не существовало никакого постоянного органа для наблюдения за разоружением Германии, тогда как даже проведение какого-либо специального расследования в соответствии со статьёй 213 было фактически исключено после первых месяцев 1928 г. в связи с неприменением этой

статьи к Сент-Готардскому инциденту¹. Так или иначе, такого рода специальные расследования в лучшем случае имели бы сомнительную ценность, поскольку задача инспектирования временами ставила втупик даже контрольную комиссию, несмотря на её опыт и на наличие её филиалов по всей Германии. Однако вовсе не отсутствие постоянного инспекционного аппарата само по себе позволило Германии снова вооружиться; в данном случае неважно, насколько существенную роль мог бы сыграть такой аппарат в соблюдении установленных договором военных ограничений. Тот факт, что этот аппарат так и не был создан, сам по себе был результатом расхождения в целях между державами-победительницами, которое уже имело место в 1919 г., а затем с течением времени обострилось и подорвало волю союзников к разоружению Германии.

По существу, вопрос о том, сколько времени должно продолжаться одностороннее разоружение Германии, не получил в Версальском договоре никакого ответа, ибо те, кто составлял договор, скрывали расхождения в своей среде заговором молчания. Когда этот вопрос был поднят Бальфуром 3 марта 1919 г., Клемансо запротестовал, заявляя, что «лично он не склонен подписать приглашение Германии подготовиться к новому нападению на суше после интервала в 3, 10 и даже 40 лет»². Этот вопрос был отложен в сторону и новому рассмотрению не подвергался, кроме того случая, когда Вильсон выступил против определённых пунктов, предусматривавших, что германская армия «никогда» не должна превышать установленные пределы. Слово «никогда», заявил Вильсон, относится ко всему будущему времени, и если намерение именно таково, то «придётся создать какой-то постоянный аппарат, чтобы обеспечить выполнение поставленных при этом условий». Таким образом, вместо слова «никогда» было поставлено «не»³. Без сомнения, это представляло собой шаг вперёд, ибо люди, составлявшие договор, не могли издавать законы на веки вечные. Однако лежащая в основе этого проблема, прокомментированная вышеизложенным образом в 1919 г., стала критической проблемой всемирной конференции по разоружению.

Договор давал Германии заверение в том, что наложенные на неё ограничения служат первым шагом на пути к «общему ограничению вооружений всех наций». Это заверение было повторено в ноте союзников от 16 июня 1919 г. Однако союзные правительства не взяли на себя никаких обязательств относительно того, что завершение общего ограничения вооружений

¹ См. *Toynbee*, 1928, 161—168.

² *Miller*, XV, p. 133—144.

³ *Ibid.* p. 370.

должно быть связано с отменой всех пунктов договора, касающихся армии, военно-морского флота и авиации. Сэр Остин Чемберлен отметил, что ни один член английского правительства в 1919 г. не считал, будто «ограничение вооружений будет носить такой характер, что доведет и державы-победительницы до того уровня разоружения, который был навязан побеждённым»¹. Это было в то время юридически правильной точкой зрения, которую французское правительство позднее выразило в своём меморандуме от 21 июля 1931 г.; оно указывало, что в договоре не существует никакого обязательства для всех следовать методам и цифрам, установленным для Германии в мирных договорах. Французское правительство делало тот вывод, что общее ограничение вооружения стало бы неосуществимым в случае, если бы была предпринята попытка «изменить во имя теоретического принципа равенства соотношение, созданное условиями части V договора».

Однако к 1932 г. это юридически правильное положение стало политически нетерпимым. Германская делегация на конференции по разоружению с самого начала ясно потребовала отмены всех дискриминационных ограничений. Требование немцев было поддержано английской печатью всех направлений, начиная с газеты «Таймс», потребовавшей «своевременного исправления несправедливости», и кончая журналом «Нью Стейтсмен», провозгласившим необходимость «безоговорочного признания принципа равенства статуса»². Более осторожная позиция самого английского правительства вызвала заметное нетерпение, и когда в заявлении, опубликованном 18 сентября 1932 г. английское правительство сформулировало юридические доводы с бестактной откровенностью, все единодушно порицали приверженность английского министра иностранных дел к юридическим тонкостям. Под давлением общественного мнения английское правительство месяц спустя заявило о своей готовности пойти навстречу германскому требованию. В декабре французские оговорки были преодолены с помощью формулы, гласившей, что Германия должно быть предоставлено «равноправие в системе, которая обеспечит безопасность всех наций». Включение этой формулы в декларацию английского, французского и итальянского правительств от 11 декабря 1932 г. возвратило Германию на конференцию по разоружению; Германия покинула последнюю в июле, потому что в то время конференция не приняла требований немцев.

¹ «281 Н. С. Deb.», November 7, 1933, col. 91.

² «The New Statesman», January 30, 1932; «The Times», February II, 1932.

Дальнейшая история конференции по разоружению концентрируется вокруг ряда безуспешных усилий найти какое-то практическое применение для этой формулы, одинаково приемлемой для Франции и Германии. Эта цель могла быть достигнута лишь двумя путями: с одной стороны, на основе политических соглашений, направленных на удовлетворение стремления французов к безопасности, а, с другой стороны, на основе программы вооружений, имеющей целью удовлетворить требование немцев относительно равноправия. К теме настоящей главы относится только второй аспект этой проблемы. Заявления, сделанные английским, французским и германским правительствами перед опубликованием декларации от 11 декабря 1932 г., предусматривали не «равенство военной мощи» для Германии, а только «равенство статуса». Что касается Германии, то и Брюнинг и фон Папен настаивали на принципе равенства, но в то же время заявили о своей готовности проявить умеренность в отношении практического применения этого принципа. Их конкретные требования касались сокращения периода службы в рейхсвере, создания резерва добровольцев в 100 тысяч человек и немедленного предоставления Германии права владеть всеми теми видами вооружения, которые не были ей запрещены. Условия, на которых французское правительство было готово рассматривать «прогрессивное уравнивание военного статуса» Германии со статусом других стран, могут быть иллюстрированы планом Эррио от 14 ноября 1932 г. Этот план сочетает в рамках одного «неделимого» плана универсальные по своему масштабу предложения по вопросу о безопасности с военными соглашениями, центральным пунктом которых являлась реорганизация всех европейских вооружённых сил внутренней обороны на основе создания национальных армий ограниченной численности и с коротким сроком службы. Английская точка зрения была изложена в декларации, опубликованной 17 ноября 1932 г.¹ К принципу о том, что «виды оружия, дозволенные другим странам, не должны быть запрещены Германии», было добавлено условие, на котором в равной степени настаивала английская общественность, а именно, что конференция по разоружению не должна была «предоставлять возможность во имя равноправия увеличивать вооружённую мощь». «Реорганизация германских войск не должна приводить к увеличению силы военной агрессии Германии», а военно-морское строительство Германии не должно «приводить к увеличению общего тоннажа тех категорий судов, которые в настоящее время запрещены на основе ограничения германского военно-морского флота». Что же касается воздушных сил, то

¹ «Cmd. 4189».

английское правительство в заключение заявило, что было бы разумно настаивать, чтобы Германия не требовала себе военных или военно-морских самолётов впредь до рассмотрения предложения об окончательной ликвидации воздушного флота.

Несомненно, что как только «равенство в статусе» было допущено, был неизбежен по крайней мере в отношении сухопутных войск и переход к «равенству военной мощи». Это было осуществлено планом Макдональда от 16 марта 1933 г. Английское правительство приняло предложение французов о краткосрочной службе в армиях всей континентальной Европы, однако добавило к этому предложению точные контингенты для каждой страны. Для Германии, как и для Франции было предложено 200 тысяч, т. е. примерно максимальное число, которое Франция могла завербовать на основе предлагаемого восьмимесячного срока военной службы. Что касается военной техники, то лёгкие полевые орудия в будущем должны были быть ограничены максимальным калибром в 105 миллиметров — предел, предписанный Германии договором, а танки — максимальным весом в 16 тонн. Вся военная техника, превышающая эти пределы, должна была быть уничтожена в течение трёх лет, за исключением орудий калибром до 155 миллиметров, которые могли быть сохранены, но не заменены. Ограничения военно-морских вооружений Германии должны были оставаться в силе до 1935 г. На протяжении срока действия конвенции военные самолёты запрещались Германии, в то время как каждая из других великих держав должна была сократить численность своих воздушных сил до 500 самолётов. Таким в общих чертах был план Макдональда.

После представления этого плана вопрос о сроке, когда Германия могла бы быть допущена на практике к равноправию, оказался наиболее критическим в процессе переговоров. Французское правительство отказалось рассматривать тотчас же вопрос об уничтожении своего тяжёлого вооружения и отложило его рассмотрение на четыре года, во время которых должно было осуществиться сокращение германской и французской армий до уровня милиции, и до тех пор пока не будет полностью испытана эффективность предлагаемой системы контроля над вооружением. В течение этого периода не должно было быть допущено никакое новое увеличение вооружений Германии, за исключением пропорционального численного увеличения в соответствии с возросшим числом личного состава в реорганизованной германской армии. Английское правительство согласилось с этой точкой зрения Франции, в то же время настаивая на том, чтобы сокращение вооружений было осуществлено Францией к концу четырёхлетнего периода и чтобы

это было обусловлено в соглашении, которое должно быть подписано немедленно. Французы с этим согласились.

14 октября 1933 г. сэр Джон Саймон сообщил об этих предварительных предложениях Бюро конференции по разоружению. Вслед за этим германское правительство уведомило о своём уходе с конференции и о выходе Германии из Лиги наций.

Французская программа была действительно несовместима с требованием Германии о достижении фактического равенства в течение пяти лет. Германское правительство заявило о своей готовности отказаться от всех тех «агрессивных» видов оружия, которые другие державы были готовы ликвидировать в течение пяти лет; однако оно потребовало себе права немедленно осуществить вооружение своих войск всеми видами оружия, которые намерены были сохранить другие державы. Дипломатические переговоры, состоявшиеся в период между декабрём 1933 г. и апрелем 1934 г., были направлены к тому, чтобы найти основу для франко-германского соглашения. Французское правительство, хотя и было готово сократить французские военно-воздушные силы на 50% в течение следующих четырёх лет, отказывалось связать немедленное разоружение Франции с немедленным перевооружением Германии. Германское правительство готово было согласиться на отсрочку разоружения Франции на пять лет при условии, что Германии будет разрешено реорганизовать рейхсвер в виде армии численностью в 300 тысяч человек, завербованных на один год и вооружённых орудиями калибром до 155 миллиметров, зенитными орудиями, танками весом до 6 тонн и боевыми самолётами в количестве, равном 30% объединённых военно-воздушных сил соседей Германии или 50% числа военных самолётов, которым обладала Франция, в зависимости от того, что было минимальным требованием.

Английское общественное мнение склонялось к той точке зрения, что эти германские предложения не были вовсе неприемлемы. Английское правительство скоро отказалось от формулы 14 октября — «никакого перевооружения Германии». Поскольку Германия фактически и неуклонно перевооружалась, представлялось более разумным ограничить этот процесс путём заключения конвенции, даже если этого приходилось достигать ценой известной легализации перевооружения Германии. Таким путём можно было бы избежать гонки вооружений. Английское и германское правительства действительно достигли в значительной степени соглашения, но переговоры были внезапно прерваны французами 17 апреля 1934 г., когда размах вооружений Германии был разоблачён после опубликования бюджета.

В течение остальной части 1934 г. переговоры почти не велись. Англо-французское коммюнике от 3 февраля 1935 г. предусматри-

валовозобновление переговоров на основе замены статей договора, касавшихся разоружения, общим соглашением о вооружениях одновременно с заключением гарантийных соглашений для Восточной и Центральной Европы. Гитлер, однако, воспользовался возможностью, представившейся ему опубликованием английской Белой книги от 4 марта 1935 г. и продлением срока военной службы во Франции, для того чтобы восстановить в Германии воинскую повинность. Английское, французское и итальянское правительства добились принятия Советом Лиги наций 17 апреля 1935 г. резолюции, осуждавшей одностороннее нарушение Германией обязательств, предусмотренных Версальским договором. Но в то же время начались переговоры о морском соглашении, закончившиеся заключением англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г. Непоследовательность английской политики и подписание соглашения после показательной консультации с Францией вызвали резкое недовольство по ту сторону Ла-Манша. Французы опасались, что эта реальная политика признания факта германского перевооружения и попытка ограничить его дальнейший рост заключением сепаратного двухстороннего соглашения о морских силах могут привести к аналогичным действиям в отношении воздушных сил и что Англия тогда вообще потеряет интерес к переговорам о соглашениях по вопросам безопасности и ограничения численности наземных войск. Через посредство Идена английское правительство, как полагают, дало Франции заверение, опровергающее наличие подобных намерений. После этого центр тяжести в переговорах с Германией был перенесён из области ограничения вооружений в область соглашений о безопасности Европы.

Провал попытки разоружения Германии может быть, в известной мере, объяснён неясностью тех мотивов, которые руководили действиями союзников в 1919 г. Разоружение врага является прежде всего проблемой перемирия; победители должны затем утвердить своё военное преобладание во время последующих мирных переговоров. В ноябре 1918 г. Фош воздержался от требования радикального разоружения и демобилизации. Вследствие этого важная проблема перемирия возникла с новой остротой на мирной конференции. Она стала тогда предметом пристального рассмотрения лишь в военном аспекте. Политической стороне дела уделялось мало внимания. Методы разоружения должны быть приспособлены к достижению определённой цели. Так, военные условия соглашения о перемирии вряд ли могут быть подходящими для длительного периода мира. Военные условия мира имеют свою особую сущность: они могут, с одной стороны, быть разработаны в целях содействия процессу морального и политического возрождения в побеждённой стране. Так,

президент Вильсон заявил о праве союзников ждать, пока в Германии народится иное «сознательное поколение». Опыт 20 лет вызвал известный скептицизм в отношении реализации подобной цели. По крайней мере стало ясно, что немногого можно достигнуть, если допустить, чтобы военная деятельность, ограниченная в том, что касается вооружённых сил государства, заполнила сферу гражданской жизни. Весь режим мира подвергается опасности, если ограниченная в своих размерах армия, сохраняющая личный состав и традиции прежних времён, не в состоянии отразить на себе качеств нового политического режима. Разоружение Германии может, далее, рассматриваться, как необходимое условие для восстановления равновесия сил, как насильственное мероприятие, проводимое в интересах политического равновесия и соответствующее территориальным гарантиям, устанавливавшимся в прошлом столетии. И, наконец, разоружение Германии может рассматриваться, как его рассматривали Вильсон и Ллойд Джордж, т. е. в качестве предвестника всеобщего разоружения. Проблемы, возникающие в этой связи, будут рассмотрены в следующей главе, но следует отметить, что взаимосвязь между разоружением Германии и всеобщим разоружением оказалась роковой для выполнения статей договора. К статьям, касавшимся армии, флота и авиации, было добавлено введение, чтобы сделать их более приемлемыми для побеждённых. Однако выполнение условий этой вводной части договора было воспринято как условие постоянного соблюдения этих статей.

ВООРУЖЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА

Обычно принято было противопоставлять английскую и французскую точки зрения в вопросе о разоружении. Англичане склонялись к тому мнению, что вооружения вызывают взаимные опасения и подозрения и, таким образом, сами по себе служат причиной войны. Нации должны сначала разоружиться, и только после этого можно обеспечить безопасность. В соответствии с этим англичане требовали непосредственного рассмотрения проблемы разоружения. Они предлагали немедленно выяснить, каким образом можно сократить вооружения и тут же заключить соглашение. Французы подходили к этому вопросу иначе. Страх перед войной, говорили они, заставляет народы вооружаться ради обороны. Устраните страх перед нападением, и вооружения прекратятся сами собой. В соответствии с этим они требовали косвенного разрешения проблемы разоружения. Давайте, говорили они, создадим механизм безопасности; тогда народы будут в состоянии разоружиться.

Это, возможно, слишком упрощённое изложение англо-французского спора. Однако нетрудно было бы подобрать из речей руководителей общественного мнения обеих стран иллюстрации к этим национальным точкам зрения. На Вашингтонской конференции в ноябре 1921 г. Бриан прервал все переговоры о разоружении сухопутных войск, отказавшись провести всякое сокращение периода военной службы во Франции до срока менее полутора лет, если только взамен Франция не получит заверений о помощи на случай нападения. «Если кто-нибудь попросит нас пойти дальше, — сказал он, — то мне придётся ответить ясно и определённо, что мы не сможем сделать этого, не подвергнув себя весьма серьёзной опасности. Вы, возможно, скажете нам: «Мы собираемся... предоставить в ваше распоряжение все средства для того, чтобы обеспечить вашу безопасность!» Если бы мы услышали эти слова, то мы, конечно, немедленно приняли бы другой план... Если Франция должна остаться в одиночестве... то вы не должны

отказывать ей в том, чего она хочет во имя обеспечения своей безопасности»¹. Французские правительства одно за другим упорно отказывались отступить от этой позиции. Подобная же позиция была занята ими и в отношении морских вооружений. В 1930 г. Лондонской морской конференции не удалось достигнуть своей основной цели главным образом вследствие настойчивого требования Франции о заключении какого-либо соглашения о взаимопомощи — предпочтительно средиземноморского пакта — в качестве необходимого условия для соглашения об ограничении количества вспомогательных судов. Ни в одном вопросе французы не были столь единодушны, как в вопросе о приоритете безопасности над разоружением.

Хотя с течением времени позиция Франции встречала в Англии всё более сочувственное отношение, в душе англичане таили подозрение, что французы стремились подчинить дело разоружения требованиям безопасности. В кругах либеральной и лейбористской партий и, в меньшей степени, среди консерваторов глубоко укоренилось убеждение, создавшееся на основе опыта довоенных лет. Оно нашло своё выражение в часто цитируемом предостережении лорда Грея: «Большие вооружения неизбежно ведут к войне... Колоссальный рост вооружений в Европе сделал войну неизбежной»².

Тяга англичан к миру нашла своё выражение в глубоком отвращении ко всему, что пахло подготовкой к войне. В январе 1922 г. Ллойд Джордж призывал французов к сотрудничеству «в создании великой системы европейского согласия, которая сделает сохранение мира общим делом наций и выдвинет в качестве первоочередной цели сокращение национальных вооружений»³. «Безопасность для всех зависит прежде всего от сокращения вооружений»⁴, — заявил английский министр иностранных дел в своей вступительной речи на конференции по разоружению. Эта выразительная фраза в сжатой форме заключала в себе английскую доктрину.

Английские государственные деятели могли утверждать также, что практика англичан соответствовала их теории. Английская армия, в общем самая сильная по численности к моменту перемирия, к концу 1920 г. была слабее, чем бельгийская. Её регулярный состав сократился до 170 тысяч к весне 1922 г. и до 1934 г. с каждым годом сокращался ещё больше. Английская авиация также сократилась. В ноябре 1918 г. Англия имела

¹ «U. S. A. Foreign Relations», 1922, I, p. 315.

² Lord Grey, Twenty-Five Years, I, p. 91—92.

³ «Anglo-French Negotiations», p. 120.

⁴ «The Times», February 9, 1932.

рекордное количество самолётов—14 тысяч боевых машин. Четыре года спустя английская авиация в Европе состояла из 15 эскадрилий по 12 самолётов в каждой, а Франция имела в Европе 100 эскадрилий по 8—10 самолётов в каждой. Программа расширения кадров авиации, провозглашённая в 1922 г., была затем сокращена после подписания локарнских соглашений¹.

Английский флот также был сокращён в соответствии с вашингтонским соглашением от 6 февраля 1922 г. Англия согласилась сократить на 40 % наличное количество основных судов и приняла принцип паритета с боевым флотом США. После заключения Лондонского морского договора от 22 апреля 1930 г. общая мощность английского флота подлежала ограничению путём международного соглашения. Макдональд заявил в июне 1931 г.: «Мы подошли довольно близко к абсолютному пределу сокращения»².

Однако следует проводить различие между разоружением как вопросом внутренней политики и разоружением как аспектом английской внешней политики. Несомненно, между ними существовала взаимосвязь, и в этом смысле различие не является абсолютным. Но разоружение стало в Англии широко распространённым убеждением, воспринятым некритически, бездумно и без реальной оценки фактов³.

Давление со стороны народных масс, настойчивая необходимость в экономии государственных средств и общее сознание безопасности, отразившееся в официальном мнении, высказанном с правительственных скамей: «Никакой войны в течение 10 лет», — всё это привело к «одностороннему разоружению» Англии. Оно было в значительной степени следствием внутривнутриполитических соображений. Разоружение как аспект английской внешней политики (т. е. как её цель. — *Прим. ред.*) представляет собой более загадочное явление. Вряд ли нужно подчёркивать неточность этого термина в данном случае, ибо речь шла не о разоружении, а о пределах вооружения. Притягательная сила разоружения не должна заслонять его значения как политики, направленной на сокращение и ограничение вооружений путём международного соглашения. Необходимо задуматься над тем, каких благ англичане ожидали от разоружения, толкуемого таким образом, и почему французы так упорно не верили в эти блага.

Рассмотрение этого вопроса следует начать с анализа тех критериев, которыми каждая страна определяла уровень необходимых

¹ «125 Н. С. Deb.», February 23, 1920, col. 1339; «135 Н. С. Deb.», November 30, 1920, col. 1092; *Chaput, R. A.*, *Disarmament in British Policy*, p. 273—276, 325—344.

² «254 Н. С. Deb.», June 29, 1931, col. 916.

³ См. *Zimmern, A.*, *The League of Nations and the Rule of Law*, p. 330—332.

для неё вооружений. Английское правительство придерживалось того принципа, чтобы численность английской армии несколько не зависела от численности других армий и чтобы количество крейсеров в английском флоте не зависело от количества вспомогательных судов в других флотах. Численность английской армии определялась необходимыми заокеанскими гарнизонами. Количество крейсеров, необходимых для того, чтобы «держатъ главные морские пути открытыми для торговли и коммуникаций», определяло количество крейсеров во флоте. Таковы были неизменные требования, на которые не могло повлиять никакое сокращение военных или морских сил со стороны других стран. Эта доктрина абсолютных потребностей выдвигалась неоднократно, в частности на первой сессии Подготовительной комиссии в мае 1926 г., на Женевской морской конференции в 1927 г. и в ответе на предложения Гувера в 1932 г.¹

Английское правительство с полным основанием утверждало, что в обычное время вооружённые силы других стран определяют мощь Англии только в отношении военных самолётов и военных кораблей. Для этих видов оружия были установлены относительные величины в соответствии с потребностями каждой страны (стандарты). В июне 1923 г. премьер-министр заявил о решении правительства создать авиацию внутренней обороны, «обладающую достаточной силой, для того чтобы в пределах Англии защитить нас от нападения с воздуха более сильной авиации»². Но в Белой книге от 11 марта 1935 г. после этого указывалось, что «обеспечение минимальной мощности авиации, необходимой для нашей безопасности, с учётом развития авиации на континенте», откладывалось от одного срока до другого «во имя достижения прочного мира»³. Военный флот достигал больших размеров. Тем не менее превосходство на море было принесено на алтарь дружбы с США; господство же Англии во внутренних водах и в Средиземном море было обеспечено насколько возможно путём поддержания такой мощи английского флота, которая была бы несколько больше мощи флотов двух любых европейских держав (так называемый «стандарт двух держав»). Английские притязания в области вооружений можно было бы суммировать следующим образом: для армии — абсолютный минимум для обороны империи; для авиации — «стандарт одной державы», т. е. минимум — равенство

¹ См. «P. C. D. C.», II, p. 14—15; «C. R. L. A.»: Docs. I, p. 266; см. также *Richmond, H. W.*, *Sea Power in the Modern World*, p. 58, 140, и *Richmond, H. W.*, *The Navy*, p. 47—51. В 1927 г. было установлено минимальное количество в 70 крейсеров; в 1929 г. лейбористское правительство сократило это количество до 50.

² См. *Chaput, R. A.*, *Disarmament in British Policy*, p. 331 et seq.

³ «Cmd. 4827», p. 4.

с самой сильной авиацией, находящейся в радиусе действия самолётов; для флота — линкоры на основе паритета с США и «стандарт двух держав» по отношению к Европе при абсолютном минимальном количестве крейсеров для защиты торговых путей Британской империи.

Пожалуй, понятно, что пример Англии не произвёл большого впечатления на Францию, ибо французы заявляли, что они также разоружились в такой степени, в какой это им позволяют существующие политические условия. Когда им напоминали, что германские вооружения сокращены и что победители по крайней мере морально обязаны сократить собственные вооружения, французы обычно отвечали, что они уже осуществили возможное разоружение. Разве Франция трижды не сокращала срок военной службы — в 1922 г. до двух лет, в 1923 г. — до восемнадцати месяцев и в 1928 г. до одного года?

Но сравнения бесполезны. Нам следует рассмотреть основы французской политики вооружений.

Французский генеральный штаб, повидимому, разработал для армии подобно английскому морскому министерству хорошо обоснованную теорию минимальных потребностей. Реорганизация французской армии, проведённая в соответствии с военными законами 1927—1928 гг., представляла собой приведение военных нужд в соответствие с требованием народных масс, т. е. с требованием сокращения срока военной службы до одного года. Каждый ежегодный контингент призывников насчитывал в обычные годы примерно 240 тысяч человек. Из этого числа только половина была в любое время в состоянии боевой готовности. Если принять в расчёт другие роды войск, то для обороны границ из ежегодного контингента было пригодно лишь около 107 тысяч человек. Но, по мнению французского генерального штаба, в случае угрозы военных действий он должен был немедленно иметь в своём распоряжении 300 тысяч человек для защиты границ. Эти войска были необходимы в случае нападения врага как войска прикрытия, за которыми можно было беспрепятственно проводить мобилизацию. Основной проблемой военной реорганизации было согласование одногодичного срока службы с потребностями этих войск прикрытия. Частичное решение было найдено в увеличении числа кадровых солдат. Их число увеличилось с 72 тысяч до 106 тысяч. Но большая часть этих солдат была предназначена для другой службы, а не для обороны границ — для службы в заокеанской армии, обучения ежегодного контингента, обслуживания мобилизационных центров. Только около 50 тысяч человек могли быть использованы в сотрудничестве с 107 тысячами человек из ежегодного контингента. Таким образом, необходимые войска прикрытия были лишь наполовину обеспе-

чены армией мирного времени: для их полного укомплектования требовалось ещё 143 тысячи человек. Они должны были быть почерпнуты из контингентов трёх предыдущих лет, которые должны были находиться в боевой готовности, т. е. подлежать немедленному призыву в армию. Представлялось весьма сомнительным, чтобы, находясь перед лицом рейхсвера, Франция могла проводить дальнейшее сокращение своей армии мирного времени, не подвергая серьёзному риску оборону границ в случае внезапного нападения. Сокращение армии в соответствии с законами 1927—1928 гг. стало возможным только благодаря строительству обширных пограничных укреплений — так называемой линии Мажино¹.

Требования войны с Германией определили собой также направление французской морской политики. Французская заокеанская армия насчитывала в 1931 г. около 37 тысяч человек. Она могла быть увеличена частично или полностью за счёт подвижных сил численностью в 66 тысяч обученных солдат, которые в нормальное время были размещены в метрополии, но которые являлись источником помощи заокеанским силам и резервом на случай колониальных беспорядков. Первой целью французской морской политики было обеспечить транспорт этих войск, обученных резервов, и военных материалов через Средиземное море в случае войны. «Средиземное море, — заявил Андре Жеро, — является центром французской военной системы»². Для обеспечения бесперебойных коммуникаций необходимо было держать под контролем британский и итальянский флоты. Британский флот, вероятно, не вызывал особого беспокойства Франции, хотя французское правительство, несомненно, стремилось содержать достаточные морские силы, для того чтобы предотвратить и английское вмешательство. Но более глубокой причиной беспокойства был итальянский флот. Италия требовала равенства на море с Францией; Франция была полна решимости не соглашаться на это требование Италии, так как оно предполагало итальянское превосходство на Средиземном море. Франко-итальянская конкуренция в области морских вооружений вызвала решение Великобритании сохранить «стандарт двух держав».

Морская программа Франции отражала эту её озабоченность проблемой Средиземного моря. Франция приняла вашингтонские стандарты (соотношение 5:5:3:1,75:1,75. — *Прим. ред.*), хотя

¹ См. *Brindel, gen.*, La nouvelle Organisation militaire, «Revue des Deux Mondes», Juin 1, 1929; *Debeney, gen.*, Sur la Sécurité militaire de la France; *Rocque, col. de la*, Le Malaise militaire, «Revue de Paris», Novembre I, 1929.

² *Géraud, A.*, The London Naval Conference, «Foreign Affairs», July 193.

они её и не удовлетворяли¹. Но Бриан отказался распространить это соотношение на крейсера и подводные лодки, так как, по его словам, «страна, подобно Франции, имеющая большую протяжённость побережья и многочисленные отдалённые колонии», не может согласиться на ограничение «в вопросах, являющихся насущными для её коммуникаций и безопасности»². Береговая оборона и защита средиземноморских коммуникаций требовали строительства подводных лодок и крейсеров. Французская делегация в Вашингтоне настаивала на праве Франции построить подводные лодки общим водоизмещением до 90 тысяч тонн. В декабре 1924 г. палате депутатов была представлена морская программа, или «морской статут», в котором предусматривалось постепенное строительство океанских подводных лодок общим водоизмещением в 96 тысяч тонн, каботажных подводных лодок общим водоизмещением в 30 тысяч тонн и крейсеров общим водоизмещением в 210 тысяч тонн. Это была та программа, которую французская делегация на Лондонской конференции соглашалась сократить лишь в обмен на определённые гарантии безопасности³.

Эта морская программа Франции неизбежно вызывала опасения в Англии. Разве не ясно, спросил Бальфур в Вашингтоне 24 декабря 1921 г., что со стратегической и тактической точек зрения Франция предполагает вооружаться против Великобритании? Несколькими днями позже, в Каннах, Ллойд Джордж предостерегал Бриана, что «морские коммуникации Англии имеют для неё такое же значение, какое имеет для Франции её восточная граница». Если французская программа строительства подводных лодок будет осуществлена, то британское общественное мнение будет настаивать на осуществлении обширной программы строительства морских средств борьбы с подводными лодками. «Таким образом, обе страны начнут ожесточённо соперничать друг с другом в области морского строительства... Морское соревнование в какой бы то ни было форме нанесёт ущерб добрым отношениям между Англией и Францией»⁴.

Начиная с Парижской конференции и вплоть до конференции по разоружению Великобритании неизменно являлась стороной отказ от строительства подводных лодок вообще; менее мощные морские державы столь же неизменно требовали их сохранения. Переговоры натолкнулись на препятствие в виде франко-британских разногласий по вопросу о методах ограничения морских вооружений; эти разногласия отразили противо-

¹ См. *Buell, R.*, *The Washington Conference*, p. 213 et seq.

² «*U. S. A. Foreign Relations*», 1922, 1, p. 135.

³ *Engely, G.*, *The Politics of Naval Disarmament*, p. 107.

⁴ «*Anglo-French Negotiations*», p. 118.

речие интересов между крупными и слабыми морскими державами. Великобритания требовала стандартизации морских судов и ограничения тоннажа каждого класса судов. Тогда каждое адмиралтейство будет знать, с каким типом судов ему придётся сталкиваться и каким количеством обладает каждая держава. Элемент неожиданности будет исключён. Это уточнение морских сил могло только укрепить и увеличить превосходство сильнейшей державы. Франция требовала ограничения только общего тоннажа каждого флота. Каждой стране должна была быть предоставлена возможность построить любое количество судов любого типа по её выбору, при условии, чтобы общий тоннаж не превышал допущенных пределов. Тогда каждая страна может строить суда в соответствии со специфическими требованиями её национальной обороны. Более слабые морские державы могут строить военные суда различных типов, т. е. могут, короче говоря, держать более значительные морские державы в неизвестности о том, с чем им придётся встретиться.

Эти разногласия между Францией и Великобританией по вопросу о методах ограничения морских вооружений проявились на третьей сессии Подготовительной комиссии (21 марта — 26 апреля 1927 г.). После этого выдвигались различные компромиссные предложения. Наиболее значительным был так называемый англо-французский компромисс в июле 1928 г. Французское и британское правительства согласились на ограничение строительства одних лишь линкоров, авианосцев, крупных крейсеров водоизмещением в 10 тысяч тонн или вооружённых 8-дюймовыми орудиями, и океанских подводных лодок водоизмещением свыше 600 тонн. Это соглашение устраивало Францию, так как оно не затрагивало строительства мелких подводных лодок для операций в Средиземном море и вокруг французского побережья; удовлетворяло оно, казалось бы, и Великобританию, так как последняя могла строить лёгкие крейсера, в которых она нуждалась. Соглашение вызвало протесты как в Великобритании, так и в США. Разве не означало англо-французское соглашение, что британское адмиралтейство было больше озабочено мощными американскими крейсерами океанского плавания, чем французскими подводными лодками в Ла-Манше. В результате англо-французское предложение было отклонено, и до Лондонской конференции так и не было достигнуто соглашение о соответствующем методе ограничения морских вооружений между Великобританией, Францией и Соединёнными Штатами, а также Японией и Италией¹.

¹ Об их рекомендации Подготовительной комиссии см. «P. C. D. C.», X, p. 462.

Эти разногласия между Англией и Францией привели к печальным результатам. Хотя в последующие годы французское морское строительство было направлено против Италии, вначале оно казалось скорее угрозой для Великобритании. Почему Франция обратилась к политике морской обороны против её прежнего союзника? Объяснение этому можно найти в требованиях политики силы. Вооружение является конечной поддержкой этой политики, т. е. конечным определением степени давления, которое государство может оказать, для того чтобы продиктовать другим свою волю. До 1925 г. французская политика по отношению к Германии расходилась с политикой Великобритании; даже Локарно не могло разрешить конфликт между британской и французской политикой в Восточной Европе.

Слабость французской морской обороны могла бы ограничить возможности Франции при осуществлении её европейской политики. Она поставила бы Францию в зависимое от Великобритании положение и лишила бы её «возможности проводить свою собственную дипломатию»¹. В том же духе высказывался сэр Остин Чемберлен, выражавший сожаление в 1931 г. по поводу ослабления британских вооружённых сил сравнительно с Францией и предупреждавший своих коллег, что «чем меньше наша мощь, тем больше наша политика будет зависеть от других наций и тем меньше она будет находиться под нашим контролем»².

Что соглашение по вопросу о вооружениях может быть достигнуто только в пределах политического взаимопонимания — явного или скрытого — является истиной, не требующей доказательств. Вооружения, которые Франция считала необходимыми для осуществления её европейской политики, были, по мнению Англии, потенциальной угрозой для Великобритании и являлись фактором беспокойства в Европе. Где же выход? Он не мог быть найден в более тесном политическом взаимопонимании с Францией. Такое взаимопонимание предполагало бы уступки в Восточной Европе и в Средиземном море, на которые Великобритания — так казалось тогда — не захочет пойти никогда. Мог ли быть найден выход в заключении всеобщего соглашения по разоружению?

Повидимому, британский тезис, что разоружение могло бы обеспечить мир, может быть истолкован в трёх направлениях. Следовало иметь в виду, что никакая система коллективной безопасности не может функционировать до тех пор, пока нации

¹ См. *Kerguezec, G.*, French Naval Aims, «Foreign Affairs», April 1926.

² «254 H. C. Deb.», June 29, 1931, col. 1015.

остаются сильно вооружёнными. Общие действия против агрессора могут быть возможными только в таком мире, в котором вооружения будут снижены до минимального в пределах возможности уровня. Именно в этом смысле разоружение рассматривалось составителями устава Лиги наций. Если бы британское правительство проявило желание расширить свои обязательства в пределах соглашения по сокращению вооружения, то этот аргумент был бы действительно убедителен. Но такого прогресса в британской политике не наблюдалось вплоть до предложений 1933—1934 гг. — жестов отчаяния, предназначенных возродить давно увядшие надежды на соглашение.

Британской внешней политике было свойственно не столько действительное стремление к разоружению, сколько вера в то, что разоружение может устранить соперничество между нациями. Соглашение о вооружениях «будет наиболее эффективным и существенным доказательством международного умиротворения и обеспечением взаимного доверия, вытекающего из добрососедских отношений»¹, — гласил британский меморандум от 29 января 1934 г. У Великобритании были основательные причины стремиться к морскому соглашению с Соединёнными Штатами, страной, к дружеским отношениям с которой она стремилась превыше всего, и единственной страной, которая могла превзойти Великобританию на море. Точно так же соглашение о разоружении в Европе вполне соответствовало общей тенденции британской политики. Этому соглашению сочувствовали, считая его вехой на пути, по которому Германия сможет вернуться к своему прежнему влиятельному положению в концерте европейских держав. Но для Франции разоружение представляло собой нечто значительно менее приятное. Её заинтересованность в разоружении ограничивалась её заинтересованностью в договоре, заключённом 28 июня 1919 г. Пока Германия оставалась сравнительно разоружённой, режим, установленный тогда в Европе, был защищён от каких бы то ни было энергичных посягательств с её стороны. Франция не видела никаких причин, почему такая ситуация не могла продолжаться бесконечно. Она возражала против сокращения её собственных вооружений без компенсации в виде обещания помощи извне, опасаясь, что это может привести к замене французской гегемонии в Европе гегемонией германской. В Англии такие опасения вызывали недоумение или расценивались как проявление неприкрытого милитаризма со стороны Франции. Один единственный голос раздался в палате общин в 1931 г. в защиту того, что «французская армия в настоящий момент является стаби-

¹ «Cmd. 4498», p. 3:

лизующим фактором... Внезапное ослабление этого стабилизирующего фактора — несомненного превосходства французской военной мощи, — может открыть шлюзы для ужасающих последствий в Европе, может прорвать плотину и сбросить в бездонную пучину города, где сейчас танцуют или мечтают»¹.

Очевидно, представление Великобритании о том, что французская армия была больше, чем того требовала политическая ситуация в Европе, коренилось в различии французских и английских взглядов на общее политическое положение в Европе. Великобритания считала морское превосходство в европейских водах существенным условием британской безопасности. Франция считала военное превосходство над Германией существенным условием французской безопасности и важнейшим фактором мира в Европе. Почему, спрашивала Франция, Великобритания не может признать французские военные права в Европе точно так же, как Франция признаёт морские права Англии? Временное соглашение, достигнутое в июле 1928 г., являлось, по мнению Франции, символом такого взаимопонимания. Оно потерпело крах перед лицом жесточайшей оппозиции со стороны всех кругов британского общественного мнения. Соглашение было забраковано в значительной степени потому, что морские условия были направлены против США, но оно потерпело крах также и потому, как указывал «Спектейтор», что «британское общественное мнение... никогда не согласится с политикой... которая практически окажет поддержку французской гегемонии в Европе»². По мнению Англии, французская «гегемония» не могла быть прочной; Германия в конечном счёте не сможет удовлетвориться меньшим, чем военный паритет с Францией. В таком случае лучше установить этот паритет путём соглашения за счёт сокращения французских вооружений в пределах общей конвенции, чем ждать, пока Германия начнёт вооружаться вновь.

Совершенно естественно, что Франция не могла понять, почему британские претензии на морское превосходство в европейских водах считались обоснованными, а её собственные требования военного превосходства казались Англии опасными претензиями?³ Разве последовательно утверждение, что британ-

¹ Churchill, Winston, «254 H. C. Deb», June 29, 1931, col. 963.

² «Spectator», October 13, 1928; ср. «The Round Table», December 1928, A Plea for an Independent Foreign Policy.

³ «Англия сохраняет морское превосходство. Оно оправдано и необходимо. Франция теряет военное превосходство. Оно не является ни оправданным, ни необходимым. Почему? Сэр Дж. Саймон об этом не говорит». (Bardoux, J., L'Ile et L'Europe, p. 460).

ская морская мощь не является угрозой для безопасности какой бы то ни было страны, так как она неспособна осуществить внезапный сокрушающий удар? Наиболее рассудительные из французов отклоняли эту теорию, как простое и весьма рационалистическое объяснение британских интересов. Разоружение, как его понимало британское общественное мнение, являлось средством, предназначенным для употребления на суше, но не на море. Это в значительной мере объясняет настойчивость Франции в вопросе о взаимной зависимости военного и морского разоружения. Раздельное обсуждение этих вопросов было бы «благоприятным для тех, кто стремится к снижению вооружений на суше, намереваясь одновременно сохранить своё морское превосходство»¹.

Таким образом, становится понятным, почему французы появились на конференции по разоружению «со скептицизмом и недоверием», тогда как в Англии эта конференция вызывала «надежду почти религиозного характера»². Ошибочное представление, что можно «вплотную подойти» к проблеме полного разоружения, продолжало распространяться среди британского общественного мнения. Оно исчезло только после провала последней попытки президента Гувера. Предложение Гувера 22 июня 1932 г. о всеобщем сокращении вооружений на одну треть было встречено с огромным энтузиазмом в Италии, Германии и России³. Если бы Соединённые Штаты продолжали работу по утверждению общего плана разоружения, то они стали бы лидерами ревизионистского блока в Европе. «Когда истинное положение вещей было осознано ответственными американскими лицами в Вашингтоне и Женеве, они увидели, что перед ними стоит выбор, либо содействовать агитации, направленной к крушению существующей европейской системы, либо принять участие в организации системы безопасности, при наличии которой можно было бы постепенно и мирно урегулировать политические разногласия и добровольно сократить вооружения»⁴. Позднее (согласно Белой книги от 29 января 1934 г.) было ещё более ясно осознано, что «продолжительные дебаты по вопросу о разоружении в его ограниченном и чисто техническом аспекте не могут привести ни к какому решению,

¹ «La première session de la commission préparatoire», «L'Europe Nouvelle», Juillet 3, 1926.

² De Traz, Robert, Les Débuts de la conférence, «Revue de Paris», Mars I, 1932.

³ В данном случае автор не ссылается ни на какие документы. — Прим. ред.

⁴ Lippmann, W., The United States in World Affairs, 1932, p. 242—245.

если не будет более широкого рассмотрения этой проблемы, предусматривающего равенство и безопасность народов».

Нам остаётся рассмотреть третий путь, посредством которого, по мнению англичан, разоружение могло обеспечить мир. «Я никогда не был согласен с тем, — писал лорд Эшер Сесилю в августе 1922 г., — что ограничением вооружений будет окончательно предотвращена возможность возникновения новой войны. Но я согласен с тем, что оно до последней степени уменьшает возможность внезапного нападения одной страны на другую»¹. В речи сэра Джона Саймона 8 февраля 1932 г. разоружение рассматривалось как средство к «уменьшению риска и опасности внезапной и разрушительной войны»; этот же тезис лежит в основе британских предложений в Подготовительной комиссии и на Конференции по разоружению. Если внезапное нападение будет затруднено, то это даст возможность выиграть время для того, чтобы прибегнуть к помощи мирного урегулирования. Война, если бы её удалось отсрочить, могла бы быть совсем предотвращена; таково было убеждение англичан. Оно находило своё логическое завершение в предложении о качественном разоружении — отказе от наступательного оружия; это предложение было сделано британским министром иностранных дел на первом этапе конференции по разоружению. С технической точки зрения целью Великобритании на протяжении всей дискуссии по разоружению было повысить эффективность обороны путём снижения силы нападения.

Ясно, что французы всячески должны были возражать против британского плана снижения силы нападения. Причины этому найти нетрудно. Огромным источником беспокойства Франции было превосходство Германии в промышленных ресурсах и численности населения. «Кто сможет утверждать, — спрашивал Бриан на девятой Ассамблее, — что большая страна, так сильно оснащённая для мирной жизни, т. е. для промышленного развития, не сможет снабжать армию военными материалами? Страх, что в условиях равенства Германия в скором времени станет располагать превосходящими силами и Франция окажется позади в гонке вооружений, явился причиной остроты дебатов по вопросу о военном потенциале на первой сессии Подготовительной комиссии. Франция не предлагала включать в любой план разоружения ограничение производственной мощности тех отраслей промышленности, которые могут быть использованы в военных целях. Но она предлагала установить тот принцип, что при определении справедливого уровня вооружений для каждой страны относительный недостаток военного

¹ *Esher, Journals and Letter. IV, p. 281—282.*

потенциала должен быть соответственно компенсирован более высоким уровнем вооружений. После четвертой сессии Подготовительной комиссии в марте — апреле 1927 г. эти дебаты о военном потенциале прекратились; но проблема германского превосходства в людских и промышленных ресурсах оставалась господствующей темой дальнейших дискуссий. Именно она лежала в основе возражений Франции на британские предложения о снижении силы нападения.

После первой мировой войны французские стратеги пришли к заключению, что их единственной надеждой на победу в любой будущей войне является сокрушительная атака против Германии в самом начале войны. В затяжной войне, которая даст возможность Германии мобилизовать её людские и промышленные ресурсы, Германия подавит Францию всей тяжестью своих превосходящих вооружений. Только вначале Франция будет пользоваться благодаря разоружению Германии подлинным военным превосходством. Поэтому она должна содержать армию достаточно мощную, для того чтобы использовать это первоначальное превосходство в стратегическом наступлении¹. «Для того чтобы предотвратить угрожающую ей опасность, — писал в 1922 г. один французский публицист, — Франция может быть вынуждена предвосхитить агрессию. Цель её политики должна заключаться в том, чтобы сделать невозможной длительную войну или войну, как таковую. Нам нужна активная, независимая и мобильная армия, всегда готовая проникнуть на вражескую территорию и способная сама по себе обеспечить сохранение европейского статус-кво»².

Даже самое поверхностное изучение развития вооружённых сил Франции показывает, однако, что вера французов в спасительную силу стратегического наступления исчезла задолго до начала 30-х годов. Внезапное нападение с целью уничтожить в зародыше перевооружение Германии было исключено обязательствами, принятыми в Локарно. Французская армия не была реорганизована в 1927—1928 гг. в действительно мобильное оружие, способное «нанести наступательный удар», ибо профессиональные солдаты Франции не были сгруппированы в регулярную армию, отличную от национальной армии рекрутов. Вместо этого они были распределены по всем частям и родам оружия национальной армии таким образом, что образовался «большой и мощный, но медленно действующий механизм,

¹ «Temporary Mixed Commission: Report», September 1922, p. 47—50.

² *Fabre Luce, A.*, *La Crise des Alliances*, p. 391; см. также *Fabry, J.*, *La France de 1921 et la nation armée*, «Revue de Paris», Janvier I, 1921; *Reynaud, P.*, *Avons-nous l'armée de nos besoins?* «Revue hebdomadaire», Juillet 1924.

приспособленный к тому, чтобы постепенно оттеснять, как в 1918 г., любую аналогичную армию... ему противостоящую»¹. В таком виде французская армия не могла быть тем «всегда готовым орудием вмешательства», к созданию которого призывал в 1934 г. капитан де Голль.

Однако несмотря на то что во французских военных кругах возобладали философия обороны, возражения Франции против уничтожения наиболее мощных орудий войны оставались прежними. Военное превосходство Франции основывалось на обладании большими запасами таких орудий. Нежелание французов согласиться на их уничтожение проистекало главным образом из сознания того, что Германия имела возможность производить новые запасы снаряжения гораздо быстрее, чем Франция. Если бы «агрессивное» оружие Франции было уничтожено, Германия была бы заинтересована в нарушении договора об отказе от этого оружия. У Франции не могло быть такой заинтересованности, ибо она скоро отстала бы в новой гонке вооружений. Отсюда вытекала настойчивость в требовании надзора и гарантии выполнения. Проблема военного потенциала продолжала довлеть над дискуссиями в течение долгого времени и после того, как сама проблема перестала обсуждаться.

Решимость Франции сохранить большие запасы мощной военной техники была очевидна в течение всех переговоров о разоружении. В Подготовительной комиссии по разоружению французы не стоило большого труда охранять свои интересы в этом отношении. Ограничение военной техники путём составления таблиц допустимых запасов — тот прямой метод, который был применён к Германии, был отброшен как негодный для общего применения на том основании, что его проведение в жизнь потребует более строгой системы надзора, чем та, которую были готовы принять страны мира. Поэтому проект конвенции, принятый в декабре 1930 г., предусматривал лишь сгруппированные ежегодные расходы каждого государства на сухопутное вооружение. Это представляло собой метод косвенного ограничения, который Франция поддерживала с самого начала и на который англичане, вначале возражавшие, согласились ввиду постройки Германией карманных линкоров. Точка зрения британской делегации была изложена в заключительном докладе Подготовительной комиссии в декабре 1930 г. Делегация была готова признать, что прямое ограничение может быть теоретически наиболее эффективной и ясной системой. Однако делегация опасалась, что

¹ *Hart, B. L., The Remaking of Modern Armies, p. 240—276; ср. Fa-bry, J., Où va notre armée? «Revue de Paris», Septembre 1925.*

этот метод ограничения на практике окажется неудовлетворительным. Даже если бы можно было установить точные определения и категории, всё равно было бы невозможно навязать всем странам такую систему проверки и контроля, которая обеспечила бы надлежащее соблюдение ограничений. Британская делегация надеялась, что можно было бы провести непосредственное ограничение тяжёлого вооружения, например крупных орудий и танков, но и здесь встретились бы аналогичные затруднения. Делегация была бы готова принять любой практический план непосредственного ограничения наиболее важных видов вооружения, который давал бы какую-либо ясную перспективу в отношении принятия плана всеми и достаточной его эффективности. Возможно, что правительство смогут создать подобный план на конференции по разоружению»¹.

Вопрос о том, какие меры должны быть приняты в отношении мощной военной техники, оказался на деле самой сложной из технических проблем, стоявших перед Конференцией по разоружению. Было очевидно, что предложение уничтожить оружие, специально приспособленное к наступательной войне, встретит широкую поддержку. Британское правительство предложило исключить из сухопутного оружия тяжёлые самоходные орудия и танки весом более 20 тонн. Французское правительство, с другой стороны, предлагало не уничтожение, а интернационализацию мощной военной техники под контролем Лиги наций. Этот принцип, сформулированный консервативным министерством Тардьё, с равным упорством поддерживался радикал-социалистами под руководством Эррио. План Эррио от 14 ноября 1932 г. предусматривал, что национальные армии Европы, низведённые до уровня ополчения, должны быть лишены бомбардировочной авиации и мощной мобильной сухопутной техники, в особенности тяжёлой артиллерии и такого типа танков, которые необходимы при наступлении на долговременные укрепления. Однако ограниченное количество мощной мобильной техники должно было быть сохранено у специальных контингентов солдат долгосрочной службы. Эти контингенты должны были иметься в каждом государстве и предоставляться в распоряжение Лиги для совместных действий против агрессора. Кроме того, излишки техники должны быть не уничтожены, а сохранены в каждом государстве под международным контролем. В случае если государству придётся вести войну в целях законной самообороны, ему должна быть предоставлена возможность полностью использовать контингенты войск, предназначенные им для Лиги, а также имевшиеся на его территории запасы военной техники. Эта воен-

¹ «P. C. D. C.», X, p. 573.

ная организация должна была увенчаться созданием «органически международных воздушных сил»¹.

За этими французскими предложениями интернационализации наступательного оружия скрывалось убеждение в том, что противоположный курс, т. е. уничтожение оружия, означал бы, как уверял в Комиссии по сухопутному вооружению Обер, «изменение существующего положения с точки зрения безопасности. Запрещение определённых категорий вооружений было бы преимуществом для государств, в настоящее время вовсе не имеющих подобного оружия»². Французы опасались, что, несмотря на приглашение об уничтожении тяжёлых орудий и танков, Германия сможет тайно вооружить свои войска подобной техникой и успешно вторгнуться на территорию плохо вооружённого соседа. В таком случае, для того чтобы вытеснить противника с занятой им территории, потребуется применить оружие наступательной войны. Его уничтожение, заявляли французы, пойдёт на пользу тому же вероломному агрессору, защиту от которого следует искать не в уничтожении важнейшей техники, но в обеспечении обороняющегося полным ассортиментом вооружений на основе «организации мира путём совместных действий против агрессии»³. Однако после представления плана Макдональда французское правительство перестало настаивать на интернационализации вооружений в противоположность уничтожению их, и на последнем этапе переговоров дело шло не о том, откажется ли французское правительство от «наступательного оружия», а о том, когда именно оно это сделает.

Точно так же, как они не желали бы уменьшить запасы военной техники, из которых можно было бы черпать оружие на случай нападения Германии, в равной степени не желали французы отказаться и от права военной подготовки всего мужского населения к национальной обороне. Их свободе действий в этом направлении сначала угрожала поддержка, оказанная британской делегацией в Подготовительной комиссии предложениям об ограничении обученных резервов. «Мы должны стремиться к тому, — настаивал лорд Сесиль, — чтобы ограничить силы, могущие быть использованными для неожиданной агрессии. Самый прямой и надёжный путь к этому заключается в уменьшении числа людей, которое вы можете поставить на передовую линию»⁴. Ввиду того

¹ План Тардье см. «С. R. L. A.», Docs. I, p. 113—116; план Эррио см. «С. R. L. A.», Docs. II, p. 435—440.

² «С. R. L. A.», Land Commission, p. 40—41, May 19, 1932.

³ Ср. *ibid.*, p. 47, 67; речь Тардье от 12 апреля 1932 г. см. «С. R. L. A.»: Gen. Comm., I, p. 51; речь Поль Бонкура от 23 мая 1933 г., *ibid.*, II, p. 492.

⁴ 26 марта 1927 г. «P. C. D. C.», IV, p. 46.

что во Франции замена армии, набранной по воинской повинности, армией профессионалов была совершенно невозможной, это предложение практически означало резкое сокращение подготовки ежегодных контингентов. Французские военные представители возражали, что ограничение обученных резервов, подобно ограничению резервов техники, «обеспечит в случае конфликта на 100 процентов победу государства с наибольшим военным потенциалом». Как раз более слабые страны должны полностью организовать в мирное время свою национальную оборону для того, чтобы возможно скорее противопоставить противнику все свои ресурсы. В противном случае «безопасность будет в дальнейшем существовать лишь для государств с высоким военным потенциалом, на милость которых должны будут полагаться все остальные. Это не может быть целью разоружения»¹. Британское правительство было слишком мало заинтересовано в этом вопросе, для того чтобы настаивать на своей точке зрения, и в 1928 г. оно перестало требовать ограничения обученных резервов, получив за это французские уступки относительно методов всенно-морского разоружения.

Проблема набора в армию после этого не рассматривалась вплоть до представления плана Эррио. Этот план предусматривал, что вооружённые силы для обороны всех европейских государств, за исключением Великобритании, должны быть сокращены до единого общего типа национальной армии с коротким сроком службы и ограниченным контингентом. Во время обсуждения был предложен срок военной службы от восьми до девяти месяцев. Французское правительство утверждало, что такая реорганизация уменьшит опасность агрессии более эффективно, чем это сделало бы уничтожение наступательного оружия. «Гораздо менее важно изучать вопрос, может ли данный тип техники облегчить агрессию, чем определить форму военной организации, которая в данном районе и данных политических условиях затруднила бы политику агрессии»². Профессиональная армия всегда готова к действию. Она хорошо обучена и предназначена для маневренной войны, в то время как её малочисленность делает её «непригодной для обороны, для размещения вдоль всей границы, для сети непрерывного огня, являющейся, так сказать, бронёй обороны». Армия с коротким сроком службы, наоборот, должна быть мобилизована, прежде чем начать действовать. Её передвижения не могут быть ни быстрыми, ни тайными. Плохо приспособленная для наступательных операций, она особенно пригодна для обороны. Исключение было сделано в отношении британской армии на том

¹ «P. C. D. C.»: Report of Sub-Commission A, p. 35—36.

² «C. R. L. A.», Docs., II, p. 435.

основании, что она «непригодна для агрессии, так как Великобритания отделена от континента морем»¹.

Предложение Эррио о создании национальной милиции во всей континентальной Европе было включено в план Макдональда от 16 марта 1933 г.

Нежелание Франции согласиться на ограничение военной техники и обученных резервов красноречиво говорит о той сдержанности, с которой Франция подходила к идее разоружения. Позицию Франции можно суммировать вкратце следующим образом. Франция была готова разоружиться в пределах системы «коллективной безопасности», однако о ней в сущности не было и речи. Разоружение как метод умиротворения полностью противоречил духу французской политики. Наконец, эмпирическая британская концепция разоружения как метода уменьшения угрозы внезапной агрессии казалась французам опасной иллюзией. Когда французские радикалы с этой целью выдвинули свой собственный план, их предложения составили последовательную схему, включающую, с одной стороны, полную реорганизацию германских и французских армий, а с другой — всемирную систему безопасности, хотя и в скромном масштабе.

Пристальное изучение переговоров о разоружении показывает, что контраст, который многие обнаруживали между британским и французским тезисами о разоружении, был неверно понят. Считали, что британцы настаивали, будто разоружение само по себе приведёт к безопасности, а французы, — что безопасность должна предшествовать разоружению. Это расхождение во взглядах между двумя странами прикрывало по существу различие более серьёзного характера. Подлинное расхождение между Францией и Великобританией касалось скорее вопроса о том, будет ли мир в Европе попрежнему покоиться на господстве силы. В условиях, создавшихся в результате Версальского договора, разоружение не означало равного пропорционального сокращения вооружений всех государств. Оно означало конец вооружённого превосходства Франции и её союзников. Это превосходство, освящённое Версальским договором, Великобритания стремилась заменить сообществом относительно разоружённых государств, и мир в этом сообществе мог быть обеспечен взаимным доверием каждого в отношении намерений всех остальных.

¹ Выступление Пьера Кота 17 февраля 1933 г. см. «С. R. L. A.»: Gen. Comm., II, p. 279—284.

РЕЙНСКАЯ ОБЛАСТЬ В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1919 Г.

В своём классическом анализе внешней политики французской монархии великий историк Сорель старался показать, как эта политика определялась стремлением Франции к экспансии до её естественных границ на Рейне, в Альпах и в Пиренеях. Существует прочно установившийся взгляд, что ещё Ришельё сформулировал в качестве руководящей идеи французской политики стремление установить границу Франции по Рейну. «Читали ли вы когда-нибудь завещание Ришельё?—писал лорд Эшер сэру Морису Хэнки в октябре 1917 г. — Его мысли постоянно проводились с тех пор в жизнь королями, императорами и республиками»¹.

Однако этот твёрдо установившийся взгляд находит мало подтверждений в фактах, и интерпретация Сореля должна быть, повидимому, отнесена к обширной категории исторических легенд. Более чем сомнительно, чтобы французская политика при монархии была когда-либо направлена к достижению естественных границ. Мысль о расширении Франции до её «естественных границ» была до революции химерой, к которой стремились немногие одинокие мыслители, не имевшие никакого влияния на политику. Издание знаменитого завещания Ришельё, в котором провозглашена доктрина естественных границ, представляет собой апокрифическое произведение, принадлежащее перу иезуита Пьера Лаббе. Эпизоды из истории французских границ, служившие красочным подтверждением тезису Сореля, не отражали в сущности политики экспансии в сторону Рейна. За исключением приобретения Лотарингии кардиналом Флэри в 1733—1738 гг. эти эпизоды вовсе не отражали какой-либо ясно сформулированной пограничной политики. Они были лишь рядом отдельных действий, предпринятых в связи с военными нуждами. Сорель заблуждался, приписывая чёткую политиче-

¹ *Esher, Journal and Letters, IV, p. 212.*

скую мысль мероприятиям, бывшим лишь поспешной реакцией на неотложные проблемы времени¹.

Доктрина о естественной границе Франции на Рейне представляет собой наследство политики не монархии, а французской революции. За Вальми последовало продвижение французских армий к Майнцу. После того как эта территория была оккупирована, возник вопрос, что с ней делать? Какие гарантии против возвращения столь враждебных революции прежних властителей можно было найти, кроме аннексии? Однако революционная Франция отреклась от завоеваний, и многие из её вождей — Робеспьер, Карно, Демулен — предостерегали против аннексии. Идея естественных границ дала подходящее разрешение вопроса. Такovy были обстоятельство, вызвавшие появление знаменитой декларации Дантона: «Границы республики отмечены самой природой. Мы дойдём до них на севере, на юге, на востоке и западе, до Рейна, до океана, до Альп, до Пиренеев. Там находятся пределы нашей республики, и никакая человеческая сила не может помешать нам достигнуть их»². Таким образом родилась революционная традиция.

Потребовалось бы слишком много места, чтобы проследить политику Франции по отношению к Рейну в течение XIX века. Достаточно добавить, что Рейнская область оставалась под контролем Франции около 20 лет, пока в 1814 г. первый Парижский договор не вернул Францию почти к границам 1792 г. Тогда Пруссия получила то, что потеряла Франция, ибо в 1815 г. Пруссии позволили перейти через Рейн, чтобы создать германский крепостной вал против Франции. Однако среди французов сохранилось убеждение, что их естественной границей является Рейн. В течение долгого времени теплилась надежда на возвращение Рейнской области.

Поэтому, когда мировая война выдвинула вопрос о том, как обеспечить защиту Франции от Германии в будущем, мысли французских государственных деятелей вновь обратились к Рейну. Указание на их планы мы находим в двух документах, составленных в начале 1917 г. Первый из них — это личное письмо французского премьер-министра Бриана послу в Лондоне Полю Камбону от 12 января, а второй — франко-русское соглашение, заключённое 14 февраля без ведома британского

¹ Относительно переоценки внешней политики французской монархии см. *Zeller, G.*, *La Réunion de Metz à la France, 1552—1648*, Paris 1926; *Mommsen, W.*, *Kardinal Richelieu, Seine Politik im Elsass und im Lothringen*, Berlin 1922; *Bauifol, L.*, *Richelieu et la question de l'Alsace*, «Revue historique», vol. 138, 1921—1922, p. 160—199; *Picaot, C. G.*, *La Diplomatie française au temps de Louis XIV*, p. 175—180, Paris 1930.

² *Danton, Discours*, p. 268, Paris 1920.

правительства. Эти два документа не случайно весьма различны по тону. Бриан излагал свои взгляды осторожным и даже двусмысленным языком. Франция заинтересована, заявлял он, не в том, чтобы обеспечить себе «славные, хотя и непрочные приобретения», а в том, чтобы обеспечить «такое положение вещей, которое служило бы гарантией не только для нас, но и для Европы, и укрепляло бы наши границы. С нашей точки зрения, Германия в будущем должна лишь одной ногой стоять по ту сторону Рейна. Решения о будущем этих территорий, их нейтралитете и их временной оккупации должны быть обсуждены союзниками; совершенно ясно, что Франция, которая наиболее непосредственно заинтересована в территориальном статусе этих районов, должен принадлежать главный голос при разрешении этой серьёзной проблемы». Франко-русское соглашение не предусматривало подобного хода переговоров и компромисса. Это соглашение предусматривало, что левый берег Рейна должен быть свободен от всякой политической и экономической зависимости по отношению к Германии. Должно быть создано автономное и нейтральное государство Рейнской области, территория которого будет оставаться под французской оккупацией до тех пор, пока Германия не выполнит полностью всех условий и гарантий, предусмотренных мирным договором¹.

¹ См. текст письма Бриана в книге *Barthou L., Le Traité de Paix*, p. 143—145. См. также *Me meix, Le Combat des Trois*, p. 110—193. Можно отметить, что в письме Бриана нет требования аннексии Рейнской области или даже создания в Рейнской области независимого государства. Его формула такова: «С нашей точки зрения, Германия в будущем должна лишь одной ногой стоять по ту сторону Рейна». Тардьё (*La Paix*, p. 189) цитирует эту фразу в несколько другом виде: «С нашей точки зрения, Германия не должна более стоять по ту сторону Рейна». Цитата Барту, пожалуй, более правильна. В германских кругах обычно цитируется фраза Тардьё, а не Барту. Текст франко-русских нот см. *Paleologue, M., An Ambassador's Memoirs*, III, p. 178, 182—183, 192. Некоторые стороны франко-русских переговоров, в особенности роль Бриана, остаются неясными. Говорят, что подписание французской ноты было одобрено Кэ д'Орсе в отсутствие Бриана. См. *Suarez, G., Briand, IV*, p. 128—135. Бриан считал, что это обязательство России представляет собой возмещение за константинопольское соглашение 1915 г. Однако 15 февраля Извольский посетил Бриана и просил о согласии Франции на свободу действий для России по установлению её границы с Австрией и Германией. Бриан был озадачен, но нашёл затруднительным отказать в этом новом требовании. Ввиду его колебаний это новое соглашение не было заключено до 12 марта. Относительно этих переговоров см. *Lafue, P., Doumergue*, p. 102—103; *Stieve, F., Iswolski im Weltkrieg*, p. 211—215, *Pingaud, A., La Mission de M. Doumergue en Russie en 1917*, «Revue d'histoire de la guerre mondiale», vol. 15, Octobre 1937, p. 338—352; *Ribot, A., Journal*, p. 99—102, 136; *Poincaré, R., Au Service de la France*, p. 63—64, 146, 159. [Опубликованные в сборнике «Константинополь и проливы» (изд. НКВД, Москва 1925, т. I) документы остались, повидимому, неизвестными автору. — *Прим. ред.*]

Ни письмо Бриана, ни франко-русское соглашение не повлияли на дальнейший ход переговоров. Хотя письмо Бриана явилось ответом на просьбу сэра Эдуарда Грея о каком-либо указании на французские цели в европейской войне, оно не имело последствий, ибо пришло после падения министерства Асквита. Прошло шесть месяцев, прежде чем Камбон прочёл это письмо Бальфуру. Не получив никакого поощрения со стороны Бальфура, Камбон не развил эту тему. Однако в декабре британскому правительству пришлось открыто высказаться о своём отношении к французскому плану. 12 декабря текст франко-русского соглашения, потерявшего всякое значение в связи с Октябрьской революцией, был опубликован в «Манчестер Гардиен». Бальфур в палате общин заявил, что британское правительство ничего не знало о соглашении, и совершенно откровенно изложил свои взгляды. «Мы никогда не желали и никогда не поощряли мысли о том, чтобы хотя небольшая часть Германии была отделена от неё и превращена в своего рода независимую республику на левом берегу Рейна, для того чтобы образовать новое буферное государство между Францией и Германией. Это никогда не входило в политику правительства его величества. Правительство его величества никогда не представляло себе, что кто-либо из французских государственных деятелей серьёзно об этом думал». Ввиду того что самый факт знакомства англичан с французскими предложениями было столь решительно опровергнуто, неудивительно, что данный вопрос не поднимался более французским правительством, пока продолжалась война¹. До конца 1918 г. французские планы в отношении Рейнской области оставались окутанными туманом; рассекать этот туман британское правительство считало, очевидно, неразумным.

Даже на мирной конференции Клемансо, повидимому, откладывал представление французских требований. Возможно, что до середины февраля 1919 г. он не принял ещё решения настаивать на отделении Рейнской области от Германии. Во всяком случае в настоящее время нет никаких доказательств того, что он пришёл ранее к какому бы то ни было решению. Действительно, меморандум о французской политике, переданный британскому правительству Полем Камбоном после перемирия, предлагал для Рейнской области только «военную нейтрализацию без политического вмешательства» и военную оккупацию, «как гарантию выполнения предварительных условий мира», что подразумевало ограниченный срок оккупации². Ноты, составленные маршалом Фшшем, первая — 27 ноября 1918 г.³, а вторая —

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 3—5.

² Miller, II, p. 206—214; «Anglo-French Negotiations», p. 10.

³ Текст см. *Mermeix, Le Combat des Trois*, p. 205—210.

10 января 1919 г.¹, ничем не связывали французское правительство. Сенатская комиссия по иностранным делам впервые узнала о решении Клемансо требовать создания независимой Рейнской области 16 февраля, и как раз неделю спустя Клемансо изложил свои мысли полковнику Хаузу². Первым официальным заявлением о французской политике в отношении Рейнской области была нота от 25 февраля 1919 г., составленная Андре Тардые по просьбе Клемансо. Если не считать детального обоснования требований, нота не шла далее констатации двух основных принципов.

1. Западная граница Германии должна проходить по Рейну.

2. Мосты через Рейн должны быть заняты межсоюзными войсками.

Эти требования, утверждал Тардые, составляли для Франции «жизненную необходимость; в этом вопросе она не могла допустить никакого компромисса»³.

За то время, когда Вильсон находился в Америке, Клемансо и Тардые сумели в известной мере добиться частичного признания этих требований. Полковник Хауз готов был согласиться на оккупацию Францией предместных укреплений на Рейне, до тех пор пока Германия не выполнит налагаемых на нее договором обязательств; он соглашался также на создание независимой Рейнской республики сроком на пять лет. Однако полковник Хауз разочаровался в своих надеждах притти к соглашению с Клемансо на этой основе, ибо Клемансо настаивал на постоянном отделении Рейнской области от Германии. Бальфур, возможно, разделял взгляды полковника Хауза, но Ллойд Джордж был более непреклонен; он был больше встревожен требованием о создании оккупационной армии, чем проектом Рейнской республики, хотя не мог согласиться и на этот проект на тех условиях, которые выдвинула Франция, о чем он и заявил Хаузу⁴. Тем не менее 10 марта Клемансо, Ллойд Джордж и Хауз назначили небольшой комитет, снабдив его инструкциями «окончательно сформулировать границы Германии». Образование комитета должно было сохраняться в тайне. Клемансо назначил туда Тардые, Хауз — своего зятя доктора Мизеса, а Ллойд Джордж — своего личного секретаря Филиппа Керра. Однако в тот же день телеграмма Вильсона Хаузу выбила почву из-под ног комитета. Президент телеграфировал: «Я наде-

¹ Текст см. «Anglo-French Negotiations», p. 10—17.

² *Ribot, A.*, Journal, p. 259—260; *House*, IV, p. 245.

³ Текст см. «Anglo-French Negotiations», p. 55—57.

⁴ *House*, IV, p. 356—357, 370, 399; *Lloyd George, Peace Treaties*, I, p. 287. См. также *Birdsall, P.*, Versailles Twenty Years After, p. 201—207, где помещены не опубликованные до сих пор выдержки из архива Хауза.

юсь, что вы, хотя бы и временно, не согласитесь на отделение Рейнских провинций от Германии на каких бы то ни было условиях, а оставите весь этот вопрос до моего приезда». В результате Хауз дал новые инструкции своему зятю. Комитет заседал 11 и 12 марта, но Мизес заявил своим коллегам, что Хауз считает неразумным приходить к каким бы то ни было заключениям до приезда Вильсона, который должен был вернуться через 48 часов. Даже если бы Хауз не отступил в этом вопросе от первоначальной позиции, весьма мало вероятно, чтобы комитет сумел прийти к каким-либо единым выводам. Переговоры между Керром и Тартье обнаружили лишь резкое противоречие между позициями Англии и Франции¹.

После возвращения президента из Америки, 14 марта, переговоры вступили в новую фазу ввиду сделанного Францией предложения обеспечить её границы путём англо-американского гарантийного договора. За два дня до этого Ллойд Джордж конфиденциально сообщил Хаузу, что для предоставления Франции желаемой ею гарантии «он согласен заявить, что в случае вторжения англичане немедленно придут ей на помощь». Вильсон тотчас же согласился сделать аналогичное предложение, возможно для того, чтобы смягчить свой отказ от уступок, на которые готов был пойти Хауз. Днём 14 марта Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо собрались на строго секретное совещание, на котором не было ни секретаря, ни переводчика. Вильсон и Ллойд Джордж ясно заявили, что они согласятся лишь на кратковременную оккупацию левого берега Рейна, причём это будет не мерой по обеспечению безопасности, а лишь временной гарантией уплаты репараций. В виде компенсации они официально предложили немедленную военную гарантию против любой неспровоцированной агрессии Германии по отношению к Франции. Клемансо выразил свою благодарность, но прежде, чем дать ответ, попросил отсрочку для совещаний со своими советниками².

Французский ответ был вручён Ллойд Джорджу и Вильсону 17 марта. В обмен на англо-американское предложение о гарантиях французы отказались от требования политического отделения левого берега Рейна от Германии. Однако французская нота утверждала, что один гарантийный договор не может явиться прочным основанием для безопасности. Прежде всего его условия требуют более тщательной детализации. К тому же англо-американские гарантии должны быть обязательно допол-

¹ *Miller*, VI, p. 316—317; VII, p. 57—59; *Tardieu*, *La Paix*, p. 190—194; «Anglo-French Negotiations», p. 58—69; *House*, IV, p. 368.

² *House*, IV, p. 370; «Anglo-French Negotiations», p. 68—69.

нены гарантиями территориального характера. Совместная контрольная комиссия должна постоянно находиться в демилитаризованной зоне. Вступление или попытка вступления германских войск в эту зону должны будут рассматриваться как акт агрессии и вызывать применение военных гарантий. Союзные войска должны продолжать оккупацию левого берега и предместных укреплений, однако не на неопределённый срок, как предлагалось ранее, а на особый период, «как часть гарантий, которые следует потребовать для выполнения финансовых статей договора». После отвода сюзных войск Франция должна иметь право вновь занять линию Рейна, если совместная контрольная комиссия сообщит о нарушении Германией границы демилитаризованной зоны или военных, военно-морских, либо военно-воздушных статей договора¹.

Споры об оккупации Рейнской области продолжались ещё месяц; они были лишь слегка смягчены переговорами относительно гарантийного договора. Позиция Америки была сформулирована в ноте от 28 марта, которая, как заявил Хауз одному американскому журналисту за два дня до этого, «весьма понравилась президенту, решившему, что она станет базой для соглашения»². Нота гласила:

1. Никаких укреплений западнее линии, проведённой в 50 километрах к востоку от Рейна, как это было уже ранее согласовано при обсуждении военных условий договора.

2. В названном районе запрещается расквартирование или сосредоточение вооружённых сил как постоянно, так и временно, а также всякие манёвры и сохранение физических возможностей для мобилизации.

3. Несоблюдение этих условий должно считаться актом, враждебным по отношению к сторонам, подписавшим данный договор, и будет рассматриваться как попытка нарушить международный мир.

4. В отдельном договоре с Соединёнными Штатами предусматривается также обязательство Соединённых Штатов, при условии одобрения его Советом Лиги наций, немедленно прийти на помощь Франции, как только Германия совершит какой-либо неспровоцированный акт агрессии против неё. Это обязательство должно сохраняться в силе, пока договаривающиеся стороны не согласятся в том, что сама по себе Лига представляет достаточную защиту от агрессии³.

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 74—75.

² *Thompson, C. T.*, *The Peace Conference Day by Day*, p. 66.

³ *Baker, H.*, p. 71. Первый проект гарантийного договора, подготовленный полковником Хаузом, см. *Miller*, VI, Doc. 539, p. 474a; другой текст см. *Palmer, Bliss*, p. 386.

Таким образом, были отвергнуты два основных требования, выдвинутые Клемансо: безоговорочная гарантия демилитаризованной зоны и условное право оккупировать линию Рейна. Тем не менее эта американская нота явилась одним из двух элементов окончательного разрешения вопроса о Рейнской области. Первые три абзаца ноты стали статьями 42—44 Версальского договора.

Однако Клемансо принял условия этой американской ноты от 28 марта лишь после того, как в течение дальнейших двух недель он не безрезультатно настаивал на оккупации Рейнской области. 31 марта по предложению Клемансо в Совет четырёх был вызван маршал Фош. Фош представил ещё один меморандум — третий по счёту, — чтобы показать, что только наличие союзных войск на Рейне может спасти Францию от вторжения¹. Ллойд Джордж и Вильсон без всякого внимания выслушали его, а затем заявили, что настаивать бесполезно, так как решение ими уже принято. Четыре дня спустя король Альберт предстал перед Советом четырёх; он настаивал на бельгийских требованиях особых условий в отношении репараций. Клемансо, пользуясь присутствием короля, выдвинул на обсуждение вопрос о левом берегу Рейна. Но король Альберт ясно заявил, что и он удовольствовался бы кратковременной военной оккупацией. В конце концов, подавленный упорным сопротивлением Вильсона и Ллойда Джорджа, Клемансо решил предпринять стратегическое отступление².

6 апреля Клемансо приказал начальнику своей военной канцелярии генералу Мордаку составить доклад о наиболее приемлемом методе эвакуации Рейнской области, основываясь на том, что часть оккупированной территории должна быть эвакуирована через пять лет, другая часть — через 10 лет и вся оккупированная область — по истечении пятнадцати лет. Мордак рекомендовал прежде всего эвакуировать северную зону, для того чтобы сохранить контроль над Майнцем до самого конца. 14 апреля Клемансо заявил полковнику Хаузу, что если Вильсон примет это предложение о постепенной эвакуации, то и он, Клемансо, согласится на американские условия, касающиеся демилитаризованной зоны и гарантийного договора³. На следующий день Хауз довёл об этом до сведения Вильсона. «Президент был недоволен отдельными моментами в предложении, — писал Хауз, — в особенности тремя пятилетними периодами оккупации, но он согласился на предложение в целом». Хауз немедленно отправился на свидание с Клемансо. «Я сказал

¹ Текст см. «Anglo-French Negotiations», p. 85—88.

² *Mordacq, gen. J. J. H., Le Ministère Clemenceau, III, p. 203, 210.*

³ См. стр. 220.

ему: «Я приношу вам хорошие известия. Президент согласился на всё, о чём вы просили меня вчера». Клемансо пожал мне обе руки, а затем обнял меня»¹. В то время когда Вильсон 15 апреля согласился на пятнадцатилетний срок оккупации, Ллойд Джордж только что выехал в Англию, чтобы защищать свою позицию в переговорах перед палатой общин. Накануне было объявлено о решении пригласить немцев в Версаль. Возможно, что когда это решение было принято, Ллойд Джордж был твёрдо убеждён, что продолжительная оккупация не войдёт в условия договора². С таким впечатлением Ллойд Джордж покинул Париж. Он вернулся 18 числа, очень довольный своим успехом в палате общин, и обнаружил, что положение значительно изменилось. Вильсон и Клемансо договорились об оккупации; вскоре должна была прибыть и германская делегация. При таких обстоятельствах Ллойд Джордж также согласился на предложение Клемансо.

В последние дни апреля президент Вильсон и Клемансо договорились между собой даже и о деталях оккупации Рейнской области, не дожидаясь одобрения этого Ллойд Джорджем. 20 апреля они пришли к соглашению по основному проекту; Ллойд Джордж принял его 22 апреля. 25 апреля Клемансо внёс на рассмотрение Совета четырёх дополнительную статью, уже одобренную президентом Вильсоном. Эта статья была принята Ллойд Джорджем 30 апреля³. Одна из статей была пересмотрена несколько дней спустя ввиду жалобы Вильсона на то, что она не отражает намерений, которые он имел, когда принимал её⁴. Таким образом, закончена была выработка XIV части договора, носящей название «гарантии исполнения».

Обстоятельства, приведшие к тому, что Ллойд Джордж принял пункты об оккупации, объясняют его запоздалые усилия в первые дни июня изменить эту часть договора. Английские министры и премьер-министры доминионов выступили с суровой критикой, узнав об условиях мира, и 2 июня они уполномочили Ллойд Джорджа настаивать на более коротком периоде оккупации и на уменьшении размеров оккупационной армии. Ллойд Джордж начал свою кампанию в тот же день в Совете четырёх, и в течение двух недель благодаря Ллойд Джорджу этот

¹ *Mordacq. gen. J. J. H.*, Le Ministère Clemenceau, III, p. 214; *House*, IV, p. 422—423.

² См. его заявление от 11 апреля премьер-министрам доминионов: «Anglo-French Negotiations», p. 92.

³ «Anglo-French Negotiations», p. 95—96, 103; *Tardieu*, La Paix, p. 235; *Miller*, XIX, p. 485—487.

⁴ См. *Baker*, II, p. 101; ср. «Anglo-French Negotiations», p. 96, 105; *Miller*, XIX, p. 487.

вопрос оставался на первом плане¹. Ему не удалось добиться изменений в тексте договора, но он побудил Клемансо подписать 16 июня совместную декларацию с ним и Вильсоном о длительности оккупации и о расходах по ней².

Пожалуй, здесь будет уместно напомнить условия оккупации, уже изложенные в одной из предыдущих глав. Оккупация должна была продолжаться пятнадцать лет, но в случае точного выполнения договора Германией часть оккупированного района подлежала эвакуации в конце каждого пятилетнего периода: вначале район Кёльна, затем — район Кобленца и, наконец, через пятнадцать лет южная часть, включая Майнц. Была предусмотрена реоккупация эвакуированной территории в случае германского отказа соблюдать обязательства по выплате репараций, а также был предусмотрен полный вывод войск из Рейнской области в случае выполнения договора Германией полностью менее чем в пятнадцать лет. До сих пор XIV часть договора оставалась в рамках её названия: «Гарантии исполнения». Лишь последний параграф статьи 429 показывает, что эти условия обязаны своим происхождением заботе Франции о своей безопасности. Этот параграф предусматривает, что если по истечении пятнадцати лет гарантии от неспровоцированной агрессии со стороны Германии не будут признаны достаточными союзными и объединившимися правительствами, эвакуация может быть отложена на такой срок, который будет считаться необходимым в целях получения требуемых гарантий. Это и была дополнительная статья, выдвинутая Клемансо 25 апреля с одобрения Вильсона.

Декларация от 16 июня, явившаяся результатом агитации Ллойд Джорджа за пересмотр прежнего проекта решений, предусматривала, что союзные и объединившиеся державы готовы притти к соглашению между собой об окончании оккупации, как только Германия представит удовлетворительные гарантии выполнения своих обязательств. Это являлось дружеским соглашением между Великобританией, Францией и США об окончании оккупации на менее обременительных условиях, чем это было предусмотрено в договоре.

Неудачная попытка Ллойд Джорджа добиться пересмотра пунктов, касающихся оккупации, совпала со столь же неудач-

¹ См. *Lloyd George, Peace Treaties*, I, p. 692—718; «*Anglo-French Negotiations*», p. 106; *Miller, XIX*, p. 488—489; *Tardieu, A., Le Sleswig et la Paix*, p. 248 et seq.

² Декларация правительств Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Франции относительно оккупации рейнских провинций («*Cmd. 240*»). О переговорах, предшествовавших этому соглашению см. также *Manioux, P., L'Histoire à la Conférence de la paix, «L'Esprit international»*, Janvier 1929, p. 39—50.

ной попыткой генерала Манжена поставить конференцию перед совершившимся фактом создания Рейнской республики. Можно отметить, однако, что сепаратистское движение в Рейнской области не было при своём зарождении искусственно разжигаемым явлением. В первые недели перемирия среди рейнских католических лидеров и рейнских промышленников преобладали настроения в пользу автономии. Являясь реакцией на политические и социальные беспорядки, угрожавшие охватить остальную Германию, эти настроения неизбежно исчезали по мере того, как рассеивался страх перед революционными беспорядками. Как только прусское правительство вновь упрочило свою власть, наиболее влиятельные лица, как, например, Аденауэр, бургомистр Кёльна, отошли от сепаратистского движения. В тот момент, когда многие отошли от сепаратизма, на первый план в качестве лидера сепаратистского движения выдвинулся доктор Дортен. Французские военные власти вначале косо смотрели на Рейнский комитет, организованный Дортеном в первые дни марта 1919 г. Вплоть до конца апреля Дортен не мог установить прямого контакта с генералом Манженом. Манжен сам стремился к полному отделению Рейнской области от Германии в качестве первого шага к присоединению этой области к Франции. Дортен предполагал включить рейнское государство в федеральную Германскую республику. Соглашение между Манженом и группой Дортена было достигнуто после продолжительных совещаний 17 мая 1919 г. В результате этого соглашения было решено провозгласить Рейнскую республику в Кобленце. Последующий ход событий хорошо известен. Манжен, надеясь помочь сепаратистам, связался с генералом Лиджеттом — командующим американскими войсками в Кобленце; Лиджетт информировал Першинга, а Першинг информировал президента Вильсона; президент пожаловался Клемансо, который приказал Манжену придерживаться позиции строгого нейтралитета в отношении внутренних дел Германии. 1 июня Рейнская республика была провозглашена в Висбадене; однако не имея отныне активной поддержки Манжена, она потерпела фиаско¹.

¹ *Dorten, H. A.*, The Rhineland Movement, «Foreign Affairs», April 1925; *Dorten, H. A.*, Le General Mangin en Rhénanie, «Revue des Deux Mondes», Juillet I, 1937; *Traversay, G.*, La première Tentative de République rhénane, «Revue de Paris», Novembre 15, et Décembre I, 1928; *Mangin, gen.*, Lettres de Rhénanie, «Revue de Paris», Avril I, 1936. Комментарий Патенау см. *Allen, H. T.*, My Rhineland Journal, p. 374; комментарий Нойеса см. «U. S. A. Foreign Relations», 1920, II, p. 296. Как Патенау, так и Нойес согласны с тем, что в начале существовали весьма сильные настроения в пользу создания Рейнского государства.

**БЕЗОПАСНОСТЬ: ВОПРОС О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
ГРАНИЦЕ ФРАНЦИИ**

Между Англией и Францией тянется пролив Ла-Манш шириной всего в 19 миль в самой узкой восточной части; и всё же этот пролив достаточно широк, для того чтобы образовать непреодолимую водную преграду. Этому чувству безопасности (от событий в Европе), укоренившемуся с незапамятных времён в английском народе, можно в значительной мере приписать столкновение английских и французских взглядов по европейским вопросам. В течение ряда веков флот, находясь на страже Северного моря и Ла-Манша, охранял Англию от вторжения. Уверенность в способности флота заставлять врага в период войны не покидать собственных берегов делала возможным сокращение английских сухопутных сил в период мира до ничтожного по континентальным понятиям уровня. Флот должен был в случае возникновения войны прикрывать остров в течение начального периода, пока Англия оставалась в военном отношении слабой, чтобы дать ей возможность перевооружиться; очевидно, в задачу флота входило также прикрытие переброски людей и боеприпасов в любой район, где наступательные операции могли бы оказаться возможными и желательными.

Такой иммунитет от вторжения невозможен для континентальной страны; тем не менее в 1919 г. Франция стремилась обеспечить себе подобную же степень защиты. «Вы забываете, — воскликнул Клемансо, обращаясь к Ллойд Джорджу, — что на вашем острове за морем вы находитесь в укрытии; что же касается нас, то мы находимся на материке и имеем уязвимую границу. Мы должны располагать барьером, за которым наш народ, имеющий мало детей, мог бы работать в безопасности»¹.

Невозможность договориться по проблеме безопасности являлась в первую очередь результатом этого настойчивого французского требования относительно предоставления гарантий

¹ *Tardieu, A., Le Sleswig et la Paix, p. 252.*

против вторжения. Такими гарантиями могли бы явиться только прочные военные гарантии географического или политического характера: либо стратегическая граница на восточных окраинах Франции, либо политические соглашения, способные обеспечить немедленную военную помощь на случай войны. Сама безопасность, которой пользовались островные жители, лишала их возможности понять опасения их соседей. Французская забота о мобилизации сил на борьбу против захватчика в течение долгого времени казалась выражением нераскаянного милитаризма; так думали те, кто в силу своего более счастливого положения склонен был провозглашать вполне достаточной гарантией мобилизацию доброй воли Германии, так же как и других стран.

Французское требование территориального урегулирования в целях обеспечения безопасности от вторжения через северо-восточную границу опиралось на убеждение в том, что оборона Франции не может быть эффективно организована на старой политической границе, которой Франция обладала до потери Эльзас-Лотарингии. Эта граница, фактически восстановленная Версальским договором, может быть разделена на три основных отрезка. Первый отрезок тянется вдоль Рейна от швейцарской границы к северу от Базеля до слияния Рейна и Лаутера. Второй отрезок тянется в направлении примерно перпендикулярном Рейну от Лаутера до бельгийской границы северо-восточнее Лонгви. Третьим отрезком является франко-бельгийская граница, которая проходит вдоль южного склона Арденн через холмы между Маасом и Самброй и затем пересекает равнину в направлении побережья восточнее Дюнкерка¹.

Опасность, угрожавшая Франции на франко-бельгийской границе, широко продемонстрирована планом Шлиффена, хотя вряд ли можно забывать, что французский генеральный штаб оставил эту границу в 1914 г. в исключительно беззащитном состоянии. Природа, правда, не способствует военной обороне этой береговой равнины, где реки текут под прямым углом к границе. Уязвимость этого участка сделала Францию жизненно заинтересованной в обороне Бельгии. В результате этого обе страны объединились в 1919 г. в требовании отмены бельгийского ней-

¹ Повидимому не существует хорошей современной военной географии франко-германской границы. См., однако, *Johnson, D. W.*, *Topography and Strategy in the World War*. Очерки генерала Буржуа в «Comité d'Études: Travaux», 2 vols., Paris 1918 послужили бы ценным пособием, но в Англии невозможно достать эту работу. Что касается более старых авторов, то см. *Marga, A.*, *Géographie militaire*, vol. I, Paris 1885, и *Niox, G.*, *Géographie militaire*, vol. I, Paris 1893. По исторической географии французских границ см. *Lavallée, T.*, *Les Frontières de la France*, Paris 1864 и *Mirot, L.*, *Manuel de la géographie historique de la France*, Paris 1929.

тралитета и пересмотра восточной границы Бельгии для обеспечения в будущем более эффективной защиты последней.

На юге возвращение Эльзас-Лотарингии в 1918 г. явилось крупным стратегическим приобретением не столько ввиду значения эльзасской части Рейна как военного барьера, сколько в силу изгнания из Эльзаса германских войск, представлявших до 1914 г. постоянную угрозу для Франции. Французский контроль над Эльзасом в значительной мере устранил также опасность того, что оборона перевала Бельфор может быть обойдена в случае германского нападения через швейцарскую границу. К стратегическим соображениям в пользу возвращения потерянных провинций всегда примешивались элементы чувства.

Подлинно критическим отрезком границы был центральный отрезок, который, отклоняясь от Лаутера, пересекает Нижние Вогезы, перерезает Саар и идёт параллельно этой реке, за исключением её южной части, вплоть до берегов Мозеля, пересекает Мозель к северу от Сирка и затем образует южную границу Люксембурга вплоть до её соприкосновения с Бельгией. Через эту часть границы проходят исторические дороги вторжения из Германии — дорога вдоль долины Мозеля между Хундсрюком и Эйфелем и дороги Палатината, сходящиеся в Саарской долине.

Это была, по мнению французов, «искалеченная» граница 1815 г. Первый Парижский договор, подписанный в мае 1814 г., оставлял Франции Саарлуи, бывший в составе Франции с 1684 г., и Саарбрюккен, вошедший в её состав после 1793 г. Второй Парижский договор, подписанный после Ватерлоо, в ноябре 1815 г., отодвинул французскую границу обратно к югу от Саара. И Саарлуи и Саарбрюккен были для Франции потеряны. Таким образом, с военной точки зрения граница 1815—1871 гг. была значительно слабее, чем граница 1814 г.

Однако в силу экономических причин французы не собирались в 1919 г. удовлетвориться даже восстановлением границы 1814 г., ибо это оставило бы значительную часть Саарского угольного бассейна вне пределов Франции. Франция прежде всего хотела получить уголь. Война вскрыла значение угля для национальной обороны. Недостаток топлива был и оставался до конца 1920 г. причиной серьёзного беспокойства внутри страны; кроме того, уголь был жизненным элементом военного потенциала Франции. С этой точки зрения Франция имела основание для беспокойства. Перед войной она добывала только две трети необходимого ей угля; равновесие поддерживалось ввозом из Великобритании, Германии и Бельгии. Шахты на северо-востоке, откуда поступала почти половина довоенной французской добычи угля, были намеренно разрушены немцами во время их отступления. Возвращение железных рудников Лотарингии ещё усиливало

недостаток угля во Франции, который, повидимому, можно было восполнить только приобретением саарских шахт. Но присоединение всего угольного бассейна потребовало бы перенесения границы далеко за линию 1814 г. Это означало бы французское господство во всей Саарской долине восточнее Мерцига.

В стратегических целях, вероятно, потребовалось бы передвинуть границу ещё дальше. Фош в ноябре 1918 г. предложил линию, начинающуюся от слияния Саара и Мозеля южнее Трира и идущую на восток до Рейна у Гермерсхейма. В своё время французское правительство, возможно, и намеревалось потребовать такую стратегическую границу¹, но соответствующее предложение не было выдвинуто Францией на Парижской конференции. Оно не было, однако, и полностью забыто, ибо в марте 1919 г. Тардье говорил Филиппу Керру, что если Рейнские провинции не будут отделены от Германии, Франция потребует в качестве условия своей безопасности стратегическую границу, идущую от пункта южнее Трира до пункта на Рейне в нескольких милях севернее Ландау². Однако французы, англичане и американцы равно стремились создать географическую основу французской безопасности иными средствами, нежели аннексия всей территории во имя военных целей, — французы хотели иметь выдвинутый военный барьер по Рейну, в то время как англичане и американцы считали, что создание демилитаризованной зоны и другие нетерриториальные гарантии послужат широким средством защиты.

Вследствие этого обсуждение вопроса о Сааре на мирной конференции вращалось главным образом вокруг экономической стороны вопроса, и достигнутое окончательное решение было компромиссом между экономическими и демографическими соображениями. Французское правительство претендовало вначале на восстановление границ 1814 г. с включением выступа Ландау и саарских шахт по ту и другую сторону этой границы. Что же касается Саарского промышленного района, находящегося за пределами границы 1814 г., то он должен был быть подчинён специальному режиму, для того чтобы облегчить эксплуатацию шахт французами. Ллойд Джордж готов был согласиться на границы 1814 г. Клемансо рассчитывал на его согласие ещё со времени Лондонской конференции в декабре 1918 г.³ Однако, вероятно для того, чтобы иметь

¹ Ноту Камбона от 26 ноября 1918 г. см. *Miller*, II, p. 206—214, и «*Map-constituting*», Doc. 49, p. 215; см. также *Malletterre, gen., La bonne Frontière militaire de la France*, p. 64—65.

² «*Anglo-French Negotiations*», p. 61.

³ *Ribot, A., Journal*, p. 256; *Poincaré, R., Au Service de la France*, X, p. 378; «*Anglo-French Negotiations*», p. 69, 83. См. также *Friedensburg, F.,*

точку опоры против французов, Ллойд Джордж настаивал на том, чтобы территориальная аннексия и контроль над шахтами рассматривались не как дополняющие, а как взаимно исключающие друг друга предложения. Согласие Ллойд Джорджа обострило затем конфликт между Клемансо и Вильсоном. Последний, вопреки совету полковника Хауза и американских экспертов, резко выступил против границ 1814 г. Клемансо был вынужден отказаться от этого требования. Со своей стороны президент с самого начала признал справедливость французских претензий на саарский уголь в форме репараций и после некоторого колебания также согласился по настоянию своих советников на передачу шахт в полную собственность Франции. В своё время он надеялся оставить эту территорию под германским управлением, но понял, что эксплуатация шахт будет невозможна, если французы будут владеть ими при наличии германского управления. Поскольку было признано право Франции на репарации в форме передачи собственности, создание автономного строя под контролем Лиги было бы самой разумной формой управления данной территорией. Вильсон пришёл к этому неизбежному выводу; но он получил компенсацию за эту уступку, добившись французского согласия не только на плебисцит по истечении пятнадцати лет, но также на возвращение шахт в собственность Германии на случай, если Саар по плебисциту вернётся к ней. Ясно, что если не считать перспектив, открывавшихся для более быстрого промышленного восстановления Франции благодаря обеспеченным поставкам угля, то достигнутое решение не явилось серьёзным вкладом в дело безопасности Франции. Постройка укреплений в Саарском бассейне была самым недвусмысленным образом запрещена, хотя в течение долгого времени после подписания Версальского договора французские войска оставались ещё на его территории вопреки духу, если не букве условий, касающихся Саара.

Существовала и другая пограничная проблема, привлекавшая гораздо меньше внимания, чем саарский вопрос, на мирной конференции — проблема Люксембурга. Люксембург — независимое государство с 250 тысячами жителей — был объявлен нейтральным и демилитаризован в 1867 г. Статут Люксембурга способствовал тому, что в 1914 г. он стал лёгкой добычей германской армии. Оставить Люксембург без защиты значило бы открыть путь для нового вторжения, ибо по своему господствующему положению в долине Мозеля Люксембург имел жизненно важное значение для

обороны Франции. Иногда предполагали, что французское правительство замышляет присоединить Люксембург, однако, хотя известные группы во Франции и требовали аннексии и хотя действия оккупационной армии вызывали подозрение, факты говорят против подобного утверждения¹. Рассмотрение вопроса о Люксембурге было отложено Советом десяти и Советом четырёх, ибо, как Клемансо информировал М. Рейтера во время его приёма в Совете четырёх 28 мая, другие проблемы считались более неотложными и существенными. Даже статья 40 Версальского договора была включена в последний момент, после того как английский член редакционной комиссии обратил внимание на отсутствие какого-либо условия, касающегося Люксембурга. В силу статьи 40 договора Германия признавала прекращение таможенной унии между Люксембургом и Германией. Она соглашалась на прекращение режима нейтралитета и заранее принимала все международные соглашения, которые могли быть заключены союзными и объединившимися державами в отношении великого герцогства. Поскольку Люксембург подписал договор 1867 г., его правительство могло утверждать, что любое изменение этого договора без его согласия должно считаться недействительным. Люксембург не подписал Версальского договора. Его правительство считало, что статья 40 договора не может связывать Люксембург. Поэтому, невзирая на статью 40, договор 1867 г. оставался в силе. Допуск Люксембурга в члены Лиги наций подтвердил политический статут Люксембурга как суверенного и независимого государства. Просьба Люксембурга о приёме в члены Лиги от 23 февраля 1920 г. сопровождалась требованием о сохранении за Люксембургом статута нейтралитета. В меморандуме от 15 мая 1920 г. Совет Лиги признал, что продолжающийся нейтралитет Люксембурга совместим с уставом Лиги. Таким образом, несколько необычный международный статут Люксембурга как нейтрального демилитаризованного государства остался без изменений².

¹ О позиции Франции см. «Anglo-French Negotiations», p. 3; *Tardieu*, *La Paix*, p. 253—254; *Poincaré*, *Au service de la France*, X, p. 336; *Ribot*, A., *Journal*, p. 257; *Miller*, II, p. 206—214.

² По вопросу о Люксембурге на Мирной конференции см. *Miller*, IV, p. 438—439; XIV, p. 317—332; XV, p. 149; XVII, p. 30—33; XIX, p. 55. Протокол заседания Совета четырёх от 28 мая см. *Welter*, N., *Le Grand Duché de Luxembourg après l'Armistice*, «Revue de Paris», Juillet 15, 1926. См. также *Aldrovandi*, L., *Guerra Diplomatica*, p. 437. О таможенном союзе с Бельгией см. *Toynbee*, 1920—1923, p. 68—71, и *Malmain*, M., *Les relations commerciales franco-belges de 1919 à 1923*, p. 289—315. О статуте Люксембурга см. «Revue de droit international et de législation comparée», vol. 59, 1932, p. 326—366, 641—663.

Предчувствие, что Франция в случае новой войны с Германией окажется не в состоянии удержать свою северо-восточную границу против захватчика, господствовало в умах французов с самого момента перемирия. Фош предсказывал новые и ещё более отчаянные бедствия, если Франция не обеспечит себе особую оборону. «В битве, которую нам придётся выдержать на равнинах Бельгии, мы страдаем от того, что значительно уступаем по численности агрессору, и от того, что мы не будем располагать естественными преградами, которые могли бы ему противопоставить. Снова Бельгия и Северная Франция станут полем боя, полем нашего поражения. Противник вскоре окажется на побережье Остенде и Кале, и снова те же самые области станут ареной разрушения и опустошения»¹. Где, спрашивал Фош, найдёт Франция защиту от этой участи, если не на Рейне? Рейн образует непрерывный потенциальный барьер, тянущийся на 600 миль от Швейцарии до Голландии. Это, настаивал Фош, единственный барьер, предоставленный нам природой вдоль линии вторжения, барьер, значение которого возросло в связи с прогрессом военной техники, поскольку массовое использование пулемётов вынудило полагаться на танки при наступлении. Только на Рейне западные демократии найдут надёжную линию обороны, которая одновременно помешает всякому внезапному нападению с помощью газов или танков, а прямое течение реки предотвратит обход с фланга. «Первейшей необходимостью, — заключает Фош, — является естественная граница — первый барьер против германского вторжения. Существует лишь одна такая граница — Рейн. Она должна быть удержана союзными войсками до тех пор, пока не будет создан новый порядок вещей»².

Этого общего тезиса упорно придерживались Фош, а также Клемансо вплоть до того, как им был предложен англо-американский гарантийный договор. Однако фактически мероприятия, предложенные для оккупации, страным образом менялись время от времени. Ллойд Джордж жаловался Клемансо в начале марта 1919 г., что Фош «не объяснил ему, что же в действительности означает его план»³. В своём первом меморандуме от 27 ноября 1918 г. Фош требовал объединения всех народов к западу от Рейна, включая жителей Рейнской области, в общую военную систему. Тот факт, что он вскоре отказался от своего предложения, вполне понятен. В этом первом меморандуме он настаивал также на военной оккупации левого берега в качестве важной гарантии безопасности и требовал предместных укреп-

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 87.

² Ibid., p. 24.

³ *Lloyd George, Peace Treaties, I, p. 286—287.*

лений на Рейне как гарантии уплаты репараций. Точно так же в своём меморандуме от 10 января, подчёркивая военную ценность удержания плацдармов, Фош остановился на необходимости «обеспечить военную оккупацию союзными войсками Рейнских провинций на левом берегу». Однако, протестуя против текста договора на пленарном заседании мирной конференции 6 мая, он отказался от всякого намерения оккупировать собственно Рейнскую область. «Обладание Рейнским барьером, — заявил он, — сделало бы нас полными хозяевами левого берега и притом лишь с незначительной затратой энергии... Поэтому следует настаивать на оккупации Рейна, а не «Рейнской области». Я не оккупирую территорию; я оккупирую переправы через Рейн, для чего требуются сравнительно небольшие силы»¹. Контроль над рейнскими мостами действительно был основным французским требованием.

Именно это требование выдвигалось в официальной французской ноте от 25 апреля; его выдвинул также Тардьё на заседании тайного комитета, назначенного на 10 марта. Утверждали, что оккупация предместных укреплений на Рейне подрвёт наступательную мощь Германии, базировавшуюся на пропускной способности рейнских мостов. «Франция никогда не будет себя чувствовать в безопасности или защищённой, — заявил Тардьё 12 марта, — пока германская армия сможет переправиться через Рейн, а этому можно помешать только в том случае, если союзники будут господствовать над мостами через Рейн»².

В конце концов к крайнему негодованию маршала Фоша было достигнуто соглашение на базе военной оккупации Рейнской области на срок в пятнадцать лет при частичном отводе войск в конце каждого пятилетнего периода. Генерал Мордак объяснил, почему он советовал принять тот метод эвакуации, который был включён в статью 429 договора. Ему пришлось выбирать между отводом войск в конце каждого пятилетнего периода на запад, на линию, идущую параллельно Рейну, или на юг, на линию, перпендикулярную Рейну. Он решил, что второй

¹ Miller, XX, p. 176—181. См. также *Lhopital, Foch, l'Armistice et la Paix*, p. 224—225.

² «Anglo-French Negotiations», p. 64. См., однако, выступление генерала Сарайля против предместных укреплений в статье «Les Têtes de pont du Rhin», «Revue politique et parlementaire, Juillet 10, 1920, p. 40—59. Можно отметить, что в 1925 г. бригадный генерал Спирс выдвинул предложение о том, чтобы в демилитаризованной зоне постоянно находилась комиссия Лиги, обладающая полномочиями наблюдать за железными дорогами в целях обеспечить невозможность их использования армией, готовящейся к военному вторжению. Далее, он предложил создать механизм, обеспечивающий уничтожение рейнских мостов в случае угрозы вторжения. См. «International Affairs», May, 1925.

метод был более выгоден, поскольку французские войска останутся в соприкосновении с Рейном до окончания пятнадцатилетнего периода, что представляло, по мнению Мордака, важное с точки зрения обороны соображение. Наступательные соображения также диктовали, по его мнению, отход на юг. Союзники должны удерживать Майнц как можно дольше, его положение у входа в долину Майна открывало дорогу для германского вторжения, которое могло бы вбить клин между севером и югом французской обороны¹.

Тем не менее выдвинутый Мордаком план оккупации был высмеян военными кругами, когда стали известны условия мира. Фош резко возражал против урегулирования вопроса в том виде, в каком его принял Клемансо. В течение всего апреля, когда приближались к концу переговоры по вопросу о Рейнской области, Клемансо почти полностью игнорировал Фоша. Маршал воспользовался пленарным заседанием конференции 6 мая, чтобы заявить свой протест. «Я прошу разрешения заявить, — сказал он, — что гарантия 14-го раздела равна нулю». Фош был не одинок в своих жалобах на то, что советами военных пренебрегали; он не был одинок и в своей критике пунктов, касающихся оккупации. Сначала Вильсон, а затем после некоторых колебаний и Ллойд Джордж приняли эти предложения, насколько известно, без консультации с военными советниками. Генерал Блисс горько жаловался, что президент Вильсон пренебрегает им. Сэр Генри Вильсон считал, что предложения об эвакуации составлены «штафирками» без консультации с какими-либо военными специалистами. Он назвал эти предложения «поистине поразительными»². Приглашённый Ллойд Джорджем высказать свои взгляды относительно предложений Мордака, после того как они были приняты Советом четырёх, Генри Вильсон протестовал против их нелепости в самых резких выражениях. Пока союзники сильны, а Германия слаба, союзные войска будут удерживать самую короткую и самую сильную линию — линию Рейна. Когда же немцы восстановят свои силы, а союзники станут слабее, союзные войска должны будут удерживать новую линию, установленную без учёта военных соображений. С военной точки зрения, добавил Вильсон, «нет сомнения, что если вообще следует удерживать другую линию помимо постоянной границы Лотарингии и Саарской долины, то этой линией должен быть Рейн. Если считается разумным с политической точки зрения отходить от Рейна по мере выполнения Германией её обязательств, то этот отход с военной точки зрения должен

¹ *Mordacq, J. J. H.*, Le Ministère Clemenceau, III, p. 214.

² *Callwell, C. E.*, Sir Henry Wilson, II, p. 183—186.

лачатся на юге, а не на севере»¹. Поскольку после предложения англо-американского договора Клемансо настаивал на оккупации главным образом в качестве гарантии выполнения договора, то, повидимому, очень мало внимания было уделено военной стороне вопроса. Проблема безопасности была обойдена. Критика пунктов, предусматривавших оккупацию, со стороны военных, привела вначале к убеждению, что только невоенными соображениями можно объяснить, почему эта особая схема эвакуации была вообще внесена в договор. Так, президент Вильсон на заседании американской делегации 3 июня заявил, что, насколько он понимает, во французских военных кругах господствует убеждение в том, что территория, которую придётся эвакуировать в первую очередь, является наиболее важной с военной точки зрения; таким образом, он сделал тот вывод, что вопрос об оккупации в действительности отнюдь не был вопросом военным. Настоящей целью, по мнению Вильсона, являлся «контроль над навигацией по Рейну». Генерал Блисс подтвердил мнение Вильсона, добавив: «Я полагаю, как вы только что заявили, что это не столько военный вопрос, сколько почти исключительно политический; никакие сколько-нибудь существенные военные цели не будут достигнуты военной оккупацией территорий, которые предполагается оккупировать в согласии с предложенными условиями»². Ллойд Джордж разделял мнение генерала Блисса. «Эта оккупация, — заявил он, — не принесёт вам никакой пользы в отношении Германии; она даст вам защиту только от собственной военной и парламентской оппозиции»³.

Вряд ли будет несправедливо охарактеризовать пункты, касающиеся оккупации, как выражение преднамеренного недоразумения. Включённая в договор в качестве гарантии его выполнения, которая по истечении пятнадцати лет может внезапно превратиться в гарантию безопасности, оккупация Рейнской области, естественно, считалась французами с самого начала важным элементом защиты, против германской агрессии. Они утвердились в своей позиции в результате неудачи американского и английского гарантийных договоров. В схеме оккупации военные эксперты считали опасным предложение эвакуировать северную зону по истечении пяти лет. По этой причине до Локарнской конференции сменявшие друг друга французские правительства пытались оправдать отсрочку эвакуации Кёльна, которая должна была при нормальных обстоятельствах прои-

¹ *Lhopital, Foch, l'Armistice et la Paix*, p. 229—231.

² *Baker*, III, p. 489.

³ *Tardieu, A., Le Sleswig et la Paix*, p. 249.

зойти в 1925 г. В связи с этим французы постоянно выискивали случаи невыполнения немцами их обязательств, взятых по договору, чтобы оправдать продолжавшуюся оккупацию всего района. Это намерение, возможно, было и у Клемансо. Говорят, что 25 апреля 1919 г. на заседании французского совета министров Клемансо обратился к Пуанкаре со следующим замечанием: «Г-н президент, вы гораздо моложе меня. Через пятнадцать лет меня здесь не будет. Через пятнадцать лет немцы не выполняют всех пунктов договора, и если через пятнадцать лет вы окажете мне честь и посетите мою могилу, то я уверен, вы сможете сказать: «Мы находимся на Рейне и мы остаёмся там»¹. Таким образом, сознание того, что Франция стремится в качестве меры безопасности продлить оккупацию Рейнской области и, возможно, сделать её постоянной, продолжило обострять франко-английские отношения до тех пор, пока в 1925 г. благодаря безупречному поведению сэра Остина Чемберлена в отношении кёльнского инцидента и в результате локарнских переговоров Англия и Франция не договорились относительно характера оккупации Рейнской области².

О французском плане создания независимого рейнского государства, который в начале мирной конференции был связан с проектом оккупации Рейнской области, мало известно, за исключением того, что левый берег Рейна должен был быть отделён от Германии и преобразован в автономное государство, связанное с Францией таможенным союзом. Хотя Тардые готов был согласиться на плебисцит в этом районе по истечении пяти лет, Клемансо отвергал любой подобный компромисс. Он призвал, что «всё должно быть сделано, чтобы превратить жителей Рейнской области в процветающих и довольных граждан»; они должны быть освобождены от обязательства платить репарации и должны получить экономические привилегии; однако Клемансо резко заявил Ллойд Джорджу и полковнику Хаузу в марте 1919 г., что «он не верит в принцип самоопределения, если он позволяет другому схватить вас за горло при первом удобном случае, и не согласится ни на какое ограничение срока для принципиального отделения Рейнской республики от остальной Германии». Можно предположить, что, намечая создание Рейнской республики, Клемансо думал заключить особое соглашение об оккупации собственно Рейнской области.

За месяц до предложения об англо-американском гарантийном договоре, после которого Клемансо согласился ограничить

¹ *Mermeix, Le Combat des Trojs*, p. 229—230, Ср. *Barrès, Les grands Problèmes du Rhin*, p. 386: «Всем этим подтверждается то, что сказал мне Клемансо: «Германия не заплатит и мы останемся».

² См. стр. 204—205.

время оккупации, он заявил сенатской комиссии по иностранным делам, что военная оккупация продлится до тех пор, пока Рейнская область не будет расположена объединиться с Францией¹. В самом деле, трудно представить себе, каким образом контроль над рейнскими мостами мог бы носить надёжный характер без отделения Рейнской области от Германии или, по меньшей мере, без сохранения постоянного контроля на главных линиях коммуникаций вдоль левого берега. Поэтому французская поддержка сепаратистского движения должна была неизбежно возродиться, и мысль о продлении оккупации пользовалась успехом в начале 20-х годов. Хотя поощрение сепаратизма и отвечало тезису Фоша, оккупация Рура сама по себе не соответствовала ему. После 1920 г., как и до того, Фош был убеждён, что, «располагая прочными предместными укреплениями на Рейне, мы можем ничего не опасаться»². С 1919 по 1923 г. Фош постоянно противился продвижению за Рейн — в Рурскую область. Однако оккупация Рура обещала быть дополнительной защитой против германского нападения, от которой французы отказались лишь с величайшей неохотой. Отчасти в качестве «продуктивного залога» и отчасти в качестве меры, рассчитанной на срыв германской мобилизации, Пуанкаре стремился обеспечить передачу управления железными дорогами Рейнской области межсоюзной компании. Он был готов допустить представителей Рейнской области к участию в управлении. «Необходимо, — писал в июне 1923 г. Пуанкаре французскому послу в Лондоне, впервые выдвинув тогда это предложение, — остановиться на значении этого обязательства с точки зрения безопасности»³. Значение, придававшееся Пуанкаре установлению объединённого союзного контроля над всей железнодорожной системой Рейнской области, подтверждается его усилиями в декабре 1923 г. распространить на английскую зону оккупации власть франко-бельгийской железнодорожной компании, созданной в марте для управления железными дорогами во французской и бельгийской зонах, а также в Руре. Хотя в течение нескольких недель английская зона фактически подвергалась блокаде ввиду отказа англичан пойти на это предложение, Пуанкаре не достиг своей цели. Позднейшая попытка достигнуть этой же цели иным путём оказалась не более успешной. Когда в июле 1924 г. собралась Лондонская конференция, чтобы ликви-

¹ *Lloyd George, Peace Treaties, I, p. 286; Ribot, A., Journal, p. 259—260; House, IV, p. 356—357; «Anglo-French Negotiations», p. 63, 67—68.*

² *Le Goffic, C., Deux Entretiens avec le Maréchal Foch, «Revue universelle», vol. 37, Avril 15, 1929, p. 129—147.*

³ «D. D.: Documents relatifs aux Notes allemandes des 2 mai et 5 juin sur les Réparations», Paris 1923, p. 35—36.

дировать Рурскую оккупацию, французские военные власти потребовали организации отдельной железнодорожной администрации Рейнской области под союзным контролем: В конечном счёте, они ограничились требованием использовать 5 тысяч французских и бельгийских железнодорожников на некоторых командных пунктах железнодорожной системы. Поскольку и это требование было отвергнуто, Эррио согласился удовлетвориться включением необходимого железнодорожного персонала в оккупационную армию¹. Таким образом, попытка французов изъять железные дороги Рейнской области из ведения администрации остальной германской железнодорожной системы закончилась полной неудачей.

Тот взгляд, что восточная граница Франции является, по словам лорда Керзона, «в известном смысле внешней границей самой Великобритании», стал после мировой войны почти аксиомой английской политики. Повсеместно признавали, что если Германия когда-либо вновь попытается вторгнуться во Францию, Великобритания будет вынуждена в интересах собственной безопасности бороться на стороне французов. По этой причине Пуанкаре отклонил английское предложение в 1922 г. о заключении англо-французского пакта, ограниченного задачей обороны территории Франции. Это было, заявил он, лишь «мистификацией, не имеющей никакого реального значения»²; по мнению Пуанкаре, это обязывало бы Великобританию лишь к тому, что она должна была бы сделать даже при отсутствии всякого определённого обязательства, т. е. в своих собственных интересах.

Для Франции было недостаточно, что Великобритания, говоря словами лорда Керзона, сказанными по поводу английского предложения 1922 г., обещает притти к ней на помощь в случае «повторения опыта, уже пережитого Францией ранее»³. Франция стремилась застраховать себя от того, чтобы пережитое ею в мировой войне более не повторилось вообще, т. е., короче говоря, чтобы следующая война развёртывалась уже на германской, а не на французской территории. Создание выдвинутой вперёд стратегической границы казалось единственной подходящей гарантией. Это, добавляли французы, являлось в такой же степени гарантией для Великобритании и США, как и для самой Франции. Французский меморандум от 25 февраля 1919 г. предостерегал союзников, что в случае вторжения в Северную

¹ «Cmd. 2270», p. 120; *Bardoux*, *Le Socialisme au pouvoir*, p. 245—254; «The Times», July 18, August 14, 1924.

² «Anglo-French Negotiations», p. 133, 166.

³ *Ibid.*, p. 133.

Францию «заокеанские демократии будут лишены возможности вести континентальную войну против любой державы, которая стремилась бы господствовать на континенте. Они будут лишены своего ближайшего и самого естественного театра военных действий. Им останется лишь экономическая и морская война»¹.

Открыто признанные причины английского сопротивления французскому плану наилучшим образом изложены в отчёте Филиппа Керра о его переговорах с Андре Тардые 11 и 12 марта 1919 г. В Англии были выдвинуты самые решительные возражения против предложения постоянно держать английские войска на германской территории. Английское правительство не могло также игнорировать взгляды доминионов, представители которых заявили, что не оставят ни одного человека в Европе и не свяжут себя никаким обязательством вмешиваться в чисто европейские вопросы, каким, например, они считают вопрос о Рейнской области. Было бы в высшей степени неприятно и трудно для английского правительства поддерживать отделение Рейнской области военной силой. Несомненно, в этом случае в Рейнской области возникло бы сильное движение за её воссоединение с Германией; эта пропаганда встретила бы сочувствие определённых кругов в самой Англии.

Будут ли оккупационные войска использованы для подавления подобных волнений в Рейнской области? «В случае, если возникнут местные конфликты, то к чему они приведут? Если в результате этих конфликтов возникнет война, то ни Англия, ни доминионы не будут питать той симпатии к Франции, какую они питали к ней во время последней войны». Любое решение, которое возложило бы лишнее бремя на Великобританию или связало бы страну такими обязательствами, как постоянное отделение Рейнской провинции от остальной Германии против её воли, оскорбило бы английское чувство справедливости и привело бы к столкновению между Великобританией и Францией².

Мы не окажемся в противоречии с этими доводами, если добавим, что французский план шёл в разрез с традиционными интересами Великобритании в Западной Европе. «Мы вели все наши величайшие войны, — заявил сэр Остин Чемберлен, — для того чтобы помешать какой-нибудь крупной военной державе господствовать в Европе и в то же самое время господствовать на побережье Ла-Манша и в портах Нидерландов»³.

Упомянутый принцип относится как к Франции, так и к Германии. «Опыт прошлого, — писал консультант министерства ино-

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 43.

² Ibid., p. 59—69.

³ «182 H. C. Deb.», March 24, 1925, col. 315.

странных дел по вопросам истории Хедлэм Морли, — всегда показывал, что независимость Голландии и Бельгии тесно связана с политическими условиями, существующими в Рейнской области. Поэтому в прошлом Англии всегда приходилось всеми мерами противиться французскому господству над Рейнскими провинциями, ибо если Франция утвердится в Кобленце и Кёльне, то подлинная независимость Бельгии — военная, экономическая и политическая — должна будет неизбежно исчезнуть. Это так же справедливо в настоящее время, как это было в отношении прошлого». «Малые Рейнские государства, находящиеся под влиянием Франции, — писал он далее, — представят такую же опасность для бельгийской независимости, как если бы район Рейна был фактически аннексирован Францией»¹.

Можно предположить, что английские государственные деятели относились к господству Франции в Рейнской области столь же неблагосклонно в 20-х годах XX века, как и в прошлом XIX веке.

Однако необходимость для Франции обеспечить себе какую-то защиту не оспаривалась ни английской, ни американской делегациями на мирной конференции. Лишь одна форма защиты была встречена всеобщим одобрением — демилитаризация левого берега Рейна; она-то и была обусловлена статьями 42—44 Версальского договора. В более поздние годы распространилось мнение, что демилитаризация Рейнской области была частью цены, предложенной Франции, чтобы вынудить её отказаться от требования об отделении этой области от Германии. На самом деле создание демилитаризованной зоны считалось необходимым с самого начала конференции и включалось в военные условия мира еще до того, как фактически начались переговоры о Рейнской области. Это, говорил Ллойд Джордж, «было первоначальным английским предложением² о решении Рейнской проблемы». Это было естественным проявлением в XX веке того беспокойства по поводу независимости Нидерландов, которое в течение веков было основой английской политики в Европе. Несомненно, оно составило суть и предложения сэра Джеймса Хедлэм-Морли в 1925 г.: «Если Германия восстановит полностью свою военную мощь, то, как это было и в прошлом, острей германской армии, занимающей район между Кёльном, Аахеном и Тревом, будет всегда направлено против Франции и Бельгии. Совершенно очевидно, что разум и предусмотрительность диктуют нам необходимость избежать этой опасности в будущем. Это мы и сделали

¹ *Headlam-Morley, J., Studies in Diplomatic History*, p 167.

² «*Anglo-French Negotiations*», p. 92.

при помощи статей 42—44 Версальского договора»¹. Но в Великобритании продолжали считать, что только одна Франция может извлечь пользу из статей 42—44. Заявление сэра Остина Чемберлена о том, что «всеобщий мир и мир Британской империи зависят от соблюдения и сохранения этих статей Версальского договора»² остаётся единственным в анналах английской внешней политики и подобное заявление не повторялось ни до, ни после того.

В 1919 г. все французы, за исключением социалистов, отрицали, что одна демилитаризация Рейнской области может обеспечить безопасность Франции. Первую из приводившихся ими причин можно изложить очень кратко. Обращалось внимание на опасность, что в случае отсутствия охраны мостов через Рейн они могут быть внезапно захвачены германскими войсками, которые вслед за тем сразу переправятся на левый берег. Отсюда делался вывод, что демилитаризация сама по себе не могла заметить союзный контроль над мостами через Рейн.

На втором мотиве французской политики в данном вопросе нам необходимо остановиться подробнее. Французы понимали, что сохранение предусмотренного договором режима будет зависеть от решимости союзников его поддерживать. В связи с этим они задавали вопрос: какие же были предложены гарантии для того, чтобы обеспечить соблюдение германского обязательства о демилитаризации? Клемансо в марте 1919 г. потребовал создания объединённой контрольной комиссии для наблюдения над этой зоной. Он потребовал также, чтобы в случае вступления германских войск в эту зону, Франция имела право создать предмостные укрепления на Рейне и обратиться к Великобритании и США за военной помощью на основании предполагавшегося тогда англо-американского гарантийного договора. В обмен на основанную на этом принципе гарантию демилитаризованной зоны Клемансо был, повидимому, готов вовсе отказаться от оккупации Рейна как залога французской безопасности³.

В это время Ллойд Джордж, хотя и был против предоставления Франции условного права оккупировать предмостные укрепления на Рейне, соглашался дать английские гарантии сохранения демилитаризованной зоны⁴.

Президент Вильсон не намерен был идти так далеко. В своей ноте от 28 марта 1919 г. он предложил лишь заклеить любое

¹ *Headlam-Morley, J., Studies in Diplomatic History, p. 168.*

² «182 Н. С. Deb.», March 24, 1925, col. 317.

³ Таково, повидимому, значение предложения Тардые от 20 марта 1919 г., см. *Miller, VII, Doc. 559, p. 29*; см. также *Miller, VII, p. 57—59*,

⁴ См. его меморандум от 26 марта 1919 г. «*Anglo-French Negotiations*», p. 82.

нарушение этой зоны как враждебный акт против держав, подписавших Версальский договор, и предложил, чтобы США взяли на себя обязательство немедленно прийти на помощь Франции в случае любого неспровоцированного акта агрессии против неё со стороны Германии. Это предложение не соответствовало условиям, которые, по мнению Клемансо, оправдали бы полный отказ от военной оккупации. В связи с этим Клемансо продолжал на ней настаивать. Исход известен. Президент согласился на двусмысленные статьи договора об оккупации, а Клемансо — на формулу, изложенную в ноте Вильсона от 28 марта, которая была включена в договор в качестве статьи 44. Правильная интерпретация этой статьи и проекта гарантийных договоров, повидимому, заключается в том, что они могли служить основанием для права, но не для обязательства со стороны Великобритании и США рассматривать нарушение демилитаризованной зоны как повод для войны.

Вопрос об английской гарантии демилитаризованной зоны снова был выдвинут на первый план во время переговоров об англо-французском пакте в первые месяцы 1922 г. Английский проект договора, предложенный Ллойд Джорджем Бриану, говорил об обязательстве со стороны Великобритании оказать немедленную военную помощь «в случае прямой и ничем не спровоцированной агрессии со стороны Германии против территориальной целостности Франции». Таким образом, этот договор был гораздо более ограниченным по масштабу, чем неудавшийся гарантийный договор, который не обуславливал помощь фактическим вторжением на территорию Франции. И Бриан и Пуанкаре требовали, чтобы нарушение Германией демилитаризованной зоны рассматривалось как акт агрессии против Франции, — и против Англии, добавлял Пуанкаре, — точно так же как и фактическое вторжение на французскую территорию. По поводу этого предложения лорд Керзон говорил, что, по его мнению, английская общественность не согласится пойти на войну автоматически для защиты демилитаризованной зоны, если на неё посягнут немцы. «Я не говорю, — добавлял он, — что, оценив все обстоятельства данного случая, если таковой возникнет, англичане не захотят и не будут считать себя обязанными сделать это. Но они заранее не примут обязательства, столь серьёзного и столь неопределённого». Английское правительство готово было лишь дать обязательство «пребывать в согласии» с Францией в случае любой угрозы нарушения демилитаризованной зоны¹.

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 125, 131, 158.

В 1925 г. Франция, казалось, обеспечила себе по локарнскому соглашению гарантию, к которой она так давно стремилась. События марта 1936 г. показали всю несостоятельность этих надежд. Толкование соответствующих статей локарнского соглашения даёт юристам богатую для размышлений пищу: на них можно сослаться в обоснование того вывода, что Локарно вовсе не давало никакой гарантии демилитаризации, как таковой¹. Однако несомненным является тот факт, что в 1925 г. при заключении договора в нём видели прочную гарантию демилитаризованной зоны. Можно дать следующее объяснение этому парадоксу. Основанием Локарнского договора было обязательство, взятое на себя Германией и Францией, не нападать друг на друга. Бриан, несомненно, настаивал на сохранении за Францией права принять немедленные меры в случае, если Германия нарушит демилитаризованную зону, и он хотел, чтобы Великобритания также связала себя обязательством немедленных действий при таких обстоятельствах. Чемберлен, имея в виду франкфуртский инцидент², возможно, мог на это возразить, что немедленные действия могут быть допущены только в случае нарушения, свидетельствующего о намерении не считаться со статьями 42—43, т. е. в случае так называемого «явного» нарушения, если следовать терминологии лондонских соглашений, заключённых в августе 1924 г.³ Штреземан, повидимому, после этого выступил с предложением, что не все явные нарушения статей 42—43 могли бы с полным основанием давать Франции право предпринимать немедленные действия. Строительство укреплений не может происходить так быстро, чтобы по этому поводу нельзя было апеллировать к Совету Лиги наций. Отсюда формулировка статьи 2 Локарнского договора.

«...Германия и Франция взаимно обязуются ни в коем случае не нападать друг на друга или вторгаться на территорию друг друга...

Однако это условие не применимо в случае:

1. Осуществления права законной обороны, т. е. сопротивления... явному нарушению статьи 42 или 43 упомянутого Версальского договора, если такое нарушение представляет собой неспровоцированный акт агрессии и когда вследствие концентрации вооружённых сил в демилитаризованной зоне необходимы немедленные действия...»

Позднее, в процессе интерпретации, слово «явный», оставшееся от доклада Дауэса, потеряло свой первоначальный смысл и значение. Казалось, что оно не имеет никакого иного смысла,

¹ *Wolfers, A., Britain and France between Two Wars, p. 48.*

² См. стр. 90—91.

³ См. стр. 99—100.

кроме того, который вытекает из последующих слов. Важным вопросом тогда сделался следующий: что может служить критерием для определения необходимости немедленных действий на случай концентрации вооружённых сил в демилитаризованной зоне? Ответ казался ясен: немедленные действия необходимы только для того, чтобы ликвидировать непосредственную угрозу вторжения. Отсрочка, связанная с апелляцией к Лиге, не будет сопряжена с опасностью, если вооружённые силы вступят в зону, не имея намерения пересечь границу. Таким образом, самая сущность Локарнского договора подверглась изменению.

7 марта 1936 г., когда германские войска вступили в демилитаризованную зону, министерство Фландена высказалось против независимых действий. Как говорили, в данном случае решающую роль сыграли финансовые соображения. Но опасения, что это поставит под вопрос самое значение Версальского договора, вместе с воспоминаниями о Франкфурте и Руре, возможно, повлияли также на решение апеллировать к Лиге и проконсультироваться с другими сторонами, подписавшими Локарнский договор. Для Франции эти колебания были роковыми. Отсутствие действий с её стороны могло означать, что это нарушение договора со стороны Германии не было нарушением столь явного характера, чтобы могли вступить в силу обязательства держав-гарантов притти ей немедленно на помощь. Всякие отсрочки в этом отношении были только наруку Великобритании. Относительно английской позиции можно вспомнить комментарии сэра Остина Чемберлена: «Это произошло вопреки нашим гарантиям Франции, и печать и общественное мнение стремятся найти извинения тому, что мы уклонились от нашего обязательства»¹. С ликвидацией демилитаризованной зоны и устранением одной из несправедливостей Версальского договора последний не мог долго существовать. Было бы лучше без дальнейшей канители реконструировать его на основе предложений, выдвинутых на этот случай германским канцлером².

¹ *Petrie, C., Life and Letters of Austen Chamberlain, II, p. 408.*

² Автор почему-то считает неудобным для себя прямо назвать Гитлера, который был в это время германским канцлером. — *Прим. ред.*

БЕЗОПАСНОСТЬ: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ

Отказ в 1919 г. от так называемых физических и материальных гарантий безопасности, которые одни, по мнению маршала Фоша, могли обеспечить защиту Франции, сделал необходимым рассеять опасения французов путём предложения им какой-то другой гарантии против германского вторжения в будущем. Неудавшиеся английские и американские гарантийные договоры, с помощью которых Ллойд Джордж и президент Вильсон побудили Клемансо отказаться от требования постоянной оккупации Рейнской области, явились началом длительных усилий разрешить проблему французской безопасности или, говоря шире, — проблему европейской безопасности посредством «политических гарантий», т. е. путём взаимных обязательств отдельных государств об оказании помощи друг другу на случай нападения. Нет смысла ещё раз повторять тяжёлую историю затянувшихся переговоров, направленных к созданию системы европейской безопасности. Эта история излагалась в многочисленных работах, и до тех пор, пока не будет получен доступ к официальным источникам информации, мало вероятно, что появятся новые факты, которые вызовут новый интерес к уже известным событиям. В этой главе делается лишь попытка проанализировать под углом зрения англо-французских отношений те главные проблемы, с которыми пришлось столкнуться в стремлении обеспечить безопасность Франции при помощи политических гарантий.

Если мы не хотим запутаться в дипломатических переговорах, то, пожалуй, наилучшим отправным пунктом нашего анализа будет рассмотрение английской и французской концепций безопасности. Подходящую формулу можно найти в словах сэра Джеймса Хедлэм-Морли, имевшего в виду локарные соглашения. Их целью, писал он, была «не безопасность в войне, а безопасность против войны»¹. Эта фраза свидетельствует

¹ *Headlam-Morley, J., Studies in Diplomatic History, p. 8.*

о разнице в подходе к проблеме безопасности, мешавшей заключению любого соглашения, которое было бы в равной степени удовлетворительным для обеих стран. То, что с английской точки зрения казалось подходящим решением, с точки зрения французов отнюдь не являлось таковым. Расхождение во мнениях относительно условий безопасности обнаруживается на каждой стадии переговоров с 1919 по 1936 г.

С первых месяцев мира французы рассматривали возобновление войны как весьма реальную угрозу ближайшего будущего. У них не возникало никаких сомнений относительно того, откуда им угрожает эта опасность. И прежде всего поэтому они стремились к безопасности в войне, казавшейся им неминуемой, имея главным образом в виду безопасность против вторжения. Франция уделяла большое внимание обороне против вторжения, и это само по себе было в значительной мере наследием войны. До 1914 г. французская стратегия, так же как и стратегия других стран, сосредоточивала своё внимание на одной цели — встретить и разгромить противника в бою. Где этот бой будет происходить, её интересовало мало. Но после войны население, пережившее ужасы вторжения, стремилось заручиться гарантией против всякого повторения этих испытаний; в то же время стратегам, которым в 1918 г. в противоположность 1914 г. была уже хорошо известна зависимость военной мощи от промышленного производства, было важно обеспечить, чтобы промышленные районы, прилегающие к северо-восточной границе, не попали во время войны в руки противника.

Подобное изменение позиции явилось фактором, сделавшим достижение «безопасности» более сложным после войны, чем до неё. Поскольку защита выдвинутой вперёд военной границы исключалась, казалось, существовал всего один способ обеспечения целостности национальной территории. Он состоял в том, чтобы встретить возможного агрессора превосходящими военными силами с самого начала военных действий. А для того чтобы располагать этими силами в самом начале войны, необходимо иметь и готовить их во время мира. Превосходство, медленно приобретённое в ходе войны, не имело бы значения. Оно было бы связано лишь с надеждой на победу после длительной войны, которая вела бы снова на разорённой земле Франции. Именно такой ход рассуждений привёл французов к отрицанию эффективности любых обязательств о военной помощи, которые не были бы разработаны во всех деталях в дополнительной военной конвенции. Военная помощь других стран могла бы предотвратить вторжение только в том случае, если бы иностранные армии готовы были сотрудничать с французскими силами с самого начала войны, в соответствии с заранее разработанным

планом. Помощь, которая оказывалась бы постепенно, т. е. такими темпами, которые определялись бы медленным процессом мобилизации во время войны, вынудила бы Францию в одиночестве нести на себе всю тяжесть нападения в самой критической стадии, т. е. в самом начале военных действий. Этот тезис был впервые выдвинут Клемансо и Фошем в 1919 г. Его подтвердили Бриан и Пуанкаре в 1922 г. Развёрнутое изложение того же тезиса можно найти в выступлениях французской делегации на заседаниях Постоянной совещательной комиссии во время обсуждения, предшествовавшего выработке проекта Договора о взаимной помощи в 1923 г.¹ В свете этого тезиса Локарнское гарантийное соглашение было иллюзорной гарантией, так как самый характер договора — обязательство Великобритании и Италии одновременно в отношении Франции и Германии — исключал возможность какой-либо дополнительной военной конвенции. И только в марте 1936 г., через 17 лет после того дня, когда был предложен первоначальный английский договор о гарантии, английское правительство дало своё согласие на переговоры английского и французского генеральных штабов, которые французы всегда считали необходимыми. Никто так чётко не выразил французской позиции, как Бальфур в известном заявлении Англии по поводу Женевского протокола: «Они боятся грубой силы. И только грубая сила, применённая для обеспечения их обороны, может, как они думают, дать им ту безопасность, необходимость которой они остро чувствуют»², — сила, применённая, следует добавить, с первого же дня в согласии с заранее разработанным планом. Наряду с этой военной озабоченностью во французской концепции безопасности был ещё элемент дополнительный, а именно сознание того, что сохранение территориального устройства в Восточной и Центральной Европе представляет жизненный интерес для Франции. Прочитируем снова слова советника Форейн Офис по историческим вопросам — Хедлэм-Морли: «Она (т. е. Франция) считает, и совершенно правильно считает, что будущее Европы тесно связано с защитой новых государств. Поэтому Франция и взяла твёрдый курс на заключение союзов и военных соглашений, посредством которых этим новым государствам будет обеспечена, в случае угрозы, полная поддержка французской армии». Опасаясь, подобно Франции, германского вторжения, Польша и Чехословакия разделяли точку зрения Франции по вопросу о безопасности. Их армии находились в состоянии го-

¹ «Report of the Temporary Mixed Commission», August 20, 1923, p. 14 et seq.; ср. «Cmd. 2169», p. 52, 73—75, 148—150.

² *Headlam-Morley, J., Studies in Diplomatic History*, p. 183—184.

товности, чтобы отразить нападение. Они приветствовали взаимные обязательства о немедленной военной помощи на случай войны. Захват этих стран обеспечил бы Германии господство в Восточной и Центральной Европе. Франция была до мюнхенской измены твёрдо и с полным основанием убеждена, что за этим быстро последует покорение самой Франции. Сначала новая битва при Садовой, а затем и новый Седан. Эта тема повторялась в течение долгого времени. Отсюда возникли договоры, связывавшие Францию с новыми государствами: договор от 19 февраля 1921 г. с Польшей и от 25 января 1924 г. с Чехословакией, которые хотя и имели в виду консультацию и проведение единой политики в критический момент, но не предусматривали никаких военных обязательств. Сюда же следует отнести локарнские соглашения от 16 октября 1925 г. с теми же странами; эти соглашения включали взаимные обязательства о военной помощи в случае неспровоцированного нападения со стороны Германии. До 1938 г. Франция наотрез отказывалась отделить вопрос об организации безопасности в Западной Европе от стабилизации территориального устройства в Восточной Европе. Германия согласилась на свои новые границы по принуждению, и было очевидно, что она будет настаивать на их пересмотре, как только вновь восстановит свои военные силы. Поэтому с французской точки зрения безопасность была связана с сохранением европейского территориального устройства перед лицом потенциальной оппозиции самого могущественного из европейских государств. В этом, возможно, заключалась вторая причина того, что проблема французской безопасности была столь трудной.

В сочетании этих двух элементов во французской концепции безопасности — озабоченности обороной против вторжения и заботы о стабильности территориального устройства — кроются корни французского тезиса о взаимозависимости разоружения и безопасности. С 1920 по 1935 г. вооружённые силы Германии были ограничены военными статьями Версальского договора. Вооружённые силы Франции и её союзников не подверглись никаким ограничениям. За эти годы мир в Европе покоился на вооружённом превосходстве Франции. Распространение принципа разоружения на другие страны должно было изменить в пользу Германии существующее соотношение военной мощи. Это должно было бы стать началом конца французского превосходства на континенте. Казалось необходимым обеспечить какую-то новую гарантию, взамен той, от которой Франции приходилось теперь отказываться. В качестве предпосылки разоружения Франция стремилась передать своё вооружённое превосходство, которое при ранее существовавших условиях

являлось гарантией мира, коллективу государств, организованному по принципу принудительного арбитража и взаимной защиты. Таков был первоначальный смысл французских предложений об организации системы коллективной безопасности. Они были рассчитаны на то, чтобы обеспечить немедленное осуществление превосходства коллективной силы, мобилизованной прогив агрессора, вместо постепенного достижения такого превосходства в ходе войны на истощение. Таким образом, они отражали два важных элемента французской концепции безопасности.

Много было написано относительно характера этой сложной проблемы, к решению которой была привлечена и Великобритания. Англия не отказалась от этого приглашения. Английское участие не мотивировалось — во всяком случае до начала вооружения нацистской Германии — убеждением в наличии непосредственной и прямой опасности, угрожающей самой Великобритании с континента. Тем не менее Великобритания была особо, а не только вообще заинтересована в том, чтобы пойти навстречу французскому требованию об обеспечении безопасности. Её особые интересы совпадали с интересами Франции: помешать Германии когда-либо захватить контроль над портами Ла-Манша и над портами Северного моря. Общие её интересы заключались в том, чтобы способствовать развитию духа примирения, оказывая сдерживающее влияние на Францию. Уверенность в английской поддержке на случай войны всё время являлась условием, удерживавшим Францию от крайних решений. Почти каждая уступка по отношению к Франции была результатом стремления англичан включить Францию в орбиту английской политики: в 1919 г. — побудить Францию отказаться от требований установить стратегическую границу по Рейну, в 1922 г. — обеспечить согласие Франции с Великобританией по проблемам репараций и реконструкции, в 1925 г. — обеспечить эвакуацию Кёльна и в более общем плане окончательную ликвидацию французской рейнской программы, а в 1936 г. — открыть путь к возобновлению переговоров с Германией после германской реокупации демилитаризованной зоны. Политика изоляции никогда не была для Великобритании осуществимой; если бы Франция была оставлена в тяжёлом положении в одиночестве, то это ускорило бы принятие французской политикой одного из следующих курсов: или заключение соглашения с Германией без участия Великобритании, или попытка использовать искусственное военное превосходство Франции, для того чтобы держать Германию в подчинённом положении. И тот и другой курс мог нанести ущерб или оказаться катастрофическим для Великобритании, первый — в конечном счёте, а вто-

рой — почти немедленно. Стремление заняться имперскими и океанскими проблемами, осуществлению которого не мешали бы европейские обязательства Англии и европейские осложнения, делало насущной целью английской политики примирение Франции с Германией при посредничестве Англии. Англия могла успешно добиться своей цели только в результате готовности её принять некоторое участие в организации европейской безопасности.

По этим причинам Великобритания была готова дать обязательство прийти на помощь Франции в случае германской агрессии. Но с французской точки зрения одно лишь голое обязательство не было действительной гарантией безопасности, могущей оправдать сокращение национальных вооружений. Тем не менее Великобритания воздерживалась от того, чтобы идти дальше по пути континентальных обязательств. Большинство англичан военная конвенция с Францией, которая в конечном счёте являлась необходимым условием эффективного участия Англии в обороне французской территории, казалась просто невысказанной. Не было также различия во взглядах среди англичан относительно того, что следует воздержаться от каких-либо конкретных обязательств со стороны Англии на случай нарушения мира в Восточной Европе. В 1922 г. переговоры о заключении англо-французского пакта были прерваны в результате того, что не было достигнуто соглашение именно по этим двум вопросам. Локарнские переговоры были успешно завершены только потому, что эти два вопроса были оставлены в стороне. Английская политика в отношении проблемы безопасности развивалась лишь в определённых рамках, которые оставались неизменными на протяжении всего периода превосходства Франции.

Возражения против любого соглашения о переговорах между штабами и, следовательно, против военной конвенции, были сформулированы лордом Керзоном в его меморандуме от 1 февраля 1922 г. относительно французского проекта договора: «Это может вызвать впечатление и почти наверняка приведёт к требованию, что каждая страна должна содержать определённое количество вооружённых сил, которые могут быть использованы для особых целей. Это будет более конкретным обязательством, чем то, которое с английской точки зрения было бы разумно и безопасно взять на себя; определение такого военного обязательства будет тогда принадлежать не кабинетам или парламентам, а генеральным штабам»¹. Придирчивый военный министр мог бы рассматривать это не столько как возражение против штабных переговоров, сколько как возражение

¹ «Cmd. 2169», p. 160.

против подписания самого договора¹. Самые настойчивые возражения с британской точки зрения против штабных переговоров или военной конвенции выдвигались в том смысле, что в период кризиса это представляло бы собой обязательство, которое гораздо более автоматически вступало в действие, чем простое договорное обязательство. Последнее в случае войны оставляло бы на усмотрение английского правительства решать вопрос о том, несут ли создавшиеся обстоятельства характер, вызывающий необходимость реализации обязательства, предусмотренных договором². Последствия штабных переговоров, как писал журнал «Нейшн» во время локарнских переговоров, будут заключаться в «передаче контроля над событиями во время политического кризиса из рук государственных деятелей в руки генеральных штабов. По согласовании окончательного плана совместных операций и по завершении военных приготовлений каждой стороны в соответствии с этим планом становится чрезвычайно затруднительным без риска навлечь на себя подозрение в измене отказаться от предоставления обещанной помощи, какие бы сомнения ни существовали относительно юридического и морального обоснования для *casus foederis*»³.

Формула Гладстона о том, что «Англия должна полностью сохранить за собой возможность определять свои обязательства перед различными государствами в зависимости от обстоятельств и по мере того, как они возникнут», в то время не игнорировалась — так по крайней мере могли думать французы — даже в английской политике по отношению к Западной Европе. Что же касается Восточной Европы, то эта формула соблюдалась полностью. Сохранение территориального устройства Северо-Западной Европы совпадало с важнейшими английскими интересами. Это устройство сулило быть окончательным. Но изменение границ в Восточной Европе не содержало в себе какой-либо непосредственной угрозы безопасности Великобритании, хотя границы в этом районе ещё продолжали быть предметом острых споров. На Западе английские интересы были

¹ Лорд Холден: «Если вы вступаете в соглашение, если вы говорите, что мы гарантируем границы определённых держав, как бы мало вероятным ни казалось, что эти гарантии будут претворены в жизнь... военные штабы трёх родов войск приступят к работе и разработают планы для них, и, более того, я должен буду жалеть, если они прекратят выработать такие планы» («69 Lords Deb.», November 16, 1927, col. 102).

² Ср. заявление Джона Саймона о Локарнском договоре в «281 H.C. Deb.», November 7, 1933, col. 61.

³ «The Nation», July 8, 1925.

велики и риск гарантий, повидимому, мал. На Востоке интересы казались незначительными, а риск был, несомненно, велик. «Английский народ, — объяснял Ллойд Джордж Бриану в декабре 1921 г., — не очень сильно заинтересован в том, что происходит на восточной границе Германии. Он не будет вмешиваться в споры, могущие возникнуть в отношении Польши, Данцига или Верхней Силезии. Напротив, нежелание вмешиваться в эти вопросы каким бы то ни было образом стало всеобщим... Поэтому он (Ллойд Джордж) не думал, что Англия будет склонна предоставить какие-либо гарантии, которые вовлекут её в военные операции в связи с какими-либо случайностями в этой части мира»¹.

Министры иностранных дел, последовательно сменявшие друг друга, могли изменять форму своих высказываний, но до пересмотра английской политики в марте 1939 г. существо их оставалось неизменным. Ни один принцип английской политики не повторялся более часто, чем нежелание английского правительства брать на себя какие-либо новые обязательства в Европе помимо тех, которые содержатся в уставе Лиги наций и в локарнском соглашении.

Тот факт, что Англии и Франции не удалось притти к общей точке зрения по этим вопросам, может рассматриваться как явное выражение противоречивых концепций безопасности. «Нет и не может быть никакого единого понятия о безопасности, — каждый определяет её по-своему», — заявил Жан Фабри во время прений по локарнским соглашениям².

Для Франции как государства континентального существенным критерием безопасности являлась соответствующая подготовка к войне. Ла-Манш освобождал Великобританию от необходимости таким образом рассматривать безопасность, во всяком случае с точки зрения сухопутных вооружений. Англичане опасаются *не вторжения, а вовлечения в войну в Европе*. Таким образом, в то время как французская политика была направлена прежде всего к разработке военных гарантий против Германии с целью обеспечения безопасности в войне, цель английской политики была в том, чтобы обеспечить отношения, основанные на взаимном доверии, в качестве гарантии против войны. «Английское общественное мнение, — писала газета «Таймс» в 1924 г. в связи с опубликованием французской Жёлтой книги об англо-французских отношениях, — не является пацифистским в смысле непонимания необходимости мер военной предосторожности в интересах обороны. Но одной

¹ «Anglo-French Negotiations», p. 112—113.

² «Chambre: Débats», Février 25, 1926, col. 970.

военной машины для этого недостаточно. Она должна быть дополнена постоянными усилиями создать такие отношения между народами, которые будут неуклонно сокращать необходимость прибегать к помощи оружия и устранять самые поводы к этому. Такова идея, лежащая в основе политики неуверенности и колебаний за последние несколько лет»¹. Можно добавить, что этим соображением вдохновлялись и авторы локарнского соглашения, несмотря на то что оно приняло форму гарантийного соглашения.

Этого краткого очерка достаточно, чтобы показать, какие трудности были присущи решению проблемы безопасности, с тем чтобы это решение было одинаково приемлемым для сторонников безопасности в войне и для сторонников безопасности против войны. Антагонистический характер этих двух концепций безопасности явился темой заключительной части знаменитой речи Макдональда в Женеве 4 сентября 1924 г.: «Наши интересы в сохранении мира, — заявил он, — шире, чем наши интересы в создании механизма обороны. Механизм обороны создать легко; но берегитесь, как бы, создавая его, вы не уничтожили шансов на мир». Именно это столкновение между противоречивыми концепциями безопасности вызвало англо-французские споры по вопросу о целесообразности заключения оборонительных союзов. С французской точки зрения заключение оборонительных союзов, рассчитанных на оборону против нападения определённой страны, является существенным условием безопасности. Такие союзы предусматривали оказание помощи при определённых обстоятельствах; в связи с этим могли быть составлены планы немедленного оказания эффективной помощи на случай войны. Но для огромного большинства англичан оборонительный союз был вообще неприемлем, так как он основывался на гипотезе войны. Это была вредная система, способная в случае своего повторного внесения в европейскую политику вызвать создание соперничающих между собой групп и тем самым воспрепятствовать взаимопониманию и добровольному сотрудничеству, которые являются лучшей гарантией мира.

Переговоры об англо-французском пакте были прерваны в июле 1922 г. К тому времени стало очевидно, что английская и французская точки зрения относительно условий безопасности расходятся так сильно, что исключают всякую возможность решения проблемы французской безопасности посредством двустороннего соглашения, посвящённого исключительно угрозе германской агрессии. Однако прекращение переговоров об англо-французском пакте совпало с возобновлением по инициативе

¹ «The Times», March 10, 1924.

лорда Роберта Сесилия попыток организовать эффективную систему безопасности в рамках Лиги наций. В связи с этим возникла надежда, что можно будет бороться против германской угрозы с помощью многостороннего соглашения, ставившего своей целью обеспечить безопасность от любой агрессии, откуда бы она ни исходила. Последовательное отклонение первого предварительного плана — проекта Договора о взаимной помощи — в 1924 г. английским лейбористским правительством, затем второго Женевского протокола в 1925 г. английским консервативным правительством показало, что новый подход к проблеме был сопряжён с новыми трудностями и в то же время не устранял ещё трудностей, связанных с прежним подходом к тому же вопросу. Позиция англичан в отношении французских предложений, внесённых на конференцию по разоружению через восемь лет, — план Тардьё от февраля 1932 г. и план Эррио от ноября 1932 г. — показала всем, что время не устранило пропасти, существовавшей между точками зрения французского и английского правительств. Однако рассмотрение проблемы безопасности с этой новой точки зрения имело важные последствия: было достигнуто известное примирение между французскими радикал-социалистами и той частью английской общественности, которая в первые дни мира особенно критически относилась к французской точке зрения.

Этот ряд проектов, основанных на заложенных в уставе Лиги наций возможностях, является наиболее красноречивым свидетельством опасений французов относительно степени безопасности, обеспечиваемой Лигой наций в том виде, в каком она была создана в 1919 г. Ни статья 10, ни статья 16 — обе статьи, определявшие характер Лиги как организации безопасности, — не были своим происхождением обязаны французскому авторству. Статья 10 была обязана своим происхождением президенту Вильсону, а статья 16 была извлечена из доклада Комитета по выработке устава Лиги, назначенного английским правительством в 1918 г. под председательством сэра Уолтера Филлимора. Во время мировой войны английские и американские сторонники Лиги равным образом признавали необходимость принудительных коллективных действий для обуздания будущей агрессии. Но при разработке устава Лиги наций статьи, предусматривавшие взаимные гарантии и взаимную помощь, превратились в бледную тень того, к чему стремились их авторы. Статья 10 должна была обеспечить гарантию «территориальной целостности и существующей политической независимости» всех членом Лиги. С самого начала английские сторонники Лиги наций оспаривали целесообразность и действительность этой формы гарантии. Толкование статьи 10, приемлемое

для Великобритании, связывалось с отсутствием какого-либо точного указания на средства, с помощью которых эту гарантию можно было сделать эффективной. В связи с этим статья 10 была понята очень широко в том смысле, что она представляет собой лишь общий принцип; при этом каждый из членов Лиги должен был сохранить за собой свободу принимать решение о том, в какой степени он будет придерживаться этого принципа путём применения военной силы. Статья 16 обеспечивала применение санкций против любого государства, прибегнувшего к вооружённой силе без предварительного мирного урегулирования вопроса, предписанного уставом. По идее Комитета Филлимора, страна нарушительница мира должна была автоматически оказаться в состоянии войны с другими членами Лиги, которые должны были отныне совместно и индивидуально принять все военные и экономические меры, необходимые для того, чтобы предупредить возникновение войны. Когда эту решительную статью включали в устав Лиги, то её остроту постарались притупить. Объяснительные резолюции, принятые в октябре 1921 г., лишь усугубили ту недостаточную действенность, которая вообще была присуща статье 16. Члены Лиги не должны были вступать автоматически в войну со страной нарушительницей мира; признавалось, что такая страна совершила акт агрессии против них, но и здесь была сделана уступка американским конституционным требованиям: ответственность за объявление войны ложится на правительства государств, являющихся членами Лиги. Отсюда следовало, что никакое обязательство об обуздании агрессии с помощью военных действий на членов Лиги отныне не возлагалось. Несомненным было только обязательство применять экономические санкции, но даже и в этом отношении совместные действия зависели от единства во взглядах на определение агрессора. В случае войны каждый член сохранял свободу принимать решение о том, какое из государств, замешанных в конфликте, нарушило устав и какое из государств ведёт законную оборонительную войну¹.

Таким образом, гарантии, содержащиеся в статье 16, стали, как об этом позже заявил г. Политис, «туманны с точки зрения их принципа и случайны с точки зрения их применения»². С момента опубликования устава Лиги огонь французской критики был сосредоточен на проволочках и неопределённостях,

¹ О статьях 10 и 16 см. *Zimmern, A., The League of Nations and the Rule of Law*, p. 244—247, 279—280; *Schiffer, W., L'Article 16 du Pacte, de la Société des Nations* (Geneva Research Centre, 1938).

² «C. R. L. A», Pol. Comm., p. 44.

связанных с оказанием помощи любой жертве агрессии. «Исключено всё, что может вызвать автоматические действия со стороны союзных и объединившихся держав», — заявил Жюль Камбон, когда он впервые прочёл устав Лиги. «Всё это очень хорошо, но у противника окажется более чем нужно времени для поглощения Бельгии и Франции, прежде чем успеют принять решение о вмешательстве Лиги наций»¹.

Анализ мероприятий, предложенных в последовательных планах по укреплению устава Лиги, вызвал бы с нашей стороны многочисленные отступления от основной темы книги. Достаточно указать на общий характер мероприятий, которые с точки зрения французов были необходимы, для того чтобы Лига функционировала эффективно в качестве гаранта безопасности её членов. Прежде всего необходимо было обеспечить отсутствие колебаний при вынесении решения о том, какое именно государство является агрессором. Акт агрессии, совершение которого должно было вызвать применение санкций, подлежал поэтому точному определению. Кроме того, следовало наметить порядок, с помощью которого во время кризиса определение агрессора станет скорее делом автоматической регистрации, чем предметом индивидуальных суждений. В противном случае могли бы появиться расхождения во мнениях о том, является ли данный акт действительно агрессией в рамках принятого уже определения. Если данная процедура вызвала бы на какой-либо стадии необходимость голосования в Совете Лиги, — а этого следовало по возможности избегать, поскольку голосование предполагает наличие расхождений во мнениях, — то в таком случае было бы достаточно простого большинства голосов. После того как были бы таким путём приняты меры для немедленного и бесспорного определения агрессора, не могло бы уже существовать никакого сомнения относительно обязанности держав, подписавших этот акт, применить по требованию Совета как экономические, так и военные санкции. Цель этих мер заключалась в том, чтобы по возможности ограничить свободу выбора для отдельных государств и заставить их действовать в применении санкций с точностью часового механизма.

Однако даже общий договор, выраженный в такой форме, был недостаточен, для того чтобы обеспечить немедленную и эффективную помощь, которая считалась с французской точки зрения необходимой. Недостаточность подобных планов под углом зрения военной безопасности — безопасности в войне — никогда не была выражена так резко, как в комментариях

¹ *Tabouis, G., Jules Cambon, p. 325.*

английского министра иностранных дел Макдональда по поводу проекта Договора о взаимной помощи¹: экономические санкции действуют медленно; по его словам, невозможно было заранее составить планы военного сотрудничества и предусмотреть при этом все те разнообразные обстоятельства, которые потребовали бы вмешательства Лиги. Таким образом, неминуем был более или менее длительный срок, прежде чем можно было оказать военное давление на государство-агрессора. Цель Макдональда заключалась, несомненно, в том, чтобы доказать бесполезность попытки найти разрешение проблемы безопасности посредством посылки коллективных военных сил против агрессора². С ответом Франции можно ознакомиться не в Женевском протоколе, который с точки зрения организации безопасности немногим отличался от проекта самого договора, а в планах, представленных Тардье и Эррио на конференцию по разоружению в 1932 г. Французы предлагали, чтобы державы, подписавшие акт, предоставили в распоряжение Лиги специальные авиационные части, готовые к немедленному выступлению, вместе с контингентом сухопутных войск, которые состояли бы из солдат, находившихся длительное время на военной службе и вооружённых таким мощным оружием, применять которое не имели бы право национальные армии. Морские державы должны были взять на себя обязательство оказывать любой жертве агрессии морскую помощь, а сама Лига должна была постоянно иметь «органически международные воздушные силы», личный состав которых рекрутировался бы непосредственно самой Лигой. Эти предложения представляли собой смелую разработку идей, выраженных в первоначальном французском проекте Лиги наций, составленном в 1918 г.³

Две из трёх основных целей французских предложений, направленных на укрепление Лиги наций, заключались в предоставлении Лиге основных элементов органа исполнительной власти и в наделении её средствами действия. Однако одного расширения статьи 16 было недостаточно, чтобы окончательно превратить Лигу в организацию, предназначенную для оказания при всех обстоятельствах достаточной военной защиты против агрессора, ибо параграф 7 статьи 15 позволял Лиге занять пассивную позицию в тех случаях, когда война вызыва-

¹ «Cmd. 220», p. 11—13.

² В другом случае Макдональд назвал проект договора «документом, подготовляющим войну» («Labour Party: Report of Annual Conference», 1924, p. 168).

³ По этому вопросу см. *Aubert, L.*, Security, «Foreign Affairs», October 1932. Текст французского проекта Лиги см. *Miller, D. H.*, Drafting of the Covenant, II, p. 238—246.

лась конфликтом, в отношении которого Совет не мог притти к единогласному решению.

В таком случае жертва агрессии должна была рассчитывать при обороне исключительно на собственные силы. До тех пор пока не было уверенности в действенном вмешательстве Лиги наций в любой военный конфликт, ни одно государство не решилось бы сократить свои вооружения ниже уровня, считавшегося необходимым в целях эффективной национальной обороны. Таким образом, эффективная организация безопасности в рамках Лиги требовала закрыть «лазейку в уставе», т. е. полностью запретить право ведения «частной войны». Неизбежным продолжением такой меры должно было явиться требование о принудительном разрешении мирными средствами всех международных споров. «Принудительный арбитраж», предусмотренный авторами устава Лиги, явился поэтому прочной основой Женевского протокола. Он был не только «частью огромного аппарата мирного урегулирования», — он давал возможность создания основного контрольного механизма при организации санкций. Принудительный арбитраж являлся третьей целью французских планов развития Лиги.

Идея принудительного арбитража имела особое значение в истории англо-французских отношений. Она облегчала переход британских левых партий от псевдо-пацифизма к защите коллективной безопасности. Поэтому сейчас особенно уместно подчеркнуть разительный контраст между взглядами на Лигу, широко распространёнными в Англии и во Франции в начале 20-х годов. С самого начала французские сторонники Лиги наций исходили из представления о коллективной безопасности, основанной на вооружённой силе, которую президент Вильсон назвал «интернациональным милитаризмом»¹. Представление о коллективной безопасности оставалось совершенно чуждым англичанам в течение первого десятилетия после войны. Только в 30-х годах оно стало действительно доступно основным течениям английской мысли. Во время обсуждения Женевского протокола один хорошо известный в Англии писатель выразил «искреннее изумление при предположении, что для обеспечения мира за него необходимо платить известными жертвами и принятием некоторых обязательств»². Самая мысль о том, что может существовать необходимость какой-то организованной системы гарантий взаимной безопасности против агрессии, противоречила глубоко укоренившимся у английских либералов

¹ Miller, D. H., *The Drafting of the Covenant*, II, p. 294.

² Angell, Norman, *The Public and the Geneva Minimum*, «The Nation», May 30, 1925.

представлениям. Из системы гарантий вытекало как будто, что страх и недоверие были теми чувствами, которые должны были естественно и нормально испытывать одни народы по отношению к другим. Ударение делалось на военных мероприятиях для обуздания возможного агрессора путём внешнего принуждения, а не путём ликвидации причин, могущих побудить его к агрессии. Это было показательно для неправильных взглядов, обнаружившихся при поисках путей к миру. Цель должна была заключаться не в организации военной силы в соответствии с новым планом, а в том, чтобы ликвидировать силу в качестве фактора, применяемого в международных отношениях. Таким образом, враждебность следовало уничтожить путём примирения и поощрения добрых намерений. Лучшая гарантия мира заключалась бы в принятом всеми нациями решении предупредить возможность возобновления войны. Лига является символом подобных чувств, испытываемых всеми. Поэтому широко пропагандировалась, громко восхвалялась вера в Лигу — «в очищенную и расширенную Лигу». Однако всё это осуществлялось скорее путём морального убеждения, чем пропагандой конкретной политики, ибо только немногие интересовались тем, что представляла собой Лига с точки зрения аппарата и обязательств её членов¹.

Таким образом, можно сказать, что пропаганда мира в Англии после первой мировой войны характеризовалась скорее энтузиазмом, чем ясностью. В 1924 г. лейбористская партия, образовав правительство, отказалась от требования пересмотра договора, которое являлось до тех пор постоянной основой её внешней политики. Женевский протокол явился как раз вовремя, чтобы выдвинуть его в качестве лозунга для заполнения пустого места, образовавшегося в программе партии. Он представлял собой почти неизбежную точку соприкосновения мистического культа мира в Англии, ставшего религией без

¹ Достаточно привести одну иллюстрацию подобного умонастроения. На ежегодной конференции лейбористской партии в 1922 г. была внесена резолюция, в которой предлагалось, чтобы «социалистические и лейбористские партии всех стран согласились выступить против всякой войны, которую начало бы какое-нибудь правительство, независимо от целей этой войны». Кеннеди внес следующую поправку: «Однако им предоставляется право поддерживать любой народ, вынужденный защищать свою независимость и свои демократические институты против вооружённой агрессии». Он настаивал на том, чтобы Лиге были предоставлены средства осуществлять силой свои решения; мир нельзя было обеспечить одной проповедью «избитых этических общих мест». Поправка Кеннеди не прошла: против неё голосовало 3 231 тысяча, а за неё — 194 тысячи. Первоначальная резолюция была принята голосованием путём простого поднятия рук («Labour Party: Report of Annual Conference», 1922, p. 203).

конкретной программы, если не считать настойчивого требования разоружения, с несравненно более точной и рациональной французской доктриной «правового мира».

Однако, несмотря на то что начиная с 1924 г. английская лейбористская партия и французская социалистическая радикальная партия объединились в своём уважении к Женевскому протоколу, вряд ли имеются основания предполагать полное тождество взглядов обеих партий. Английские сторонники Женевского протокола склонны были думать, что система принудительного мирного урегулирования споров вызовет поддержку со стороны народов всех стран и самый вопрос о санкциях отпадёт. По словам Макдональда, обязательство, налагаемое протоколом, хотя и казались «мрачными и... обременительными на бумаге, фактически не повлекут за собой никакого риска». Санкции представляли собой, безусловно, «безвредные лекарства для успокоения нервов» и, по всей вероятности, никогда не применялись бы с успехом¹. Таким образом, не должно вызывать удивления то обстоятельство, что вплоть до 1934 г. лейбористская партия не видела никакой необходимости устранить противоречие между поддержкой протокола и постоянной пропагандой сопротивления всякой войне. Имеется также мало оснований предполагать, что французы приняли бы Женевский протокол сам по себе в качестве достаточно эффективной гарантии безопасности. Замечания Леона Блюма по поводу того доверия к Женевскому протоколу, о котором заявляли смеявшиеся друг друга французские правительства, были в достаточной мере обоснованы: «Если бы протокол и представлял собой нечто большее, чем выражение надежды и сожаления, то он дал бы нам не больше удовлетворения, чем всё остальное»². Протокол заставил бы подписавшие его державы «честно и эффективно сотрудничать с целью поддержки устава Лиги наций и оказывать сопротивление каждому акту агрессии в той мере, в какой это позволяет им их географическое положение и состояние вооружений». Выражение «честно и эффективно сотрудничать» возникло из отказа английской делегации взять на себя заранее обязательство относительно природы и размеров помощи, которую Великобритания согласится оказать жертве агрессии³. Такая общая формулировка вряд ли составляла те конкретное обязательство, предусматривавшее в ясно выраженной форме материальную помощь, которое французы объявили

¹ «210 H. C. Deb.», November 24, 1927, col. 2099—2100; *MacDonald, J. R.*, Protocol or Pact.

² *Blum, L.*, Peace and Disarmament, p. 131.

³ *Baker, P. J. N.*, The Geneva Protocol, p. 135; *Parmaor, A. Retrospect*, p. 234—236.

основным условием разоружения. Доктор Бенеш в своём отчёте не преминул обратить внимание на необходимость более определённых заверений: «Многие страны захотят знать, на какую военную помощь они могут рассчитывать». Сознание того, что французы не примут протокола в качестве меры, удовлетворительно разрешающей проблему безопасности, если он не будет подкреплён дополнительным пактом, было одним из соображений, приведших к тому, что его отверг Остин Чемберлен¹.

Тогда как лейбористская партия приближалась, хотя бы и кружным путём, к искренней поддержке коллективной безопасности, сменявшие друг друга английские министерства консервативного толка неизменно, за исключением их позиции в абиссинском эпизоде, выражали своё отрицательное отношение ко всяким принудительным функциям Лиги. Занятая ими позиция выражала собой не только отказ от принятия Женевского протокола, но даже готовность отказаться от устава Лиги, ибо как устав, так и протокол допускали применение Лигой принудительных мер; протокол отличался от устава только применением принуждения к более обширному числу споров. Однако это различие было весьма существенно и требует более подробного разбора.

Статья 16 была включена в устав в результате убеждения англичан, что войны можно было бы избежать, если бы австро-сербский спор был вынесен на конференцию европейских держав. Цель плана Филлимора заключалась не в мобилизации могущественных сил, чтобы лишить агрессию возможности добиться положительных результатов; этот план преследовал гораздо большую цель, а именно — обеспечить передачу всех международных споров определённому органу для мирного их урегулирования с тем, чтобы до того, как стороны прибегнут к войне, прошёл хотя бы некоторый период времени. По словам лорда Филлимора, «мораторий лежит в основе всего дела»². Таким образом предполагалось обеспечить какой-то интервал, во время которого могло бы осуществляться посредничество под благотворным и внимательным контролем общественного мнения. Если бы, несмотря на соблюдение всех мер предосторожности, предусмотренных уставом, война всё же началась бы, члены Лиги наций могли, выражая сожаление, но с чистой совестью, остаться в стороне. Как уже отмечалось выше, протокол уничтожал именно это право членов Лиги оставаться в стороне от схватки. Остаётся ещё рассмотреть вопрос о том,

¹ «182 Н. С. Deb.», March 24, 1925.

² *Phillimore, W.*, A League of Nations, «Quarterly Review», January 1919.

почему же британское правительство не только отклонило протокол, это «исключительно удачное создание континентальной мысли»¹, стремившееся к более совершенной организации безопасности, но осудило также и устав, явившийся продуктом англо-саксонской государственной мысли, направленной на более прочное сохранение мира².

Частичное объяснение всему этому можно найти во влиянии внешних событий: созданная к январю 1920 г. Лига в двух чрезвычайно важных отношениях отличалась от представления о Лиге во время войны.

Прежде всего налицо было различие в обстановке. В течение всего периода войны обсуждение вопроса о будущей Лиге велось главным образом исходя из довольно оптимистического предположения, что разрешение вопроса о территориальном устройстве будет произведено так, чтобы удовлетворить и победителей и побеждённых. В то время казалось вполне вероятным предположение, что в случае возникновения трудно допустимой попытки насильственным путём изменить эти решения, подавляющее большинство общественного мнения во всём цивилизованном мире выступит против агрессора. Однако разрешение вопроса о территориальном устройстве вызвало не только горячее возмущение в побеждённых странах, но и отрицательное отношение в других странах и в частности в Англии. В такой обстановке существовало полное основание для опасения, что подчёркивание принудительных функций Лиги приведёт к превращению её из рупора мирового общественного мнения в инструмент, который сумеют использовать защитники несправедливого статус кво. «Необходимость прибегать к силе во взаимоотношениях между народами, — писал один английский автор, — является доводом, противоречащим удовлетворению законных чувств народа. Лига наций, достойная носить это имя, могла бы быть создана только в качестве органа и символа порядка, пользующегося признанием всего цивилизованного мира»³. «Нью Стейтсмен энд Нейшн» отражал не только точку зрения своих читателей, когда возражал против Женевского протокола, указывая, что он создаёт «нежелательную возможность того, что Англии предстоит применять принуждение в отношении тех стран, горестям которых мы сами сочувствуем»⁴.

¹ *Zimmern, A., The League of Nations and the Rule of Law, p. 355.*

² Обзор английской политики по отношению к Лиге наций см. *Charvet, J., L'Influence britannique dans la Société des Nations, Paris 1938,* и более научную и обоснованную работу — *Schwobel, J., L'Angleterre et la sécurité collective, Paris 1938.*

³ *Brailsford, H. N., After the Peace, p. 64.*

⁴ «The New Statesman», November 15, 1924.

С другой стороны, различие заключалось в составе Лиги. Соединённые Штаты теперь, в 1920 г., отказались от участия в Лиге наций. Нет надобности повторять, как тревожно относились англичане к возможности ухудшения англо-американских взаимоотношений в случае участия Англии в применении санкций без американского сотрудничества. Позиция английского правительства прекрасно иллюстрируется теми шагами, которые были им предприняты по отношению к США в связи с Женевским протоколом. Британский посол в Соединённых Штатах, следуя указаниям министра иностранных дел, поднял вопрос о протоколе во время своего свидания с государственным секретарём США 5 января 1925 г.¹ Он заявил:

«Применение протокола без всяких изменений может открыть путь для возникновения таких положений, которые могли бы вызвать затруднения во взаимоотношениях между Великобританией и Соединёнными Штатами. Великобритания может быть вынуждена к блокаде какой-либо страны и, таким образом, совершить действия, идущие вразрез с интересами Соединённых Штатов. Основным пунктом английской политики является желание поддерживать дружественные отношения с Соединёнными Штатами и сотрудничать с их правительством во всех случаях, когда это возможно. Но проведение подобной политики может натолкнуться на трудности, если возникнут обстоятельства, при которых в результате применения протокола британскому правительству придётся совершать действия, противоречащие интересам Соединённых Штатов. С другой стороны, британскому правительству кажется, что было бы нецелесообразным полностью отвергать протокол, ибо в таком случае весьма вероятно продолжение в Европе гонки вооружений, которую не могут допустить ни Англия, ни США. Единственной возможностью избежать подобного соревнования в вооружении со всеми вытекающими из него последствиями является, повидимому, принятие в какой-либо форме соглашений, как это предлагает Женевский протокол. Британское правительство стремится найти желательные изменения в проекте протокола, которые служили бы этой цели, и было бы чрезвычайно радо познакомиться со взглядами Соединённых Штатов».

Государственный секретарь США ответил, что «с его точки зрения существует только одно положение, из которого можно было бы исходить, а именно, что американское правительство с самого начала настаивало на правах нейтральных стран и

¹ «U. S. A. Foreign Relations», 1925, I, p. 17—18.

будет продолжать настаивать на этом». По его словам, он «не верил, чтобы при отсутствии подписанного или ратифицированного договора какая-либо организация могла заставить страну воздержаться от осуществления своих прав нейтралитета». Три дня спустя британский посол высказал предположение, что «британскому правительству было бы полезно откровенно заявить своим товарищам по Лиге, что не может быть никакой надежды на успешное применение санкций, если они противоречат взглядам народа Соединённых Штатов». Государственный секретарь настаивал, что Соединённые Штаты вообще не должны участвовать в дискуссии. Есть полное основание поэтому прийти к выводу, что позиция, занятая американским правительством, была одним из факторов, под влиянием которых британское правительство решило отказаться от своего первоначального намерения внести в протокол поправки и принять его¹. Начиная с этого времени в результате колебаний, проявленных Англией, организация системы европейской безопасности была, повидимому, неразрывно связана с направлением американской политики.

Воздержание Соединённых Штатов от того или иного участия оказало на Великобританию также косвенное влияние, а именно, оно оказало влияние на позицию, занятую доминионами. Война вызвала общую перестройку внутри Британской империи, и английский кабинет потерял возможность руководить внешней политикой Британской империи в целом по своему собственному усмотрению. «Нельзя забывать, — заметил лорд Керзон французскому послу в 1921 г., — что отныне британская внешняя политика не является только политикой Даунинг-стрита; это политика всей империи, и нам необходимо серьёзно считаться со взглядами премьер-министров наших заокеанских доминионов»². Доминионы, которые подобно Соединённым Штатам бессознательно пользовались плодами безопасности, созданной французской армией, оказывали своё влияние в пользу «Лиги, не применяющей никаких принудительных средств», опасаясь перспективы вмешательства в европейские споры. Накануне абиссинского кризиса генерал Смэтс заявил, что Лига была бы обречена на гибель, если бы «когда-нибудь была сделана попытка использовать её для ведения войны в целях предупреждения последней. Я, например, не могу себе представить такого положения, чтобы доминионы оставались членами подобной Лиги и брали на себя обязательство участвовать в войне Старого Света; а если доминионы выйдут из

¹ «210 H. C. Deb.», November 24, 1927, col. 2102—2103.

² «Anglo-French Negotiations», p. 109.

Лиги, то Великобритания будет вынуждена последовать их примеру»¹.

Отрицательное отношение Англии к тому, чтобы в какой-либо мере подчёркивать принудительные функции Лиги, не может всё же объясняться исключительно ссылкой на внешние обстоятельства. Английское правительство не стремилось укрыться за простым отрицанием всяких предложений, влекущих за собой нежелательное расширение её обязательств. Оно выступало против них утверждение, что применение Лигой мер принуждения нарушило бы её эффективность в качестве органа, поддерживающего мир. «Всякое предложение в защиту той мысли, что основной заботой Лиги является в большей мере война, чем мир, способно помешать выполнению её основной задачи — уменьшению числа самих поводов к войне», — вот что читаем мы в знаменитой декларации, посвящённой Женевскому протоколу. До известной степени процитированный отрывок можно приписать вере в психологическую панацею отвлечения внимания от наиболее мрачных сторон международной жизни. Но эти слова можно толковать и в том смысле, что конфликт в понимании безопасности в войне и безопасности от войны обнаруживался в рамках самой Лиги не в меньшей мере, чем в непосредственной дискуссии о проблемах англо-французских взаимоотношений. Превращение Лиги в орган, удовлетворяющий задачам военной защиты, требовало установления твёрдой процедуры с целью обеспечить необходимое и быстрое оказание военной помощи. С точки зрения английского правительства, подобное установление твёрдой процедуры препятствовало бы развитию Лиги как инструмента мира. Определение агрессии, — что сказать о нём? Страна, принявшая решение совершить агрессию, легко найдёт возможность обойти это определение; оно послужит только «западнёй для невинного и укажет дорогу виновному»². Установить ли процедуру для определения агрессии? Для этого скорее необходимо было сохранить гибкость, соответствующую бесконечному разнообразию всех возможных случаев. «Разработка и увеличение числа правил, — писало английское правительство в „Замечаниях о программе работ комиссии по вопросам арбитража и безопасности“³, — привело бы не только к превращению Совета в некий автомат, но

¹ «International Affairs», 1935, p. 8. О позиции доминионов см. *Toynbee*, 1924, p. 27—36, and 1925, p. 4—8; *Dewey, A. G.*, *The Dominions and Diplomacy*; *Toynbee, A. J.*, *The Conduct of British Empire Foreign Relations*.

² Sir Austen Chamberlain: «210 H. C. Deb.», November 24, 1927, col. 2105.

³ Опубликовано в сборнике Лиги наций, 1928, IX, стр. 3.

также к ослаблению возможности для него проявить инициативу в случае возникновения каких-либо обстоятельств, не предусмотренных этими правилами». Быстрое применение санкций? Как уже отметил Рутгерс в своём меморандуме об уставе Лиги наций, имелась некоторая опасность «окостенения» тех мер, которые могли бы быть приняты в осуществление статьи 16. Соблюдение неумолимых требований процедуры может повлечь за собой применение санкций в момент, «когда всё ещё возможны сомнения относительно того, действительно ли следует прибегать к войне, и когда есть ещё надежда, что вмешательство Совета способно будет прекратить начавшиеся военные действия».

Без сомнения, французские планы могут быть приняты в качестве доказательства того, что Лига могла бы стать эффективной гарантией военной безопасности только в случае превращения её в органический институт, способный принимать решения и действовать независимо от произвола её членов, короче говоря, только в том случае, если она будет обладать правами некоего сверхгосударства. Английское правительство заняло совершенно твёрдую позицию, противодействуя подобным изменениям в структуре и статусе Лиги. Оно оставалось непреклонным в своём решении, чтобы Лига была, по выражению предовой статьи «Таймса», посвящённой плану Тардье, «обществом свободных наций, сохраняющих свой независимый суверенитет, стремящихся путём добровольного сотрудничества охранять свои общие интересы, величайшим из которых является поддержание мира, и разрешать свои споры мирными средствами арбитража и переговоров»¹. Подобное отношение к Лиге наций вызвано убеждением, что людей, принадлежащих к различным нациям, нельзя заставить действовать сообща по приказанию международного совета. В критический момент решение о предоставлении помощи жертве агрессии и о размере этой помощи будет зависеть не от наличия формальных обязательств, а от господствующего настроения граждан той или иной страны. Подобными же соображениями обосновывалось отрицательное отношение англичан к принудительному арбитражу. Британское правительство в «Замечаниях», которые мы цитировали выше, указывало, что лимитирующим фактором применения арбитража является «тот предел, до которого общественное мнение каждой страны может, повидимому, итти ради честного осуществления решения, с которым оно само несогласно... Договор об арбитраже, преступающий те границы, до которых, повидимому, готово итти общественное мнение

¹ «The Times», February 8, 1932.

страны в том случае, когда затронуты интересы этой страны, и в том случае, когда приняты решения, противоречащие этим интересам, является договором бесполезным». Разве не убеждение в том, что жизнеспособность Лиги будет зависеть от поддержки общественного мнения, заставило сэра Остина Чемберлена предупредить, что накопление «груды обязательств» неизбежно приведёт к превращению членов Лиги из «живых наций» в «мёртвые государства»¹.

Женевский протокол, зачитанный английским министром иностранных дел в Совете Лиги 12 марта 1925 г., явился заключительным этапом второй стадии переговоров о проблеме безопасности, которая началась с посещения Брианом Ллойд Джорджа в декабре 1921 г. Обсуждение, продолжавшееся свыше трёх лет, показало, что ни старая система оборонительных союзов, ни новая система общих гарантий в рамках Лиги не смогут, учитывая английскую точку зрения, обеспечить разрешение проблемы безопасности так, как эту проблему понимала Франция. Следует напомнить, в чём состояли, с французской точки зрения, постулаты эффективного разрешения проблемы: ими были организация безопасности в пределах Европы и обеспечение немедленной военной помощи в случае нападения. Великобритания не хотела подписаться под решением территориального устройства в Восточной Европе ни непосредственно, путём признания конкретных обязательств, ни косвенно, дав обещание оказывать сопротивление агрессии вообще. Не было также никаких надежд, чтобы Англия выполнила те условия, которые одни могли обеспечить непосредственную военную помощь, — заключение военного соглашения в качестве дополнения к оборонительному союзу или установление твёрдой процедуры Лиги для обеспечения автоматического действия системы общих гарантий.

Возможно, что слушатели испытали некоторое чувство облегчения, когда английский министр иностранных дел закончил своё критическое рассмотрение Женевского протокола и изложил проект решения, который мог встретить благожелательное к себе отношение правительства его величества. Хотя этот отрывок речи известен очень многим, его следует привести здесь полностью:

«Поскольку общие положения устава не могут быть с пользой для дела сделаны более жёсткими и, поскольку «крайние случаи», с которыми, вероятно, придётся иметь дело Лиге, возможно, будут затрагивать одни нации или группы наций больше, чем другие, правительство его величества приходит к заклю-

¹ Chamberlain, A., Peace in our Time, p. 184.

чению, что лучше всего при содействии Лиги дополнить устав особыми соглашениями для удовлетворения специальных нужд. Совершенно очевидно, что эти соглашения должны носить чисто оборонительный характер, что они должны быть составлены в духе устава и действовать в полной гармонии с Лигой и под её руководством. По мнению правительства его величества, этих целей лучше всего можно достигнуть, объединив путём договоров, составленных с единственной целью поддержания нерушимого мира, нации, наиболее непосредственно заинтересованные в них и разногласия между которыми могут привести к возобновлению борьбы. В этих пределах нельзя найти более быстрого разрешения наших неотложных задач, так же как нельзя найти более верного средства против будущих несчастий¹.

Мы видим здесь в зародыше договор взаимной гарантии, подписанный затем в Локарно 16 октября 1925 г.

Предложение, чтобы непосредственно заинтересованные страны заключали в рамках устава соглашение в соответствии с «конкретными опасностями в данном районе», было безусловно не новым. Проект Договора о взаимной помощи предусматривал заключение между двумя или более странами, подписавшими договор, дополнительных оборонительных соглашений, заранее определяющих помощь, которую они должны были бы оказать друг другу в конкретных случаях агрессии. Такие договоры во время их обсуждения должны были быть одобрены Советом. После этого стороны, подписавшие договор, сохраняли за собой свободу немедленно осуществлять на практике план помощи, о котором было достигнуто соглашение, в случае если бы возникла обстановка, предусмотренная договором.

В Женевском протоколе тоже предусматривались такие частные договоры, хотя стороны не имели права предпринимать военные действия до тех пор, пока Совет Лиги не вынесет решения о применении санкций.

Что же было в Локарнском договоре нового? Что заставляло приветствовать его с таким восторгом? Локарнский договор отличался от прежних региональных пактов тем, что, употребляя современное выражение, был первым «открытым договором». Он был направлен не против определённого государства, а против неизвестного агрессора в определённом районе. Этот договор, повторяя слова «Замечаний», предложенных английским правительством Комиссии арбитража и безопасности, «был не просто союзом между группой дружественных стран, имеющих общие интересы»; он создавал «связь между странами,

¹ «Cmd. 2764».

которые недавно находились в состоянии войны друг с другом. Он преследовал единственную цель — воспрепятствовать повторению этого бедствия и сохранить мир между группой государств, интересы которых часто сталкивались и территории которых часто представляли собой театр военных действий». Действительно, имелись некоторые основания рассматривать договор Локарно как применение Женевского протокола в ограниченном масштабе. Однако он имел менее обязывающий характер. Подобно протоколу он исключал войну и предусматривал наказание нарушителя, но в отличие от протокола он не предусматривал никакого «принудительного арбитражного решения» конфликтов, поэтому в отличие от протокола он не открывал неприятной перспективы применения санкций с целью осуществления арбитражных решений. Предусмотренные им определения агрессора были более гибкими, чем в Женевском протоколе. Решение вопроса о том, какая страна являлась агрессором, должно было быть вынесено Советом Лиги; но в случае неотложной необходимости немедленная помощь должна была быть оказана ещё до решения Совета.

Можно было бы привести ещё доводы, для того чтобы показать, что организация безопасности на региональной основе обладает значительными преимуществами по сравнению с более общей системой. Прежде всего государства, которые проявляют колебания в принятии на себя общего обязательства воспрепятствовать любому нарушению мира, готовы были бы взять на себя строгие обязательства в пределах тех территорий, где эти страны имеют жизненные интересы. Взаимная помощь, которая не была обязательной по уставу Лиги наций, могла стать обязательной для определённой группы государств в пределах определённой территории. Можно также указать, что более ограниченная система была бы и более эффективной в качестве противодействия агрессии и более надёжной на случай агрессии, чем система общих гарантий. Она была бы более надёжной потому, что при общей системе обязательство оказать помощь жертве агрессии распространялось бы на большее число государств и каждое из них склонно было бы рассматривать для себя это обязательство в меньшем масштабе. Она была бы более эффективной, потому что ненадёжность действия более общей системы могла толкнуть агрессора пойти на риск с расчётом на то, что эта система вовсе не будет приведена в действие.

На протяжении всего десятилетия, в течение которого решение проблемы Западной Европы проходило под знаком Локарно, английское правительство выдвигало Локарнский договор как пример, который, если бы он применялся повсеместно,

вообще разрядил бы напряжённую атмосферу в опасных зонах. На вопрос, каким образом можно содействовать делу безопасности, английское правительство в 1928 г. дало следующий ответ: «Правительство его величества надеется на постепенный рост этой системы и убеждено, что наиболее лёгкий способ обеспечения всеобщей безопасности состоит в том, чтобы каждое государство обеспечило себя необходимыми гарантиями в том районе, где сосредоточены его основные интересы и где, следовательно, может возникнуть для него наибольшая опасность. Если эта система будет постепенно распространяться до тех пор, пока не охватит каждое государство, которое чувствует, что его безопасность не вполне гарантирована, то в конечном итоге будет создана сеть гарантий против нарушения мира в любой части земного шара». Тем не менее Локарнский договор взаимной гарантии оставался единственным, несмотря на все усилия, прилагавшиеся с 1928 по 1935 г. к тому, чтобы аналогичные договоры были заключены в других частях Европы. Этот договор явился результатом особых условий, создавшихся в Западной Европе в 1925 г. В то время Англия, Франция и Германия, каждая по своим особым причинам, были заинтересованы в поддержании мира на основе гарантий разрешения территориальных вопросов, не прибегая к силе. Путём заключения дальнейших договоров по образцу Локарнского договора нельзя было добиться разрешения территориальных вопросов в других частях Европы. А такое разрешение и признание его представляло собой необходимое условие мира, но не могло быть осуществлено в результате таких договоров.

Рассмотрение вопроса о том, насколько группа договоров, заключённых в Локарно, сама по себе представляла эффективное разрешение более широкой проблемы европейской безопасности, придётся отложить до следующей главы. Но даже на Западе Локарнский договор о взаимной гарантии не обеспечивал окончательного разрешения проблемы безопасности в том смысле, в каком понимала безопасность Франция. Договор не обеспечивал немедленного оказания ей эффективной военной помощи, поскольку он не мог по причинам, отмеченным выше в этой же главе, дополняться военным соглашением. Ввиду небольших размеров английской армии, едва достаточной для удовлетворения нужд империи, Франция на первых этапах военных действий должна была бы полагаться в обороне на свои собственные силы без чьей-либо помощи. В ходе дебатов о проекте Договора о взаимной помощи не раз делались налёки на недостаточность английских вооружённых сил для подкрепления английских гарантий. Бельгийский и французский члены Постоянной консультативной комиссии выражали

следующее мнение, которое необходимо здесь процитировать: «Относительный успех иностранного вторжения будет зависеть от военной организации сотрудничающего государства в мирное время. Если следует избежать длительной войны, первоначальные операции должны рассматриваться, как решающие. Те страны, которые держат небольшую кадровую армию и для которых мобилизация связана с военной подготовкой людских резервов в национальном масштабе, будут в состоянии выставить на поле брани достаточное количество войск только через несколько месяцев после начала военных действий или ещё позже»¹. Мнение этой комиссии о проекте Договора о взаимной помощи в равной мере относилось и к Локарнскому договору.

После заключения этого договора Франция продолжала сокращать свои вооружённые силы до минимума, приемлемого с точки зрения эффективной обороны её границ. Разоружение ниже этого уровня не оправдывалось Локарнским договором. Целью этого договора была не безопасность в войне, а безопасность от войны. Для безопасности в войне на первых этапах Франция попрежнему должна была по необходимости полагаться на свои собственные вооружённые силы.

В ноябре 1932 г. убеждение в том, что организация безопасности должна быть разработана далее, для того чтобы обеспечить непосредственную и эффективную военную помощь в случае агрессии в любом месте в Европе, привело к выработке плана Эррио. Различные стороны этого плана рассматривались нами в других частях нашей книги. Его вполне можно рассматривать как наиболее смелую и добросовестную попытку разработать план организации коллективной безопасности, которая была бы универсальной по своим масштабам и в то же время способной к непосредственным и эффективным действиям, в пределах европейского континента. Представлению этого плана способствовала американская политика в первые дни Конференции по разоружению. В 1932 г. за Атлантическим океаном крепло убеждение в том, что Соединённые Штаты не могут остаться безразличными к созданию системы безопасности в Европе. Единственный и наиболее многообещающий способ добиться этого состоял в том, чтобы включить в один общий план пакт Келлога, устав Лиги и какой-либо особый договор, приспособленный к условиям европейского континента. Целью плана Эррио и было добиться такого объединения. Этот план предусматривал разделение государств всего мира на три концентрических круга. Во внешний круг должны были входить все державы, представленные на Конференции по разоружению, а

¹ «Report of the Temporary Mixed Commission», August 1923, p. 14.

следовательно и Соединённые Штаты. В случае нарушения или угрозы нарушения пакта Келлога эти державы должны были объединиться «с целью обратиться с призывом к общественному мнению и притти затем к соглашению о мерах, которые должны быть приняты». Применяя пакт Келлога, они должны были порвать все финансовые и экономические отношения с государством-агрессором и отказаться «признавать де факто любую ситуацию, созданную в результате нарушения международного соглашения». Второй круг должен был состоять из членов Лиги, от которых следовало требовать, чтобы они полностью осуществляли свои обязательства в соответствии с уставом и дополнительными договорами. Для внутреннего круга европейских государств¹ предлагалась специальная организация. Они должны были заключать политические соглашения, предусматривавшие взаимную помощь в борьбе против агрессии, а также мирное урегулирование споров. Они должны были также заключить особые военные соглашения, предусматривающие, с одной стороны, реорганизацию их национальных армий, а с другой стороны, предоставление военных сил в распоряжение Лиги. Англия включалась не во внутренний круг континентальных государств, а во второй круг государств, связанных обязательствами устава и дополнительных договоров. Судьба плана Эррио относится к общей истории Конференции по разоружению, и здесь мы не можем кратко изложить вызванную им дискуссию. Можно, однако, отметить, что некоторые европейские государства заявляли о своём отказе заключить специальное континентальное соглашение, если в нём не будет полностью участвовать Англия.

¹ По географическим представлениям автора, Россия остаётся вне «внутреннего круга европейских государств». — *Прим. ред.*

Г Л А В А XVII

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА

Первая мировая война привела к падению трёх великих империй, которые в 1914 г. господствовали в Восточной и Центральной Европе. На их развалинах возникли небольшие национальные государства, существование которых было подтверждено договорами Версальским, Сен-Жерменским и Трианонским. Обсуждать многочисленные политические и экономические проблемы, возникшие в связи с такой реорганизацией системы европейских государств, не входит в компетенцию автора. Для исчерпывающего исследования потребовалось бы длительное изучение этой проблемы. Поэтому в настоящей главе сделана лишь попытка разобрать проблему Восточной и Центральной Европы. Мы не предполагаем давать здесь исчерпывающего обзора. Попытаемся дать только набросок общих тенденций английской и французской политики по отношению к восточным соседям Германии.

В течение 20 лет было широко распространено мнение, что основным достижением устройства Европы после мировой войны было стремление удовлетворить национальные чаяния угнетённых народов Восточной и Центральной Европы. Теперь широко распространено мнение, что то, что раньше рассматривалось как основное достижение, фактически было основным дефектом, потому что принцип национального освобождения «категорически расходится с тенденциями политической и экономической организации XX века»¹.

Не бесполезно будет рассмотреть вопрос, почему освобождение угнетённых национальностей Европы считалось основной военной целью союзников. То, что мир лучше всего был бы обеспечен путём изменения карты Европы в соответствии с национальным принципом, казалось отвечающим здравому смыслу выводом из истории последних ста лет. Разве первичной причи-

¹ Carr, E. H., Conditions of Peace, p. 49.

ной войн на протяжении этого периода не было требование национальной свободы в странах Европы? Такие рассуждения встречались почти во всех трудах, посвящённых военным целям, и особенно чётко были выражены саром Гербертом Самюэлем: «Волнения среди национальных меньшинств, репрессии со стороны властей, сочувствие или негодование в соседних родственных государствах, тревога и ответное противодействие среди господствующих народов, опасавшихся за свою власть, в результате этого ещё более суровые репрессии и ещё большее беспокойство, — вот злостная последовательность событий, которые постоянно, повторяясь там, где отрицается национальная свобода, поддерживают чувство озлобления и ведут к войне»¹. Только в выступлениях президента Вильсона требование национальной свободы получило форму определённой доктрины. Для президента Вильсона нация представляла собой моральное целое, существующее в семье народов; мир зависел от равного уважения к правам каждого члена семьи, безразлично, великого или малого. Первое место среди этих прав занимает право на свободу от иностранного владычества. Президент Вильсон пользовался понятиями морали, тогда как для государственных деятелей Антанты неопределённый принцип национального самоопределения был скорее политическим тезисом, который следовало применять, учитывая время и обстоятельства. Можно добавить, что идея национального освобождения только и могла придать смысл той борьбе, которую союзники вели с 1914 по 1918 г. Как в Англии, так и во Франции готовы были признать, что победа Германии могла бы принести мир и процветание континенту от Ла-Манша до Днестра в рамках «Пакс Германика». «Под немецким господством может существовать Европа, может существовать богатая и почти мирная Европа, но этот мир будет... железным миром, и богатства будут производиться для немецких хозяев массами людей, не пользующимися свободой и почти не имеющими национальной принадлежности»². То, что малые государства были бы отныне «в состоянии сохранять свою независимость лишь с огромным трудом», было характерным для немецкой доктрины. Ни интересы, ни склонности Англии и Франции не могли допустить распространения этой доктрины в странах Антанты. В самом начале борьбы Асквит заявил, что Великобритания борется за то, чтобы «противодействовать — в интересах, по нашему мнению, не только нашей собственной империи, но и всей цивилизации — наглým претензиям одной державы решать судьбы Европы».

¹ *Samuel, H.*, War and Liberty, p. 16.

² *Murray, G.*, Faith, War and Policy, p. 238.

Сравнительно мало известно о планах реорганизации Европы после войны, составленных в 1914—1918 гг. английским и французским правительствами. Может быть, здесь нечего изучать? Разработка подробных планов казалась бесцельной до тех пор, пока победа не была обеспечена. Не имеется вовсе никаких меморандумов, по которым можно было бы ознакомиться с точкой зрения французского правительства на политическое устройство Европы в целом. Что касается Великобритании, то имеются лишь документы, составленные в связи с рассмотрением английским кабинетом в октябре 1916 г. и военным имперским кабинетом в марте 1917 г. вопроса о военных целях и об условиях мира. Но и этих документов достаточно, чтобы показать, что английских государственных деятелей привлекала идея изменения карты Европы согласно национальному признаку, ибо это привело бы к уменьшению мощи Германии в Восточной и Центральной Европе. В октябре 1916 г. Бальфур заявлял, что прочный мир лучше всего может быть обеспечен «двоющим способом: а) уменьшением территории, из которой центральные державы могли бы извлекать людские резервы и деньги, необходимые для проведения политики агрессии, и в то же самое время б) затруднением политики агрессии путём изменения карты Европы в тесном соответствии с тем, что мы не очень чётко обозначаем принципом национальности»¹. Как уведомил генерал Смэтс графа Мэнсдорфа в декабре 1917 г., английский кабинет придерживался той точки зрения, что никакой мир не будет удовлетворительным, если он сохранит военное превосходство Германии на континенте. «Политическое устройство в Центральной Европе после войны, — добавил генерал Смэтс, — должно обеспечивать какую-либо гарантию против восстановления в ней прежних порядков»². Территориальные изменения, которые предусматривались английским правительством, были изложены Бальфуром на заседании имперского военного кабинета 21 марта 1917 г. Поскольку это выступление Бальфура не было опубликовано в общедоступных работах, стоит полностью воспроизвести характерный отрывок из неё. «Я откровенно признаю, — заявил Бальфур, — что, когда немцы говорят, что мы боремся за дело, которое означает их уничтожение, это неправильно в одном смысле: мы не уничтожаем немецкую Германию, но мы пытаемся уничтожить довольно искусственное явление — современную Пруссию, которая включает в себя много славянских элементов. Они никогда не принадлежали к Германии раньше, были включены в неё только 140 лет тому

¹ *Lloyd George, War Memoirs, II, p. 877—888.*

² *Lloyd George, War Memoirs, V, p. 2467.*

назад и действительно не должны более принадлежать Германии». Бальфур приветствовал перспективу отторжения от Германии её польских провинций. «Лично я, — добавил Бальфур, — с эгоистической западной точки зрения хотел бы, чтобы Польша была, скорее, автономной, принадлежащей русским, потому что если создать абсолютно независимую Польшу, расположенную между Россией и центральными государствами, то это значило бы полностью отрезать Россию от Запада. Россия перестанет или почти перестанет быть фактором западной политики. Она будет отделена от Австрии Румынией. Она будет отделена от Германии новым польским государством и не будет граничить ни с одним из воюющих государств. А если Германия будет иметь в будущем замыслы, направленные на Францию или на Запад, она будет защищена этим новым польским государством от всякого воздействия со стороны России, и я вовсе не уверен, что это будет соответствовать интересам западной цивилизации. Эта проблема сильно занимает меня, и я не вижу пока ясного её разрешения. Таковы весьма отрывочные замечания в отношении Польши. Они не ведут ни к какому чёткому предложению с моей стороны. Я не выступаю пока сторонником какой-либо определённой линии поведения. Я просто стараюсь изложить кабинету различные элементы этой проблемы, которые привлекают моё внимание»¹. Таким образом, с точки зрения Бальфура, интересам Европы больше всего соответствовало бы, если бы Польша, пользуясь широкой степенью автономии, оставалась составной частью российской державы, потому что только таким образом Россия оставалась бы европейской державой и была бы в состоянии оказывать непосредственное давление на Германию. Но поскольку Октябрьская революция, по мысли англичан и французов, уничтожила возможность такого устройства, речь зашла о полной независимости Польши. Возможно, что наиболее поразительным утверждением в речи Ллойд Джорджа, произнесённой 5 января 1918 г., было заявление: «Независимая Польша, включающая в себя все те истинно польские элементы, которые желают войти в её состав, является неотложной необходимостью для стабилизации Западной Европы».

Применение принципа национального самоопределения в районе Дуная было причиной весьма длительных беспокойств. В 1916 г. английское министерство иностранных дел без всяких опасений возлагало надежды на падение австро-венгерской монархии и на включение германской Австрии в состав Германии.

¹ «U. S. A. Foreign Relations, Lansing Papers, 1914—1920», II, p. 27—28. Cp. House. III, p. 48 и *Lloyd George, War Memoirs*, II, p. 877—888.

Предполагалось, что австрийцы увеличат собой католическое население Германии и, таким образом, создадут противовес Пруссии. Но Бальфур придерживался другого мнения, и его точка зрения взяла верх в кабинете. Опасаясь объединения говорящего на немецком языке населения в одно мощное государство, Бальфур высказывался за сохранение австро-венгерской монархии. В представлении Англии Центральная Европа должна была быть либеральной империей, в которой подчинённым национальностям предоставлена автономия и которая свободна от прусского господства. Это и было темой выступления Ллойд Джорджа 5 января 1918 г. В этом же заключался и смысл десяти из Четырнадцати пунктов Вильсона. Но Бальфур в своём выступлении на заседании имперского военного кабинета в мае 1917 г. откровенно признался, что он обескуражен теми препятствиями, которые стоят на пути к такому устройству. Трансильвания была обещана Румынии, а это привело бы к расчленению исторически сложившегося венгерского государства. Босния и Герцеговина были обещаны Сербии, а Далмация — Италии. Это могло бы ещё и не расчленить окончательно исторически сложившееся государство — Австрию, но отделение Чехии, безусловно, привело бы к такому расчленению, а чехи, как признавал Бальфур, питают такую ненависть к немецкой цивилизации, что они также будут требовать свободы. Пока можно было продолжать надеяться на сепаратный мир с Австрией, государственные деятели союзников воздерживались от какого-либо шага, который мог бы содействовать общему краху габсбургской империи. Но ещё до окончания военных действий признанием чехословаков как воюющей союзной нации были заложены основы чехословацкого государства.

Разногласия между Ллойд Джорджем и Клемансо на мирной конференции по вопросу о восточных границах Германии хорошо известны. «Я считаю руководящим принципом мира, — заявил Ллойд Джордж в своём меморандуме от 26 марта, — что, насколько это в человеческих силах, различные народы должны вернуться к землям своих отцов, и этот гуманный критерий должен господствовать над всеми соображениями стратегического или экономического характера, которые обычно можно согласовать другими способами». Ответ Клемансо, данный пять дней спустя, свидетельствовал о его решимости укрепить Польшу и Чехословакию как барьер против распространения германской мощи в Восточной и Центральной Европе. «Самая твёрдая наша гарантия от германской агрессии, — заметил он на заседании Совета четырёх, — заключается в том, что за спиной Германии стоят Чехословакия и Польша, занимаю-

щие великолепное стратегическое положение»¹. Но эти разногласия между английским и французским премьер-министрами в конце марта создают несколько неправильное представление о взаимоотношениях между английской и французской делегациями при обсуждении вопроса о границах. Ни вопрос о чешско-германской границе, ни даже проблема Австрии не вызвали никакого разногласия во мнениях между англичанами и французами. Включение в Чехословакию населённых немцами территорий Чехии никогда не оспаривалось. Даже ещё до открытия мирной конференции д-р Бенеш получил, говорят, от трёх европейских великих держав — от Франции 28 сентября 1918 г. и от Англии и Италии 7 января 1919 г. — обещание поддержать претензии чехов на эти пограничные районы². Все члены комиссии по вопросам о чехословацких претензиях — англичане, французы, итальянцы и американцы — были согласны рекомендовать, чтобы историческая граница Чехии была в принципе принята как часть границы нового государства. Приводимые ими соображения в пользу этой рекомендации не лишены интереса.

а) Экономические причины. Весь район, занимаемый немцами в Чехии, в промышленном и торговом отношениях зависит скорее от Чехии, чем от Германии. Немцы в Чехии не могут существовать без экономического сотрудничества с чехами, а чехи не могут существовать без экономического сотрудничества с немцами. В этом отношении между ними существует полная взаимозависимость...

д) Причины национальной безопасности. Эти причины обусловлены географическими соображениями. Горная цепь, окружающая Чехию, представляет собой линию обороны этой страны. Не считаться с этим — значило бы отдать Чехию на милость немцев³.

В вопросе о немецкой Австрии также, казалось, было исключительно мало расхождений во мнениях и ещё меньше споров на мирной конференции. До марта вопрос об Австрии привлекал удивительно мало внимания. Хотя в декабре 1918 года Пишон заявил в палате общин о своём решении препятствовать включению австрийских немцев в Германию, никаких действий не было предпринято до тех пор, пока 4 марта 1919 года австрийская Конституционная ассамблея не приняла в качестве части основного закона Австрии следующую резолюцию: «Немецкая Австрия является составной частью немецкого государства».

¹ *Aldrovandi, L.*, *Guerra Diplomatica*, p. 405.

² *Vondracek, F. J.*, *The Foreign Policy of Czechoslovakia*, p. 24.

³ *Seymour, C.*, *Czechoslovak Frontiers*, «Yale Review», Winter 1939.

На этом этапе в дело вмешалось французское правительство¹. 11 марта Тардьё поставил в известность своих коллег — Филиппа Керра и д-ра Мизеса — о намерении Франции потребовать от Германии «признания независимости немецкой Австрии и принятия на себя обязательств ничего не предпринимать ни в политической, ни в экономической областях, что могло бы прямо или косвенно нарушить эту независимость». Керр мягко ответил, что он не имеет никаких инструкций по этому вопросу. Он думал, что такое мероприятие можно принять как временное, в ожидании того, как решится вопрос об устройстве Австро-Венгрии и о создании Лиги наций². Клемансо всё же дождался конца апреля, когда он представил Комитету четырёх резолюцию, которая легла в основу статьи 88 Версальского договора: «Германия признаёт и будет полностью уважать независимость Австрии»³. О дискуссиях, предшествовавших принятию резолюции Клемансо, никаких документов более опубликовано не было.

При определении границ Германии в Восточной и Центральной Европе только вопрос о польско-немецкой границе вызвал действительно резкие расхождения между Францией и Англией. Противоположные точки зрения Франции и Англии обнаружались впервые при подготовке мирных условий. В Верховном военном совете 2 ноября 1918 г. Пишон предложил, чтобы от Германии потребовали эвакуации всех территорий, которые составляли польское королевство до 1772 г. Бальфур ответил, что союзники взяли на себя обязательство только «восстановить Польшу, состоящую из поляков»; граница 1772 г., добавил он, привела бы к включению территории, не населённой поляками, а также к исключению территории, действительно населённой поляками⁴. После этого Франция перестала настаивать на границах 1772 г.; нота Камбона от 26 ноября 1918 г., излагавшая французские требования, не претендовала ни на что, кроме точного соблюдения принципа Бальфура⁵. Но пункт 13⁶ из Четырнадцати пунктов Вильсона вызвал дальнейшие осложнения. «Должно быть создано независимое польское государство, которое должно включать в себя все территории с неоспоримо польским населением, которому должен быть обеспечен свободный и надёжный доступ к морю». Свободный и надёжный доступ

¹ Ball, M., Post-War Austro-German Relations, p. 9—11, 20; см. также Allizé, H., Ma Mission à Vienne, p. 32. et seq.

² «Anglo-French Negotiations», p. 59, 67.

³ Almond, N. and Lutz, R. H., The Treaty of Saint-Germain, p. 630—631.

⁴ Mermeix, Les Négociations secrètes, p. 247.

⁵ Miller, II, p. 206—214.

⁶ В английском оригинале по ошибке указан пункт 10. — Прим. ред.

к морю? Все эксперты польской комиссии — англичане, французы, итальянцы и американцы — придерживались одной точки зрения, а именно, что «свободный и надёжный доступ к морю» может быть обеспечен Польше путём включения в Польшу не только населённого немцами города Данцига, но и населённого немцами округа Мариенвердер, через который проходит железная дорога Данциг — Млава — Варшава ¹. Получив запрос Ллойд Джорджа об этом и предписание от Совета десяти пересмотреть свои рекомендации, комиссия снова подтвердила свою точку зрения. Тем не менее Ллойд Джордж убедил Вильсона и Клемансо согласиться на создание особого режима в Данциге и на плебисцит для определения судьбы Мариенвердера, который в результате остался за Германией. Что касается Данцига, то автор весьма компетентного исследования о «Мирном устройстве в пограничном районе между Германией и Польшей» Морроу пришёл к выводу, что нечёткие и наспех составленные пункты Версальского договора, касающиеся Данцига, могут в конечном итоге оказаться причиной повторных конфликтов между Польшей и Данцигом ².

Интересно сопоставить те результаты, к которым привели усилия Ллойд Джорджа в отношении Данцига, с принятым в конечном итоге решением о Верхней Силезии. В ответ на германские протесты Ллойд Джордж настаивал на проведении плебисцита также и в этом районе; который в соответствии с первоначальными условиями мира должен был быть передан прямо Польше. Голосование, происходившее 20 марта 1921 г., дало 60% голосов в пользу Германии и 40% — в пользу Польши; оно ускорило затянувшийся англо-французский спор. В этом промышленном районе города и населённые пункты, где народ голосовал за Польшу, были перемешаны с теми, которые голосовали за Германию. Следовало ли разделить этот промышленный район между двумя странами? Ни Великобритания, ни Франция отнюдь не склонялись к этой точке зрения; но, в то время как Франция хотела передачи этого района Польше, Великобритания настаивала на сохранении его за Германией. Ни одна из стран не исходила в своей точке зрения из точной интерпретации плебисцита. 12 августа Верховный совет нашёл выход из тупика, предложив Совету Лиги наций рекомендовать линию, которая должна была стать границей между Польшей и Германией. Два месяца спустя Совет Лиги представил свои рекомендации. Была предложена граница, проходящая через

¹ *Miller*, VI, p. 350.

² *Morrow*, *I. F. D.*, *The Peace Settlement in the German-Polish Borderlands*, p. 174—175.

промышленный район таким образом, чтобы насколько можно более точно соответствовать желаниям жителей, выраженным во время плебисцита; между Польшей и Германией должна была быть заключена общая конвенция с целью обеспечить непрерывность экономической деятельности. Верхнесилезская конвенция по переговорам, которые велись между заинтересованными странами, и по последующему проведению её в жизнь считается образцом «международного эксперимента»¹.

На протяжении двадцати лет, прошедших с момента подписания Версальского договора до нынешней войны, можно различить четыре периода в развитии англо-французских отношений в вопросе о сохранении территориального устройства Европы.

Первый период — в годы, предшествовавшие Локарно, с 1920 по 1925 г., — был отмечен тем, что Великобритания и Франция держались противоположных политических линий; целью одной страны, как уже указывалось выше, была экономическая реконструкция, целью другой страны — политическая стабилизация. Речь, произнесённая д-ром Бенешем в чехо-словацком парламенте после закрытия Гёнуэзской конференции, иллюстрирует континентальную (негерманскую) точку зрения на противоположность в политике обеих великих держав.

«В настоящее время в Европе развиваются две политические тенденции. Первая, являющаяся результатом последней войны, — это стремление к сохранению мирных договоров и союзов, порождённых ими; она основывается на предположении, что с течением времени путём эволюционного процесса психология войны и взаимной вражды исчезнет. В результате последовательного осуществления мирных договоров снова разовьётся взаимное доверие; примирение и необходимое сотрудничество между странами, являющиеся целью Лиги, в конечном счёте будут достигнуты. Сторонники этой тенденции отмечали, что влияние войны на умы людей всё ещё существует; уничтожение четырёх великих государств, опустошение территории, разорение миллионов семей — всё это ещё слишком живо в памяти. Было бы неправильно следовать политике, пренебрегающей этими фактами...

Вторая тенденция по существу направлена к этой же цели, но она основывается на предположении, что для достижения её необходимы совершенно новые методы и новая политика. В то время как сторонники первой тенденции настаивают на посте-

¹ Для более детального изучения этого вопроса см. *Kaackenbeeck, G., The International Experiment in Upper Silesia.*

пенном развитии... сторонники второй хотят быстро и энергично покончить с наследием войны, хотят немедленно забыть её. Они подчёркивают необходимость немедленного и неограниченного сотрудничества между всеми народами. Их позиция по отношению к мирным договорам не такая непреклонная. Они не делают различия между бывшими союзниками и бывшими противниками... Эта тенденция является явно пацифистской. Её сторонники требуют всеобщего разоружения; они много говорят об этом. Они склонны к умеренным репарациям. Эта тенденция характеризуется также недоверием к малым государствам, ибо определённая пропаганда создала легенду о том, что малые государства являются более шовинистическими и милитаристскими, чем крупные.

Обычно, хотя и не всегда правильно, первая политическая тенденция отождествляется с французской политикой, вторая — с британской и итальянской»¹.

Речь д-ра Бенеша в известной мере объясняет нам, почему Великобритания не смогла заручиться сотрудничеством Франции и её союзников в осуществлении программы экономической реконструкции. Упор, который делался английскими кругами на экономическое восстановление Германии как первый необходимый шаг на пути к общему восстановлению Европы, беспокоил Францию и её союзников. Они считали, что слишком незначительное внимание уделялось их собственным финансовым и экономическим проблемам. Особенное беспокойство вызывало настоятельное требование Англией экономического восстановления Германии, так как оно сопровождалось широко распространённой критикой распада Европы на национальные государства. «В 1920 г., — писал французский экономист, — на Европу, на её границы и на её конфликты возлагали ответственность за безработицу в Англии и даже в Америке. Под сомнение ставился даже весь политический режим, созданный мирными договорами. Вполне естественно, что такая позиция стран, расположенных за пределами Европы, способствовала сохранению нервного напряжения в странах, только что созданных или воскрешённых к жизни, ибо они считали, что любая общая реконструкция будет осуществлена лишь за их счёт»². Экономические затруднения в Европе, которые явились наследием войны и могли быть смягчены лишь путём сохранения механизма контроля военного времени и путём сотрудничества, ошибочно, по их мнению, приписывались политической реорганизации Европы, осуществлённой с помощью мирных

¹ Текст см. «L'Europe Nouvelle», Juin, 3, 1922.

² *Aubert, L., The Reconstruction of Europe*, p. 64.

договоров. По их мнению, Великобритания не была ещё готова к тому, чтобы играть соответствующую роль в создании гарантий против возрождения германской мощи, что явилось бы неизбежным результатом экономического восстановления Германии.

Французы могли совершенно справедливо утверждать, что влияние Франции в Европе возросло благодаря тождественности интересов Франции и малых государств европейского континента. Такие страны, как Бельгия и Чехословакия, горячо желали сохранения англо-французской Антанты, «необходимого, — по словам Масарика и по мнению Бенеша, — авторитета в Европе», «ключа ко всему положению дел в Европе и к сохранению европейского мира на многие десятилетия»¹. Поскольку Великобритания, казалось, отвернулась от континента и поскольку с 1920 г. до первых месяцев 1924 г. трещина, возникшая между Великобританией и Францией, становилась всё шире, у малых стран Европы не оставалось иного выбора, как всё более решительно обращать свои взоры к Франции. Одна Франция, казалось, готова была предоставить необходимую силу для того, чтобы задержать возрождение германской политической экспансии. Цели французской политики могут быть лучше всего охарактеризованы словами Андре Жеро:

«Основные цели, которые мы должны ставить перед собой, заключаются в консолидации малых национальных государств, которые были созданы или расширены в конце войны, когда габсбургская монархия распалась на части... Прилагая все усилия к тому, чтобы жить в мире с нашими немецкими соседями и разрешать все разногласия, существующие между нами и ними, мы должны в то же время бороться за эволюцию европейского континента, где планы и успехи пангерманизма больше не найдут себе места. Выражение «пангерманизм» не часто можно услышать в наши дни... но сегодня, так же как и вчера, оно указывает на самое слабое место в структуре нашей западной цивилизации.

Термином «пангерманизм»... я просто хочу определить борьбу берлинского правительства за господство над всей Центральной и Восточной Европой, где германское меньшинство разбросано между славянскими народами, национальное развитие которых не встречало на протяжении столетий и, быть может, не встречает и теперь охраны и поддержки со стороны действенной государственной организации.

Все западные державы и все миролюбивые народы Европы должны позаботиться о том, чтобы восточным и центральным

¹ *Machray, R., The Little Entente, p. 189, 238.*

государствам не мешали империалистические притязания, пока эти страны всё ещё находятся в процессе закрепления на своих постоянных национальных основах.

Но, спрашивал далее этот известный публицист, согласится ли Франция и сможет ли она в течение долгого времени нести бремя, которое легло на её плечи? «Если её не поддержат со стороны, нельзя ожидать, что Франция сможет одна сохранить постоянное чувство европейской общности и тем менее действовать в духе его. Не будет недостатка в советниках, которые станут говорить ей о том, что Франции не следует смотреть за Рейн, точно так же как Испания не должна смотреть за Пиренеи, и что нужно предоставить Центральной и Восточной Европе самой позаботиться о себе. Но если Франция будет прислушиваться к словам таких советников, не падёт ли в конечном счёте гнев Немезиды на неё одну?»¹

Второй период англо-французских отношений в вопросе о сохранении территориального устройства продолжался с момента подписания Локарнских договоров в октябре 1925 г. до денонсирования западно-локарнского договора в марте 1936 г. Считалось, что заключение западно-локарнского договора подчёркивало непрочный характер польско-германской и чешско-германской границы, поскольку Великобритания отказалась гарантировать эти границы так, как она гарантировала франко-германские (от этого отказа Великобритания не отступилась и впоследствии). Правильность такого суждения сомнительна. Локарнские соглашения в целом предоставляли Европе некоторую стабильность, которой она не могла достигнуть в предыдущий период. Они представляли собой искусный компромисс между решимостью Великобритании не распространять своих обязательств за пределы Западной Европы и желанием Франции видеть сохранение территориального устройства в Восточной Европе. Одновременное заключение западно-локарнского договора и франко-польского и франко-чешского договоров имело, как это прекрасно понимал Бриан, определённое значение. Отгораживание от Франции, вызванное в Великобритании так называемым окружением Германии, прекратилось. Кроме того, западно-локарнский договор и сам по себе не был лишён значения для стабильности Восточной Европы. Способность Франции оказывать помощь Польше и Чехословакии в значительной мере зависела от существования демилитаризованной зоны, сохранение которой было гарантировано.

¹ *Géraud, A.*, French Responsibilities in Europe, «Foreign Affairs», January 1927.

Можно считать также, что Локарно знаменовало собой занятие Великобританией более консервативной позиции по отношению к проблеме территориальных изменений в Европе. «Я уверен, — заявил сэр Остин Чемберлен вскоре после подписания западно-локарнского договора, — что, каковы бы ни были намерения, какова бы ни была цель тех, кто теперь поднимает вопросы о границах и порождает в умах наций беспокойство, они не служат интересам мира или возрождению благосостояния в Европе»¹. Отныне тенденция английской политики заключалась в том, чтобы протестовать против всякого поднятия вопроса о пересмотре границ. В годы локарнского десятилетия был поднят лишь один территориальный вопрос — о независимости Австрии, которая для Франции, по словам Поля Бонкура, представляла собой «основу порядка в этой части Европы»². В 1931 г. в связи с предложением о заключении австро-германского таможенного союза, а затем снова, в 1933—1934 гг., когда австрийской независимости угрожало вторжение нацистов, английское правительство стало на сторону установленного порядка вещей³.

Захват Германией демилитаризованной зоны 7 марта 1936 г. явился началом третьей фазы в английской и французской политике в вопросах территориального устройства. По существу захват этой зоны по своим последствиям был самым решающим инцидентом за все годы, прошедшие между двумя войнами. Захват демилитаризованной зоны опустил железный занавес между Францией и её союзниками в Центральной Европе. Система, на которую в первую очередь полагалась Франция и во вторую — Великобритания, была, таким образом, подорвана⁴. В конечном счёте Германия снова приобрела возможность производить территориальные изменения в Восточной и Центральной Европе без эффективного вмешательства Франции. Нет смысла вновь напоминать сложные подробности последующих кризисов — март 1938 г., сентябрь 1938 г. и март 1939 г., — во время которых Германия перекраивала карту Европы. Нет также оснований останавливаться здесь на политике умиротворения — этой последней попытке при наименее благоприятных обстоятельствах найти базу для взаимопонимания с теми людьми,

¹ «185 Н. С. Deb.», June 24, 1925, col. 1563.

² Цит. по *Ball, M. M., Post-War German-Austrian Relations*, p. 208.

³ Британская политика по отношению к восточным соседям Германии хорошо изложена в книге проф. Вольферса: *Prof. A. Wolfers, Britain and France between Two Wars*, ch. XVII.

⁴ Эти фазы приводятся у *Huddleston, S., France faces the Facts*, «*Contemporary Review*», May, 1938.

которых Штресман назвал «крайними правыми, чьи желания не может и не хочет удовлетворить никто»¹.

Новая и последняя фаза отношений между Англией и Францией началась 17 марта 1939 г., когда британский премьер-министр произнёс речь, явившуюся предвестником отказа от политики умиротворения. В последующие недели Великобритания возглавила дело предоставления гарантий странам Восточной и Юго-Восточной Европы, которым угрожала германская или итальянская агрессия; эти гарантии были предоставлены Польше 31 марта, Греции и Румынии — 13 апреля. Они были запоздалым признанием опасности, на которую обращал внимание сэр Джеймс Хедлэм-Морли ещё в 1925 г.:

«Мы не можем теперь быть безразличными, если Германия прорвётся на восток и приступит там к захвату территории и накоплению сил, которые в будущем неизбежно будут использованы на Рейне... Пытался ли кто-либо понять, что произойдёт, если возникнет новый раздел Польши или если чехословацкое государство будет настолько урезано и расчленено, что по существу исчезнет с карты Европы? Вся Европа будет охвачена хаосом. Уже не останется никакого руководящего принципа, значения или смысла в территориальных соглашениях на континенте. Вообразите, например, что при каких-либо маловероятных обстоятельствах Австрия присоединится к Германии, что Германия, используя недовольное меньшинство Чехии, потребует новой границы далеко за горами, включая Карлсбад и Пильзен, и что в то же время в союзе с Германией Венгрия вернёт себе южные склоны Карпат. Это будет катастрофой; если мы во-время не вмешаемся для того, чтобы всё это предотвратить, то мы будем вынуждены вмешаться впоследствии, хотя, возможно, и слишком поздно»².

С марта 1939 г. английская политика исходила уже из убеждения, что Великобритания не может с безразличием следить за продолжающейся ликвидацией малых государств Восточной Европы. «Мы знаем, — заявил лорд Галифакс 29 июня, — что если безопасность и независимость других стран исчезнут, наша собственная безопасность и наша собственная независимость окажутся под серьёзной угрозой»³. Принципы, поставленные на карту в 1939 г., были теми принципами, которые

¹ *Stresemann*, II, p. 246. Для правильного понимания британской политики в 1938—1939 гг. см. *Medlicott, W. N.*, *British Foreign Policy since Versailles*, chs. XII and XIII; французской политики — *Клартон, Е. J.*, *The Duel for Central Europe: Some Aspects of French Diplomacy, 1938—1939*, «Journal of Central European Affairs», April 1942.

² *Headlam-Morley, J.*, *Studies in Diplomatic History*, p. 183—185.

³ «Cmd. 6106», p. 59.

британские государственные деятели провозгласили в первые дни великой войны: право малых стран на свободу и безопасность, их независимость и разрешение споров дружественным путём с помощью переговоров и компромисса. Причина, по которой Великобритания вступила в нынешнюю войну, может быть лучше всего охарактеризована следующими словами: «Англия сражается сегодня, как она сражалась уже много раз в прошлом, для сохранения на европейском континенте организованного общества независимых стран, свободного от жестокого господства одной преобладающей державы»¹.

¹ Carr, E. H., Britain, p. 196.

ВАЖНЕЙШИЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ КНИГ

«A. J. I. L.»	«American Journal of International Law».
<i>Aldrovandi</i> , Guerra Diplomatica . .	<i>L. Aldrovandi Marescotti</i> , Guerra diplomatica. Ricordi e frammenti di diario, Milano 1937 [русское издание — <i>Л. Альдрованди Марескотти</i> , Дипломатическая война, Москва 1944].
«Anglo-French Negotiations» . . .	«Papers respecting Negotiations for an Anglo-French Pact. Cmd. 2169. H. M. S. O.» 1924.
<i>Baker</i>	<i>Baker, R. S.</i> , Woodrow Wilson and World Settlement, 3 vols., New York 1922.
«Chambre: Débats»	«Journal Officiel de la République Française: Chambre des Députés, Débats Parlementaires».
«Cmd.»	«Command Paper» («Белая книга»).
«C. R. L. A.»	«Conference for the Reduction and Limitation of Armaments».
«Gen. Comm.»	«Minutes of the General Commission», Vols. I—III.
«Land Comm.»	«Minutes of the Land Commission».
«Docs.»	«Conference Documents», Vols. I—III.
«Pol. Comm.»	«Minutes of the Political Commission».
<i>D'Abernon</i>	<i>D'Abernon, Viscount E. V.</i> , An Ambassador of Peace, 3 vols., London 1929—1930. «France: Ministère des Affaires Étrangères. Documents Diplomatiques».
«D. D.»	«L'Europe Nouvelle»
«Eur. Nouv.»	«Parliamentary Debates, Fifth Series: House of Commons, Official Report».
«H. C. Deb.»	«The Intimate Papers of Colonel House». Arranged by Prof. C. Seymour, London 1928 [русское издание — «Архив полковника Хауза». Подготовлен к печати Ч. Сеймуром, I—IV, Москва 1937—1945].
<i>House</i>	

- Lapradelle* *Lapradelle, A. G.* La Paix de Versailles (La Documentation internationale), Paris 1929.
- Lloyd George, Peace Treaties* . . . *D. Lloyd George, The Truth about the Peace Treaties*, 2 vols., London 1938.
- Lloyd George, War Memoirs* *D. Lloyd George, War Memoirs*, I—VI, Boston 1934—1938 [русское издание — Д. Ллойд Джордж, Военные мемуары, I—VI, Москва 1934—1938].
- «Lords Deb.» «Parliamentary Debates, Fifth Series: House of Lords, Official Report».
- Miller* *Miller, D. H.*, My Diary at the Conference of Paris 1918—1919. With Docs. 22 vols. New York 1924.
- «P. C. D. C.» «Preparatory Commission for the Disarmament Conference Documents», Series I—X.
- «Rep. Comm. Report», 1920—1922. «Reparation Commission. Report on the Work of the Reparation Commission from 1920—1922», London, H. M. S. O., 1923.
- Stresemann* *Gustav Stresemann*, His Diaries, Letters, and Papers. Edited and translated by Eric Sutton. London 1935.
- Tardieu, La Paix* *A. Tardieu, La Paix*, Paris 1921 [русское издание — А. Тардьё, Мир, Москва 1943].
- Toynbee* *Toynbee, A. J.*, Survey of International Affairs, 1920—1923, 1924. London, 1925.
- «U. S. A. Foreign Relations» . . . «U. S. A.: Department of State. Papers relating to the Foreign Relations of the United States».
- Wemyss, Life and Letters* *Wemyss, Lady V. W.*, Life and Letters of Lord Wemyss. London 1935, VIII.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Д'Абернон (D'Abernon) Эдгар-Винцент — английский дипломат, специалист по финансовым вопросам, консерватор. Посол в Берлине с 1920 по 1926 г. Участвовал в проведении «плана Дауэса» и в подготовке Локарнской конференции 1925 г. Автор мемуаров, изданных в сокращённом виде на русском языке под названием «Посол мира». — 116, 147, 183, 187.

Аденауэр (Adenauer) — бургомистр Кёльна. — 224.

Альберт (Albert) — король Бельгийский (1875—1934). В первой мировой войне выступил на стороне союзников против Германии. — 221.

Асквит (Asquith) Герберт-Генри (1852—1928) — английский государственный деятель, лидер либеральной партии, неоднократно занимал министерские посты, премьер-министр с 1908 по 1916 г. — 217, 273.

Б

Бальфур (Balfour) Артур-Джеймс (1848—1930) — английский государственный деятель, депутат парламента с 1874 г. До 1911 г. лидер консервативной партии. С 1902 по 1905 г. премьер-министр. В 1915 г. первый лорд адмиралтейства. С 1916 по 1919 г. министр иностранных дел в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа. Член английской делегации на Парижской мирной конференции. Глава английской делегации на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. — 18, 19, 23, 26, 43, 51, 125, 149, 151, 167, 168, 170, 184, 185, 188, 201, 217, 218, 246, 274—276, 278.

Барнетт (Burnett) П. М. — составитель сборника документов по репарационному вопросу, изданного в Нью-Йорке в 1940 г. — 131.

Барту (Barthou) Жан-Луи (1862—1934) — французский государственный деятель. Неоднократно занимал министерские посты. В 1913 г. премьер-министр. Член делегации на Парижской мирной конференции. Французский представитель на Генуэзской конференции, председатель Репарационной комиссии (1922). С февраля 1934 г. министр иностранных дел в правительстве Думерга. Сторонник союза с СССР. Убит 9 октября 1934 г. по наущению Гитлера и Муссолини хорватскими террористами-устамими. — 79, 216.

- Бекер** (Baker) Ньютон (1871—1937) — американский политический деятель; с 1916 по 1921 г. военный министр Соединённых Штатов. — 34.
- Бенеш** (Beneš) Эдуард (род. в 1884 г.) — чехословацкий государственный деятель, один из руководителей чехословацкого национально-освободительного движения. С 1918 по 1935 г. министр иностранных дел. Глава чехословацкой делегации на Парижской мирной конференции. Представитель Чехословакии в Лиге наций с 1920 г. Премьер-министр с 1921 по 1922 г. С декабря 1935 г. президент Чехословацкой республики. — 260, 277, 280, 281, 282.
- Бенсон** (Benson) Уильям (1855—1932) — американский адмирал; морской советник делегации Соединённых Штатов на Парижской мирной конференции. — 39.
- Бергман** (Bergmann) — германский эксперт по экономическим вопросам на конференциях в Спа и Лондоне (1920—1921). — 115.
- Битти** (Beatty) Давид (1871—1936) — английский адмирал. С 1919 по 1927 г. — первый морской лорд (начальник морского генерального штаба). В 1921—1922 гг. член делегации на Вашингтонской конференции. — 25.
- Блисс** (Bliss) Таскер-Хоурд (1853—1930) — американский генерал. В 1917 г. начальник Генерального штаба США; член Верховного военного совета союзников. Входил в состав делегации Соединённых Штатов на Парижской мирной конференции. — 22, 33—38, 44, 75, 76, 166, 169, 178, 179, 184, 233, 234.
- Блюм** (Blum) Леон (род. в 1872 г.) — французский политический деятель, публицист; один из руководителей социалистической партии. Неоднократно занимал министерские посты. С 1936 г. по июнь 1937 г. и с марта по апрель 1938 г. — премьер-министр. — 259.
- Бойден** (Boyden) Роланд — американский неофициальный наблюдатель в Репарационной комиссии. — 118, 152.
- Бонар Лоу** (Bonar Law) Эндрю (1858—1923) — английский государственный деятель. С 1911 по 1922 г. (с коротким перерывом в 1921 г.) — лидер консервативной партии. В 1915 г. министр колоний. Вошёл в коалиционное правительство Ллойд Джорджа; с 1916 по 1919 г. канцлер казначейства и с 1919 г. лорд хранитель печати; с 1916 по 1922 г. лидер палаты общин. Член английской делегации на Парижской мирной конференции. В 1922 г. премьер-министр. — 24, 26, 67, 107, 116, 140, 151, 160, 164.
- Бонкур Поль** (Boncour Paul) (род. в 1873 г.) — французский государственный деятель, неоднократно занимал министерские посты. Премьер-министр с декабря 1932 г. по январь 1933 г. Представитель Франции в Лиге наций с 1924 по 1926 г. и с 1932 по 1936 г. — 211, 284.
- Бриан** (Briand) Аристид (1862—1932) — французский государственный деятель. Неоднократно занимал посты министра иностранных дел и премьер-министра. Принимал участие в работах Парижской мирной конференции. — 59, 61, 62, 66, 67, 72, 73, 85, 91—93, 98, 105, 110, 123—126, 146, 158, 174, 175, 182, 183; 187, 195, 201, 207, 215—217, 241, 242, 246, 251, 266, 283.
- Брукер** (Brouckère) Луи, де (род. в 1870 г.) — бельгийский профессор, делегат Бельгии в Лиге наций. — 177.

- Брэдбери* (Bradbury) Джон (род. в 1871 г.) — британский банкир и финансист. С 1919 по 1925 г. — британский представитель в Репарационной комиссии. — 99.
- Брюнинг* (Brüning) Генрих (род. в 1885 г.) — лидер немецкой католической партии центра. С марта 1930 г. по июнь 1932 г. рейхсканцлер Германии. — 190.
- Буркен* (Bourquin) М. — бельгийский профессор юриспруденции. Член Комитета Лиги наций по подготовке разоружения. — 129, 130.
- Бутру* (Boutroux) — французский консервативный публицист, издатель журнала «Revue de deux Mondes». — 12, 13.

В

- Вебстер* (Webster) Чарльз-Кингсли (род. в 1886 г.) — английский консервативный историк, профессор. Имеет ряд трудов по истории английской внешней политики и международных отношений. В 1918—1919 гг. секретарь военной секции британской делегации на Парижской мирной конференции. — 3, 5.
- Вейган* (Weygand) Максим (род. в 1867 г.) — французский генерал. С 1914 г. начальник штаба Фоша. В 1917 г. член Верховного военного совета союзников. В 1920 г. возглавлял миссию Антанты в Варшаве; советник Пилсудского, руководил военными операциями польской армии против Красной Армии. В последующие годы занимал во Франции ответственные правительственные и военные посты. Изменил родине, приняв участие в перевороте Петона. — 81, 82, 97.
- Вильсон* (Wilson) Вудро (1856—1924) — американский государственный деятель, профессор истории и теории права, демократ. С 1913 по 1921 г. президент Соединённых Штатов. Автор «Четырнадцать пунктов». Глава делегации Соединённых Штатов на Парижской мирной конференции. — 8, 11, 14—21, 23, 25, 26, 33, 36, 40, 42—47, 51, 81, 90, 128, 132, 133, 135, 136, 151, 167—170, 176, 178, 179, 184—186, 188, 194, 218, 219, 221—224, 229, 233, 234, 240, 241, 244, 253, 257, 273, 276, 278, 279.
- Вильсон* (Wilson) Генри-Юз (1864—1922), английский генерал. В ноябре 1917 г. назначен британским представителем в Верховном военном совете союзников. С февраля 1918 г. — начальник имперского генерального штаба. С 1919 г. фельдмаршал. — 24—26, 168, 178, 179, 233.
- Вирт* (Wirth) Карл-Иосиф (род. в 1879 г.) — немецкий политический деятель. В 1921—1922 и в 1926 гг. рейхсканцлер Германии. — 93.
- Вошер* (Vaucher) Поль (род. в 1887 г.) — профессор Лондонского университета с 1922 г., специалист по истории и литературе Франции. — 5.

Г

- Галеви* (Halévy) Эли — французский историк и философ, профессор. — 10.
- Галифакс* (Halifax) Эдуард-Фредерик, лорд (род. в 1881 г.) — консерватор, занимал ряд министерских постов. С 1938 по 1940 г. министр иностранных дел. Английский посол в Вашингтоне с 1941 г. — 285.

- Гендерсон* (Henderson) Артур (1863—1939) — британский политический деятель, лейборист. С 1929 по 1931 г. министр иностранных дел в правительстве Макдональда. В 1930 г. председатель конференции по разоружению. — 73.
- Геррик* (Herrick) Мирон Т. (1854—1929) — американский дипломат, посол в Париже с 1912 по 1915 г. и с 1921 по 1929 г. — 152.
- Гитлер* (Hitler). — 193, 243.
- Гладстон* (Gladstone) Уильям-Эверт (1809—1898) — английский государственный деятель, начавший свою политическую карьеру как консерватор, затем перешедший на сторону либералов, признанный вождь либералов. Возглавлял четыре министерства: в 1868—1874, 1880—1885, 1886 (февраль—март) и в 1892—1894 гг. — 250.
- Гогенцоллерны* (Hohenzollern) — династия, правившая в Германии, свергнута в 1918 г. — 47.
- Голль* (Gaulle) Шарль, де (род. в 1890 г.) — французский военный и государственный деятель. В 1933 и 1934 гг. написал две работы о современных методах войны. В июне 1940 г. заместитель военного министра. Возглавил борьбу французов с германскими оккупантами. Председатель Французского Национального Комитета с 1941 г. Глава Временного правительства Французской республики с момента его образования (2 июня 1944 г.). — 209.
- Грей* (Grey) Эдуард, виконт Фаллодон (1862—1933) — английский государственный деятель и дипломат, либерал. С 1905 по 1916 г. министр иностранных дел. Заключил соглашение с Россией в 1907 г. Один из создателей Антанты. — 125, 196, 217.
- Гувер* (Hoover) Герберт-Кларн (род. в 1874 г.) — американский политический деятель; представитель крайне правого крыла республиканской партии. С 1929 по 1933 г. президент Соединённых Штатов. — 141, 198, 206.

Д

- Дантон* (Danton) Жорж-Жан (1759—1794) — один из крупнейших деятелей Французской революции, вождь правого крыла монтаньяров. — 215.
- Дауэс* (Dawes) Чарльз (род. в 1865 г.) — генерал, американский юрист, специалист по финансовым вопросам; республиканец. Вице-президент США с 1925 по 1929 г. Автор «плана Дауэса», установившего новый порядок взимания с Германии репараций. План Дауэса проводился в жизнь с октября 1924 г. по май 1930 г. — 69, 80, 87, 89, 99, 100, 101, 105, 106, 110, 117, 119, 122, 140—142, 146, 156, 158, 159, 160—162, 164, 242.
- Де Голль Шарль* — см. Голль де.
- Демулен* (Desmoulins) Камилл (1760—1794) — деятель эпохи Французской революции, журналист. — 215.
- Дерби* (Derby) Эдуард Джордж (род. в 1865 г.) — английский политический деятель, военный министр в 1916—1918 и 1922—1924 гг. Посол в Париже в 1918—1920 гг. — 91, 95.
- Дестикер* (Desticker) Пьер-Анри — французский генерал. — 122.

Дортен (Dorten) Адам (род. в 1880 г.) — один из руководителей сепаратистского движения в Рейнской области в 1918—1919 гг. — 82, 224.

Дэвис (Davis) Норман — американский дипломат, финансовый эксперт Соединённых Штатов в период Парижской мирной конференции. Помощник министра финансов и заместитель государственного секретаря Соединённых Штатов в 1920—1921 гг. — 132, 135.

Ж

Жаспар (Jaspar) Анри — бельгийский политический деятель. С 1919 г. неоднократно занимал министерские посты. Представитель Бельгии в Верховном экономическом совете в 1919 г. и в Верховном совете в 1920 г. С 1926 по 1931 г. трижды занимал пост премьер-министра. — 77.

Жеро (Géraud) Шарль-Андре (род. в 1882 г.) — французский публицист, псевдоним «Пертинакс». — 200, 282.

Жорес (Jaurès) Жан (1859—1914) — французский политический деятель, лидер социалистической партии. Убит в июле 1914 г. террористом-реакционером. — 177.

Жувенель (Jouvenel) Анри, де — французский политический деятель и публицист, сенатор, министр просвещения в кабинете Пуанкаре в 1924 г. — 129.

Жюссеран (Jusserand) Жан-Анриен (1855—1932) — французский дипломат и писатель. Посол в США с 1902 по 1925 г. — 119.

И

Иден (Eden) Роберт-Антони (род. в 1897 г.) — английский государственный деятель. Член парламента с 1923 г. Министр иностранных дел с 1935 по 1938 г. В 1939 г. — министр по делам доминионов. В кабинете Черчилля вначале военный министр, с декабря 1940 г. по 1945 г. министр иностранных дел. В ноябре 1942 г. избран лидером палаты общин. Принимал участие в Московской, Тегеранской, Крымской и Берлинской конференциях. — 193.

Извольский Александр Петрович (1856—1919) — русский дипломат, неоднократно занимал дипломатические посты за границей. С 1906 по 1910 г. министр иностранных дел; с 1910 по 1917 г. посол в Париже. — 216.

К

Камбон (Cambon) Жюль (1845—1935) — французский дипломат. Неоднократно занимал дипломатические посты (в Вашингтоне, в Мадриде), с 1907 по 1914 г. посол в Берлине; с 1915 г. генеральный секретарь министерства иностранных дел; в 1919 г. член французской делегации на Парижской мирной конференции; в 1923 г. председатель конференции послов в Париже. — 154, 169, 228, 255, 278.

Камбон (Cambon) Поль (1843—1924) — французский дипломат. С 1891 по 1898 г. посол в Константинополе; с 1898 по 1920 г. посол в Лондоне. — 215, 217.

- Капп** (Kapp) Вольфганг (1868—1922) — основатель реакционной партии «Фатерляндспартай» в Германии (1917—1918 гг.). 13 марта 1920 г., совместно с группой офицеров рейхсвера, поднял мятеж и изгнал правительство из Берлина. 17 марта путч Каппа был подавлен берлинскими рабочими. — 90.
- Карно** (Carnot) Лазар (1753—1823) — государственный и военный деятель эпохи Французской революции, организатор управления и снабжения французской армии. — 215.
- Кейнс** (Keynes) Джон-Майнард, лорд (род. в 1883 г.) — английский либеральный экономист, профессор. Член английской делегации на Парижской мирной конференции. Автор книги «Экономические последствия мира», вышедшей в 1919 г. — 53, 55—57.
- Келлог** (Kellogg) Франк-Биллингс — американский политический деятель, республиканец; с 1917 по 1923 г. — сенатор; с 1924 г. посол в Лондоне; государственный секретарь Соединённых Штатов с 1925 по 1929 г. Один из авторов пакта Бриана — Келлога. — 122, 270, 271.
- Кенлифф** (Kunliffe), лорд — английский банкир, финансовый эксперт, делегат на Парижской мирной конференции, член Репарационной комиссии. — 132, 134.
- Кеннеди** (Kennedy) Томас — английский журналист, лейборист. — 258.
- Керзон** (Curzon) Джордж-Натаниэль, лорд, маркиз Кэдлстон (1859—1925) — английский государственный деятель, консерватор. В 1915 г. в коалиционном кабинете Асквита лорд хранитель печати, с 1916 г. в кабинете Ллойд Джорджа лорд председатель совета и член военного кабинета; с 1919 по 1924 г. министр иностранных дел, с 1924 г. лорд председатель совета. — 62, 67—69, 85, 86, 88, 95, 117, 140, 145, 148, 173, 237, 241, 249, 263.
- Керр** (Kerr) Филипп-Генри, впоследствии лорд Лотниан (1882—1940) — английский политический деятель, либерал. В 1916—1921 гг. секретарь премьер-министра Ллойд Джорджа. Один из сторонников политики «умиротворения» агрессоров. Английский посол в Вашингтоне с 1939 по 1940 г. — 95, 218, 219, 228, 238, 278.
- Клемансо** (Clemenceau) Жорж-Эжен-Бенжамен (1841—1929) — французский государственный деятель, радикал-социалист. Неоднократно занимал министерские посты и пост премьер-министра. С 1917 по 1920 г. премьер-министр и военный министр. Председатель Парижской мирной конференции. — 2, 11, 19, 26, 27, 30, 36, 37, 43—51, 56, 60, 67, 107, 132, 137, 168—170, 178, 179, 185, 186, 188, 217—219, 221—225, 228—231, 233—235, 240, 241, 244, 246, 276, 278, 279.
- Клоц** (Clotz) Луи-Люсьен (1868—1930) — французский финансист. Занимал неоднократно министерские посты. С 1917 по 1920 г. — министр финансов. Член французской делегации на Парижской мирной конференции. — 89, 90, 94, 132, 133, 148, 154, 155, 167.
- Кот** (Cot) Пьер (род. в 1895 г.) — французский министр авиации в 1933—1934 гг. и в 1936—1938 гг. Министр торговли в 1938 г. Член консультативной Ассамблеи с 1943 г. — 213.
- Кулидж** (Coolidge) Кальвин (1872—1933) — американский государственный деятель, республиканец. В 1921 г. избран вице-прези-

дентом Соединённых Штатов. С 1923 г., после смерти президента Гардинга, занял пост президента. Переизбран президентом на срок с 4 марта 1925 г. по 3 марта 1929 г. — 118.

Курциус (Curtius) Эрнест-Роберт (род. в 1886 г.) — немецкий либеральный историк. — 13.

Л

Лаббе (Labbé) Пьер — иезуит. — 214.

Лансинг (Lansing) Роберт (1864—1928) — американский государственный деятель, демократ. С 1915 по 1920 г. государственный секретарь Соединённых Штатов. Член американской делегации на Парижской мирной конференции. — 18, 20, 131, 166, 178.

Лапридель (Lapradelle) Альберт-Жоффе, де (род. в 1871 г.) — французский юрист, профессор. — 56.

Ласки (Laski) Гарольд (род. в 1893 г.) — английский политический деятель, лейборист, профессор. Председатель Исполкома лейбористской партии (1945 г.). — 63.

Лейн (Lane) Франклин К. (1864—1921) — американский политический деятель. С 1913 по 1920 г. министр внутренних дел Соединённых Штатов. — 18.

Левёвр (Lefèvre) Андре (1869—1929) — французский политический деятель. В 1920 г. военный министр и министр иностранных дел в кабинетах Мильерана и Лейга. В 1922 г. вице-президент палаты депутатов. — 180.

Лиджетт (Liggett) Хантер — американский генерал, в 1919 г. командующий американскими войсками в Кобленце. — 224.

Лихтенбергер (Lichtenberger) Анри — французский учёный, профессор истории немецкой литературы. — 12.

Ллойд Джордж (Lloyd George) Давид (1863—1945) — английский государственный деятель, один из лидеров либеральной партии. С 1905 г. неоднократно занимал министерские посты, с 1916 по 1922 г. премьер-министр. Глава английской делегации на Парижской мирной конференции. — 9—11, 19, 23—26, 30, 37—39, 43—47, 51, 52, 59—61, 66, 67, 77, 91, 92, 95, 109—111, 113—116, 132—138, 143, 147, 149, 151, 154, 166, 168, 170, 177—179, 185, 194, 196, 201, 218, 219, 221—223, 225, 228, 229, 231, 233—235, 239—241, 244, 251, 266, 275, 276, 279.

Лодж (Lodge) Генри-Кэбот (1850—1924) — американский сенатор с 1893 по 1924 г., республиканец. В 1919 г. — председатель сенатской комиссии по иностранным делам. Делегат на Вашингтонской конференции в 1921—1922 гг. — 51.

Лушер (Loucheur) Луи — французский политический деятель. С сентября 1917 по 1920 г. сначала министр военных снабжений, затем министр продовольствия; с 1921 по 1922 г. министр реконструкции; в 1924 г. министр торговли; с 1924 г. один из французских делегатов в Лиге наций. — 81, 82, 93, 97, 132, 149, 157, 158, 166, 167.

Людendorff (Ludendorff) Эрих (1865—1937) — генерал, обер-квартир-

мейстер германской главной квартиры во время первой мировой войны, соучастник мюнхенского путча Гитлера в 1923 г. — 15—17.

М

- Макдональд** (MacDonald) Джеймс-Рамзей (1866—1937) — английский политический деятель, был лидером лейбористской партии, премьер-министр и министр иностранных дел в 1924 г., премьер-министр в 1929—1931 гг.; премьер-министр в «национальном правительстве» в 1931 г. и во втором национальном правительстве в 1931—1935 гг. — 53, 67, 69, 71, 87, 100, 110, 120, 122, 182, 187, 191, 197, 211, 213, 252, 256, 259.
- Мак-Кенна** (McKenna) Реджинальд (1863—1940) — английский политический деятель, либерал, специалист по финансовым вопросам. Занимал неоднократно министерские посты. В 1915—1916 гг. министр финансов. В 1924 г. делегат Великобритании в комиссии экспертов по определению платёжеспособности Германии (план Дауэса). — 54.
- Макс Баденский** (Max von Baden), принц (1867—1929) — с 3 октября по 5 ноября 1918 г. германский канцлер; на стр. 15 Джордан ошибочно указывает, что Макс Баденский был назначен канцлером за три дня до отправки ноты от 3 октября. — 15—17.
- Макфайден** (McFadyen) Эндрю (род. в 1887 г.) — английский экономист. Секретарь британской делегации в Репарационной комиссии в 1922—1924 гг. и комиссии по проведению в жизнь плана Дауэса в 1925 г. — 162.
- Манжен** (Mangin) Шарль (1866—1925) — французский генерал. Во время первой мировой войны занимал руководящие военные посты. С 1921 г. был членом Верховного военного совета. — 224.
- Манту** (Mantoux) Поль-Жозеф (род. в 1877 г.) — французский учёный, историк. Во время первой мировой войны был переводчиком при Верховном военном совете союзников. В 1918—1919 гг. секретарь и эксперт-переводчик на Парижской мирной конференции. — 43.
- Маркс** (Marx) Вильгельм — рейхсканцлер Германии в 1923—1924 гг. — 122.
- Масарик** (Masaryk) Томаш-Гарриг (1850—1937) — чехословацкий государственный деятель. Руководитель чехословацкого национально-освободительного движения. В 1918 г. избран президентом; переизбирался в 1920, 1927 и 1934 гг. В 1935 г. вышел в отставку. — 282.
- Мизес** (Mezes) Сидней — американский учёный, глава исследовательской комиссии по подготовке проекта Лиги наций; член делегации Соединённых Штатов на Парижской мирной конференции. — 218, 219, 278.
- Мильтеран** (Millerand) Александр — французский государственный деятель, занимал ряд министерских постов. В 1919 г. генерал-губернатор Эльзас-Лотарингии; в 1920 г. премьер-министр и военный министр; с сентября 1920 г. — президент. В 1924 г. вышел до срока в отставку в результате настояний левого блока в парламенте. — 67, 76, 91, 95, 109, 110, 112, 147, 149.

- Мильнер* (Milner) Альфред, лорд (1854—1925) — английский политический деятель, занимал ряд государственных и министерских постов. В 1916 г. — вошёл в кабинет Ллойд Джорджа в качестве министра без портфеля. В декабре 1917 г. от имени Великобритании подписал с Клемансо «Соглашение о разделе сфер влияния в России». В 1918—1919 гг. военный министр, в 1919—1921 гг. — министр колоний. — 24—26, 36, 166.
- Мордак* (Mordacq) — французский генерал, начальник военной канцелярии Клемансо в 1919 г. — 221, 232, 233.
- Морель* (Morell) Эдмунд (1873—1924) — английский радикальный политический деятель и журналист. — 53, 67.
- Морроу* (Morrow) Дуайт — американский публицист, автор исследования о польско-германской границе и других книг о Германии. — 279.
- Мотт* (Mott) Томас-Бентли — американский полковник. В 1918 г. сотрудник генерала Першинга, в 1919 г. военный атташе американского посольства в Париже. — 32.
- Мэнсдорф* (Mensdorff) Альберт, граф — австрийский дипломат, посол в Англии с 1904 по 1914 г. Глава австрийской делегации в Лиге наций в 1920 г. — 274.
- Мюллер* (Müller) Герман (1876—1931) — германский социал-демократ. В 1919 г. министр иностранных дел в кабинете Бауэра; в 1920 и в 1928 гг. рейхсканцлер Германии. — 105, 106.

И

- Нойес* (Noyes) Пьерпон — представитель Соединённых Штатов в Межсоюзной Рейнской комиссии. — 81 — 83, 224.

О

- Обер* (Aubert) — французский эксперт в комиссии по сухопутному вооружению в 1932 г. — 211.
- Орландо* (Orlando) Витторио-Эмануэле (род. в 1860 г.) — итальянский государственный деятель, неоднократно занимал министерские посты. С 1917 по 1919 г. премьер-министр, глава итальянской делегации на Парижской мирной конференции. — 19, 37, 43, 185.

П

- Пальмерстон* (Palmerston) Генри-Джон (1784—1865) — английский государственный деятель и дипломат. Неоднократно занимал министерские посты (сначала в кабинетах тори, затем вигов). С 1830 до 1851 г. министр иностранных дел, с 1855 г. премьер-министр. — 2.
- Папен* (Papen) Франц — германский дипломат и диверсант, рейхсканцлер Германии с 30 мая 1932 г. по 30 января 1933 г. — 190.
- Патэ* (Paté) Анри — в 1919 г. докладчик по военным вопросам во французской палате депутатов. — 186.

- Пенлеве* (Painlevé) Поль (1863—1933) — французский политический деятель. Со времени первой мировой войны неоднократно занимал министерские посты, дважды (в 1917 и 1925 гг.) премьер-министр. — 11.
- Перси* (Percy) Юстас (род. в 1887 г.) — английский дипломат. — 57.
- Першинг* (Pershing) Джон-Джозеф — американский генерал. С 1917 по 1919 г. главнокомандующий американскими экспедиционными силами в Европе. В 1921 г. начальник Генерального штаба Соединённых Штатов. — 26, 27, 31, 32, 224.
- Петэн* (Pétain) Анри-Филипп (род. в 1856 г.), — бывший маршал Франции. Во время мировой войны занимал военные командные посты. В 1940 г. совершил фашистский переворот и подписал перемирие с Гитлером, предав Францию. В 1945 г. за измену родине приговорён к смертной казни Верховным судом Французской республики. — 26—29, 31.
- Пишон* (Pichon) Стефан (1857—1933) — французский политический деятель. В период с 1906 по 1920 г. неоднократно занимал пост министра иностранных дел. Член французской делегации на Парижской мирной конференции. В 1920 г. председатель Совета Лиги наций. — 19, 277, 278.
- Политис* (Politis) Жан (род. в 1890 г.) — греческий государственный деятель и дипломат, неоднократно занимал министерские и дипломатические посты (в Германии, Норвегии, Швеции, Польше и др.). — 254.
- Поль Бонкур* — см. Бонкур Поль.
- Пуанкаре* (Poincaré) Раймонд (1860—1934) — французский государственный деятель. Неоднократно занимал министерские посты и пост премьер-министра. Президент Франции с 1913 по 1920 г. В 1920 г. (после истечения срока президентских полномочий) — председатель Репарационной комиссии. — 27, 59, 67—69, 79, 88, 89, 93, 98, 104, 105, 116, 118, 119, 140, 149—151, 156, 158, 162—165, 235, 236, 237, 241, 246.

Р

- Ратенау* (Rathenau) Вальтер (1867—1922) — германский политический деятель. В 1922 г. министр иностранных дел. Убит германскими националистами. — 110, 224.
- Рейтер* (Reuter) М. — посланник Люксембурга во Франции. — 230.
- Ришельё* (Richelieu) Арман-Жан дю Плесси (1585—1642) — герцог, кардинал. Французский государственный деятель. Всесильный первый министр короля Людовика XIII с 1624 по 1642 г. — 214.
- Робеспьер* (Robespierre) Максимилиан (1758—1794) — один из выдающихся деятелей Французской революции, вождь партии монтаньяров; казнён в результате термидорианского переворота. — 215.
- Рутгеро* (Rutgers) Виктор-Генри — голландский юрист, занимал министерские посты, делегат в Лиге наций, представитель в Подготовительной комиссии по разоружению в 1932 г. — 265.

С

- Саймон** (Simon) Джон (род. в 1873 г.) — английский политический деятель. Лидер национал-либералов. Неоднократно занимал министерские посты. В 1931—1935 гг. министр иностранных дел. — 106, 192, 205, 207, 250.
- Сарайль** (Sarraill) — французский генерал. — 232.
- Сейду** (Seydoux) Жак — французский эксперт по репарационным вопросам, представитель на совещаниях экспертов в 1920—1921 гг. — 103, 146, 158.
- Сеймур** (Seymour) Чарльз (род. в 1885 г.) — американский учёный, профессор истории. Член американской делегации на Парижской мирной конференции. — 36.
- Сент-Олер** (St. Aulaire) Эгюст-Феликс — французский дипломат, неоднократно занимал дипломатические посты в ряде стран; в 1920—1924 гг. посол в Лондоне. — 165.
- Сект** (Seect) Ганс — немецкий генерал, организатор рейхсвера, стоял во главе рейхсвера с 1920 по 1926 г. — 112, 180.
- Сесиль** (Cecil) Эдгар-Альджернон-Роберт (род. в 1864 г.) — английский политический деятель, консерватор. Занимал несколько раз министерские посты. Член делегации Великобритании на Парижской мирной конференции. Неоднократно был представителем Англии в Лиге наций. — 71, 81, 82, 97, 207, 211, 253.
- Симонс** (Simons) Вальтер — германский политический деятель, занимал министерские посты. В 1919 г. член германской мирной делегации в Версале. С 1920 по 1921 г. министр иностранных дел. — 114.
- Смэтс** (Smuts) Ян-Христиан (род. в 1870 г.) — фельдмаршал, государственный деятель Южно-Африканского Союза, занимал неоднократно министерские посты и пост премьер-министра. В 1917—1918 гг. член имперского военного кабинета Великобритании. Делегат на Парижской мирной конференции. С 1939 г. премьер-министр, министр иностранных дел и министр обороны Южно-Африканского Союза. — 136, 263, 274.
- Сноуден** (Snowden) Филипп (1864—1937) — английский политический деятель, лейборист; занимал министерские посты в 1924, 1929—1931, 1931—1932 гг. — 106, 120—122, 141.
- Солтер** (Salter) Джеймс-Артур (род. в 1881 г.) — английский экономист. Занимал ряд правительственных должностей, член парламента. Директор экономической и финансовой секции Лиги наций в 1922—1930 гг. — 129.
- Соннино** (Sonnino) Сидней-Константинно, барон (1847—1922) — итальянский государственный деятель. Премьер-министр в 1906, 1909—1910 гг., министр иностранных дел с 1914 по 1919 г. Член итальянской делегации на Парижской мирной конференции. — 19, 23.
- Сорель** (Sorel) Альберт (1842—1906) — французский историк, специалист по истории дипломатии и международных отношений. — 214.

- Спирс* (Spears) Эдвард — английский бригадный генерал, глава английской военной миссии в Париже в 1917—1920 гг. — 232.
- Стиннес* (Stinnes) Гуго (1870—1924) — крупный германский предприниматель, член реакционной «народной партии». — 112, 156.
- Сэмнер* (Sumner) Бенедикт-Готфрид — член делегации Великобритании на Парижской мирной конференции. — 132.
- Сэмюэль* (Samuel) Герберт — английский политический деятель, либерал, министр внутренних дел в 1916 и 1931—1932 гг. Специальный британский уполномоченный в Бельгии в 1919 г. — 273.

Т

- Тардьё* (Tardieu) Андре (1876—1941) — французский политический деятель, реакционный публицист (псевдоним Жорж Вилье). Во время первой мировой войны член генерального штаба Жоффра. Уполномоченный Франции в Соединённых Штатах в 1916—1918 гг. В 1918 г. министр освобождённых областей. Член делегации на Парижской мирной конференции. Премьер-министр в 1931—1933 гг. — 51, 166, 185, 186, 210, 211, 216, 218, 219, 228, 232, 235, 238, 253, 256, 265, 278.
- Темперли* (Temperley) А. С. — английский генерал. — 106.
- Теунис* (Theunis) Жорж (род. в 1873 г.) — бельгийский политический деятель, член католической партии. В 1920 г. министр финансов; в 1921—1925 гг. премьер-министр; в дальнейшем занимал как министерские посты, так и пост премьер-министра. — 120.
- Тома* (Thomas) Альбер (1878—1932) — французский политический деятель, социалист. Во время первой мировой войны министр вооружений; с 1920 г. директор Международного бюро труда. — 49, 50.
- Твист* (Twiss) — английский генерал. — 81.

У

- Уайт* (White) Генри (1850—1927) — американский дипломат, член делегации на Парижской мирной конференции. — 47.
- Уимисс* (Wemyss) Росли — английский адмирал, первый морской лорд в период первой мировой войны. — 25, 38, 39, 167, 168.
- Уэллс* (Wells) Герберт-Джордж (род. в 1866 г.) — известный английский писатель. — 10.

Ф

- Фабри* (Fabry) Жан — французский журналист. Член палаты депутатов с 1919 г. В 1934 г. военный министр в кабинете Даладьё. — 251.
- Ференбах* (Ferenbach) Константин (1852—1926) — германский политический деятель. Член партии центра. В 1920—1921 гг. рейхсканцлер Германии. — 111.
- Филлимор* (Phillimore) Уолтер — английский политический деятель. В 1918 г. председатель английской комиссии по разработке проекта Лиги наций. — 253, 254, 260.

- Фланден** (Flandin) Пьер-Этьен (род. в 1889 г.) — реакционный французский политический деятель, неоднократно занимал министерские посты, премьер-министр в 1934—1935 гг.—243.
- Флёри** (Fleury) Андре-Эркуль (1653—1743) — французский государственный деятель. С 1723 г. фактически правил страной. — 214.
- Фох** (Foch) Фердинанд (1851—1929) — маршал Франции. В 1917 г. начальник генштаба; с марта 1918 г. главнокомандующий союзными вооружёнными силами. Член делегации на Парижской мирной конференции. — 2, 22, 23, 26—38, 40, 47, 48, 82, 97, 122, 166, 168, 169, 176—179, 184, 185, 193, 217, 221, 228, 231—233, 236, 244, 246.
- Фрейзир** (Frazier) Артур-Хью (1868—1936) — американский дипломат. В 1918 г. входил в Верховный военный совет союзников.—22.

X

- Хауз** (House) Эдуард-Мандел (1858—1938) — полковник, американский политический деятель. В 1914—1916 гг. личный представитель президента Вильсона; в 1917 г. представитель Соединённых Штатов на Межсоюзной конференции премьер-министров и министров иностранных дел в Париже; член делегации Соединённых Штатов на Парижской мирной конференции. «Архив полковника Хауза» издан в 4 томах на русском языке. — 14, 18, 19, 24, 33, 36, 37, 38, 42—45, 132, 133, 168, 218, 219, 220, 221, 229, 235.
- Хедлэм-Морли** (Headlam-Morley) Джеймс — английский историк. С 1917 г. помощник директора Бюро политической разведки, член делегации Великобритании на Парижской мирной конференции, консультант английского министерства иностранных дел по вопросам истории. — 7, 239, 244, 246, 285.
- Холден** (Haldane) Ричард-Бердон — английский политический деятель, либерал. В 1905—1912 гг. военный министр; в 1912—1915 гг. лорд-канцлер; в 1924 г. лорд-канцлер в кабинете Макдональда. — 180, 250.
- Хорн** (Horne) Роберт-Стивенсон — английский политический деятель, консерватор. С 1919 по 1920 г. министр труда; в 1921—1922 г. канцлер казначейства. — 149.
- Хейг** (Haig) Дуглас (1861—1928) — английский маршал, главнокомандующий английской экспедиционной армией во Франции с 1915 по 1918 г. — 23—31, 35—38.
- Хэнки** (Hankey) Морис, лорд (род. в 1877 г.) — секретарь британской делегации на Парижской мирной конференции; принимал участие в Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. и Генуэзской конференции 1922 г. Секретарь имперского военного кабинета в годы второй мировой войны. — 43, 128, 129, 214.

Ч

- Чемберлен** (Chamberlain) Остин (1863—1937) — английский государственный деятель, консерватор. Неоднократно занимал министерские посты. Член военного кабинета в 1918—1919 гг. Министр иностранных дел с 1924 по 1929 г. —70—73, 77, 94, 103, 104, 110, 123—127, 174, 189, 203, 235, 238, 240, 242, 243, 260, 266, 284.

III

Шлиффен (Schlieffen) Альфред (1833—1913) — немецкий генерал-фельдмаршал, начальник генерального штаба с 1891 по 1906 г. Разработал план, предусматривавший ведение войны на два фронта. — 226.

Штрезман (Stresemann) Густав (1878—1929) — германский государственный деятель. С августа по ноябрь 1923 г. германский рейхсканцлер; с 1923 по 1929 г. министр иностранных дел. — 71—73, 78, 105, 106, 121—124, 126, 127, 156, 173, 174, 182, 183, 187, 242, 285.

Э

Эррио (Herriot) Эдуард (род. в 1872 г.) — французский государственный деятель, радикал-социалист; историк литературы. Неоднократно занимал правительственные должности и министерские посты. Премьер-министр с 1924 по 1925 г., в июле 1926 г. и в 1932 г. В 1945 г. освобождён из гитлеровского плена войсками Красной Армии. — 69, 71, 72, 88, 101, 119, 120, 122, 123, 150, 182, 187, 190, 210, 212, 213, 237, 253, 256, 270, 271.

Эшер (Escher), лорд. — 207, 214.

Ю

Юз (Hughes) Чарльз-Эванс — американский политический деятель. С 1921 по 1925 г. государственный секретарь Соединённых Штатов. Председатель Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. — 117—119, 152.

Юнг (Joung) Оуэн — американский юрист, экономист, эксперт на Лондонской конференции 1924 г., обсуждавшей «план Дауэса». Председатель комитета экспертов по репарационному вопросу в 1929 г., автор «плана Юнга», утверждённого в 1930 г. — 105, 106, 141, 156.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Вступительная статья Б. Е. Штейна</i>	III
Введение профессора Ч. К. Вебстера	1
Предисловие автора	4
<i>Глава I.</i> Концепции мира: 1914—1918 гг.	6
<i>Глава II.</i> Перемирие и мир: значение военных условий	21
<i>Глава III.</i> Мирная конференция и мирный договор	42
<i>Глава IV.</i> Превращения и перемены в политике и в общественном мнении 1920—1930 гг.	58
<i>Глава V.</i> Органы межсоюзного сотрудничества	74
<i>Глава VI.</i> Реализация Версальского договора	85
<i>Глава VII.</i> Примирение с помощью конференций	100
<i>Глава VIII.</i> История репараций	131
<i>Глава IX.</i> Репарации: факторы разногласий	142
<i>Глава X.</i> Репарации: проблема гарантий	153
<i>Глава XI.</i> На путях к разоружению	166
<i>Глава XII.</i> Проблемы разоружения Германии	176
<i>Глава XIII.</i> Вооружения и национальная оборона	195
<i>Глава XIV.</i> Рейнская область в англо-французских отношениях в 1919 г.	214
<i>Глава XV.</i> Безопасность: вопрос о стратегической границе Франции	225
<i>Глава XVI.</i> Безопасность: анализ политических гарантий	243
<i>Глава XVII.</i> Европейская система	272
<i>Важнейшие сокращения названий книг</i>	287
<i>Указатель имен</i>	289

Редактор *Л. Телешева*

Подписано к печати 24 августа 1945 г. А21812.
Объем 20^{1/2} п. л. Тираж 25 000 экз. Заказ № 5727.
Цена 7 р. 50 к.

1-я Образцовая типография треста «Полиграфнига»
Огиза при СНК РСФСР.
Москва, Валовая, 28.

ДЖОРДАН